РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

Къ отшедшимъ дѣятелямъ Исторіи слѣдуетъ относиться съ тѣмъ же чувствомъ, какое испытываешь при входѣ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ.

(Слова Т. Н. Грановскаго)

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

Тетрадь третья.

МОСКВА.

1874.

(Содержаніе см. на оборотѣ)

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЕЙ ТЕТРАДИ
РУССКАГО АРХИВА
1874 ГОДА.

КНИГА ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ КОМНАТНЫХЪ ДЕНЕГЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ПЕРВОЙ.

(За 1723—1725 годы).

Драгоцѣнная книга эта найдена въ подлинникѣ усерднымъ хранителемъ и неутомимымъ разслѣдывателемъ рукописныхъ сокровищъ Русской исторіи, устроителемъ и начальникомъ Московскаго Дворцоваго Архива, Г. В. Есиповымъ *). Мы называемъ эту книгу драгоцѣнною: ибо „идѣ же сокровище ваше, ту и сердце ваше“, и по тому, на что́ мы тратимъ деньги, опредѣляется наша дѣятельность и нашъ характеръ. Въ нижеслѣдующемъ сухомъ перечнѣ издержанныхъ червонцевъ, нагляднѣе и несомнѣннѣе всякихъ описаній, выступаетъ

> Чудотворца-исполина
> Чернобровая жена.

Если бы царю Алексѣю Михаиловичу кто-либо сказалъ, что не пройдетъ пятидесяти лѣтъ отъ его кончины, и на его мѣстѣ, въ Успенскомъ соборѣ, сядетъ безвѣстная женщина Жмудянка, бывшая раба Польскаго шляхтича, то благочестивый государь, при всей своей наклонности вѣровать въ чудеса, счелъ бы такое предсказаніе бредомъ дерзкаго воображенія. Такъ глубока и рѣшительна была революція, произведенная въ Русскомъ обществѣ Петромъ Великимъ. Тѣмъ не менѣе смѣшно бы думать, что такое явленіе произошло лишь по прихоти властелина Русскихъ судебъ. Нужно было много нравственной силы и добрыхъ качествъ для женщины, не знавшей грамоты, чтобы вынести такой сказочный успѣхъ, чтобы, очутившись на такой высотѣ, держать себя на ней съ подобающимъ достоинствомъ. Записная книга, ниже помѣщаемая, свидѣтельствуетъ, что императрица Екатерина I-я имѣла много этихъ качествъ. Добрая дѣятельная хозяйка нужна была великому трудолюбцу Русской земли.

П. Б.

*) Помѣщеніе для этого вновь образованнаго архива устроено въ Троицкой башнѣ Московскаго Кремля. Это новая услуга нынѣшняго царствованія дѣлу отечественной исторіи. *П. Б.*

I. КНИГА ПРИХОДА И РАСХОДА ЧЕРВОННЫХЪ.

ПРИХОДЪ.

1723 г. Мая въ 29 день. Принято отъ Петра Мошкова *) 50 червонныхъ.

— Іюня 26 отъ Петра Мошкова 50 черв.

— Іюля 2-го Отъ него же.

— Августа 28. Отъ него же

— Сентября 25. Отъ него же

(по сту черв.)

— Ноября 7. Отъ него же 50 черв.

— Ноября 27. Отъ него же 100 черв.

*) Это тотъ надворный интендантъ или главный дворцовый управитель, бывшій почти во все царствованіе Петра «у надзиранія всякихъ вещей, комнатныхъ уборовъ, денежной казны и устроеніевъ царскихъ домовъ», Петръ Ивановичъ Мошковъ, память о которомъ осталась въ названіи переулка близь Зимняго Дворца. См. письма къ нему въ Р. Архивѣ 1868 года, стр. 1861. *П. Б.*

— Декабря 7. Отъ него же
— Декабря 14. Отъ него же } по сту черв.

— Декабря 24. Отъ него же 200 черв.

1724. г. Генваря 25. Отъ него же
— Февраля 12. Отъ него же. } по сту черв.

— Февраля 17. Отъ него же для походу къ марціальнымъ водамъ за его величествомъ 1000 черв.

— Апрѣля 9. Ея величеству государынѣ императрицѣ етманская жена поднесла 991 черв.

— Мая 8. Послѣ коронаціи ея величества, поднесли купецкіе люди отъ магистрату главнаго 1200 черв. Новгородскаго магистрата 100 чер. Ярославскаго магистрата 200 черв.

— Декабря 27. Принято отъ Петра Мошкова для расходовъ въ С.-Петербургѣ 100 черв.

1725. г. Апрѣля 28. Отъ него же
— Іюля 15. Отъ него же
— Іюля 21. Отъ него же } по сту черв.

— Августа 1. Отъ него же 100 черв. для расплаты долговъ.

— Августа 17. Отъ него же 200 черв.

— Октября 23. Отъ него же
Ноября 14. Отъ него же } по сту черв.

(И того въ два года и пять мѣсяцевъ 5541 червонецъ)

РАСХОДЪ.

Май.

въ 31 д. Ея величество изволила быть въ своемъ огородѣ *), и были тутъ волторнисты господина Ягужинскаго два человѣка; дано онымъ четыре червонныхъ.

Іюнь.

въ 4 д. Приводилъ отъ царицы Прасковьи Ѳедоровны господинъ Насѣчкинъ къ ея высочеству государынѣ цесаревнѣ Натальѣ Петровнѣ лошадку маленькую, дано оному три червонныхъ.

въ 7 д. Въ Питергофѣ изволили ихъ величество гулять въ новомъ домѣ и стряпали на кухнѣ сами; дано поварамъ Алексѣю Волку съ товарищи 6 червонныхъ для обновленія поварни.

въ 8 д. Въ Питергофѣ дано за поднось именининаго калача пѣвчему ея величества Ѳедору Дьякову одинъ червонной.

въ 13 д. Въ Питергофѣ дано за поднось именининаго калача Преображенскому полку солдатской дочери Акулинѣ Васильевой одинъ червонной. Того же числа въ Питергофѣ дано двумъ трубачамъ: Якову Векстерѣ, Карлу Голштетѣ, которые при ихъ величествѣ въ Питергофѣ, по пяти червонныхъ.

---

*) Сады еще очень долго назывались огородами. Этимъ именемъ называется въ 1757 году садъ Палерояля въ Парижѣ, въ письмахъ Бехтѣева, человѣка вполнѣ образованнаго. См. Архивъ Князя Воронцова кн. 6-я. *П. Б.*

Того же числа дано двумъ волторнистамъ ея величества по пяти червонныхъ.

въ 14 д. Въ Стрѣлиной мызѣ дано садовнику Брокету за подносъ цвѣтовъ три червонныхъ.

въ 16 д. Изволили ихъ величество быть въ зимнемъ домѣ и смотрѣли суки Левины дѣтей, дано псарю Исаю 7 червонныхъ.

въ 20 д. Изволили ея величество быть у генерала адмирала Апраксина въ огородѣ, дано за подносъ цвѣтовъ садовнику 6 червонныхъ.

въ 21 д. Дано садовнику Матису за подносъ огурцовъ изъ огороду ея величества 2 черв.

въ 24 д. Изволила ея величество быть въ своемъ огородѣ: дано садовнику Ивану Яковлеву 5 черв; да садовникамъ же 6-ти человѣкамъ, которые при немъ въ наукѣ, по 1 червонному; садовнику Якубу Трифонову, чтó у него родила жена двухъ сыновей, дано 2 червонныхъ.

въ 25 д. Дано комнаты ея величества дѣвушкѣ Устиньѣ Петровой 10 черв., которые взяты у нея заимно для дачи господину Чевкину, какъ ея величество изволила быть у него воспріемницею.

въ 28 д. Былъ спускъ баржи ея величества, при которомъ спускѣ изволила ея величество быть и на оной баржѣ изволила прибыть въ лѣтній домъ.

Дано квартермистру Родіону Рулёву 5 червонныхъ, да 12-ти гребцамъ по 1-му черв.

Іюль.

въ 1 д. На Котлинѣ острову на кораблѣ „Екатеринѣ" дано Григорію Будакову 3 черв. за „Фавриткинъ" *).

въ 3 д. Въ Питергофѣ игралъ часовой мастеръ Ѳистеръ на хрустальныхъ колоколахъ, дано ему 4 черв.

— Дано двумъ дѣвкамъ, чтó въ Петергофскихъ домахъ живутъ, по одному черв.

въ 4 д. Въ Катриенгофѣ дано Катерингофской попадьѣ Марѳѣ Андреевой за подносъ именинная калача 1 черв.

— Стрѣлку Ермолаю дано 1 чер.

въ 16 д. Дано садовнику Улфу Удофельтъ 5 чер., которой изъ Дубковъ привезъ салатъ рѣдьку въ домъ ихъ величествѣ.

— Дано его величества садовнику Корнелю Шредеру 3 черв.

въ 17 д. Были воспріемницами государыни цесаревны Анна Петровна и Елисафета Петровна, крестили двухъ дѣвокъ, которыя взяты у Черкесъ; нарекли онымъ имя: Наталья Иванова, да Анна Дмитріева. Дано онымъ по 5 черв., да священнику Исакіевскому Якову, который былъ при томъ дѣйствѣ, дано 3 черв.

въ 20 д. Въ Сарскомъ селѣ дано садовнику Яну Кашперту 10 черв. за приносъ овощей.

въ 22 д. Дано прикащицѣ села Сарскаго Катеринѣ Михайловой, женѣ Алексѣя Лукопёрова, въ

*) Названіе морскаго судна. *П. Б.*

бытность ея величества въ селѣ Сарскомъ, 16 черв.

въ 24 д. Дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капральскому сыну Михаилу Кондакову 5 черв., которой посылается для ученія въ Голандію.

— Дано солдатскому сыну Преображенскаго полку Никитѣ Жеребцову 5 черв. которой посылается для науки въ Амстердамъ.

Августъ.

въ 5 д. Въ бытность на Котлинѣ островѣ взятъ въ домъ ихъ величества иноземецъ Голандецъ съ куклами, дано ему 1 черв.

въ 8 д. Дано Голандцу за показанныя его штуки 2 черв.

въ 25 д. Приносилъ къ ея величеству государынѣ императрицѣ садовникъ Ягубусъ Трифоновъ малину изъ огорода ея величества, дано ему 1 черв.

въ 26 д. По указу ея величества государыни императрицы положено въ кошелёкъ новый, которой въ день тезоименитства ея высочества государынѣ цесаревнѣ Натальѣ Петровнѣ изволила пожаловать, 8 черв.

въ 29 д. Ея величества пѣвчему Ивану Лисину дано за подносъ имениннаго калача 1 черв.

въ 30 д. Дано двумъ садовникамъ, которые приходили изъ саду ея величества съ дынями и съ яблоками, по 3 черв.

— Ея величества пѣвчему Александру Иванову дано за подносъ имениннаго калача 1 червонной.

Сентябрь.

въ 9 д. Подносила ея величеству лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку солдатская жена Анна Михайлова именинный калачь; ей 2 черв.

въ 10 д. Принесъ къ ихъ величеству Стрѣленской садовникъ Денисъ Бракетъ винограду, грушъ и яблокъ; дано оному 5 черв.

въ 12 д. Дано дѣвицѣ Софьѣ Степановой дочери Рамбурховой *), которая жила прежде сего въ комнатѣ ихъ величества, 25 черв. золотыхъ на приданое.

— Ея величество государыня императрица изволила быть на родинахъ и на крестинахъ у князь Никиты Юрьевича Трубецкаго, у жены его въ 9 числѣ, и для онаго отдано въ комнату ея величества государынѣ императрицѣ 35 черв., которые взяла дѣвица Устинья Петрова.

въ 14 д. Дано Ивану Зварыкину на кафтанъ 10 черв.

— Дано Григорью Бутакову на кафтанъ 10 черв.

въ 21 д. Приносилъ къ ея величеству государынѣ императрицѣ отъ князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго Дмитрій Петровъ сынъ Мортковъ блюдо сливъ, дано ему 10 чер.

въ 26 д. Ея величество государыня императрица изволила быть на конюшенномъ дворѣ и смотрѣла Французскія кареты и какъ изволила выхо-

*) Степанъ Рамбурхъ обучалъ цесаревенъ танцамъ. *П. Б.*

дить изъ палаты постланъ былъ чехолъ. Дано Степану Чертову и Полянскому 10 черв.

— Дано Ивану Балакиреву за поднос именниннаго калача 3 черв.

— Дано его величества пѣвчему Льву Ростовцову за подносъ пряниковъ 1 чер.

въ 28 д. Былъ спускъ шнявы Фавриткинъ, при которомъ спускѣ изволила ея величество быть. Поднесъ посолъ Персидской ея величеству Персидскихъ парчей, кисей и овчинокъ, и по указу дано приносителямъ Персіянамъ двумъ, на оной шнявѣ, 20 червонныхъ.

Октябрь.

въ 5 д. На Котлинѣ острову дано Павлу Матвѣеву, которой посланъ въ Голандію для ученія, на всякую нужду, 5 черв.

въ 7 д. На Котлинѣ острову въ новомъ домѣ изволили ихъ величества смотрѣть кухни новой; дано поварамъ, хлѣбникамъ, скатертникамъ, Алексѣю Волку съ товарищи 10 черв., да за офицеровъ изволила пожаловать 3 черв.

— Дано на Котлинѣ острову кучеру Гаврилу Суханову 3 чер.

въ 9 д. Подносилъ ея величеству пѣвчій ея величества Яковъ маленькой именинной калачь, дано ему 1 черв.

— Дано черепаховому мастеру иноземцу Матису Новаковскому 10 черв.

въ 13 д. Подносилъ ея величеству Рижской бургомистръ Стелцынъ померанцы и прочіе фрукты; дано его служителямъ, которые приносили, двумъ по 3 черв.

въ 15 д. Дано пѣвчему ея величества Лукьяну Васильеву за подносъ именинаго калача 2 черв.

въ 19 д. Дано ея величества пѣвчему Ивану Петрову за подносъ имениннаго калача 3 черв.

въ 22 д. Дано за подносъ именинна-го калача повару Аверьяну Яковлеву 1 черв.

въ 16 д. Дано за подносъ имениннаго калача ея величества пѣвчему Дмитрію Анисимову 1 черв.

въ 27 д. Изволили ея величество смотрѣть гайдуковъ изъ разныхъ чиновъ 29 человѣкъ, да къ онымъ поставлены были три человѣка своихъ для свидѣтельства, которымъ дано всѣмъ по 1 черв.

въ 28 д. Дано Аѳонасью Андрѣеву сыну Кобылякову на платье 10 черв.

— Дано его величества садовнику Корнеліусу Шрейдеру за подносъ фруктовъ 5 черв.

Ноябрь.

въ 1 д. Дано рѣщику Егору Пирожкову, которой рѣзалъ собачку Фавриткинъ, 3 черв.

въ 12 д. Ея величество государыня императрица изволила быть воспріемницею у Платона Мусина-Пушкина дочери его; дано на крестины 25 черв., да протопопу Исакіевскому Алексѣю Грачу, которой притомъ въ дѣйствѣ былъ, 3 черв.

— Гайдуку Семену Попову дано 1 черв.

въ 13 д. Дано комнаты государыни цесаревны Анны Петровны, карлу Фролу Щепеткову 2 черв.

въ 24 д. Приводили слона для поздравленія ея величества. Дано онымъ приводителемъ 5 черв.

— Ея величество изволили пожаловать дѣвицѣ Аннѣ Краморъ 7 черв.

Декабрь.

въ 1 д. Государыни цесаревны изволили быть воспріемницами у Прокофія Мурзина, дано ихъ высочеству по 10 черв., да въ кашу бабкѣ 1 черв.

Ихъ высочества изволили быть воспріемницами Анны Ивановой дочери, жены Егора Дьякова, дано государынямъ цесаревнамъ для дачи оной по 10 черв.

въ 4 д. Изволила ея величество жаловать именинниковъ и именинницъ изъ своихъ ручекъ червонными: Ивану Зворыкину 10 червон. Катеринѣ Ивановой дочери Стелсиной 10 черв., Варварѣ Мартемьяновой 6 чер., Катеринѣ Матвѣевой 5 чер., Катеринѣ Кириловой 4 черв., Варварѣ Дмитріевой 4 черв.

въ 5 д. Дано Ивану Семенову сыну Горлецкому, которой поднесъ ея величеству книгу граматику Французскую въ день тезоименитства ея величества, 20 черв.

въ 6 д. Ея величество изволили взять 10 черв.

— Дано имениннику Арапу Николаю Григорьеву 1 чер.

— Дано великану Николаю за подносъ имениннаго калача 10 черв.

въ 8 д. Ея величество изволила быть на родинахъ у жены Захары Мишукова, дано 15 чер. Государыни цесаревны изволили быть воспріемницами; дано ихъ высочеству по 10 черв., да въ кашу 3 черв.

въ 10 д. Дано за подносъ именинного калача С. Петербургской крѣпости Петра и Павла священнику Минѣ Григорьеву 3 чер.

Ея величество изволили быть воспріемницею у господина Румянцова дочери его; дано 25 черв., да въ кашу бабкѣ 6 черв.

въ 12 д. Дано господину Кошелеву за сани, которые взяты у него ея величеству, 5 черв.

въ 16 д. Ея величество изволили пожаловать дѣвицѣ Аннѣ Краморъ 6 черв., да оной же дѣвицѣ Аннѣ Краморъ дано для отдачи пасторшѣ Шведской съ дѣтьми 16 черв.

въ 18 д. Дано капитанской женѣ Лизабетѣ съ дочерью Анною Катериною, которая дочь живетъ въ домѣ ея величества у мадамы Яганны, 20 черв.

въ 24 д. Дано комедіантамъ Манну съ товарищи 50 черв.

въ 25 д. Славилъ въ комнатѣ ея величества карло Андрей Андреевъ, дано 1 чер.

въ 26 д. Дано Исаю Алексѣеву башмачнику 5 чер.

— Славилъ бандуристъ отъ царевны Прасковьи Ивановны,

Иванъ Павловъ, дано ему 3 черв.

Славили священники села Сарскаго, дано на весь соборъ 5 черв.

Ея величество изволили взять три червонныхъ, которые изволили пожаловать псарю Исаю, которой при сукѣ Левинѣ ходитъ.

въ 29 д. Были въ домѣ ихъ величества святошны игроки морского флота матросы галерной шкварды; дано имъ 5 черв.

въ 30 д. Дано именинницѣ прачькѣ Анисьѣ за подносъ именинного калача 1 черв., да Петру Арапу малому за славленье 1 черв.

— Ея величество изволили быть въ домѣ Вилима Ивановича Монса, дано Ивану Васильеву сыну Шишкареву за славленье, 1 черв.

Дано волторнистамъ за поздравленье Матису да Антону по 4 черв.

въ 31 д. Дано поручиковой женѣ Барбарѣ Софьѣ съ дочерью ея Барбарою, которыя взяты къ комнатѣ ея величества, 20 черв.

— Дано имениннику повару Степану Грачу, за подносъ именинного калача, 2 черв.

— Дано за славленье бандуристу Семену Тарабакову 1 черв.

— По указу ея величества отдано золотарю Самсону Ларіонову два стакана серебряныхъ, что ея величество изволитъ кушать полпиво, да шесть чашекъ водочныхъ, вызолотить, на которую позолоту пошло 5 черв., вышеписанной позолот. но мастеру за работу 2 че[р].

Генварь.

въ 1 д. Приносилъ садовникъ Иванъ Яковлевъ яблоки, дано ему 3 черв.

— Дано за поздравленіе новаго году волторнистамъ ея величества Матису да Антону по одному червонному.

въ 6 д. Дано ея величества садовнику Ригорю, за подносъ разныхъ цвѣтовъ, 3 черв.

въ 7 д. Дано ея величества гребцу Ивану Селуянову, за подносъ именинного калача, 1 черв.

въ 10 д. Отдано государынѣ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ 5 червонныхъ.

въ 12 д. Дано, за подносъ именинного калача, прачкѣ Татьянѣ Калининой дочери 1 чер.

въ 14 д. Дано ея величества садовнику Озерту за приносъ цвѣтовъ 3 черв.

въ 15 д. Дано имениннику за подносъ именинного калача Кроншлотскаго архіерея духовнику Ивану Волкову 1 черв.

— Изволили государыни цесаревны быть воспріемницами у гайдука Александра сына его, дано ему 10 черв.

въ 16 д. Ея величество изволила быть въ домѣ господина Гаврила Авдѣева сына Менщикова на новосельѣ, и его величество въ томъ домѣ изволилъ быть воспріемникомъ у корабельнаго подмастерья, которому пожаловала ея величество 5 черв., да въ кашу два.

Того же числа въ томъ же

домѣ дано машинному подмастерью Тимофею Хитрову, которой сдѣлалъ модель новоманерную, дано ему 5 чер. Того же числа ея величество изволила быть на родинахъ у иноземца Меера, дано женѣ его 20 черв.

въ 21 д. Дано ея величества гребцу Максиму Маркову за подносъ имениннаго калача рублевикъ.

въ 28 д. Дано за подносъ имениннаго калача ея величеству дьякону, которой въ Сарскомъ селѣ опредѣленъ, Ефрему Константинову 3 черв.

въ 30 д. Дано садовнику Ивану Яковлеву 3 черв.

Того же числа ея величество изволила быть у Петра Мошкова на родинахъ и воспріемницею сына его; дано 30 червонныхъ, да въ кашу два.

въ 31 д. Взято въ комнату ея величества государыни императрицы у господина Монса камзолъ парчевой серебряной, за которой дано 25 червонныхъ, присланному отъ него Ивану Балакиреву.

Февраль.

въ 1 д. Было погребеніе карлу Фролу Сидорову, при которомъ дѣйствѣ былъ священникъ отъ церкви Симеона Богопріимца Иванъ Пановъ, которому по указу ея величества дано 3 черв.

въ 8 д. Дано ея величества пѣвчему Ѳедору Масѣеву за подносъ имениннаго калача 1 черв.

въ 11 д. Ея величество государыня императрица изволила быть воспріемницею Шумаковой*) дочери; дано 20 черв., да пастору и бабкѣ 9 червонныхъ; его величество изволилъ положить въ кашу 1 черв.

Того же числа дано музыкантамъ, что̀ на волкахъ (sic) играютъ, четыремъ человѣкамъ по одному червонному.

въ 13 д. Дано поручиковой женѣ иноземкѣ Марьѣ 5 червонныхъ, которая отъѣзжаетъ въ Стеколмъ. Того же числа дано скатертнику Василью Алексѣеву за подносъ имениннаго калача 1 черв.

въ 18 д. Отдано въ комнату ея величества государынѣ императрицѣ 12 червонныхъ, взялъ господинъ Мавринъ.

Въ пути.

въ 19 д. На подставѣ Лавахъ, гдѣ ея величество изволила столовое кушанье кушать, дано офицерамъ, которые на той подставѣ опредѣлены для подводъ: Купелеву съ товарищи тремъ человѣкамъ 6 черв.

Того же числа дано Кирилу Безсонову, которой посыланъ былъ изъ Шлюшенбурха за дохтуромъ, чтобъ его поворотить для ея величества, 1 червонной.

въ 20 д. Ея величество изволила столовое кушанье кушать на подставѣ Пашахъ, въ домѣ дворянина Мордвинова, которому дано 5 черв.

Того же числа подносилъ ея величеству на рѣкѣ Свирѣ строитель Николаевскаго монастыря что̀ на Ладожскомъ

---

*) Т. е. Шумахера, впослѣдствіи врага Ломоносову. *П. Б.*

озерѣ на Свирскомъ устьѣ, образъ Николая Чудотворца, которому строителю дано 5 черв.

въ 22 д. По указу ея величества государыни императрицы дано на Петровскихъ заводахъ Кексголмскаго баталіона поручику Семену Бобарыкину 5 черв., которой посыланъ былъ изъ Шлишенбурга въ Санктъ-Петербургъ съ нужными письмами.

Мартъ.

въ 14 д. Изволили ея величество государыня императрица пожаловать княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ Голицыной 23 червонныхъ, для того чтобъ она плакала по сестрѣ; и оная плакала того же числа.

въ 15 д. У водъ марціальныхъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитану Ѳедору Шушерину 25 черв.

Того же числа дано у водъ, Олонецкаго баталіона солдату Андрею Воронову, которой живетъ въ домѣ у марціальныхъ водъ, 1 черв.

Того же числа дано на мѣдныхъ заводахъ мѣдныхъ дѣлъ мастера женѣ его Лизабетѣ Тогановой дочери 15 черв.

Того же числа, на мѣдныхъ же заводахъ, дано мастеровымъ людямъ мѣдныхъ дѣлъ, которые померли, подавали ея величеству челобитныя: Марьѣ Андреевой 5 черв., Аленѣ Андреевой 3 черв.

въ 19 д. Дано церкви Николая Чудотворца Олонецкаго уѣзду дьячку Ивану Яковлеву 2 черв; которой подносилъ ея величеству государынѣ императрицѣ: хлѣбъ, рыбу, яицъ и прочее на подставѣ Палтуй. У оного же дьячка жила дочь въ домѣ блаженной памяти царицы Прасковьи Ѳедоровны.

въ 20 д. Присланъ былъ отъ его величества къ государынѣ императрицѣ прапорщикъ Петръ Юрьевъ сынъ Лермонтовъ, которому дано 10 черв.

въ 21 д. Воскресенскаго Горицкаго монастыря дано игуменьѣ Панфиліѣ Коротневыхъ, дано въ деревнѣ Закозьѣ, 5 черв.

Того же числа дано Ѳорапонтова монастыря казначею, подносилъ ея величеству въ деревнѣ Закозьѣ образъ чудотворца Ѳерапонта, 5 червонныхъ.

Того же числа Волгодскаго уѣзду въ селѣ Новленскомъ подносилъ ея величеству Спаса Каменнаго монастыря, что на озерѣ на острову, архимандритъ Евсевій Михайловъ, образъ да хлѣбъ, которому дано 5 черв.; да въ томъ же селѣ дворянскимъ женамъ пяти человѣкамъ милостыни 9 червонныхъ.

Того же числа на Вологдѣ дано дѣвичья Успенскаго монастыря игуменьѣ съ сестрами 15 черв.

въ 22 д. Корниліева монастыря казначею Филиппу дано 5 чер. въ селѣ Грязовицахъ.

Того же числа Павлова монастыря архимандриту Ѳеофилакту 5 черв.

въ 24 числѣ ея величество госуда-

рыня императрица изволила столовое кушанье кушать въ Ростовѣ у архіерея Дашкова, отъ котораго архіерея высланы были подъ кареты ея величества два цука лошадей съ конюшимъ старцемъ, которому конюшему старцу дано 3 червонныхъ на дорогѣ.

въ 25 д. Въ Переславлѣ-Залѣскомъ ея величество изволила столовое кушанье кушать въ Даниловскомъ монастырѣ у архимандрита Варлаама *). Просили старцы Князь-Андреевскаго монастыря объ милостынѣ, которымъ дано 6 черв. Да на дорогѣ дряхлымъ старцамъ дано милостыни 3 черв. Того же числа дано бывшей женѣ господина Ягужинскаго Аннѣ Ѳедоровой дочери 30 черв., которые червонные для отдачи отданы господину Палибину, которая опредѣлена жить въ Ѳедоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Того же числа подвелъ ея величеству Никитскаго монастыря архимандритъ темносѣраго жеребца; приводилъ конюшій іеромонахъ Лаврентій, которому дано 2 черв.

Мартъ.

въ 26 д. Ее величество государыня императрица изволила ѣхать чрезъ село Сватково Троицы-Сергіева монастыря, въ которомъ селѣ выгорѣло противъ 25 дня шестнадцать дворовъ крестьянскихъ да пять избъ вдовыхъ, которымъ по указу ея величества дано на шестнадцать по рублю на каждой дворъ, да вдовамъ на пять избъ четыре рубли, и того двадцать рублевъ, которыя деньги отданы того села церковному старостѣ Роману Семенову сыну Назарову для раздачи. Отдано червонными.

— Ея величество изволила слушать въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ молебенъ, дано на молебенъ и братіи 50 черв. Того же числа дано Троицкаго Хотьковскаго монастыря дѣвичья игуменьѣ съ сестрами 20 черв.

въ 28 д. Дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку гренадеру за подносъ именинного калача Степану Медвѣдеву 2 черв.

Апрѣль.

въ 5 д. Отдано въ комнату государынѣ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ 2 червонныхъ, которые взялъ господинъ Арсеньевъ.

въ 6 д. Славилъ ихъ величества крестовой священникъ Яковъ; дано ему 3 черв. въ комнатѣ у государыни императрицы.

Того же числа славилъ протодьяконъ Аноиногенъ въ комнатѣ у ея величества, дано 2 черв.

въ 11 д. Дано присланному Новодѣвичья монастыря слугѣ Архипу кривинькому 1 чер.

въ 16 д. Дано ея величества государыни императрицы лекарю Ивану Иванову сыну Паганкину *) 40 черв. Того же числа дано мастерской палаты дьяку Никифору Кормилицину 20 черв.

*) См. ниже біографію этого архимандрита. *П. Б.*

*) Pagenkampf.

въ 19 д. Ея величество изволила смотрѣть строю: Преображенскаго полку было ученіе; дано маленькой солдатской дѣвочкѣ неимущей 1 черв.

въ 20 д. На Головинскомъ дворѣ поднесъ ея величеству садовникъ иноземецъ Тимофей Брантовъ свѣжихъ огурцовъ, дано ему 3 черв.

Того же числа дано господина Волынскаго человѣку его, который приводилъ отъ него къ ея величеству государынѣ императрицѣ чубараго жеребца, Ивану Иванову 5 чер.

въ 27 д. Дано лакею Захару Келхину Рижскихъ бургомистровъ, поднесли ея величеству ящикъ апельсиновъ, ящикъ лимоновъ свѣжихъ,—три червонныхъ.

Того же числа дано доктора Бидла человѣку его, который принесъ отъ него спаржи, 1 черв.

въ 28 д. Дано Шведской націи ротмистру Елверъ Магнусу, которой подавалъ ея величеству прошеніе, 20 черв.

Май.

въ 6 д. Подносилъ ея величеству садовникъ что́ въ новомъ домѣ огурцовъ свѣжихъ блюдо, Тимофѣй Брантовъ, дано ему 5 черв.

въ 9 д. Ея величество государыня императрица изволила слушать вечерню въ Преображенскомъ; била челомъ ея величеству дворянская жена Ѳедосья Прокудина на мужа своего, что оной Прокудинъ сбилъ ее съ двора, ни поитъ, ни кормитъ; дано оной Ѳедосьѣ 5 черв.

Того же числа его величество изволилъ быть восприемникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у гренадера Клима Шалмова; дано оному 3 черв., да кумѣ 2 черв.

въ 6 д. Ея величество въ мастерской палатѣ изволила взять 30 червонныхъ: священнику отданы.

въ 8 д. Поздравляли ея величество государыню императрицу ихъ величествъ музыканты, трубачи, волторнисты и прочіе двадцать человѣкъ, которымъ дано по одному червонному.

въ 10 д. Дано господину Монсу 20 червонныхъ, которые онъ издержалъ по указу ея величества въ разныхъ числахъ неимущимъ свои.

въ 11 д. Дано Юшковой женѣ, которая привезла отъ царевны Анны Ивановны уборъ настольной янтарной къ ея величеству, которой дано 30 черв.

въ 12 д. Дано Николаевскаго монастыря что́ на Перервѣ близь Москвы-рѣки игумену Варлааму съ братіею 20 черв.

Того же числа дано Французскому барабанщику Батшту, которой подъ Кожуховымъ на Москвѣ рѣкѣ билъ въ барабанъ и на флейтѣ игралъ, 3 черв.

Того же числа поднесъ ея величеству государынѣ императрицѣ подъ Кожуховымъ переводчикъ иностранной коллегіи Карпъ Армашенковъ книгу поздравительную о корона-

ціи ея величества, которому дано 30 черв.

въ 17 д. Подвелъ ея величеству государынѣ императрицѣ свѣтлѣйшій князь *) цукъ жеребцовъ темносѣрыхъ, гривы бѣлыя, при которыхъ были кучеръ Семенъ Масловъ, фурайторъ Ѳѳимъ Молокоѣдовъ, два человѣка конюховъ, которымъ по указу ея величества дано: кучеру 10-ть, фурайтору 6-ть, конюхамъ по 3 червонныхъ. Того же числа ея величество государыня императрица изволила быть на загородномъ дворѣ, что̀ на Красномъ прудѣ, изволила смотрѣть кобылицъ и маленькихъ жеребятъ, и по указу ея величества дано конюхамъ пяти человѣкамъ 10-ть червонныхъ, да служителямъ 6-ти человѣкамъ, которые въ томъ домѣ у работъ разныхъ, по одному червонному.

въ 18 д. Заплочено ея величества государыни императрицы дѣвицѣ Аннѣ Краморъ, у которой взято въ комнату ея величества кружева тринадцать аршинъ, цѣною по червонному за аршинъ, и того 13 черв.

въ 19 д. Дано лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку второй на десять роты солдату Михаилу Бакаеву, которой привезъ изъ Санктъ - Петербурга алмазныя вещи въ Москву, 5 черв. Того же числа дано губернаторскаго полку Рижскаго гарнизона капралу Филимону Соловьеву три червонныхъ, которой привезъ изъ Риги уборъ сѣдельный.

*) Меньщиковъ.

въ 22 д. Дано Арапу Аристарху Григорьеву, который взятъ былъ на время, 3 черв.

въ 23 д. Дано ея величества государыни императрицы гребцамъ Ивану Сарычеву съ товарищи 12 человѣкамъ по 1 червонному каждому человѣку, за обновленіе баржи новой. По указу ея величества государыни императрицы дѣлана въ Москвѣ для коронаціи золотая чарка, въ которую пошло 16 червонныхъ двойныхъ.

въ 24 д. Дано госпожи Строгоновой человѣку два червонца, которой привозилъ отъ нея въ домъ ея величества осетра живаго.

въ 26 д. Дано парукъ-макару Свейцьризъ 20 червонныхъ, который завивалъ ея величеству государынѣ императрицѣ локоны и прочіе волосовые уборы для коронаціи.

Іюнь.

во 2 д. Взнесено въ комнату ея величества сто червонныхъ, которые изволила пожаловать ея величество Александрѣ Львовнѣ Волынской изъ своихъ рукъ.

Того же числа его величество изволилъ быть воспріемникомъ съ государынею цесаревною Анною Петровною у драгунскаго Олонецкаго полку капитана Каховскаго, которому изволила ея высочество пожаловать 10 черв.

въ 4 д. По указу ея величества государыни императрицы отдано для коронаціи музыкантамъ 9-ти человѣкамъ, волторнистамъ четыремъ, трубачамъ шести, политаврщику одному и того 20-ти человѣкамъ, которые при дворѣ ихъ императорскаго величества содержатся, дано по 8 червонныхъ каждому человѣку.

Того же дня отдано ея величества государыни императрицы комнаты дѣвицѣ Аннѣ Краморъ для отдачи присланному отъ царевны Анны Ивановны офицеру, которой приносилъ къ ея величеству парчу, 10 червонныхъ.

въ 6 д. Дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку каптенармусу Ханыкову 10 червонныхъ, который былъ у присмотру камня что̀ гранили.

въ 8 д. Дано кучеру ихъ высочества Ѳедору Ушакову за подносъ имениннаго калача 1 черв.

Того же числа дано иноземкѣ Катеринѣ Добертъ 8 черв., которая въ бытность въ Москвѣ жила у полковницы Кампенгаузиновой.

Того же числа дано лейбъгвардіи Преображенскаго полку уряднику Ивану Иванову сыну Посникову, который былъ на караулѣ при коронѣ ея величества, 30 черв.

въ 11 д. Дано ея величества золотарю Самсону за державу и крестъ что̀ къ коронѣ, 7 черв., которые онъ положилъ на оное дѣло.

Того же числа приводили къ ея величеству отъ Аюки-хана отъ жены его и отъ сына четырехъ лошадей, а именно Асанъ съ товарищи шесть человѣкъ, которымъ по указу ея величества оному Асану съ товарищи дано 10 черв.

въ 13 д. Подарилъ ея величество государыню императрицу свѣтлѣйшій князь каретою дорожною, которую по указу ея величества дѣлали нарочно; дано каретнику Ѳедору Пахомову, обойщику Еѳиму Емельянову по 10 червонныхъ, кучеру Михаилу Михайлову и двумъ конюхамъ по 2 черв.

въ 16 д. Украинской крестьянинъ Костентинъ Шмелинъ, восмидесяти лѣтъ, лазилъ на дерево по веревкамъ, которому по указу ея величества дано 10 черв., которые далъ свои Вилимъ Ивановичъ Монсъ, и въ то число ему Вилиму Ивановичу отданы.

Того же числа дано за подносъ именинныхъ калачей повару Тихону Баженову, да фурайтору Тихону Куракину по 1 червонному.

Того же числа дано лейбъгвардіи Преображенскаго полку, гренадерской роты гренадерамъ Степану Медвѣдеву съ товарищи 4-мя человѣками по 5 черв. каждому, которые гренадеры несмѣнно живутъ при ея величествѣ.

Того же числа дано мадамъ Яганнѣ Петровой 2 черв., которые она по указу ея величества отдала свои конюхамъ его величества, кото-

рые пріѣхали отъ его величества отъ водъ въ Москву.

въ 20 д. По указу ея величества отдано господину Дмитрію Андрееву сыну Шепелеву для проѣзду въ Нѣмецкіе городы 300 черв.

Того же числа дано поручиковой женѣ Берлохъ иноземкѣ три червонныхъ для ея скудости.

въ 22 д. Дано ея величества государыни императрицы футоръмаршалу Полянскому 15 чер. для его нужды.

Того же числа дано Коробова полку прапорщику Алексѣю Кейкуватову да Ѳедору Зарину для ихъ скудости по 8 черв.

Того же числа по указу ея величества дано его величества деньщику Андрею Древнику прогонныхъ денегъ отъ Москвы до С. Петербурга на три почтовыя подводы 14 рублевъ 15 алт. и 1 копѣйка.

Того же числа отдано господину Монсу 30 черв., которые онъ держалъ въ расходъ по указу ея величества свои.

Того же числа взнесено въ комнату ея величества 100 черв., изъ которыхъ изволила жаловать женѣ Ширяевой 40 черв., женѣ Милюковой 25-ть, Блекловой женѣ 25-ть, госпожѣ Толстой 10 черв.

Въ пути.

1724 г. Іюня въ 23 д. въ Клину дано по указу ея величества Ярославскаго гарнизона поручику Ѳедору Михайлову сыну Медвѣдеву 10 черв.

Того же числа дано Клинскаго Успенского монастыря іеромонаху Аврааму 6 рубл.

1724 г. Іюня въ 24 д. ея величество государыня императрица изволила ночевать въ селѣ у Спаса въ Заулкахъ, у священника Семена Андреева, которому дано 3 черв.

въ 26 д. въ монастырѣ Николаевскомъ что на Столпѣ старцамъ дано 2 черв.

На подставѣ Ошурковѣ дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку Василью Юдину 2 черв.

Въ Клину сказывали ея величеству государынѣ императрицѣ трое мальчиковъ рацею, Иванъ Кириловъ съ товарищи, дано 5 черв.

Того же числа дано Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря старцамъ 12 черв. Да что жила старица при комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны, старушкѣ дано 3 черв.

въ 27 д. Ея величество изволила слушать литургію на Вышнемъ Волочкѣ; дано на молебенъ одинъ червонной, который давалъ господинъ Балкъ.

1724 г. Іюня въ 29 д. на пристани Ряткахъ дано комисару Гарасиму Семенову сыну Кутузову 7 черв., которой взятъ былъ съ Вышняго - Волочка на судно ея величества.

Того же числа дано дворянскимъ женамъ милостыни шести человѣкамъ 6 червонныхъ.

1724 г. Іюля въ 4 д. Въ Новѣгородѣ дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдату Степану Горохову 2 черв., ко-

торой посыланъ былъ чрезъ озеро за якорями, и оной на Ильменскомъ озерѣ тонулъ.
Того же числа Коростянской волости иноземкѣ, которая у присмотру живности и коровъ, дано 5 червон., да той же волости священнику Трофиму Николаеву дано 3 черв.

1724 г. Іюля въ 6 д. въ Ладогѣ дано капитану Семену Маслову, которой въ Ладогѣ при монастырѣ у нѣкоторой персоны, 20 черв. *)
Того же числа дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержанту Матюшкину съ товарищи тремъ человѣкамъ по 3 черв.

въ 7 д. Въ Шлюшенбурхѣ дано ямщикамъ на вино 2 черв.

1724 г. Іюля въ 10 д. по указу ея величества дано сенатору и тайному совѣтнику графу Андрею Артемоновичу Матвѣеву 300 черв.

въ 10 д. Въ Санктъ-Петербургѣ дано его величества садовнику Корнелію Шрейдеру за поднось фруктовъ и цвѣтовъ 6 черв.
Того же числа дано ея величества садовнику Ивану Яковлеву 5 черв., да женѣ его 5 черв.
Того же числа дано ея величества садовникамъ, что̀ въ Италіанскомъ домѣ, двумъ по 5 черв.

въ 11 д. Отдано господину каморъ-геру Вилиму Монсу 33 черв., которые онъ по указу ея величества государыни императрицы держалъ свои, а именно: въ Москвѣ на дворѣ Василія Өедоровича Салтыкова иноземкѣ 3 черв., аудитору Шведскому 10 черв.; въ Новѣ-городѣ архимандриту Хутынскаго монастыря 15 черв., того же монастыря старцу 5 черв., которые червонные отданы присланному отъ него камеръ-лакею ея величества Ивану Балакиреву.

въ 13 д. Ея величество государыня императрица изволила быть въ своемъ домѣ, и были тутъ ея величества пѣвчіе, которымъ изволила пожаловать Ивану Петрову съ товарищи 40 черв.

въ 18 д. Въ Лѣтнемъ домѣ подносила ея величеству государынѣ императрицѣ въ пильной мельницѣ Филимонова жена масло, сыръ, которой дано 7 черв.

въ 23 д. Въ Питергофѣ подносилъ ея величеству изъ села Сарскаго садовникъ Янъ Кашпоровъ сынъ Фохтъ клубнику, землянику, петрушку, огурцы, дано ему 8 черв.

въ 25 д. въ Питергофѣ дано садовнику Левонтью за подносъ клубники и цвѣтовъ 5 черв.

въ 27 д. По указу ея величества отдано госпожѣ полковницѣ Кампенгаузиновой за лѣкарство 97 червонныхъ, которое принято въ комнату ея величества.

въ 30 д. Заплачено госпожѣ полковницѣ Кампенгаузиновой за взятую отъ нея въ комнату ея величества гарнитуръ, да сѣтка серебреная широкая на платье, 20 черв.

*) Подъ надзоромъ Маслова содержалась въ монастырѣ царица Евдокія Өедоровна.

Того же числа въ Катерингофѣ дано подключнику Василью Войцу 5 черв.

Того же числа заплачено купецкому человѣку Французу Петру Петрову за взятые отъ него въ комнату ея величества государыни императрицы водокъ Гданскихъ померанцовой, лимонной, тимонной, салдарейной, коричневой, анисовой, гвоздичной, бадьянной, двѣсти двадцать штофовъ, цѣною каждой штофъ по 40 алтынъ, и того червонными 132 червонныхъ.

въ 31 д. Дано ея величества пѣвчимъ двумъ, которые подавали челобитную объ мундирѣ, 2 черв.

Августъ.

въ 2 д. Дано садовнику Улеву Дудефельту Дубровскому, которой принесъ въ домъ ихъ величества огородныхъ овощей, 10 черв.

Того же числа ея величество изволила быть на родинахъ у деньщика его величества у Андрея Древника; дано 20 черв. Да деньщику ея величества Александру Бутурлину на оные же родины 1 черв.

въ 4 д. Заплачено купецкому человѣку Алисену за взятыя у него пива Англинскаго 14 дюжинъ, каждая дюжина по 3 р. 50-к. и того червонными 24 чер. съ половиною.

1724 г. Августа въ 10-д., въ бытность ея величества въ селѣ Сарскомъ, дано садовнику Яну Кашпору 20 черв.

въ 11 д. Ея величество всемилостивѣйшая государыня императрица изволила быть на родинахъ у жены господина Петра Полева, дано роженицѣ 30 черв.; Крестьяновнѣ три; Маврину одинъ, для дачи той же роженицѣ; да бабкѣ въ кашу изволила пожаловать 6 червонныхъ; да дамамъ приказала пожаловать для положенія бабкѣ въ кашу: госпожѣ Голицыной, Аристовнѣ, Крестьяновнѣ, по одному червонному.

въ 18 д. Ея величество государыня цесаревна Анна Петровна изволила быть воспріемницею съ его величествомъ у Ивана Воробья, дано 10 черв.

въ 21 д. Ея высочество государыня цесаревна Анна Петровна изволила быть воспріемницею съ великимъ княземъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у барабанщика у Василья Стрѣшникова; дано 3 черв.

Того же числа великій князь изволилъ быть воспріемникомъ у лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у барабанщика у Василья Стрѣшникова дано три червонныхъ, которые отданы для относу карлу Юрью Вулевичу.

въ 22 д. Дано Алексѣю Иванову сыку Юрову 25 черв.

Того же числа дано гудошнику Якову Олонченину 5 черв.

въ 23 д. Ея величество государыня императрица изволила взять 16 черв. и пожаловала оные свѣтлѣйшей княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ.

въ 25 д. Его величество изволилъ быть воспріемникомъ у князя Никиты Трубецкаго съ государынею цесаревною Анною Петровною, дано ея высочеству 20 черв.

въ 26 д. Дано серебренику Ивану Патрикееву на позолоту гайдуцкихъ палашевъ 8 черв.

Сентябрь.

въ 19 д. Дано на погребеніе маіора Бема 10 червонныхъ.

въ 20 д. Ея величество изволила слушать у Троицы литургію; била челомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдатская жена Кубалова, что мужъ ея умеръ и погребсти нечѣмъ, которой дано три черв.

въ 22 д. Приносилъ къ ея величеству изъ села Сарскаго садовникъ Янъ Кашпортъ яблока, которому дано пять червонныхъ.

въ 28 д. Заплачено господину кухмистру Яну Ѳелтену за взятую отъ него на конюшню ея величества кобылу, именно гнѣдую, цѣною 50 черв.; да ему же заплачено за 20 окороковъ Вестфальскихъ 10 черв.

въ 29 д. Дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку каптенармусу Ѳедору Степанову, которой у присмотру въ городѣ, за подносъ теленка и цыплятъ къ ея величеству, въ разныхъ числѣхъ, на платье, 8 черв.

Того же числа заплачено купецкому человѣку Агличанину Томасу Шмиту за взятыя у него въ комнату ея величества въ разныхъ числѣхъ 12 дюжинъ пива Аглинскаго, цѣною 4 рубля дюжина, и того денегъ 48 рублевъ, которое пиво брано по указу ея величества и за оное отдано червонными 24 черв. Того же числа дано Возжинскому зятю Корнею Трофимову 7 червонныхъ, у котораго изволила быть воспріемницею государыня цесаревна Елисавета Петровна съ великимъ княземъ.

Октябрь.

въ 3 д. Ея величество указали пожаловать свѣтлѣйшей княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ дочери Голицыной взаимно сто червонныхъ на срокъ сего Октября съ вышеписаннаго числа Генваря по 1-е число 725 году, а ежели оныхъ червонныхъ помянутая княгиня на вышеписанный срокъ не заплатитъ, о томъ, что ея величество всемилостивѣйшая государыня императрица укажетъ.

въ 7 д. Въ бытность ея величества въ Питергофѣ дано Санктпетербургскаго, Нарвскаго и Выборгскаго, гварнизонныхъ полковъ солдатамъ больнымъ на двѣсти на сорокъ одного человѣка по десяти алтынъ на каждаго человѣка, и того 72 р. 10 алтынъ, которые отданы червонными, а именно 36 черв.

Того же числа дано квартирмейстеру свѣтлѣйшаго князя Дементью Арцыбашеву 1 черв. да двѣнадцати человѣкамъ гребцамъ шесть чер-

вонныхъ: ея величество изволила прибыть на баржѣ.

Того же числа дано иноземцу Антону Гинтеръ Роберти, которой живетъ въ домѣ ея величества въ Петергофѣ, 25 черв. для его скудости.

Октября 8-е заплочено мастеровому человѣку иноземцу Матису Ренкину за работу шляпъ, которыя по указу ея величества на гайдуковъ на 14-ть человѣкъ, цѣною по 35 копѣекъ за каждую шляпу, и оныя отданы червонными.

въ 9 д. По указу ея величества отдано господину Монсу 150 черв. для отдачи за часы золотые, которые взяты въ комнату ея величества.

въ 9 д. Дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку гренадеру Якову Шушукову за поднос именинного калача 1 черв.

Того же числа дано присланному комисару Василью Иванову сыну Нефедову 3 черв., которой присланъ къ ея величеству съ парою лошадей темнобурыхъ жеребцовъ, да двумъ конюхамъ три же червонныхъ, которые жеребцы присланы отъ Льва Яковлева сына Челищева.

въ 10 д. Заплачено купецкому человѣку иноземцу Андрею Апельгрину за взятые отъ него въ комнату ея величества позументу серебреного четыре куска прорѣзныхъ и съ городками, вѣсомъ 6 фунтовъ 73 золотника, а лотами учинитъ 216 лотовъ и 1 золотникъ, цѣною лотъ по рублю; и того 216 рублевъ 33 копѣйки, за которой позументъ отдано червонными, а именно 108 черв.

Того же числа изволила быть ея высочество государыня цесаревна Елисафета Петровна съ великимъ княземъ у гребца Димитрія воспріемниками, дано 4 черв.

въ 16 д. Ея величество изволила быть въ комедіи, которая была о коронаціи; дано онымъ комедіантамъ 150 червонныхъ.

въ 18 д. Ея величество изволила быть воспріемницею у Степана Лопухина, дано женѣ его 50 черв., да въ кашу бабкѣ изволила положить 3 черв. За царевенъ положено въ кашу два, за придворныхъ дамъ въ кашу же положенъ 1 черв. Священнику Якову, которой при томъ былъ въ дѣйствіи, дано 2 черв.

Того же числа прислалъ къ ея величеству государынѣ императрицѣ князь Аникита Ивановичъ Репнинъ бочку устрицъ свѣжихъ съ пажемъ своимъ, которому дано по указу ея величества 3 черв.

въ 19 д. Дано ея величества пѣвчему Ивану Петрову за поднос именинного калача 1 черв.

въ 20 д. Указомъ ея величества отправленъ къ его величеству курьеръ Степанъ Васильевъ сынъ Чеботаевъ съ устрицами и съ лимонами, которому дано на дорогу 8 черв.

въ 22 д. Ея величество государыня императрица изволила быть въ Итальянскомъ домѣ, изволила смотрѣть погребовъ, въ которыхъ погребахъ дано для но-

воселья Леонтью Соловьеву 10 черв.

въ 23 д. Подносилъ ея величеству государынѣ императрицѣ его величества пѣвчій Яковъ Михаиловъ сынъ Нижегородецъ, которому дано 3 черв. (sic)

въ 25 д. Ея величество государыня императрица изволила быть воспріемницею у господина Ягужинскаго, дано 30 черв., священнику Якову 3 черв., который при томъ дѣйствіи былъ; въ кашу бабкѣ 5 чер., дамамъ, которыя за ея величествомъ были, пяти человѣкамъ по 1-му червонному.
Того же числа дано за поднось именининаго калача повару ихъ величествъ Аверьяну Яковлеву 1 черв.

въ 30 д. Присланы изъ Голандіи отъ господина Фандебурха двѣ маленькія мартышечки на кораблѣ; по указу дано Голандскому шкиперу за привозъ оныхъ мартышекъ 1 чер.
Того же числа указомъ ея величества дано Елецкаго Черниговскаго монастыря архимандриту Нилу съ братіею 15 черв. для ихъ скудости.
Того же числа дано Луки Честихина матери Дарьѣ Лукьяновой за подносъ именининаго калача 2 черв.
Того же числа посланы къ его величеству гребцы на баржѣ на верейкѣ съ квартирмистрами на Лахту, дано онымъ на хлѣбъ 1 черв.

Ноябрь.

въ 2 д. Дано въ зимнемъ домѣ штукатурнымъ мастерамъ Данилу Михайлову, Ивану Артемьеву по червонному, которые дѣлали подъ печку фундаментъ, что на анбарѣ.

въ 3 д. Дано протодьякону Анѳиногену за подносъ именинаго калача сына его 1 черв.
Того же числа заплачено ея величества протомойницѣ Катеринѣ Кириловой, которая купила для сорочекъ ихъ величествъ крухмалу синяго 6 фунтовъ, цѣною по 20 коп. за фунтъ; бѣлаго 30 фун., цѣною по 7 коп.; и того 1 черв. съ половиною и 30 копѣекъ.

въ 24 д. Дано ея величества государыни императрицы волторнистамъ за поздравленіе тезоименитства ея величества Антону и Матису по 2 черв.
Того же числа дано ея величества садовнику Ригеру за подносъ цвѣтовъ Италіанскаго огороду 5 черв.
Того же числа дано садовнику Ивану Яковлеву за подносъ померанцевъ и цвѣтовъ 5 черв.
Того же числа дано ея величества садовнику Яну Кашперту что въ Сарскомъ селѣ, за подносъ цвѣтовъ, 5 черв.
Того же числа дано его величества садовнику Корнеліусъ Шрейдеръ за подносъ цвѣтовъ и померанцевъ 10 черв.

въ 29 д. Ея высочество государыня цесаревна Елисафета Петровна изволила быть воспріемницею у Алексѣя Юрова, дано ея высочеству для дачи 10 черв.

Того же числа заплочено ея величества дѣвицѣ Аннѣ Краморъ за взятый отъ нея въ комнату ея величества платокъ пурпоровой съ серебромъ, за которой дано 5 чер.

Декабрь.

въ 22 д. Дано Троицкой церкви дьяконовой женѣ Авдотьѣ Григорьевой для ея скудости 5 черв.

въ 27 д. Славили въ домѣ ихъ величества Невскаго монастыря крылошане Гарасимъ съ товарищи 24 человѣка, которымъ по указу ея величества дано 25 черв.

Того же числа дано ихъ величества повару Степану Грачу за подносъ именинного калача 2 черв.

1725 года.

Генварь.

въ 3 д. Ея величество государыня императрица изволила быть въ домѣ господина Синявина Ульяна и кушала столовое кушанье; призваны были въ то время десять человѣкъ молодицъ изъ плотничьей слободы для пѣсенъ, которымъ по указу ея величества дано 10 червонныхъ; да господина Синявина служительницамъ его 7 червонныхъ.

въ 5 д. Дано садовнику Питергофскому Леонтью за приносъ черемховыхъ и прочихъ цвѣтовъ и рыси живой, 5 черв.

въ 7 д. Ея величество изволила быть у Егора Милюкова, въ домѣ его, изволила ему пожаловать 5 черв. да рубль.

въ 17 д. Дано ея величества Италіанскаго саду садовнику Ригеру за подносъ цвѣтовъ 3 черв.

въ 20 д. Дано мадамъ Яганѣ Петровой 5 червонныхъ для отдачи пастору Пютеру, которой поѣхалъ въ Римъ.

Того же числа заплачено мастеровому человѣку портному Григорью Карпову за работу отъ платья, которое повелѣно сдѣлать господину полковнику Семену Александровичу Блеклому и что къ оному платью онъ положилъ своего прикладу, а именно на петли выложнаго золота на 8 руб., на обшивку петель же золота же прядельнаго на 4 р. съ полтиною; бумазеи подъ камзолъ подъ штаны 5 арш. по 13 алтынъ по 2 деньги за аршинъ,—два рубля. Онъ же прикупилъ камлоту на подкладку кафтана 2 руб., клеонки на 6 алт. 4 деньги., крашенины въ рукава, въ карманы и подъ обшлага на 8 алт. 2 д.; шолку для тачанія на 10 алт. И того за прикладъ за все 17 руб. 8 ал. 2 д.

въ 22 д. Подносилъ ея величеству господинъ архіаторъ Блюментросъ блюдо лимоновъ свѣжихъ, дано лакею его 1 чер., которой давала Устинья Петровна.

Мартъ.

въ 11 д. Поднесъ ея величеству господинъ Репнинъ бочку устрицъ да ящикъ лимоновъ свѣжихъ; дано по указу ея величества присланному отъ него адъютанту Глѣбу Нѣмцову 6 черв.

въ 13 д. Прислано изъ Риги къ ея величеству ящикъ лимоновъ свѣжихъ, ящикъ опельцыновъ, дано присланному 2 черв.

въ 24 д. Отдано въ комнату ея величества дѣвицѣ Устиньѣ Петровой 30 червонныхъ для отдачи священнику Тимофѣю Васильеву и духовнику.

въ 28 д. Подносилъ ея величеству лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку гранодерской роты капралъ Степанъ Медвѣдевъ калачь именинной; дано оному 3 черв.

въ 30 д. Дано за славленье распопу Василью Петрову съ сыномъ 10 черв.

Апрѣль.

въ 17 д. Дано княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ Голицыной 10 черв.

въ 21 д. Ея величество изволила въ баржѣ ѣздить въ городъ, такожъ и на спускъ корабля, изволила указать пожаловать квартермейстрамъ четыремъ да гребцамъ 25-ти человѣкамъ по червонному каждому.

въ 24 д. Ея величество изволила бросить на полу одинъ червонной для свѣтлѣйшей княгини Настасьѣ Петровнѣ, которой взятъ у дѣвицѣ Устиньи Петровой, которой червонной оной отданъ.

Маій.

въ 14 д. Дано комнаты ея величества дѣвицамъ Аннѣ Крамировой, да Катеринѣ Штепкиной, да Татьянѣ Кобыляковой по одному червонному, которыя играли карты при ея величествѣ.

въ 23 д. Ея величество изволила слушать въ Троицкой церквѣ литургію, просили ее величество оружейническая жена Аѳимья Алексѣева, что нечѣмъ ей окрестить младенца, которой указомъ ея величества дано 2 черв. на Троицкой пристани.

Того же числа дано ея величества повару Алексѣю Волку за подносъ имениннаго калача, которой подносилъ ея величеству въ 20-мъ числѣ. О семъ объявилъ господинъ гофюнкеръ Алексѣй Татищевъ, чтобъ ему дать 10 черв.

въ 27 д. Изволила ея величество государыня цесаревна и великая княжна быть воспріемницею у камердинера Козмы Спиридонова, дано 10 черв., да священнику, которой при томъ дѣйствѣ былъ, Якову Ѳедорову одинъ червонной.

въ 28 д. Ея величество изволила ввечеру быть въ новой галдареѣ, изволила пожаловать часовому гренадеру Преображенскаго полку 1 черв.

Іюнь.

въ 1 д. Ея величество государыня императрица изволила быть въ мыльнѣ; поставленъ былъ Преображенскаго полку часовой третей на десятъ роты Иванъ Могучой, дано оному 1 черв.

въ 4 д. Привезли въ домъ ея величества Осташи рыбаки, а именно Архипъ Сергѣевъ, живую стерлядь, которую пой-

мали въ морѣ, за которую изволила пожаловать онымъ рыбакамъ 2 черв.

въ 6 д. Ея высочество государыня цесаревна и великой князь изволили быть у фершала Зота воспріемниками, дано ихъ высочествамъ по 5 черв., да священнику, которой былъ въ дѣйствѣ, 1 черв.

въ 10-мъ числѣ ея величество изволила взять у господина Александра Львовича Нарышкина четыре червонныхъ, которые изволила бросить на полъ для княгини Голицыной, которые червонные ему отданы.

въ 13 д. Ея величество изволила быть въ другомъ огородѣ въ вечеру; изволила взять у господина Нарышкина 16 червон.; у Бутурлина 5 черв., у дѣвицы Катерины Степхиной 2 червонныхъ, которые отданы, по указу ея величества, ея же величества пѣвчимъ Лукьяну Васильеву съ товарищи, и оные червонные отданы каждому что у кого взято. Того же числа отдано Ѳедоту Каменскому 2 червон., которые червонные изволила ея величество у него взять и изволила пожаловать крестьянину въ огородѣ, которой просилъ ея величества, что ему нечѣмъ заплатить подушныхъ денегъ.

въ 15 д. Ея величество изволила быть въ огородѣ у средняго канала; изволила приказать ввести на лугъ слона, и оной ходилъ по лугу, при которомъ были Персіяне Мишайтъ, дано ему 5 черв., да тремъ человѣкамъ Павлу Петрову съ товарищи по 2 червонныхъ. Того же числа изволила ея величество пожаловать конюху Тимофею Чагину, которой при маленькой колясочкѣ что по огороду ѣздятъ, 5 черв. Того же числа изволила ея величество больного арестанта посѣщать садовника, ученика Ѳедора арестанта, которой въ огневой болѣзни лежитъ; дано оному 10 червонныхъ, и умеръ въ третій день.

Того же числа ея величество государыня императрица изволила изъ своихъ ручекъ жаловать пѣвчихъ Ивана Петрова съ товарищи и садовнику Ивану Яковлеву 35 червонныхъ; да маленькому пѣвчему Якову 10 черв., чтобъ онъ послалъ въ домъ къ матери своей; часовому, которой стоитъ у мосту, 1 черв.

въ 18 д. Ея величество изволила пожаловать гайдуку Алексѣю Коркину 6 черв.

въ 19 д. Ея величество изволила быть въ другомъ огородѣ и какъ назадъ изволила ѣхать въ колясочкѣ маленькой черезъ мостъ, изволила пожаловать часовому одинъ червонный, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдату, которой послѣ зари на караулъ ея величеству не поднялъ.

въ 20 д. Отдано ея величества кухмистеру Яну Фелтену 2 черв. для отдачи Французскому повару, которой былъ взятъ ко двору ея величества на время и отпущенъ.

въ 23 д. Ея величество государыня императрица изволила гулять въ огородѣ за каналомъ и пожаловала садовничью ученику арестанту Ѳидрику Старикову 3 черв.

Того же числа отдано Антону Михаиловичу Девіеру 5 черв., которые у него изволила ея величество взять въ Катерингофѣ въ 20-мъ числѣ: изволила жаловать Латышкамъ за цвѣты четыре, за померанцы, за лимоны малому одинъ червонной.

въ 29 д. Дано указомъ ея величества карлу Якову Подчерткову на дорогу 10 черв., которой отпущенъ на время въ домъ свой въ деревню.

Іюль.

въ 1 д. Отдано въ комнату ея высочеству государынѣ цесаревнѣ Елисафетѣ Петровнѣ 10 червонныхъ, великому князю и великой княжнѣ по 5 черв. для крестинъ; которые червонные для отдачи взялъ Александръ Кайсаровъ.

Того же числа дано ея величества государыни императрицы садовнику Шрейдеру за приносъ дынь и фруктовъ 5 черв.

въ 5 д. Ея величество государыня императрица изволила быть въ Италіанскомъ огородѣ, подносилъ ея величеству садовникъ Андрей дыню, клубнику и приходилъ съ молодою женою, дано оному 12-ть червонныхъ.

въ 8 д. Прислано въ домъ ея величества отъ господина Ягужинскаго клубнику съ человѣкомъ Иваномъ Сергѣевымъ, которому дано 1 черв.

въ 11 д. Ея величество изволила путь воспріять въ Кронштатъ на яхтѣ; великой князь изволилъ входить въ поварню и пожаловалъ поварамъ 1 черв.

въ 12 д. Ея величество изволила смотрѣть изъ палатъ отъ цесаревны, и упалъ за окно ее величества опахалъ, которой поднялъ Ингерманландскаго полку гренадеръ Тихонъ Онинъ, которому изволила пожаловать 1 черв., отдалъ господинъ Девіеровъ.

въ 12 д. Ея величество государыня императрица изволила прибыть въ Питергофъ, въ Момплезирѣ изволила пожаловать паяльщику, которой около фонтанъ смотритъ, 2 черв.; давалъ господинъ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ.

въ 20 д. Дано Шведскаго посла пажу его, которой предъ ея величествомъ государынею императрицею пѣлъ пѣсни, 10 черв.

въ 24 д. Ея величество государыня императрица изволила быть у свѣтлѣйшаго князя въ Раненбомѣ и какъ изволила назадъ возвратиться въ Питергофъ, изволила заходить въ Чухонскую кирку: изволила пожаловать пастору Ягану Индриху Гопіусъ 30 черв.

въ 26 д. Дано садовнику Питергофскому Леонтью Арнефелту 10 черв., да при немъ одному подмастерью 1 червонной, ученикамъ тридцати одному человѣку по получервонцу.

Того же числа ея величества пѣвчему Ильѣ Дмитріеву за поднось именинного калача, который подносилъ ея величеству въ Питергофѣ, 3 черв.

въ 27 д. Въ Стрѣлиной мызѣ подносилъ ея величеству садовникъ Конуціусъ Ланбертіусъ вишни и огурцы, которому дано 10 черв.

въ 28 д. Во Питергофѣ дано ея величества государыни императрицы двумъ квартермейстерамъ Бороздину да Лялину по 2 черв.; да гребцамъ 24-мъ человѣкамъ по одному червонному всякому, которымъ изволила указать пожаловать, будучи въ Кронштатѣ.

Того же числа дано ея величества гребцу Ивану Ѳедорову сыну Ахлебинину 1 черв. противъ его братьи, который оставался въ Петербургѣ.

Того же числа дано ея величества скатернику Андрею Никонову за поднось имениннаго калача 3 черв., который подносилъ въ 5-мъ числѣ сего Іюля.

Августъ.

Въ 1 д. Его высочество великой князь изволилъ взять одинъ червонной для дачи конюхамъ, которые за маленькими лошадками ходятъ.

во 2 д. Отдано ея величества государыни императрицы дѣвицѣ Устиньѣ Петровой 8 черв., которые у ней взяты для дачи священнику Іакову, который былъ въ службѣ крещенія господина Макарова и господина Кошелева дѣтей ихъ.

въ 3 д. Ея величество государыня императрица изволила гулять въ другомъ огородѣ, и были въ то время его высочества герцога Голштинскаго малая музыка, а именно семь человѣкъ, которымъ указала пожаловать 65 червонныхъ, которые червонные отданы для раздачи господину Левольду.

Того же числа его высочество изволилъ быть воспріемникомъ великой князь у Ивана Воробья, дано 5 черв., которые червонные отданы для отдачи Петру Аргамакову.

въ 6 д. Ея величество государыня императрица изволила столовое кушанье кушать въ большомъ залѣ, при которомъ столѣ свѣтлѣйшій князь и господа маеоры лейбъ-гвардіи и княгиня Голицына и кушали Аглинское пиво большимъ кубкомъ; княгинѣ Голицыной поднесли другой кубокъ, въ которой изволила положить 10 червонныхъ, а прочіе по одному.

Того же числа дано лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку гренадерской роты гренадерамъ 12-ти человѣкамъ, да мушкатерамъ 2-мъ человѣкамъ, которые въ бытность ея величества государыни императрицы взяты были отсель изъ Санктъ-Питербурха для караулу въ Кронштатъ и въ Питергофъ, которымъ указала пожаловать

каждому человѣку по червонному.

въ 14 д. Ея величество государыня императрица изволила воспріемницею быть у токарнаго мастера Андрея Костянтинова дочери его; изволила пожаловать на крестъ 20 черв.

въ 17 д. Ея величество государыня императрица изволила быть воспріемницею у Тихона Лукина съ свѣтлѣйшимъ княземъ, а великой князь съ цесаревною Анною Петровною, сына его; изволила пожаловать на крестъ 15 черв., да великой князь 5 черв., священнику Якову Ѳедорову, который притомъ дѣйствѣ былъ, два червонныхъ; повивальной бабкѣ два.

Того же числа дано садовнику что̀ изъ Дубковъ Уловy Улдефельду 10 черв. который привозилъ всякой фрукты изъ тамошняго огороду.

въ 18 д. Комнаты ея величества государыни императрицы дѣвицѣ Аннѣ Кольцовой дано для ея нуждъ 3 черв.

въ 20 д. Ея величество изволила быть въ другомъ огородѣ, и была тутъ малая музыка отъ герцога Голштинскаго, которымъ приказала пожаловать 33 червонныхъ, которые червонные взялъ, для отдачи, ея величества пажъ князь Иванъ Путятинъ и отдалъ господину Левольду.

въ 30 д. Ея величество изволила слушать литургію въ Невскомъ монастырѣ, изволила положить въ кошелекъ 4 черв.

Сентябрь.

въ 9 д. Изволила ея величество пожаловать дѣвицѣ Аннѣ Краморовой 10 черв., которые червонные для относу взялъ муншенкъ Иванъ Зварыкинъ.

въ 16 д. Поднесъ ея величеству государынѣ императрицѣ лакей Степанъ Сенаскаровъ живаго куличка, котораго поймалъ въ огородѣ руками, за что указала ея величество пожаловать оному лакею одинъ червонной, и оной куличекъ посланъ къ его высочеству герцогу.

Того же числа подносилъ ея величеству государынѣ императрицѣ изъ Царскаго села садовникъ Янъ Кашнерепъ яблоки тамошняго саду, которому дано 5 черв.

въ 19 д. Ея величество изволила быть въ адмиралтействѣ на закладѣ корабля, который закладывалъ мастеръ господинъ Скляевъ, изволила въ корму положить 3 черв.

въ 22 д. Дано мадамъ Яганнѣ для отдачи лакею, который отъ господина Басовича приносилъ къ ея величеству стрѣленыхъ куличковъ, два червонныхъ.

въ 25 д. Ея величество государыня императрица изволила пожаловать свѣтлѣйшей княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ десять червонныхъ, за что она выпила при столѣ ея величества два кубка пива Англинскаго.

Того же числа ея величество государыня императрица изволила быть воспріемницею съ великимъ княземъ у ка-

меръ-гера Данила Чевкина сына его, которому дано на крестъ 25 черв.

въ 28 д Ея высочество цесаревна Елисафета Петровна изволила быть съ великимъ княземъ у солдата Преображенскаго полку гренадерской роты у Василья Колесникова воспріемниками; дано на крестъ 6 червонныхъ; взялъ пажъ Вадковской для отдачи.

Октябрь.

въ 3 д. Ея высочество цесаревна Елисафета Петровна и великой князь изволили быть воспріемниками лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у гранадера Нееелова, дано на крестъ 8 черв., которые для относу къ ея высочеству взялъ муншенкъ Никита Возжинской.

въ 12 д. Ея величество государыня императрица изволила пожаловать княгинѣ свѣтлѣйшей Настасьѣ Петровнѣ 20 черв. за которое выпила два пакала вина виноградняго краснаго.

Того числа отдано ея величества комнаты дѣвицѣ Катеринѣ Штепкиной 4 червонныхъ, которые у нея взяты для отдачи священнику съ дьячкомъ отъ церкви Пантелеймона, который священникъ въ домѣ ея величества былъ въ дѣйствѣ крещенія дочери Ивана Черкасова.

въ 14 д. Рижской бургомистръ Ратфель поднесъ ея величеству государынѣ императрицѣ боченокъ устрицъ, связку канбалъ, нѣсколько прутовъ подпарной рыбы—за приносъ лакею его Кристофору дано 3 черв. О семъ приказъ былъ дѣвицы Анны Краморовой.

въ 19 д. Въ вечернее кушанье указала ея величество государыня императрица пожаловать свѣтлѣйшей княгинѣ Голицыной 15 червонныхъ, за которые червонные выпила она большой кубокъ виноградняго вина; въ тожъ число положено въ другой кубокъ 5 червонныхъ, которой она не выпила, и оные червонные отданы муншенку Григорью Будакову, и того обоимъ 20 черв.

въ 22 д. Ея высочество государыня цесаревна Елисафета Петровна съ великимъ княземъ изволили быть воспріемниками у лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у гренадера Филипа Бушуева; изволила пожаловать на крестъ три червонныхъ.

Того же числа подносили ея величеству государынѣ императрицѣ свѣтлѣйшая княгиня Настасья Голицына рожденной калачь, за которой пожаловала 1 черв.

Того же числа ея высочество съ великимъ княземъ изволили быть воспріемниками Галицкаго полку подпоручика Архипа Прокофьева сына Мордвинова сына его, которому изволила пожаловать на крестъ 6 черв., которые червонные взялъ для отдачи муншенкъ ея высочества Никита Возжинской.

въ 24 д. Ея величество государыня императрица изволила быть въ адмиралтействѣ на закладѣ корабля Штидесятнаго; изволила пожаловать въ корму 3 черв.

въ 26 д. Ея высочество цесаревна Елисафета Петровна съ великимъ княземъ изволила быть воспріемницею лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у флейтщика Павла Бойщикова сына его, которому дано на крестъ 4 черв.

въ 27 д. Ея величество государыня императрица съ королевскимъ высочествомъ изволили быть воспріемниками у капитана лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у Михайлы Пушкина дочери его Катерины; изволила ея величество пожаловать на крестъ 20 черв.; да священнику Якову, который въ то время былъ въ дѣйствѣ, 4 черв.

въ 31 д. Принесъ ея величеству изъ Италіанскаго ея величества саду садовникъ Ригеръ ананасъ, которому изволила пожаловать 5 черв.

Того же числа дано Кузмѣ Спиридонову на похороны сына его 5 черв.

Того же числа дано ея величества государыни императрицы прачкѣ Катеринѣ Кириловой, для покупки трухмалу синяго и бѣлаго и ушатовъ, два червонныхъ.

Ноябрь.

въ 3 д. Ея величество государыня императрица изволила быть воспріемницею у лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку пятой роты у солдата Якова Бѣлянскаго дочери его Матрены, которому дано на крестъ 4 черв.; въ томъ числѣ бабкѣ повивальной половина, да священнику, которой былъ въ дѣйствѣ того крещенія, дано 1 черв.

въ 5 д. Ея величество государыня императрица изволила быть воспріемницею съ королевскимъ высочествомъ герцогомъ Голштинскимъ у оберъ-гофмейстера Олсуфьева сына его Якова; дано повивальной бабкѣ иноземкѣ на кашу 5 черв.

Того же числа подносилъ ея величеству государынѣ императрицѣ его величества блаженныя памяти пѣвчій Галактіонъ Варганской именинной калачь, которому указала пожаловать 2 черв.

Того же числа дано лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитану поручику Ивану Иванову сыну Касагову на крестъ сына его Григорья, котораго изволила ея величество въ Сентябрѣ въ 19-мъ числѣ воспріемницею быть, 10 черв.

въ 7 д. Изволила ея величества государыня императрица смотрѣть у Венгера, которой пріѣхалъ изъ Франціи и показывалъ штуки и въ барабанъ билъ и на головѣ стоялъ, которому изволила пожаловать 30 червонныхъ, которые червонные отдавалъ господинъ генералъ-адъютантъ Антонъ Мануиловичъ Девіеровъ.

Декабрь.

въ 4-мъ числѣ ея величество государыня цесаревна Елисафета Петровна съ великимъ княземъ изволила быть воспріемниками лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у гранадеровъ у Сафона Клюева, да у Ивана Блинова сыновей ихъ, которымъ изволила пожаловать по 6 черв. человѣку.

въ 10 числѣ подносилъ ея величеству Петро-Павловской протопопъ Мина Григорьевъ именинной калачь, которому изволила пожаловать 10 черв.

въ 16 д. Ея величество императрица изволила быть воспріемницею съ господиномъ Нарышкинымъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку у солдата Евдокима Теляшова, при которомъ дѣйствѣ былъ священникъ отъ церкви Исакія Далмацкаго Иванъ Степановъ, которому дано 1 черв.

въ 30 д. Присланному отъ царевны Анны Ивановны къ ея императорскому величеству гофъюнкеру иноземцу Яганну Христофу дано 15 червонныхъ, которой принесъ два штофа отъ ея высочества, которые червонные взяла для отдачи оному дѣвица Анна Крамброва.

АРХИМАНДРИТЪ ВАРЛААМЪ.

Въ 1669 г., въ причтѣ Рождественскаго собора, что̀ вверху на сѣняхъ Московскаго Кремлевскаго дворца, значился первымъ по протопопѣ священникъ Василій Антипіевъ Высоцкій, въ послѣдствіи архимандритъ Троицкой Сергіевой Лавры Варлаамъ. Еще въ санѣ священника того же собора, онъ былъ духовникомъ царевны Наталіи Алексѣевны († 1716 г.), родной (по отцу и по матери) и любимой сестры Петра I, а вѣроятно и старшихъ ея сестеръ: Екатерины Алексѣевны, жившей безвыѣздно въ Москвѣ († 1718 г.), Мароы Алексѣевны, которая была пострижена въ 1698 г. въ монахини въ дѣвичьемъ Успенскомъ что̀ въ Александровской Слободѣ монастырѣ, подъ именемъ Маргариты, Өеодосіи Алексѣевны († 1713 г. и погребена въ томъ же Успенскомъ монастырѣ рядомъ съ сестрою) и Марьи Алексѣевны, замѣшанной въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, въ 1718 г. отвезенной въ Шлиссельбургъ и тамъ скончавшейся въ 1723 году.

Царевна Екатерина Алексѣевна родилась въ 1658 г.; память ея рожденія, по преданію предвозвѣщенная царю Алексѣю Михайловичу въ сонномъ видѣніи великомученицею Екатериною, ознаменована заложеніемъ, яко бы на самомъ мѣстѣ видѣнія (въ 25 верст. отъ Москвы за дворцовымъ селомъ Царицынымъ) нынѣшней Екатерининской мужской пустыни въ 1659 г. Царевна Екатерина участвовала въ замыслахъ сестеръ своихъ царевенъ Мароы и Софіи противъ брата ихъ Петра, а потому въ 1698 г. заключена имъ въ Московскій Новодѣвичій монастырь, но безъ постриженія. Получивъ свободу, она воспринимала вмѣстѣ съ племянникомъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ присоединенную къ православію Марту Василевскую, въ послѣдствіи Екатерину Алексѣевну, императрицу Всероссійскую;

умерла тамъ же 1 Мая 1718 г. Тѣло ея погребено въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря. Царевна эта, живя безвыѣздно въ Москвѣ въ своемъ Московскомъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, не благоволила къ Петербургу и не хотѣла никогда пріѣхать взглянуть на него.

Черезъ этихъ-то царевенъ, конечно, священникъ Василій Антипіевъ сталъ знаемъ и знаменитой Маріенбургской плѣнницѣ Мартѣ, когда она въ концѣ 1703 или въ началѣ 1704 г., будучи, по приказанію царя Петра, привезена въ Москву, проживала въ ней таинственно, въ нанятомъ для нея частномъ домѣ, гдѣ и родились двѣ ея дочери: Анна и Елисавета. Въ Москвѣ же Марта была присоединена къ Православію и съ тѣхъ поръ стала именоваться Екатериною [1]) Алексѣевною Михайловою: Екатериною по своей воспріемной матери царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Алексѣевною, по своему воспріемнику, которымъ былъ царевичь Алексѣй Петровичь, и Михайловою, потому, что эту фамилію, какъ извѣстно, носилъ самъ царь, въ честь своего державнаго дѣда [2]).

Зная, что протоіерей Василій Антипіевъ былъ духовникомъ „Екатерины Алексѣевны" еще до объявленія ея супругою Петра и пользовался ея особымъ благоволеніемъ, мы вправѣ предполагать, что онъ-то и присоединялъ её къ Православію. Это присоединеніе происходило втайнѣ (то есть, было желаніе не придавать ему огласки); но утаить его совершенно было не возможно, и мы полагаемъ, что это самое событіе, отчасти покрытое завѣсою тайны, и послужило поводомъ болтливымъ иностранцамъ, въ родѣ Бассевича и Вильбоа, мало или вовсе незнакомымъ съ чиноположеніями Православной церкви, ославить присоединеніе Марты къ Православію тайнымъ ея бракомъ съ Петромъ, а потомъ и письменно утверждать, будто первый бракъ былъ тайный въ 1707 г., а второй явный и торжественный 19 Февраля 1712 г. Но для насъ важно опредѣленное указаніе этихъ чужеземцевъ (а съ ихъ словъ и довѣрчиваго Голикова), что событіе, ими неправильно обозванное тайнымъ бракомъ, относится къ 1707 г. Изъ этого можно заключать, что до 1705 г., навѣрное (а можетъ быть и до 1707 г.) священникъ или протоіерей Василій Антипіевъ еще находился въ Москвѣ при придворномъ Рождественскомъ соборѣ въ званіи духовника царевенъ, такъ какъ эта церковь принадлежала къ ихъ терему.

Далѣе извѣстно о Василіѣ Антипіевѣ, что онъ постригся въ монахи въ Переяславскомъ (Переяславля Залѣсскаго) Борисоглѣбскомъ монастырѣ [3]), съ нареченіемъ Варлаамомъ, а въ 1709 г., былъ уже назначенъ настоятелемъ Переяславскаго же Троицкаго Данилова монастыря съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Есть основаніе предполагать, что прежде этаго назначенія онъ, въ санѣ игумена, былъ настоятелемъ Переяславскаго же Никольскаго на Болотѣ монастыря, находящагося на берегу Переяславскаго озера. (Монастырь этотъ основанъ преподобнымъ Димитріемъ Прилуцкимъ, разоренъ при самозванцахъ и возобновленъ въ томъ

[1]) Имя Екатерины, данное Мартѣ, по присоединеніи ея къ Православной церкви, встрѣчаемъ впервыя въ ея подписи подъ общимъ письмомъ женщинъ, составлявшихъ дворъ любимой сестры Петра I царевны Натальи Алексѣевны 6-го Октября 1705 г. «Катерина саматретья» (Ист. Рос. Соловьева т. XVI, стр. 70).

[2]) Фамильныя имена въ то время и долго послѣ (а въ простонародьи, также у Сербовъ и Болгаръ еще позднѣе) колебались въ своемъ значеніи. Романовы значило просто происшедшіе отъ Романа, и Петръ не дѣлалъ новизны, прозываясь Михаиловымъ. *П. Б.*

[3]) Борисоглѣбскій, Песоцкій или на желтыхъ пескахъ муж. монастырь въ Переславлѣ-Залѣсскомъ. Кѣмъ былъ основанъ, неизвѣстно. По упраздненіи сего монастыря въ 1764 г., иноки его переведены въ Борисоглѣбскій же монастырь что па Горѣ, а прежняя ихъ церковь обращена въ приходскую; въ ней почиваютъ подъ спудомъ мощи блаженнаго Корнилія-Затворника, о житіи котораго нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

же XVII столѣтіи схимонахомъ Діонисіемъ † 1645 г.). По крайней мѣрѣ извѣстно, что зданія этой обители, пришедшія въ совершенный упадокъ къ началу XVIII столѣтія, были приведены въ наилучшее состояніе игуменомъ Варлаамомъ (Описаніе мон. Ратшина, стр. 48).

Когда и почему Василій Антипіевъ оставилъ Москву? Это могло произойти не ранѣе 1705 г. и не позже 1707 г., тѣмъ болѣе, что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1708 г., царевны, по волѣ царя, уже переселились въ новопостроенный Петербургъ. Варлаамъ оставилъ Москву вѣроятно съ одной стороны потому, что былъ въ то время вдовцемъ и желалъ послѣдовать общему обычаю того времени постричься въ монашество; а съ другой потому, что и значеніе его, какъ дворцоваго священника, съ переселеніемъ двора изъ Москвы въ Петербургъ, оканчивалось, тогда какъ, при вступленіи въ монашество, открывались для него виды на продолженіе и укрѣпленіе той силы, которая была пріобрѣтена имъ въ званіи „духовника царевенъ“.

Происхожденіемъ или, какъ тогда выражались, породою Варлаамъ былъ изъ Великороссіянъ: это значится при его имени въ спискѣ настоятелей Троицко-Сергіевой Лавры. Онъ родился въ селѣ Домодѣдовѣ (Московской губерніи, Подольскаго уѣзда на рѣкѣ Пахрѣ), гдѣ его усердіемъ построена церковь изъ бѣлаго камня, украшающая это село и понынѣ. Есть и священникъ (того же уѣзда), носящій фамилію Высоцкаго и родственникъ Варлааму (сіе свѣдѣніе сообщено намъ Н. П. Розановымъ).

Въ Даниловомъ Переяславскомъ монастырѣ Варлаамъ настоятельствовалъ съ 1709 по 1726 годъ. Отсюда-то онъ и велъ переписку съ своей бывшей духовной дочерью Екатериною Алексѣевною Михайловою. Первое извѣстное намъ письмо его (въ которомъ однако упоминается и о предшествовавшихъ) относится къ 1710 г.. а слѣдовательно къ тому времени, когда Екатерина, еще не будучи объявлена супругою Петра (что послѣдовало лишь 6 Марта 1711 г.), пріѣхала съ царемъ въ Москву для слѣдованія въ Турецкій походъ. Въ этомъ письмѣ Варлаамъ называетъ её еще просто „своею дочерью по духу Екатериною Алексѣевною“; онъ употребляетъ ласкательныя народныя имена: „мой свѣтъ, моя дорогая,“ и благодаритъ за ея „прежнія писанія къ его убожеству“. Очевидно, что переписка эта по своему началу восходитъ къ 1708 г., то есть, къ переѣзду двора изъ Москвы въ Петербургъ и къ перемѣщенію Варлаама изъ Москвы въ Переяславль. Слѣдующее за тѣмъ письмо относится къ 1719 г. и стало быть писано уже послѣ того, какъ Екатерина Алексѣевна была торжественно обвѣнчана съ Петромъ (19 Февраля 1712 г.), а потому и начинается оно уже такимъ обращеніемъ: „Радость наша и Всероссійская государыня, благовѣрная царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна“. Для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ этой переписки необходимо замѣтить, что архимандритъ Варлаамъ, будучи въ Переяславлѣ, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи женскій Ѳедоровскій монастырь (въ Переяславлѣ же), въ которомъ, равно какъ и въ Успенскомъ, что въ Александровской Слободѣ [4]), постригались тогда вдовы и дочери знатныхъ Московскихъ бояръ. Упоминаемыя въ письмахъ Варлаама старицы Наталія и Есѳирь вѣроятно принадлежали къ числу знакомыхъ царицы по Москвѣ, а потому

---

[4]) Успенская Александровская Слобода съ ея дѣвичьимъ монастыремъ, указомъ Петра 1713 г., была отдана къ комнатѣ царевны Наталіи Алексѣевны, духовной дочери Варлаама; а потому вѣроятно, что и этотъ монастырь состоялъ подъ его духовнымъ наблюденіемъ. Здѣсь была пострижена въ монашество въ 1698 г. царевна Марѳа Алексѣевна, подъ именемъ инокини Маргариты, скончавшаяся въ 1707 г., и рядомъ съ нею погребена сестра ея царевна Ѳеодосія Алексѣевна, скончавшаяся въ 1713 г.

Варлаамъ и находитъ приличнымъ говорить о нихъ въ своихъ письмахъ.

Особливое вниманіе къ этой обители со стороны царицы Екатерины Алексѣевны свидѣтельствуется еще однимъ частнымъ обстоятельствомъ, о которомъ мы должны упомянуть, какъ о имѣющемъ непосредственное отношеніе къ жизнеописанію архимандрита Варлаама. Въ 1721 г. Святѣйшій Сѵнодъ, усмотрѣвъ изъ донесенія оберъ-инвизитора, Златоустовскаго архимандрита Антонія отъ 14 Апрѣля 1721 г., что архимандритъ Данилова монастыря (въ Переяславлѣ) Варлаамъ, въ вѣдомствѣ котораго находился женскій Ѳедоровскій монастырь въ томъ же городѣ, съ трудомъ принялъ посланныхъ въ тотъ монастырь старицъ, обращенныхъ изъ раскола, и писалъ къ нему архимандриту Антонію, чтобы впредъ никого къ нимъ подъ началъ не присылать, для того что-де, имяннымъ Его Царскаго Величества указомъ, принимать ему не велѣно, — резолюціею своею постановилъ: „архимандриту Варлааму послать указъ, съ подкрѣпленіемъ, дабы и впредъ таковыхъ присылаемыхъ старицъ (т. е. обращенныхъ изъ раскола) принималъ и ничѣмъ не отговаривался, подъ опасеніемъ жестокаго штрафа и наказанія, а безъ указу изъ Сѵнода въ тотъ Ѳедоровской монастырь старицъ впредъ никого не постригать.“ Одновременно съ симъ послѣдовало такое же распоряженіе о непостриженіи безъ указу старицъ и въ Успенскомъ, что въ Александровской Слободѣ, монастырѣ (См. Собраніе постановленій по вѣдомству Православнаго исповѣданія, I, 55).

Архимандритъ Варлаамъ, будучи настоятелемъ главнаго изъ Переяславскихъ монастырей, кажется, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи (по нынѣшнему благочиніи) и всѣ остальные Переяславскіе городскіе и загородные монастыри, ибо оставилъ въ нихъ слѣдъ своего вліянія и дѣятельности. Такъ напримѣръ извѣстно, что въ Николаевской Солбинской пустыни (въ 40 верст. отъ Переяславля, на р. Солбѣ) имъ сооружена въ 1711 г. теплая церковь во имя Святителя Николая Чудотворца; да и самое возобновленіе этой совершенно было запустѣвшей обители, въ томъ же 1711 г., по указу Петра I, слѣдуетъ приписать ходатайству о. Варлаама предъ государемъ, черезъ царицу.

Въ 1726 г., архимандритъ Варлаамъ, по указу императрицы Екатерины I-й, назначенъ настоятелемъ Троицко-Сергіевой Лавры. Назначеніе это было оповѣщено ему собственноручнымъ письмомъ императрицы отъ 14-го Іюля 1726 г., и отсюда начинается новый періодъ его дѣятельности и значенія.

Настоятельство архимандрита Варлаама было благодѣтельно для Лавры и оставило о немъ добрую память, особенно въ отношеніи ея внутренняго и внѣшняго благоустройства. Такъ въ 1732 г., онъ испросилъ у Святѣйшаго Сѵнода благословеніе построить церковь надъ гробомъ ученика Сергіева Преподобнаго Михея, и указомъ Святѣйшаго Сѵнода разрѣшено сію церковь „наименовать, при освященіи, во имя явленія Пресвятой Богородицы со святыми Апостолами святому преподобному отцу Сергію Радонежскому, при которомъ сподобился быть и оный преподобный Михей“ (грам. дух. № 45). Церковь освящена 10-го Декабря 1734 г., какъ видно изъ надписи на деревянномъ крестѣ. Онъ же пожелалъ устроить церковь въ честь чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы Одигитріи, стоявшаго въ монастырѣ противъ больницы, по случаю исцѣленія одного больнаго при семъ образѣ [5]).

[5]) Въ рукописномъ описаніи Лавры, составленномъ въ 1781 году, приведено показаніе старожиловъ, взятое въ 1746 г., что въ 1730 г. образъ, сей, стоявшій въ то время на стѣнѣ палаты, представился въ сонномъ видѣніи псаломщику, имѣвшему пригнутыя къ спинѣ и изсохшія руки; что послѣ сего видѣнія псаломщикъ получилъ исцѣленіе и, по важности событія, былъ представленъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ Измайловскомъ дворцѣ и освидѣтельствованъ врачами.

Для сего, въ 1735 г., обращены были въ церковь двѣ каменныя палаты, находившіяся противъ той же больницы. Но какъ они были ветхи, то при одномъ изъ преемниковъ Варлаама, архимандритѣ Арсеніи, на пожертвованные графомъ А. Г. Разумовскимъ 3000 рублей, устроена была церковь Божіей Матери вновь, почти на томъ же мѣстѣ.

При архимандритѣ Варлаамѣ, ризница Троицкой Лавры обогатилась многими приношеніями его духовной дочери императрицы Анны Іоанновны. Поименуемъ важнѣйшія: 1) Митра, низанная жемчугомъ по серебряной золоченой дскѣ, украшена драгоцѣнными камнями, изъ коихъ одинъ рубинъ оцѣненъ въ 20,000 рублей. 2) Панагія съ изображеніемъ Тайной Вечери, украшенная алмазами. На передней сторонѣ ея подъ янтаремъ начертана на Нѣмецкомъ языкѣ надпись: „кровь Іисуса Христа Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха" (I, Іоан. I, 7) На задней дскѣ надпись: „1734 г. сею панагіею пожаловала Ея Императорское Величество Государыня Императрица Анна Іоанновна духовника своего, Троицы-Сергіева монастыря архимандрита Варлаама." 3) Ризы съ принадлежностями пунцоваго бархата низаны жемчугомъ, коего на одной ризѣ около 9 фунтовъ. 4) Ризы парчи серебряной по малиновой землѣ; оплечья украшены жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Сіи ризы устроены изъ убора императрицы Анны Іоанновны, въ которомъ она вступила въ Москву для принятія Всероссійскаго престола; епитрахиль, набедренникъ и палица вышиты собственными руками государыни, какъ видно изъ надписи на нихъ сдѣланной, 1736 г. Декабря 24 дня. 5) Два покрова золотой парчи съ шелковыми травами: на одномъ малое изображеніе пр. Сергія, а на другомъ пр. Никона.

По ходатайству архимандрита Варлаама были возвращены Троицкой Лаврѣ тѣ села и деревни, которыя при императорѣ Петрѣ І-мъ были отчислены къ новооснованной Троицкой Александровской Лаврѣ (указъ 1730 г. 15-го Іюля).

Варлаамъ переѣхалъ въ Петербургъ вслѣдъ за императрицей и имѣлъ пребываніе на Троицкомъ подворьѣ (построенномъ на мѣстѣ, которое было пожаловано Лаврѣ Петромъ I въ 1714 г.). Онъ былъ назначенъ въ составъ конференціи Сѵнода съ Сенатомъ, но и въ званіи присутствующаго члена Св. Сѵнода ни разу не былъ въ его собраніи и не подписывался подъ его протоколами (см. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 280). Варлаамъ отправлялъ божественную службу при высочайшемъ дворѣ: зимою—въ Зимнемъ дворцѣ [6]), а лѣтомъ въ новопостроенномъ лѣтнемъ домѣ [7]), что видно изъ указа, даннаго на его имя 13-го Іюня 1732 г., коимъ повелѣвалось ему: „при отправленіи божественной службы, для подаденія осѣняльныхъ свѣчь и послуженія, имѣть при себѣ изъ мірскихъ персонъ въ стихаряхъ, колико пристойно, которыхъ и посвятить ему въ чтецы и пѣвцы самому, другимъ архимандритамъ не въ образецъ". Еще прежде сего, а именно 17 Апрѣля 1731 г., послѣдовалъ указъ той же императрицы, коимъ предписано архимандриту Варлааму, по званію настоятеля Троицко-Сергіевой Лавры, „въ священнослуженіи всё употреблять и поступать, какъ опре-

---

[6]) Анна Іоанновна, пробывъ по воцареніи своемъ съ 10-го Февраля 1730 г. до начала Января 1732 г. въ Москвѣ, переѣхала 15-го Января 1732 г. въ Петербургъ и прямо вступила въ завѣщанный Апраксинымъ Петру II-му домъ, потому и сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ новымъ зимнимъ дворцомъ; а старый былъ отданъ для жительства другимъ служащимъ при дворѣ. Съ тѣхъ поръ она ни разу не была въ Москвѣ, хотя и собиралась туда съѣздить по окончаніи Турецкой войны (Р. Арх. 1873, стр. 1647).

[7]) Этотъ лѣтній дворецъ или домъ былъ деревянный, одноэтажный, но довольно обширный, сооруженъ въ 1732 г., въ лѣтнемъ саду, вдоль набережной Невы, по линіи, занимаемой нынѣ рѣшеткою и часовнею въ память 4-го Апрѣля 1866 г.

дѣлено Кіевопечерскимъ архимандритамъ".

Изложивъ, на сколько извѣстно, внѣшнюю дѣятельность архимандрита Варлаама въ періодъ его управленія Переяславскимъ Даниловымъ монастыремъ (съ 1709 по 1726 г.) и Троицко-Сергіевою Лаврою (съ 1726 по 1737 г.), посмотримъ на его значеніе въ составѣ современной ему іерархіи, зависѣвшее отъ личныхъ его свойствъ. Занимая почетное званіе, „царскаго духовника", Варлаамъ пользовался отъ императрицы и Двора особымъ уваженіемъ за свои личныя свойства, состоявшія, по свидѣтельству современниковъ, въ строгой жизни по уставамъ церкви и благочестіи, которое хотя и осмѣивалъ (въ угоду могучему противнику его Өеофану Прокоповичу) извѣстный сатирикъ того времени Кантемиръ, но по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева „историкъ не можетъ (и прибавимъ отъ себя, и не долженъ) произносить своего „суда, выслушивая только одну сторону, „не можетъ основаться на сатирическомъ представленіи Варлаама, сдѣланномъ противниками" (притомъ же подъ веселую руку, на потѣху себѣ и собутыльникамъ); тѣмъ болѣе, что вся дѣятельность Варлаама, по сохранившимся даннымъ, приводитъ къ заключенію, что внѣшнее благочестіе его было лишь слѣдствіемъ внутренняго убѣжденія. Тѣ изъ современныхъ изслѣдователей того времени, которые ставятъ ему въ вину „уклончивость" его въ тогдашней борьбѣ партій духовныхъ лицъ Русской и Малороссійской породы, забываютъ, что эта уклончивость могла происходить и не отъ одного эгоизма, а изъ благоразумной осторожности, изъ опасенія, погнавшись за бо́льшимъ и невѣрнымъ, потерять черезъ то возможность дѣлать посильное добро другимъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ. Вопросъ въ томъ, достаточно ли пользовался Варлаамъ своимъ мѣстомъ и вліяніемъ для того, чтобы дѣлать другимъ добро? А на это находимъ отвѣтъ въ свидѣтельствѣ современниковъ, которые передаютъ, что пріемная Варлаама была постоянно наполнена просителями разныхъ званій и состояній. Если бы просители эти отходили неудовлетворенными, то и собранія скоро бы прекратились. Но и при осторожности, можетъ быть врожденной, Варлаамъ, по своему высокому положенію. не могъ уберечь себя вполнѣ отъ вмѣшательства въ упомянутую борьбу; самая кажущаяся нейтральность его подала поводъ „Русской партіи" считать его въ числѣ ближайшихъ кандидатовъ на патріаршій престолъ, о возстановленіи котораго она помышляла.

Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ старо-Русской партіи, мечтавшей о возстановленіи въ Россіи патріаршества, былъ управлявшій С. Петербургскою типографіею М. Н. Аврамовъ. Онъ подалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ проэктъ: „о должности, какъ Ея Императорскому Величеству управлять христіанскою боговрученною Ея Величеству державою", въ которомъ между прочимъ шла рѣчь о возстановленіи патріаршества. „Кто же будетъ патріархомъ? Для такого искренняго ревнителя благочестія, какъ Аврамовъ, который для искупленія старыхъ грѣховъ умерщвлялъ плоть свою веригами, для такого искренняго ревнителя кандидатомъ на патріаршество не могъ быть Георгій Дашковъ (епископъ Ростовскій), не смотря на его „Россійскую породу", котораго немонашеская дѣятельность, немонашескій образъ жизни слишкомъ выдавались наружу; не могъ быть и Өеофилактъ Лопатинскій (Тверской епископъ), котораго нѣкоторые прочили, за его ученость, но противъ котораго было также нареканіе за немонашескія привязанности: объ немъ говорили, что скрипочки, да дудочки (словомъ любовь къ музыкѣ) мѣшаютъ ему быть патріархомъ. Для людей, хотѣвшихъ ученаго патріарха и знавшихъ, что такого можно найти только между Малороссіянами, идеаломъ былъ покойный Стефанъ Явор-

скій, подобнаго которому не находили; и надобно замѣтить, что кромѣ другихъ неблагопріятныхъ условій, возстановленію патріарха именно мѣшало то, что не было лица достойнаго. Кромѣ того между людьми, желавшими возстановленія патріаршества, господствовало сильное разногласіе: новыя потребности были сильны, и потому многіе не могли себѣ представить неученаго патріарха; другіе ни подъ какимъ видомъ не хотѣли на этомъ мѣстѣ Малороссіянини. Аврамовъ, для котораго чистота Православія и благочестія были на первомъ планѣ, не думалъ объ учености и остановилъ свой выборъ на духовникѣ императрицы, Троицкомъ архимандритѣ Варлаамѣ". (Исторія Россіи Соловьева, XIX, 295).

Аврамовъ убѣдилъ Варлаама попросить императрицу о освобожденіи одного изъ самыхъ упорныхъ противниковъ Θеофана Прокоповича—Маркелла Родышевскаго, содержавшагося тогда по его дѣлу съ Θеофаномъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, и для показанія его невинности возобновить дѣло о доносахъ его на Θеофана. Варлаамъ отвѣчалъ: „пусть напишетъ прошеніе, а на книги (сочиненія Θеофана), что̀ знаетъ, изъясненіе". Аврамовъ передалъ отвѣтъ Варлаама Родышевскому и сказалъ, чтобъ онъ написалъ прошеніе съ изъясненіемъ противъ Θеофана. Родышевскій написалъ на высочайшее имя прошеніе и отдалъ Аврамову, а Аврамовъ Варлааму; но подалъ ли Варлаамъ это прошеніе императрицѣ, неизвѣстно, потому что борьба между Θеофаномъ и его противниками возгорѣлась вновь, не по поводу этого прошенія, а по поводу распространенныхъ противъ Θеофана въ народѣ пасквилей. Борьба эта была ведена упорно и съ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ; но не изъ чего не видно, чтобы Варлаамъ принималъ въ ней дѣятельное участіе, такъ какъ имя его не упоминается почти вовсе въ томъ процессѣ, который велъ Θеофанъ съ своими противниками, процессѣ, кончившемся, какъ извѣстно, его полнымъ торжествомъ надъ ними. Варлаамъ же, хотя по внутреннему убѣжденію и былъ совершенно на сторонѣ противниковъ Θеофана, но по осторожности или потому что, не смотря на свое вліяніе при дворѣ, внутренно сознавалъ свое безсиліе бороться съ извѣстнымъ по своему уму и хитрости противникомъ, не принялъ дѣятельнаго участія въ этой борьбѣ, кончившейся столь плачевнымъ образомъ для всѣхъ и для келейника Варлаамова іеродіакона Іоны, заточеннаго по растриженіи на Валаамъ (за распространеніе пасквилей на Θеофана), и потомъ снова вызваннаго въ Петербургъ и скончавшагося въ крѣпости 25 Ноября 1734 г.

Императрица Анна Іоанновна, по кончинѣ сестры своей царевны Екатерины Іоанновны (1733 г.), подарила своему духовнику принадлежавшую царевнѣ мызу на Петергофской дорогѣ. Варлаамъ устроилъ здѣсь церковь и небольшой монастырекъ, куда уединялся по временамъ въ послѣдніе годы своей жизни для подвиговъ благочестія. Онъ скончался въ 1734 г.; и императрица, какъ его духовная дочь, еще разъ всенародно засвидѣтельствовала свое уваженіе къ нему, участіемъ, которое она приняла въ устройствѣ его погребенія [8]).

Въ Московской Оружейной Палатѣ, въ числѣ столовыхъ вещей, хранятся серебряныя тарелки, принадлежавшія архимандриту Варлааму (что̀ видно изъ надписи на оныхъ); онѣ подарены ему императрицею Анною. *А. Л—в.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА ВАРЛААМА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ, ЕГО ДУХОВНОЙ ДОЧЕРИ.

Отъ архимандрита Варлаама по дарованію Святаго Духа дочери моей Екатеринѣ Алексѣевнѣ благодать Бо-

---

[8]) Русскій Архивъ 1866 года.

жія и миръ съ благословеніемъ. Здравствуй, мой свѣтъ, на множество лѣтъ; за прежнія твои ко мнѣ убогому писанія челомъ бью. А и впредъ о томъ же прошу, моя дорогая, да не буду лишенъ таковыя благодати, прежде бывшія мнѣ отъ тебя. Дерзаю просить у милости твоея за Акулину Петровну, о чемъ прошеніе ея къ милости твоей будетъ чрезъ посланнаго; по силѣ своей трудъ милостивной изъяви къ пустотѣ ея, а за милость твою будетъ вѣчная богомолица. По семъ во охраненіе Божіе милость твою предаю и нижайшее поклоненіе полагаю. Декабря 11-го 1710 года.

2.

Радость наша и Всероссійская государыня, благовѣрная царица и великая княгиня, Екатерина Алексѣевна! Вашего пресвѣтлаго величества милостивое писаніе къ моему странствію получилъ съ любовію душевною Февраля въ 23 день, въ которомъ, по желанію нашему, объявлено о здравіи его царскаго величества, купно же и ваше съ дражайшими дѣтки и про отправленіе пути своего на Олонецъ. И за превысочайшую вашу государскую милость Богу благодарственное моленіе церковнѣ и келейнѣ принося радуюся. А впредъ паки съ жаждою прошу не что иное, токмо о здравіи вашего пресвѣтлаго величества не умедлити, да не буду лишенъ таковыя радости, въ чемъ вся Россія радостію радуется и веселіемъ веселится. Вашего пресвѣтлаго величества дненощный богомолецъ чернецъ Варлаамъ, Данилова монастыря, что въ Переславлѣ, архимандритъ, поклоненіе полагаю, яко предъ самимъ лицемъ вашего величества. Марта 6-го 1719. Еще вашего милосердія прошу дерзновенно о писаніи, дабы часто слышалъ ваше пресвѣтлое величество во здравіи и благополучномъ пребываніи, отъ чего не могу вспокоиться. Обще и не письмами, но отъ многихъ людей, которые изъ Санктпитербурха бываютъ къ намъ, того и спрашиваю: видѣлъ ли царское величество и царицу государыню и каковы они, государи, во своемъ здравіи? Нѣтъ мнѣ на свѣтѣ больше сея радости, когда слышу васъ радующихся.

3.

Всемилостивѣйшая государыня наша, Всероссійская радость, благовѣрная царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна! Иного писать до вашего величества не имѣю, но токмо всегда горитъ сердце мое, какъ бы слышать о здравіи всемилостивѣйшаго государя, о вашего величества здравіи, купно съ любезнѣйшими дѣтьми и внучатами. Протчее же съ несумнѣннымъ моимъ надѣяніемъ предавъ мене въ ваши государевы святыя молитвы, униженно съ достодолжнымъ моимъ поклоненіемъ ко святымъ вашимъ государевымъ стопамъ, яко предъ самымъ лицемъ вашего величества, припадаю. Высокобожескою вашею милостію взысканный чернецъ Варлаамъ, Даниловскій архимандритъ. Генваря 28-го дня 1721 года. Не оставь, матушка, въ забвеніи разореннаго пожаромъ монастыря нашего.

4.

Всемилостивѣйшая государыня наша, благовѣрная царица и Всероссійская заступница, Екатерина Алексѣевна. Благодарствую вашу къ себѣ выкобожескую милость чрезъ милостивыя ваши государскія посланія вашего величества. И впредъ прошу, дабы нижайшій вашъ богомолецъ

былъ увѣдомленъ вашею къ себѣ высокобожескою милостію чрезъ ваше государское милостивое посланіе о здравіи всемилостивѣйшаго нашего государя и вашего величества, чего я богомолецъ вашъ отъ сердца усердно повсечасно слышати желаю. А у насъ, всемилостивѣйшая государыня наша царица, намъ ваше величество радость наша и воскресенье наше. И всегда спрашиваемъ о вашемъ государскомъ здравіи, тѣмъ духовно веселимся, когда услышимъ васъ здоровыхъ, свѣтлыхъ и благополучныхъ. Вашего пресвѣтлаго величества, нижайшій богомолецъ, чернецъ Варлаамъ, Даниловскій архимандритъ, лицеземное поклоненіе полагаю и Бога всегда молю. Старицы Наталія и Есѳирь благодарствуютъ за ваше государское милостивое писаніе и непрестанно Бога молятъ.

5.

Благочестивѣйшая и премилостивѣйшая великая государыня наша, императрица Екатерина Алексѣевна, мати всего міра. Вашему пресвѣтлѣйшему величеству, со благочестивѣйшимъ и премилостивѣйшимъ государемъ нашимъ Петромъ Великимъ, императоромъ и самодержцемъ Всероссійскимъ и государынями цесаревнами, желаю здравія и всякаго благополучія на многая лѣта. Благодарствую, матушка наша Всероссійская, вашею государскою милостію высокобожескою ко мнѣ мизерному, полученною чрезъ ваше государское милостивое писаніе, въ которомъ извѣстихся азъ убогой вашъ богомолецъ о здравіи всемилостивѣйшаго государя нашего, что его императорское величество, купно и съ вами и съ любезнѣйшими вашими дѣтьми, защищеніемъ Вышняго въ добромъ обрѣтаетесь здравіи. И азъ убогой чернецъ, высокобожескою вашею милостію взысканный, Всевышнему благодареніе съ братіею воздалъ съ молебнымъ пѣніемъ и съ радостными слезами. А и впредбудущее время жизни моея вашему пресвѣтлѣйшему величеству желаю отъ сердца и отъ моей души съ прилежностію многолѣтняго здравія, во всякомъ благополучномъ пребываніи. Извѣстно чиню вашему величеству о старицѣ Есѳири, бывшей мнѣ дочери по духу, которую имѣлъ за добраго человѣка, явилась бездѣльницею, яко волкъ покрыта овчею кожею, почему мнѣ за этою лестію узнать было не мочно, и нынѣ явилась зміинымъ ядомъ; а именно не восхотѣ благословенія и удалися отъ мене, произошла на игуменство лукаво и многимъ льщеніемъ того монастыря попамъ и слугамъ и малоумнымъ старицамъ, которыя за лесть учинилися склонны и, утаяся другихъ старицъ, руки приложили объ ней на игуменство къ доношенію, а съ иныхъ руки прикладывали за очи. И по той заочной челобитной произошла на игуменство. А вашъ государской имянной указъ, съ которымъ я былъ посыланъ въ минувшую зиму сказать имъ старицамъ на соборѣ, чтобъ въ монастырѣ своемъ старицу выбрали на игуменство добрую, окромѣ Есѳири, — и та Есѳирь озлобилась на меня и начала ухищрять старицъ и сказала имъ, будто я такой указъ сказалъ не по вашему милосердому повелѣнію, но самовольно. И на такихъ ихъ глупыхъ мысляхъ бѣдный чернецъ и остался съ великимъ терпѣніемъ до присланнаго отъ вашего величества милостиваго писанія. А нынѣ оную Есѳирь указомъ изъ Святѣйшаго Синода пе-

ревели на игуменство въ Богородицкой монастырь, что въ Переславлѣ внутрь города. А по старицу Елисаветъ, о которой была отписка за моею рукою подана вашему величеству, ваше величество изволила отослать въ Святѣйшій Синодъ съ Василь-емъ Дмитріевичемъ *), указомъ же сvнодскимъ выслали въ Москву къ произведенію во игуменьи. Азъ же убогой старецъ претерпѣваю напасти, уповая на Бога и на вашу равнобожескую ко мнѣ милость, и не хощу мщенія за себя ни единому человѣку. Вашего величества, моего о Христѣ спасителя и хранителя, премилостивѣйшей государыни нашей, всякихъ благъ желатель, недостойный богомолецъ Варлаамъ архимандритъ, яко самаго Христа ноги ваши объемля поклоняюся. Сентября 19-го 1723 году.

6.

Всепресвѣтлѣ-благочестивѣйшая и самодержавнѣйшая, великая государыня наша императрица Екатерина Алексѣевна, матерь всего міра Россійскаго. Вашему пресвѣтлому величеству купно съ любезнѣйшими вашими дѣтьми желаю здравія и всякаго благополучнаго пребыванія на многая лѣта, и прошу Всевышняго Бога какъ келейнѣ, такъ и церковнѣ, со всею о Христѣ братіею, о вашемъ императорскомъ многолѣтнемъ здравіи и о любезныхъ вашихъ дѣтяхъ, а нашихъ государей премилостивыхъ. вашего пресвѣтлаго величества прошу, прикажи порадовать малодушнаго чернеца — отписать едину строку о своемъ многолѣтнемъ здравіи и дѣтей вашихъ любезныхъ, чего отъ сердца по всякъ часъ слышать желаю, вашего пресвѣтлаго величества, моего о Христѣ особливаго въ бѣдахъ и напастяхъ хранителя, премилостивѣйшія государыни нашей, всякихъ благъ желатель, недостойный богомолецъ Варлаамъ архимандритъ Даниловскій, яко самаго Христа ножки ваши объемля кланяюся. Марта въ 2 день 1726 году. Переславль.

*) Олсуфьевымъ?

Высочайшій имянной указъ императрицы Екатерины I-й архимандриту Варлааму. Честнѣйшій отецъ! Понеже Троицкій Сергіевъ монастырь нынѣ въ худомъ состояніи находится, а наипаче, какъ мы слышали, что монахамъ хлѣбъ даютъ овсяный, того ради на мѣсто бывшаго въ томъ монастырѣ архимандрита Гавріила, который нынѣ опредѣленъ епископомъ, велѣли мы перевесть въ Троицкій монастырь васъ архимандритомъ и надѣемся, что вы тотъ монастырь исправите и въ доброе состояніе приведете. 14 Іюля, 1726 г. (Кабин. дѣла, № 31 и 180).

УКАЗЫ АРХИМАНДРИТУ ВАРЛААМУ.

1.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, Троицкаго Сергіева монастыря архимандриту келарю монаху Веніамину Ершову, казначею монаху Нектарію Титову съ братіею. Сего Апрѣля 14 дня въ состоявшемся имянномъ Ея Императорскаго Величества указѣ за собственнымъ Ея Величества подписаніемъ, которой въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ сего жъ Апрѣля 15 числа полученъ, изображено: что издревле предки Ея Императорскаго Величества, по вѣрѣ своей къ Святому Чудотворцу Сергію Радонежскому и за почесть ему, оный монастырь многими образы почтенія отъ другихъ мо-

настырей отъ времени до времени награждали: того ради Ея Императорское Величество, за почесть онаго Святаго Чудотворца, намѣреніе соизволила воспріять, опредѣлить архимандриту въ священнослуженіи всё то употреблять и поступать, какъ опредѣлено Кіевопечерскому архимандриту. И Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ, исполняя оный Ея Императорскаго Величества имянный указъ, приказали: вышеупомянутаго Чудотворца Сергія Радонежскаго монастыря тебѣ архимандриту въ священнослуженіи все то употреблять и поступать такъ, какъ опредѣлено Кіевопечерскому архимандриту. И Троицкаго Сергіева монастыря архимандриту Варлааму, келарю монаху Веніамину Ершову, казначею монаху Нектарію Титову съ братіею о томъ вѣдать и чинить по вышеобъявленному Ея Императорскаго Величества имянному указу, а о томъ же для вѣдома съ синодальнымъ членамъ и въ епархію къ архіереомъ, а гдѣ архіереевъ нѣтъ, духовныхъ дѣлъ ко управителемъ, и въ ставропигіальные монастыри, и въ Духовную Дикастерію, и въ Санктпетербургское Духовное Правленіе, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода указы посланы. Подлинный указъ за руками оберъ-секретарей: Михаила Дудина, секретаря Гавріила Замятина, канцеляриста Николая Выркова. Апрѣля 17 дня, 1731 году, № 497-й.

2.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, въ Санктпетербургѣ, Троицкаго Сергіева монастыря архимандриту Варлааму. Святѣйшему Правительствующему Сvноду преосвященный Ѳеофанъ архіепископъ Великоновоградскій и Великолуцкій предлагалъ словесно: сего 1732 года Іюня 10-го дня, Всепресвѣтлѣйшая и Самодержавнѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Іоанновна Самодержица Всероссійская, въ присутствіе свое въ новоустроенномъ лѣтнемъ домѣ имяннымъ своимъ Императорскаго Величества указомъ повелѣла духовнику Ея Величества, тебѣ, Троицкаго Сергіева монастыря архимандриту Варлааму, при отправленіи тобою божественныхъ службъ для поданія тебѣ осѣняльныхъ свѣчь и прочаго послуженія, имѣть при себѣ изъ мірскихъ персонъ въ стихаряхъ, колико пристойно, которыхъ тебѣ жъ архимандриту посвятить и въ чтецы и пѣвцы самому. И Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ во исполненіе вышеобъявленнаго Ея Императорскаго Величества имяннаго указа приказали: тебѣ архимандриту Варлааму во время отправленія тобою божественнаго служенія для поданія тебѣ осѣняльныхъ свѣчь и прочаго послуженія въ стихаряхъ изъ мірскихъ кого или колико человѣкъ потребно имѣть и оныхъ въ чтецы и пѣвцы посвятить по церковному чиноположенію тебѣ-жъ архимандриту Варлааму самому, другимъ архимандритомъ не во образецъ; и о томъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода въ Санктпетербургѣ къ тебѣ послать указъ, о чемъ сей и посылается. И Троицкаго Сергіева монастыря архимандриту Варлааму о вышеписанномъ учинить по Ея Императорскаго Величества указу. Іюня 13 дня, 1732. Подлинный указъ за приписью оберъ-секретаря Михаила Дудина, секретаря Петра Анѳимова, за справкою канцеляриста Петра Васильева.

АНТИ-ФОТІЙ.

Отвѣтъ очевидца на статью помѣщенную въ Русскомъ Архивѣ 1873 года, подъ заглавіемъ: «Изъ Записокъ Юрьевскаго архимандрита Фотія». *)

Я рѣшаюсь на отважный и опасный шагъ, принимая на себя защиту личности, которую тысячи обвинительныхъ голосовъ преслѣдовали и преслѣдуютъ даже понынѣ, не давая ей покоя и во гробѣ, въ которомъ тѣло ея заключено уже многіе годы. Всѣ тѣ, которые бросали въ нее грязью съ ожесточеніемъ, никогда не знали ея, а основывали свои сужденія на слухахъ, или лучше сказать на сплетняхъ охотниковъ разносить вѣсти, не разбирая того, изъ какого они источника почерпнуты. Я имѣлъ случай видѣть ее въ продолженіи четырехъ лѣтъ почти каждый день, а съ 1825 года, оставивъ Петербургъ, имѣлъ письменныя сношенія какъ съ нею, такъ и съ приближенными къ ней лицами до самой ея кончины. Поэтому относящіяся къ ней обстоятельства должны быть лучше извѣстны мнѣ, нежели тѣмъ, кои собираютъ свѣдѣнія по слухамъ, часто невѣрнымъ и искажающимъ дѣло. А что показаніе мое безпристрастно и вѣрно, за то ручаются моя совѣсть, мои 78 лѣтъ: кто готовится въ скоромъ времени предстать на судъ превѣчной правды, тотъ не будетъ обольщать хитрою рѣчью слушателей или читателей. Къ тому же намѣреніе мое не только не представляетъ мнѣ никакой мірской выгоды, напротивъ того угрожаетъ мнѣ упреками и осужденіемъ безчисленнаго множества лицъ, судящихъ съ предубѣжденіемъ о предметѣ моей защиты и вѣроятно не желающихъ отказаться отъ своего убѣжденія. Однимъ словомъ, осмѣливаюсь поднять голосъ въ защиту извѣстной, но непонятой міромъ Катерины Филиповны Татариновой.

Пока нападенія на имя и честь Катерины Филиповны дѣлались словесно (а это происходило очень часто; подобный предметъ доставляетъ въ мірѣ обильную пищу злословію и клеветѣ), до тѣхъ поръ я отражалъ ихъ тѣмъ же самымъ оружіемъ, то есть словами. Я вовсе не безпокоился о томъ, что подвергаюсь насмѣшкамъ и осужденіямъ противниковъ ея, называвшихъ меня сообщникомъ начальницы ереси и участникомъ въ богопротивномъ дѣлѣ. Благодаря Богу и защитѣ праваго дѣла, я имѣлъ много успѣха. Нашлись благомыслящія лица, кои повѣрили болѣе добросовѣстному очевидцу, нежели собиравшимъ свѣдѣнія по слухамъ и нелѣпымъ разсказамъ. Впрочемъ я былъ твердо увѣренъ, что Богъ, для Котораго исключительно предприняла она великое дѣло, довершитъ его Самъ, оправдавъ торжественно трудившихся для Его славы: Онъ неоднократно велъ такимъ путемъ Своихъ избранныхъ, кои въ продолженія жизни своей, а часто и по смерти подвергались преслѣдованію и осужденію. Но когда эти клеветы и злословіе начали появляться въ печати, то я счелъ бы преступною небрежностію оставить безъ вниманія это дѣло, не разъяснивъ его передъ публикою и не обличивъ явную ложь, выдаваемую за факты ея противниками, тогда какъ этотъ предметъ извѣстенъ лучше мнѣ, нежели всѣмъ тѣмъ, кои рѣшились писать объ немъ. Свѣдѣнія, передаваемыя словесно, расходятся скоро, но часто и забываются скоро; но печатанное остается на долго, а иногда и на всегда. Будущія поколѣнія, читая обвиненіе и не находя нигдѣ защиты обвиненнаго, могутъ добросовѣстно принять за истину

*) Въ письмѣ, сопровождающемъ эту статью, авторъ настаиваетъ на помѣщеніи ея, такъ какъ въ Р. Архивѣ помѣщенъ голосъ стороны противной. Мы не сочли себя въ правѣ отказать ему въ этомъ требованіи. Онъ означаетъ подъ статьею полное свое имя, и тѣмъ самымъ вся нравственная отвѣтственность за содержаніе ея остается при немъ. *П. Б.*

то, что̀ въ сущности было плодомъ темнаго фанатизма, личнаго негодованія или незнанія дѣла. Чувствую, что отваживаюсь на многое. Мнѣ должно вступить въ борьбу съ громаднымъ большинствомъ, въ которомъ утвердились, хотя безъ надлежащаго основанія, убѣжденія противныя моимъ. Но дни мои изочтены, приближеніе роковой минуты видимо, а потому я считалъ бы непростительнымъ малодушіемъ, при видѣ вопіющей несправедливости, молчать, заботясь о мнѣніи міра, который скоро для меня существовать перестанетъ. Итакъ съ чистою совѣстью рѣшаюсь передать вниманію читающей публики то, чему въ продолженія нѣсколькихъ лѣтъ я былъ очевидцемъ-свидѣтелемъ.

Общество Катерины Филиповны составилось случайно, безъ всякой мірской или эгоистической цѣли. Жизнь ея была безпрерывною цѣпью тяжкихъ испытаній, тѣлесныхъ и душевныхъ страданій, недостатка, преслѣдованій, съ которыми суждено было ей бороться около 30 лѣтъ. Оставлена будучи мужемъ, котораго, не смотря на его недостатки, горячо любила, брошенная на произволъ судьбы, подверженная долговременной и изнурительной болѣзни, при крайнескудныхъ средствахъ къ содержанію, кои часъ отчасу становились недостаточнѣе, она находила единственное утѣшеніе въ малолѣтнемъ своемъ сынѣ, составлявшемъ послѣднюю нить, привязывавшую ее къ жизни. Господь, положившій въ Своемъ премудромъ совѣтѣ исключительно завладѣть ея сердцемъ, опредѣлилъ лишить ее и этого послѣдняго утѣшенія, дабы ничто уже не отвлекало ее отъ ревностнаго и преданнаго служенія Ему Одному. Будучи непостижимъ во всемъ, тѣмъ болѣе въ путяхъ, коими Онъ ведетъ Своихъ избранныхъ къ предназначенной имъ цѣли, Онъ повелъ ее такими крутыми и извилистыми стезями, на какихъ не устояла бы твердость никакой человѣческой души безъ Его особенной благодатной помощи. Тотъ, Кто изъ грязи сдѣлалъ благотворное лекарство слѣпцу, провелъ ее черезъ мутный источникъ, давъ ей Свой свѣтъ и премудрость, чтобъ извлечь изъ него чистое и здравое душевное питіе.

Лишась послѣдняго утѣшенія съ кончиною сына, Катерина Филиповна была близка къ отчаянію. Одна знакомая ей женщина, простаго званія, пришла ей на помощь съ утѣхою вѣры, убѣждая ее искать на небесахъ подкрѣпленія и утѣшенія, а чтобы занять умъ и сердце ея духовными упражненіями, ввела ее въ существовавшее въ то время въ Петербургѣ многочисленное общество, состоявшее изъ простолюдиновъ, по большей части скопцевъ и коего дѣятельность находилась тогда въ самомъ сильномъ разгарѣ. Основываясь на XIV главѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ Св. Апостола Павла, коимъ онъ повелѣваетъ ученикамъ своимъ „съ ревностью искать даровъ духовныхъ, особенно же того, чтобы пророчествовать“, члены этого общества прибѣгали съ усиліемъ ко всѣмъ возможнымъ для человѣка средствамъ: пламенной молитвѣ, строжайшему посту, изнуренію плоти, безпрерывному богомыслію, чтобы низвести Духа Святаго и пріобрѣсти даръ пророчества и, повидимому, нѣкоторые изъ нихъ достигали этой цѣли. Въ собраніяхъ ихъ, послѣ пѣнія духовныхъ пѣсенъ, которыми они призывали Духа Святаго, тотъ кто почувствовалъ *Его посѣщеніе становился на кругъ и питалъ Словомъ* по очереди всѣхъ присутствовавшихъ (я употребляю здѣсь собственныя ихъ выраженія). Не могу сказать за подлинно, дѣйствительно ли, или воображаемо было это *посѣщеніе* или вдохновеніе; знаю только то, что всѣ слушатели были напитаны, успокоены и утѣшены, тѣмъ болѣе что многіе предсказанія, вырывавшіяся изъ устъ проповѣдниковъ, исполнялись съ удивительною точностію. А что̀ болѣе всего могло возбудить удивленіе въ несочувствовавшемъ даже этому дѣлу слушателѣ, это необыкновенная физическая сила прорицателей во время вдохновенія. Приготов-

ляясь къ нему, они обыкновенно наблюдали строжайшій постъ, который, по естественному теченію дѣлъ, долженъ былъ ослабить тѣлесныя ихъ силы; между тѣмъ они *питали словомъ* присутствовавшихъ по нѣскольку часовъ неумолкая. Случилось между прочимъ событіе, которому едвали можно повѣрить, еслибъ не существовали на то убѣдительныя свидѣтельства. Одинъ изъ тамошнихъ вдохновенныхъ напиталъ словомъ сряду, безостановочно, 200 душъ, изъ коихъ одни уходили, другіе на ихъ мѣста приходили. *Празднество* это длилось безпрерывно 36 часовъ, въ продолженіи коихъ *пророкъ* не подкрѣплялъ себя ни пищею, ни питіемъ, ни сномъ. Общество находилось подъ руководствомъ и управленіемъ стараго скопца *), пользовавшагося глубокимъ уваженіемъ и неограниченною довѣренностію членовъ. Но то что̀ для свѣтскаго человѣка, не вникающаго въ духъ умозаключеній простолюдина, могло содѣлаться предметомъ соблазна, — это было такъ называемое *радѣніе*. Во время пѣнія духовныхъ пѣсень, имѣвшихъ веселый напѣвъ, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, какъ бы движимые особеннымъ чувствомъ духовной радости, подобно Давиду, плясавшему отъ радости при перенесеніи кивота, порывались со своихъ мѣстъ, выбѣгали *на кругъ* и вертѣлись на одномъ мѣстѣ до крайняго изнеможенія. Но главная цѣль *радѣнія* состояла въ укрощеніи и утонченіи плоти, составлявшихъ существенное достоинство членовъ. Это былъ родъ подвижничества, для достиженія котораго выбрано самое легкое и удобное средство, и съ которымъ, по ихъ мнѣнію, сопряжена была радость о Духѣ Святомъ, сильно укрѣплявшая и утѣшавшая душу. Катерина Филиповна не принимала участія въ радѣніи; но пророчество сдѣлало на нее сильное впечатлѣніе. Со времени появленія ея въ этомъ обществѣ насталъ рѣшительный переворотъ въ ея чувствахъ и стремленіяхъ души. Она отдала себя совершенно Богу, сдѣлалась вполнѣ равнодушною къ приманкамъ міра и ожидала призванія въ вѣчность, какъ самаго верховнаго блага. Посѣщая въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ общество, она открыла наконецъ и его заблужденія, которыя члены общества, въ особенности его начальникъ, старались тщательно отъ нея скрывать. Каждый изъ вступившихъ въ общество обязанъ былъ дать обѣтъ: не вступать въ бракъ, не ѣсть мяса, не пить вина, не курить и не нюхать табаку. Вѣроятно обрадовавшись, что къ нимъ поступила барыня, они не требовали отъ нея исполненія этихъ обѣтовъ. Потомъ она примѣтила, что скопчество, которое она всегда считала заблужденіемъ, составляло въ этомъ обществѣ предметъ пропаганды, и что начальникъ его ревностно старался о распространеніи его. Наконецъ, не смотря на крайнюю ихъ осторожность, она узнала, что начальникъ ихъ сталъ называть себя Искупителемъ, а нѣкоторые изъ членовъ дошли до такого безумія, что начали называть его вторымъ Сыномъ Божіимъ. Тогда она публично, въ присутствіи всѣхъ членовъ, потребовала отъ него отвѣта: правда ли то что̀ она слышала, или нѣтъ? И какъ онъ началъ прибѣгать къ изворотамъ, не смѣя опредѣлительно отвѣчать на ея вопросъ, то она разсталась съ нимъ на всегда и болѣе не являлась въ обществѣ.

Съ тѣхъ поръ она посвятила себя совершенно уединенію, проводила дни въ богомысліи, радовалась даже тѣлеснымъ страданіямъ, кои никогда ея не оставляли, надѣясь, что они сократятъ ей путь странствія земнаго, и рѣшилась провести остатокъ жизни въ совершенномъ одиночествѣ и неизвѣстности. Но Богъ, уготовлявшій ей другаго рода вѣнецъ, не дозволилъ исполниться этому предначертанію и вывелъ ее на другое поприще, на которомъ она могла дѣйствовать блистательнѣе, во славу Его и помощь ближнимъ не только духовную, но

*) Кондратія Селиванова.

даже матеріяльную. Многія лица, какъ мужчины, такъ и женщины, бывшія съ нею въ обществѣ и узнавшія ея великія христіанскія качества, отложились, подобно ей, отъ Лжеискупителя и начали собираться къ ней, умоляя ее, чтобы не отвергала ихъ и позволила имъ пользоваться ея назидательною бесѣдою. Нѣкоторыя изъ женщинъ рѣшились даже посвятить себя ей на службу безвозмездно, прося, въ вознагражденіе, единственной милости, — позволенія оставаться при ней безотлучно. Христіанской ея душѣ не было возможности отказать имъ въ этой просьбѣ, внушенной нелицемѣрною любовію и преданностію. Имѣя въ Михайловскомъ замкѣ помѣщеніе, отведенное ея матери Катеринѣ Буксгевденъ, находившейся нѣкогда на службѣ у Императрицы Елисаветы Алексѣевны, ей ничего не стоило удовлетвореніе такой просьбы. Ея любвеобильное сердце внушило ей мысль, достойную христіанки: сдѣлать и другихъ участниками невозмутимаго покоя и благодушія, дарованныхъ ей Богомъ и, шествуя съ ними однимъ путемъ, другъ другу облегчать бремя креста, неизбѣжнаго въ земномъ странствованіи, другъ друга укрѣплять и утѣшать. Въ это время начали посѣщать ее и прежніе знакомые, съ которыми она было прервала всякія сношенія. Каждое съ нею свиданіе производило глубокое и благотворное впечатлѣніе на сердца посѣтителей. Они уходили отъ ней какъ бы переророжденными, съ тѣмъ внутреннимъ покоемъ, котораго не можетъ доставить чтеніе самой назидательной книги. Бесѣда съ нею придавала необыкновенную силу духу, производила въ сердцахъ равнодушіе къ міру, омерзеніе ко грѣху, усиливала любовь къ Богу и ближнему и укореняла истины Завѣта, заставляя исполнять заповѣди Евангелія не только съ безусловною преданностію отеческой Его волѣ, но и съ искренною, безпрерывно-усиливающеюся къ Нему любовію. Спрашивается теперь: какая сила привлекала къ ней души и доставляла ей владычество надъ умами и сердцами? Она была уже женщина не молодая, изнуренная недугами и подвигами благочестія; наружность ея была вовсе не привлекательная, даже самый даръ слова не имѣлъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. А между тѣмъ число ея друзей увеличивалось безпрерывно, и часъ отъ часу дѣлались чаще ихъ посѣщенія, и каждый изъ нихъ, съ жадностію и нетерпѣніемъ, ожидалъ минуты свиданія съ нею. Уста ея не произносили ничего новаго, передавали съ величайшею простотою истины завѣта, обѣтованія и угрозы, которыя каждый изъ посѣщавшихъ ее многократно слышалъ или читалъ; но каждый уходилъ отъ нея съ полною рѣшимостію отречься отъ міра и грѣха и посвятить себя всецѣло на служеніе Богу. Если же эта рѣшимость въ удаленіи отъ нея ослабѣвала, то каждое новое съ ней свиданіе возобновляло ее съ новою силою. Спрошу опять каждаго благомыслящаго читателя: откуда бралась эта сила и что она означала? О. Фотій называетъ ее навожденіемъ дьявола. Но дьяволъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ бы самъ противъ себя. Хорошъ дьяволъ, который научаетъ людей служить Богу и ненавидить дѣла тмы, и еще для приведенія всего этого въ дѣйствіе сообщаетъ необыкновенную силу и рѣшимость! Гдѣ жъ тутъ хитрость и лукавство, которыя ему приписываютъ? Да этакъ онъ самъ бы разорилъ свое царство. Оскорбительно для души благомыслящей читать въ Запискахъ о. Фотія, что К. Ф. *лестію привлекала даже пустынныхъ монаховъ.* Она никогда никого къ себѣ не привлекала, не искала и не желала никакого новаго знакомства, но множество незнакомыхъ ей лицъ съ величайшимъ усиліемъ добивались ея знакомства, упрашивали, умаливали ходатайства ея прежнихъ знакомыхъ, чтобы позволено было имъ войти въ ея домъ, и каждый изъ принятыхъ ею уносилъ съ собою удивленіе и уваженіе къ ней, а въ сердце своемъ покой и утѣшеніе. Мы, христіане, должны имѣть

неограниченное довѣріе къ словамъ Спасителя, изъ коихъ каждое есть *сй* и *аминь*! Его непогрѣшимыя уста произнесли въ одну изъ самыхъ важныхъ минутъ Его земной жизни: „Кто меня любитъ, заповѣди Мои соблюдетъ, и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ.“ Что же бы тутъ было удивительнаго, еслибъ въ личности, посвятившей всѣ минуты жизни своей исключительно Его служенію и предавшейся Ему всецѣло, обнаружились признаки присутствія Его Всесвятаго Духа? Отвергать это значило бы не имѣть довѣрія къ божественному завѣту. Это именно присутствіе Св. Духа обнаружилось въ Катеринѣ Филиповнѣ съ такою силою, что сомнѣваться въ немъ могло бы одно безвѣріе. Не говоря уже о той силѣ духа, которую она сообщала слушателямъ, многочисленныя ея предсказанія исполнялись съ такою точностію, что приводили въ изумленіе самыхъ хладнокровныхъ скептиковъ. Кто послушался ея совѣта, въ самыхъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, тотъ никогда не жалѣлъ о томъ. Напротивъ того, тѣ, кои не покорялись ея внушеніямъ, горько въ послѣдствіи раскаивались. Такимъ образомъ составлялось общество К. Ф., если его можно назвать обществомъ. Оно не имѣло никакой организаціи, не предлагало вступающимъ въ него никакихъ условій, не налагало на нихъ никакихъ особенныхъ обязанностей и не требовало отъ нихъ клятвы въ сохраненіи тайны, какъ то несправедливо говоритъ о. Фотій. Каждому новому посѣтителю К. Ф. говорила просто: „Если вамъ не понравится, просимъ покорнѣйше не разсказывать: міръ имѣетъ довольно предметовъ для осужденія“. Собранія происходили не по ночамъ, какъ увѣряетъ о. Фотій, а во всякое время, когда кто имѣлъ возможность посѣтить К. Ф., такъ какъ она въ каждое время готова была удѣлить духовную помощь своимъ посѣтителямъ. Въ этихъ собраніяхъ происходили назидательныя бесѣды, пѣлись духовныя пѣсни, читались душеспасительныя книги, а часто доходило до того, что члены, съ всею искренностію, давали другъ другу отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, стремленіяхъ и даже мысляхъ. Жизнь по духу, хожденіе въ присутствіи Божіемъ и самое точное исполненіе Господнихъ заповѣдей были главнѣйшею цѣлію общества.

Если бы такимъ порядкомъ продолжались дѣйствія и занятія общества, то никакая враждебная сила не могла бы отыскать повода къ злословію и осужденію. Но къ сожалѣнію присоединилось къ тому еще одно обстоятельство, которое, хотя въ сущности не имѣло ничего предосудительнаго, но подало поводъ къ соблазну и сплетнямъ міру, не вникающему и не желающему вникнуть въ сущность дѣла, а судящему по одной наружности, которая доставляетъ ему достаточную пищу для разсказовъ и произвольныхъ заключеній. Тѣ лица, кои оставили общество Лжеискупителя и присоединились къ Катеринѣ Филиповнѣ, начали *тосковать по радѣніи* и убѣдительно стали упрашивать ее дозволить имъ иногда *порадѣть.* Долго она противилась ихъ желанію; но наконецъ, по неотступнымъ ихъ просьбамъ, не видя въ этомъ ничего предосудительнаго, дала на то свое согласіе. Въ скоромъ времени радѣніе такъ утвердилось въ ея обществѣ, что многіе изъ новыхъ посѣтителей, кои никогда прежде его не видали, приняли въ немъ ревностное участіе, и оно не прекращалось уже до конца существованія общества. Это-то радѣніе и было для незнающихъ дѣла главнѣйшимъ предлогомъ къ насмѣшкамъ и осужденіямъ, имѣвшимъ какое нибудь основаніе. Но для правильнаго сужденія объ этомъ дѣлѣ считаю необходимымъ разъяснить.

Во первыхъ. Главная цѣль *радѣнія* состояла въ укрощеніи плоти и умерщвленіи страстей. Кто же изъ христіанъ рѣшится осуждать эту цѣль и употребляемыя для того средства, въ особен-

ности если они не насилуютъ природы? И если мы не осмѣливаемся осуждать великихъ подвижниковъ, какими были Симеонъ Столпникъ, Іоаннъ Многострадальный, Серафимъ Саровскій и множество имъ подобныхъ; если не осуждаемъ въ нѣкоторыхъ Римско-католическихъ мужескихъ и женскихъ монастыряхъ употребленія бичеванья, а также въ праславныхъ монастыряхъ вериги и власяницы, кои носили, а можетъ быть и теперь носятъ нѣкоторыя изъ подвижниковъ для укрощенія плоти; — то съ какою совѣстію будемъ осуждать тѣхъ, кои для достиженія той же цѣли употребляли несравненно менѣе насильственное средство?

Во вторыхъ. Радѣніе ни для кого не было обязательнымъ, а предоставлялось волѣ и побужденію всякаго. Радѣли только тѣ, кои имѣли къ тому охоту. Съ этимъ не было сопряжено никакого особаго достоинства или отличія.

Въ третьихъ. Какъ радѣніе, такъ и самое пророчество были въ обществѣ предметы второстепенные. Это были только средства къ достиженію другой несравненно высшей цѣли; а именно: къ жизни по духу, къ внутреннему усовершенствованію, умноженію любви къ Богу и ревности ко благу страждущаго человѣчества. Эта ревность обнаруживалась блистательно пожертвованіями и подвигами человѣколюбія. Такъ какъ въ обществѣ находились достаточныя и даже богатыя лица, то для подвиговъ человѣколюбія поставлена была кружка, въ которую вметались добровольныя приношенія. Сумма, помѣщаемая въ ней, доходила иногда до значительныхъ размѣровъ, но ни одинъ изъ членовъ не имѣлъ права пользоваться помѣщаемыми въ нее деньгами: всѣ они употреблялись на вспомоществованіе постороннимъ вовсе не принадлежащимъ къ обществу лицамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получали единовременное, а другія, въ особенности семейныя, ежемѣсячное вспомоществованіе. Послѣднія собирались каждый мѣсяцъ 1-го числа въ домѣ Катерины Филиповны, гдѣ, кромѣ выдачи имъ опредѣленныхъ каждому денегъ, приготовляемо было для нихъ угощеніе, и члены общества сами служили имъ за столомъ. Члены, на перерывъ одинъ передъ другимъ, старались показать ревность свою къ подвигамъ человѣколюбія, отправлялись часто въ 4 часа утра въ отдаленнѣйшія части города, чтобы проникнуть въ жилища бѣдности и страданій и узнать состояніе нуждающихся и образъ ихъ жизни. Не рѣдко случалось, что иные изъ нихъ проводили ночи у ложа бѣдныхъ страдальцевъ, неся имъ всевозможную, какъ духовную, такъ и матеріальную помощь. Не разъ заслуженный чиновникъ, или благородная дама, въ самое ненастное время года, садились на дрожки съ покрытымъ лохмотьями больнымъ, или больною, и отвозили ихъ въ больницу, гдѣ стараніемъ членовъ заранѣе приготовлено имъ было мѣсто. Я самъ былъ свидѣтелемъ значительной помощи, оказанной Катериною Филиповною одной безумной, на которую она дѣйствовала нравственнымъ вліяніемъ. Никогда не забуду той трогательной сцены, когда Катерина Филиповна, встрѣтивъ на улицѣ плачущую бѣдную крестьянку съ груднымъ ребенкомъ и узнавъ отъ нея, что на дорогѣ въ Петербургъ у нихъ пала послѣдняя лошадь и что мужъ ея третій день бѣгаетъ по городу ища пособія и не можетъ его найти, — дала ей изъ кружки 52 р. для покупки лошади. Надобно было видѣть изумленіе и восторгъ бѣдной семьи, собравшейся у ногъ ея и осыпавшихъ ея благословеніями. Вопль благодарности этой семьи заглушитъ передъ престоломъ Превѣчной Любви всѣ вопли осужденія людей, не вникающихъ въ сущность дѣла и судящихъ о немъ поверхностно, или до слухамъ. А подобныхъ событій происходило не мало во время моего знакомства съ Катериною Филиповною. Спрошу совѣсти каждаго: это ли дѣло дьявола, котораго навожденію стараются приписать образованіе общества?

Катерина Филиповна, какъ сказано выше, никого не завлекала въ свое общество, никого не отвергала, но и не удерживала противу его воли. Каждый свободно могъ оставить ее безъ всякаго объясненія причинъ своего удаленія. А потому число членовъ ея общества то увеличивалось, то уменьшалось, то опять увеличивалось еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ противу прежняго. Иные по два раза то отставали, то снова приходили, и никто ихъ за это не упрекалъ. Случались и такіе, кои, оставаясь нѣсколько мѣсяцевъ въ обществѣ, въ продолженіе ихъ отличались благочестіемъ и дѣлами человѣколюбія, и вдругъ отставали отъ него и болѣе не возвращались. Но въ этомъ случаѣ достойно особеннаго вниманія то, что пока они находились въ обществѣ, то вели жизнь чистую, истинно христіанскую; но коль скоро оставляли его, то погружались во всѣ пороки и даже доходили до безвѣрія. Спрашивается опять: гдѣ же былъ дьяволъ, въ обществѣ или внѣ его?

Приступимъ теперь къ главному дѣлу: укажемъ на неправильность, или лучше сказать на явную ложь, заключающуюся въ Запискахъ о. Фотія.

Во первыхъ самый духъ этихъ Записокъ очень далекъ отъ духа христіанства, внушающаго любовь къ ближнимъ, сожалѣніе, соболѣзнованіе о падшемъ. Едва можно вѣрить, что эти Записки составлены служителемъ алтаря. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ это писалъ человѣкъ непросвѣщенный, не знающій сущности христіанскаго ученія, обязанностей служителя церкви. Впрочемъ это еще самый малый недостатокъ Записокъ. Проповѣдывать ложь и передавать ее потомству гораздо преступнѣе. Разсмотримъ подробно:

Стр. 1441. „Пѣты были разныя смѣшныя пѣсни и стихи, гдѣ духовное съ „плотскимъ было смѣшано, и болѣе имѣлось плотское *любодѣйное*, нежели иное.“

Это ложь! Всѣ эти пѣсни, кромѣ того, что неоднократно мною были слышаны, находились у меня въ рукахъ долгое время. Большая часть изъ нихъ составлены были человѣкомъ необразованнымъ, Никитою Ивановичемъ Ѳедоровымъ, не имѣвшимъ понятія о правилахъ стихосложенія. Онъ составлялъ ихъ болѣе по внушенію сердца, нежели ума, придерживаясь только выбранному имъ напѣву. Но нигдѣ не было слѣда чего нибудь плотскаго, тѣмъ менѣе *любодѣйнаго*. Простыя, но сильныя выраженія этихъ пѣсенъ направлены были къ одной цѣли: прославленію Бога и изображенію жалкой участи грѣшника. Это былъ вопль дитяти къ своему Отцу, къ Которому оно обращалось съ дѣтскою простотою и неограниченною довѣренностію. Пусть бы о. Фотій указалъ хоть одно мѣсто въ этихъ пѣсняхъ, которое обличало бы плотское, тѣмъ болѣе любодѣйное. Такое дѣло стоило бы труда для убѣжденія въ справедливости осужденія; для увѣренія благомыслящей публики недовольно одного бездоказательнаго ручательства. Нельзя же повѣрить на слово человѣку, дышущему въ своихъ Запискахъ безотчетною ненавистію и изрыгающему проклятія на тѣхъ, кои не имѣли счастія угодить ему. Я очень жалѣю, что не имѣю этихъ пѣсенъ у себя на лицѣ. Я бы очень легко убѣдилъ всякаго въ ихъ чистотѣ и благонамѣренномъ направленіи. По крайней мѣрѣ я очень хорошо помню ихъ содержаніе и могу представить начальный стихъ каждой, напр.

„Благослови, нашъ Государь!“
„Веселятся небеса!“
„Намъ грустнешенько съ міромъ лютымъ жить.“
„Обновляйся, обновляйся, новый градъ Іерусалимъ!“
„Упованіе, отецъ“ и проч. и проч.

Ручаюсь моею совѣстію, что какъ въ приведенныхъ начальныхъ стихахъ, такъ точно и въ цѣлыхъ пѣсняхъ самый взыскательный противникъ сочинителя не нашелъ бы слѣда того, въ чемъ упрекаетъ его о. Фотій. Кромѣ этихъ

пѣсенъ, которыя, по ихъ простотѣ, очень нравились лицамъ низшаго класса, находившимся въ немаломъ числѣ въ обществѣ, часто пѣты были составленныя по правиламъ стихосложенія, напечатанныя („Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ", Пѣснь о *любви* изъ Св. Павла, Вышеславцева) и сочиненныя членами общества: „на Рождество Христово", гимны Кресту и Скорбящей Божіей Матери", „Гласъ Сына Божія ко грѣшнику," „Отвѣтъ кающаго грѣшника", „Веди меня, о Провидѣнье!", „Кто на Бога уповаетъ" и другія. Эти пѣсни хранятся у меня въ цѣлости; если нужно, я готовъ представить ихъ во всякое время для обличенія въ клеветѣ о. Фотія.

Стр. 1447. „Сія госпожа учила всѣхъ своихъ, для нѣкоего мнимаго воздержанія, воздерживать, умерщвлять плоть и *скоплять*, вырѣзывать тайные уды мужамъ. Даже бѣсъ научилъ ее искусству женскій полъ, самыхъ женъ и дѣвицъ, скоплять."

Это уже ложь злодѣйская! Катерина Филиповна всегда энергически осуждала это заблужденіе. Сколько разъ я слышалъ изъ устъ ея эти слова: „Что пользы, если онъ оскопитъ тѣло, но не „оскопитъ сердца? Тамъ сѣдалище грѣ„ха. Сердце обуздать должно тому, кто „хочетъ Богу служить; а это богопро„тивное дѣйствіе сердца не обуздаетъ. „Возможность отнимется, а желаніе ос„танется." Въ 1819 году одинъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей ея, Мартынъ Степановичъ Пилецкій напечаталъ рѣзкую брошюру противъ скопцевъ, и экземпляръ этой брошюры я получилъ изъ рукъ Катерины Филиповны, которая по этому предмету никогда своего мнѣнія не перемѣняла. Въ ея обществѣ находились женатые и семейные люди. Она не только никогда не осуждала семейной жизни, но даже мнѣ самому предсказала мою женитьбу и указала на личность, которой суждено было сдѣлаться пожизненной спутницей моей. Казалось, не было возможности оправдаться этому предсказанію: жена моя имѣла въ то время 14 лѣтъ, а спустя полгода послѣ предсказанія уѣхала къ отцу въ Виленскую губернію, не имѣя вовсе намѣренія возвращаться въ Петербургъ. Спустя 6 лѣтъ послѣ того, по обстоятельствамъ, вовсе отъ меня не зависѣвшимъ и даже вопреки моему желанію, въ 1825 году я неожиданно переведенъ на службу въ Вильну, и въ томъ же году предсказаніе исполнилось. Въ продолженіи долговременнаго моего знакомства съ К. Ф. я могъ бы встрѣтить хоть одну изъ такихъ женщинъ или дѣвицъ, а узнать ихъ очень легко даже по наружнымъ признакамъ на ихъ лицѣ; но этого никогда не было. Можно было услышать отъ кого либо о чемъ нибудь подобномъ. Такія обстоятельства не хранятся въ тайнѣ *между своими*, въ особенности если составляютъ предметъ пропаганды. Но и объ этомъ никогда намеку не было.

Грустно и обидно было мнѣ прочесть, въ примѣчаніи на той же страницѣ, слова, служащія нѣкоторымъ образомъ какъ бы подтвержденіемъ клеветѣ о Фотія. Тамъ сказано: „Съ большею кажется „вѣроятностію должно отнести начало „оскопленія женщинъ къ кораблю Ека„терины Филиповны Татариновой", между тѣмъ какъ я, будучи еще ребенкомъ, обучаясь въ Петербургской гимназіи въ 1805—1808 годахъ, слышалъ о скопленіи женщинъ и дѣвицъ отъ моихъ товарищей, кои были знакомы съ торговавшими въ мебельныхъ лавкахъ въ гостинномъ дворѣ. Они описывали даже подробно весь процессъ этой операціи точно такимъ образомъ, какъ она описана въ вышепомянутомъ примѣчаніи. Спрашивается: отъ куда они могли получить эти свѣдѣнія, еслибъ этого въ то время не было? Они мнѣ даже показывали въ мѣняльныхъ лавкахъ такихъ женщинъ, которыхъ обличалъ странный цвѣтъ лица и синія пятна подъ глазами. Въ караблѣ Лжеискупителя находилось такихъ женщинъ немало; я самъ зналъ одну изъ такихъ, оскопленную въ его обществѣ гораздо

прежде, нежели составилось общество Катерины Филиповны. Наконецъ надобно обслѣдовать предметъ со всѣхъ сторонъ. Такое дѣло, какъ оскопленіе, въ особенности женщинъ, не можетъ быть поручено кому бы то ни было. На это нуженъ искусный и опытный хирургъ. Гдѣ-же взять его? Искать въ городѣ,— обнаружится тайна, а между членами общества не было и такого, кто бы умѣлъ кровь пустить больному. Да и какая женщина или дѣвица рѣшится отдать себя въ руки человѣку, который неизвѣстенъ ловкостью и искусствомъ въ подобныхъ операціяхъ? Однимъ словомъ, обстоятельство это описано такъ голословно, такъ бездоказательно, что не заслуживаетъ никакого довѣрія.

Но извлеченіе изъ Записовъ Фотія заключено описаніемъ такого происшествія, которое стыдно повторять въ разговорѣ, не только помѣщать въ Запискахъ, въ сообенности такому лицу, какъ о. Фотій, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ на то достаточныхъ свидѣтельствъ, а ссылался на слухи. Сказано: „такъ я слышалъ".

Стр. 1448—9. „Неизвѣстно, отъ кого оная окаянная блудница очреватѣла и родила; и удивленія достойна была многихъ слѣпость учениковъ: въ малоуміи молву разносили, что родитъ великаго человѣка, исполненнаго духа *). По лукавству вельможи придворнаго, приверженца своего, Татаринова, столь безчестное дѣло сдѣлавши, удостоена была посѣщенія отъ царя Александра. Въ сіе время былъ имъ окрещенъ младенецъ."

Это уже извлеченіе изъ тысячи одной ночи. По видимому, о. Фотій относитъ это происшествіе къ тому времени, когда Катерина Филиповна достигла своего апогея, т. е. была окружена самымъ большимъ числомъ посѣтителей (1822). Не говорю уже о томъ, что такое явное паденіе окончательно бы уронило ее въ мнѣніи всѣхъ ея почитателей, которые оставили бы ее мгновенно; тутъ бы не подѣйствовало никакое обольщеніе, никакіе извороты, и между ея приверженцами не нашлось бы ни одного столь недальновиднаго и легковѣрнаго, кто бы въ этомъ поступкѣ не видѣлъ явнаго грѣха, слѣдовательно обмана и лицемѣрія. Не говорю и о томъ, сколько такой поступокъ несообразенъ былъ съ видимыми и неоспоримыми признаками ея благочестія, чистоты сердца и отвращенія отъ грѣха, которыя съ такимъ успѣхомъ она передавала всѣмъ окружавшимъ ее. Призовемъ къ опроверженію этого гнуснаго извѣта одну только природу и здравый смыслъ. Женщинѣ пожилой, измученной тяжкими недугами, которые не оставляли ее до самой кончины, изнуренной постомъ и безпрерывными тѣлесными страданіями, могло ли прійти въ голову подобное сумазбродство? Съ другой стороны какого мущину могла бы соблазнить женщина въ ея лѣта, вовсе непривлекательной наружности, исхудалая, изможденная, походившая болѣе на мертвеца, нежели на живое существо? Конечно у о. Фотія на все есть объясненія. Все это, дескать, дѣлаетъ дьяволъ. Но такого рода свидѣтельства не должны быть принимаемы въ XIX вѣкѣ. Если же подаетъ поводъ къ сомнѣнію воспитанница Катерины Филиповны, то да будетъ извѣстно читателямъ Записокъ, что я видѣлъ такихъ воспитанницъ и воспитанниковъ въ обществѣ полъ-дюжины; но видѣлъ также, какъ безпріютныя матери, которымъ самимъ некуда было дѣваться, приносили малолѣтнихъ дѣтей къ Катеринѣ Филиповнѣ, клали ихъ у ногъ ея и со слезами умоляли, чтобы пріютить и спасти ихъ отъ неминуемой погибели, которою угрожала имъ крайняя нищета матерей. А Катерина Филиповна въ такихъ случаяхъ никого не отвергала. Относительно же замужества Анны Александровны, выданной за Мартына Степановича Пи-

*) Ложь! Никогда о томъ слуховъ никто не разносилъ. Я бы прежде всѣхъ узналъ о томъ.

лецкаго, я бы могъ представить многое, что совершенно оправдало бы Катерину Филиповну. Но какъ лица, прикосновенныя къ этому дѣлу, находятся въ живыхъ, то умолкаю.

Что же касается до мѵропомазанія Катерины Филиповны къ православной церкви, то я уже и понять не могу, къ чему тутъ о. Фотій придирается. Что тутъ удивительнаго, что такая женщина, какъ К. Ф., поняла преимущество Православнаго исповѣданія передъ Лютеранскимъ, въ которомъ родилась и была воспитана и рѣшилась присоединиться къ вселенской Апостольской церкви, которая существовала 1500 лѣтъ прежде Лютеранской. Если кому такъ о. Фотію, какъ члену и служителю Православной церкви, слѣдовало бы не укорять, а напротивъ того одобрить ее за то, что она сдѣлала по убѣжденію и изученію дѣла. Къ этому еще о. Фотій присовокупляетъ, что такое мѵропомазаніе совершено было „противу всѣхъ запрещеній митрополита Михаила.“ Воля ваша! Въ этомъ уже и смысла нѣтъ. Митрополитъ будетъ противиться присоединенію Лютеранъ къ Православной церкви!! Священникъ будетъ дѣйствовать вопреки запрещенію митрополита!!!. Это что-то такъ дико и несообразно съ самымъ здравымъ разсудкомъ, что и опровергать не стоитъ.

Нельзя пропустить безъ вниманія и того, что Катерину Филиповну, какъ самъ о. Фотій увѣряетъ, посѣщали многія знатныя, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, ученыя и даровитыя лица, изъ коихъ большая часть осталась вѣрными ея почитателями до самой смерти, не смотря на постигшее ея преслѣдованіе. Спросимъ опять совѣсть и здравый разумъ: неужели все это были люди несмысленные, омраченные, и одинъ только о. Фотій и нѣсколько подобныхъ ему видѣли вещи ясно, за тѣмъ, что осыпали хулою и ругательствомъ то, чего не понимали.

Еще одно обстоятельство, помѣщенное въ означенномъ извлеченіи изъ Записокъ Фотія мнѣ кажется страннымъ и непонятнымъ. Отъ чего общество Катерины Филиповны названо: *Хлыстовскимъ кораблемъ*? Кто далъ ему это наименованіе? Будучи столько лѣтъ такъ близокъ къ К. Ф., я никогда не слышалъ этого названія. Откуда оно взялось и кто первый услужилъ ей этимъ названіемъ? Право не знаю!

Помѣщенныя въ Запискахъ Фотія нападенія на Лабзина и другія лица также исполнены одной только ожесточенной злобы и по большой части несправедливы. Лабзинъ конечно имѣлъ свои погрѣшности: онъ былъ честолюбивъ и усильно добивался того, чтобъ его уважали. Но это былъ человѣкъ необыкновеннаго ума, съ чистымъ стремленіемъ къ христіанскому самоусовершенствованію и принесъ большія услуги духовной литературѣ своими сочиненіями и переводами. Я не буду говорить о его *сектѣ*, упоминаемой о. Фотіемъ, потому что я въ ней не былъ; а о томъ чего не видѣлъ собственными глазами я разсуждать не стану, основываясь на разсказахъ, которые могутъ быть столь же невѣрны, какъ и Записки о. Фотія. Но не могу не обратить вниманія читателей на предметъ который легко можетъ быть у каждаго въ рукахъ для обличенія невѣжества или изувѣрства обвинителя. О. Фотій говоритъ, что „Лабзинъ издалъ переводовъ и сочиненіевъ многія книги, исполненныя явно и тайно *нечестія, зловѣрія и вреда обществу гражданскому, всякой власти, противу церкви и вѣры*“. Какія жъ это книги? Переводы Арндта, Экартсгаузена, Штилинга и другихъ писателей въ этомъ родѣ. Каждый, прочитавъ по нѣскольку страницъ изъ этихъ книгъ, можетъ достаточно удостовѣриться въ несправедливости обвиненій и ругательствъ, которыя о. Фотій сыплетъ столь щедро на труды Лабзина.

Не знаю что о. Фотій разумѣетъ подъ словами: *ученіе Хвостовой*, секты *Линделя, Феслера* и *Госнера*. Хвостова никогда не предлагала никакого новаго

ученія. Это была женщина умная, образованная и даровитая, писала и печатала свои сочиненія, какъ многіе другіе сочинители; но никогда новаго ученія не составляла. Въ этомъ каждый легко можетъ убѣдиться, прочитавъ ея статьи. Линдель и Госнеръ никакихъ сектъ не учреждали и обществъ не составляли, а просто были Нѣмецкіе проповѣдники, которымъ правительство позволило нѣкоторое время читать проповѣди въ католической церкви въ Петербургѣ. Фесслеръ былъ Лютеранскій священникъ въ Сарептѣ.

Но что въ этихъ Запискахъ всего обиднѣе для истиннаго достоинства, что всего унизительнѣе для духовнаго лица, служителя алтаря воплощенной любви, это оскорбленіе памяти такихъ личностей, какими были Родіонъ Александровичъ Кошелевъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Первый изъ нихъ, не смотря на свой высокій санъ и всѣ обильныя средства для услажденія земной жизни, устранившись вполнѣ отъ міра и посвятивъ жизнь свою одному Богу и служенію Ему, могъ ли воображать, что злословіе не дастъ ему покоя и въ уединеніи? Мало того, ославятъ его передъ публикою титломъ *ересіарха*!! Хоть бы, покрайней мѣрѣ о. Фотій указалъ, въ чемъ состояла его ересь, и какія были его стремленія? Но объ этомъ не сказано ни слова. Сыплется только хула на имя, составляющее предметъ глубокаго уваженія для тѣхъ, кои осталися въ живыхъ и помнили добродѣтельнаго и благочестиваго мужа. Въ примѣчаніи къ Запискамъ Фотія (стр. 1434) упоминается о ереси Кошелева, что онъ, „будучи силенъ при дворѣ Александра, имѣлъ вліяніе на Синодскія дѣла.“ Но этого, по крайней мѣрѣ до селѣ никто еще *ересью* не считалъ. Ересь, по моему мнѣнію, значитъ введеніе новаго догмата или новаго ученія, несогласнаго съ духомъ Завѣта. Родіонъ же Александровичъ никакого новаго догмата не провозглашалъ, никакого новаго ученія не предлагалъ, а былъ всегда усердный и вѣрный сынъ Православной церкви и свято исполнялъ всѣ ея заповѣди.

Что́ же касается до князя Александра Николаевича Голицына, то я не знаю, какъ и назвать покушеніе на оскорбленіе этой личности кроткой, благочестивой, незлопамятной, о которой воспоминаніе служитъ предметомъ умиленія и даже благоговѣнія для всѣхъ, имѣвшихъ счастіе знать его, тѣмъ болѣе служить подъ его начальствомъ. Прошло уже болѣе 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ случай видѣть въ послѣдній разъ князя А. Н.; но память о немъ не можетъ изгладиться изъ души моей, и каждое объ немъ воспоминаніе возбуждаетъ въ ней умиленіе и благодарность. Будучи чуждъ гордости, онъ ни передъ кѣмъ не выказывалъ важности своего сана, обходился со всѣми кротко, съ непринужденною ласкою, которой искусство получить не можетъ. Обращавшихся къ нему съ просьбами принималъ благосклонно, вникалъ съ непритворнымъ участіемъ въ ихъ нужды и старался всѣми своими силами и властію содѣйствовать къ доставленію имъ помощи или защиты. Каждымъ дѣломъ обращавшагося къ нему съ просьбою онъ занимался усердно, какъ собственнымъ своимъ. Вѣра его была чистая, евангельская, Завѣтъ Христовъ—единственнымъ руководствомъ въ жизни. Кто бы рѣшился обвинить его въ холодности къ Православію, пусть бы взглянулъ на него во время богослуженія въ его домашней церкви, съ какимъ благоговѣніемъ онъ присутствовалъ при совершеніи Св. Таинъ, избравъ для себя мѣсто въ отдаленномъ уголкѣ близъ дверей. Вся жизнь его свидѣтельствовала, какъ свято онъ чтилъ таинство церкви и съ какимъ усердіемъ исполнялъ ея заповѣди! Однимъ словомъ, въ продолженіи полувѣка я не встрѣтилъ подобнаго сановника. И эту чудную личность о. Фотій осыпаетъ ругательствами, называетъ *бѣсомъ*, поборникомъ нечестія, противникомъ Христовой церкви, не ща-

дя при томъ и его приближенныхъ. Не спорю, что въ числѣ окружавшихъ князя могли найтись люди лукавые, прикрывавшіе себя, для личныхъ выгодъ, благочестіемъ, которому онъ постоянно покровительствовалъ. Но эта участь всѣхъ начальствующихъ, которой едва ли кто изъ нихъ успѣлъ избѣжать. Это допущеніе Божіе для приведенія въ исполненіе Его предначертаній непостижимыми, но всегда спасительными для насъ путями. Но что касается до личныхъ свойствъ, чувствованій и стремленій князя А. Н-ча, то одна только злоба или незнаніе дѣла могла усматривать въ нихъ темныя пятна. Я встрѣчался не съ однимъ изъ ученыхъ въ 20-хъ годахъ, кои, не зная его, сыпали противъ него насмѣшки и сарказмы, представляя его человѣкомъ неспособнымъ, занимающимъ вовсе не свое мѣсто министра народнаго просвѣщенія; но когда узнали его ближе, проникли его стремленія и цѣль,—то признавались искренно въ своемъ заблужденіи и говорили, что „онъ одинъ имѣетъ правильное понятіе о истинномъ просвѣщеніи.“

Конечно христіанская душа, трудящаяся для славы Божіей исключительно, не можетъ и не должна ожидать одобренія міра. Это предрекли пречистыя и непогрѣшимыя уста Воплощенной Истины. Но во всякомъ случаѣ для насъ слабыхъ, обложенныхъ плотію людей, грустно подумать, что послѣ многолѣтнихъ подвиговъ самоотверженія, отзывъ какого нибудь фанатика, не знающаго или не понявшаго дѣла, изобразившаго эти подвиги въ превратномъ или искаженномъ видѣ, переданъ будетъ публикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потомству на поруганіе имени труженика. Счастливъ, кто въ неизвѣстности трудится для Бога и видимъ только Имъ Однимъ! Духъ строптивый съумѣетъ найти темныя пятна и въ самомъ благонамѣренномъ и безукоризненномъ дѣлѣ, а люди охотнѣе вѣрятъ дурному, нежели хорошему. *Павелъ Кукольникъ.*

Вильна. Октябрь. 1873.

БОРОДА ТИМОФЕЯ АРХИПЫЧА.

(Изъ воспоминаній Е. А. Нарышкиной).

Въ „Достопримѣчательностяхъ Москвы“, изданныхъ въ 1842 году К. Тромонинымъ, въ 6-й тетради, стр. 73-я между прочимъ вкратцѣ упоминается о жизни одного Московскаго „блаженнаго“ первой половины прошлаго столѣтія, художника *Тимофея Архипова.* Вотъ подлинный текстъ этого краткаго біографическаго очерка. „1731 года, Маия въ „29-й день при державѣ Благочестивѣйшей Великія Государыни нашея Императрицы Анны Іоанновны всея Россіи, „преставился рабъ Божій Тимофей Архиповъ сынъ, который, оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, „а не себѣ; а жилъ при дворѣ матери „Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Благочестивѣйшей Государыни Царицы и Великой „Княгини Параскевіи Ѳедоровны двадцать осьмь лѣтъ и погребенъ въ 30-й „день Маия въ Чудовомъ монастырѣ, въ „стѣнѣ церкви Михаила Архангела наружи съ южной стороны.“

Къ этому свѣдѣнію въ сборникѣ Тромонина приложенъ литографированный портретъ Тимофея Архипыча, снятый съ живописнаго, находящагося въ покояхъ настоятельскихъ Чудова монастыря. Въ особомъ примѣчаніи Тромонинъ добавляетъ, что „надъ гробницею его находится картина, гдѣ онъ изображенъ лежащимъ въ гробѣ; возлѣ его стоитъ, „какъ извѣстно по преданію, Императрица Анна Іоанновна.“ Вотъ все, что удалось намъ отыскать, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи этой личности, случайно остановившей на себѣ наше вниманіе; а теперь считаемъ своею обязанностью объяснить, почему именно извлекаемъ изъ забвенія это имя и какое отношеніе имѣютъ эти наши строки „къ бородѣ Тимофея Архипыча.“ На дняхъ намъ случилось слышать отъ Е. А. Нарышкиной (урожденной Хрущевой) устный, обстоятельный разсказъ о

семейномъ преданіи, сохранившемся въ родѣ Нарышкиныхъ, въ той его вѣтви, въ которой Елизавета Александровна остается нынѣ послѣднею представительницею, какъ вдова покойнаго, бездѣтно-умершаго Алексѣя Ивановича Нарышкина. Разсказъ этотъ, по нашему мнѣнію, до такой степени носитъ на себѣ отпечатокъ прошлаго времени, со всѣми его религіозно-мистическими и суевѣрно-поэтическими преданіями и понятіями, что представляется намъ какъ-бы страничкою, выхваченною живьемъ изъ исторіи XVIII вѣка и несравненно рѣзче и рельефнѣе всякаго историческаго и научнаго изслѣдованія проводитъ безповоротную грань между до-Петровскою Русью и современною намъ эпохою. Достойно замѣчанія, что наперекоръ такъ сказать естественному закону природы, всякое прикосновеніе къ старинѣ, всякое, даже случайное обращеніе къ минувшему времени, повидимому омертвѣлому и отжившему, какъ-то *освѣжаетъ* современнаго человѣка. Ему пріятно изрѣдка окунуться въ этотъ міръ своеобразной, суевѣрной фантазіи и непочатой, грубой поэзіи и стряхнуть съ себя подчасъ тотъ нестерпимый гнетъ, который наложила на него современная намъ, всепоглощающая атмосфера реализма. Лишенная всякой возможности самостоятельной дѣятельности въ наше время, фантазія и вообще поэтическая сторона нашего существа невольно обращается къ преданіямъ *старины глубокой,* чтобы на минуту отвернуться отъ заѣдающей ее дѣйствительности. Разсказъ, слышанный нами на дняхъ, исполненъ такой *силы вѣры* во все сверхъестественное, такого непоколебимаго суевѣрія, что затемняетъ собою всѣ самыя поразительныя явленія современнаго спиритизма. Но все-же это *сила* и такая сила, которая служила постояннымъ спутникомъ и опорою всѣхъ лучшихъ и славнѣйшихъ эпохъ нашего историческаго прошлаго. Но мы уклонились отъ нашего предмета и потому возвращаемся къ нему и приступаемъ къ нашему повѣствованію, стараясь какъ можно точнѣе воспроизвести разсказъ Е. А. Нарышкиной и передавая его отъ ея имени.

*

„Прабабка мужа моего, Настасья Александровна Нарышкина *) пользовалась особеннымъ расположеніемъ и даже искреннею дружбою царицы Прасковьи Ѳедоровны (супруги царя Іоанна Алексѣевича, старшаго брата и соправителя Петра I-го во времена регентства, царевны Софіи). Эти дружественныя отношенія были до того тверды и прочны, что ихъ не могло поколебать даже близкое родство Настасьи Александровны съ восторжествовавшею впослѣдствіи вѣтвію рода Нарышкиныхъ, во главѣ которой находилась Наталья Кириловна, — мать императора Петра. До самой своей кончины царица Прасковья Ѳедоровна сохранила самую задушевную привязанность къ подругѣ своей молодости, а Настасья Александровна съ своей стороны до того чтила память своей высокой покровительницы, что торжественно завѣщала своимъ дѣтямъ и потомкамъ „постоянно поминать въ молитвахъ своихъ *добрѣйшую Прасковью Ѳедоровну*".

„Настасья Александровна принимала постоянное участіе во всѣхъ благотвореніяхъ царицы, а исполнителемъ и руководителемъ ихъ добрыхъ дѣлъ былъ художникъ по занятію и блаженный мужъ по призванію, по имени *Тимофей Архипычъ.* Этотъ праведный старецъ съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя служенію Богу и когда онъ окончилъ живописную работу, заказанную ему въ Чудовомъ монастырѣ (гдѣ между прочими по преданію помѣщены имъ портреты царицы

*) У Настасьи Александровны былъ сынъ Александръ Ивановичъ—вельможа временъ Екатерины; сынъ его Иванъ Александров. былъ женатъ на Екатеринѣ Александр. Строгановой (сестрѣ барона, впослѣдствіи графа Григорія Александровича Строганова), а ихъ сынъ—Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ былъ мужемъ Елизаветы Александровны, рожден. Хрущевой.

Прасковьи Өедоровны и друга ея Настасьи Александровны), то онъ роздалъ всѣ полученныя имъ за эту работу деньги и все остальное свое имущество бѣднымъ и послѣдніе годы своей жизни употребилъ на странствованія по святымъ мѣстамъ. Настасья Александровна Нарышкина питала къ нему самое глубокое чувство уваженія и довѣрія при его жизни; а когда онъ умеръ, то чтила свято его память и сохраняла вѣру въ его заступничество предъ престоломъ Всевышняго".

„Однажды, въ послѣдніе уже годы ея жизни, прабабушка Настасья Александровна, по обыкновенію своему пребывала въ своей моленной и, болѣе чѣмъ когда либо озабоченная будущностью своего потомства, въ виду возмущавшихъ душу ея преобразованій и реформъ, введенныхъ въ Россію Петромъ I, пала на колѣни и, въ пылу религіознаго увлеченія, возносила къ небесамъ молитву о томъ, чтобы родъ ея неизмѣнно оставался *вѣренъ* истинному Православію и не *прекращался* никогда. Внезапно ее озаряетъ видѣніе: она видитъ передъ собою, *на воздусѣхъ*, колѣнопреклоненнымъ Тимофея Архипыча, держащаго въ рукѣ свою *длинную сѣдую бороду*, и обращаясь къ ней онъ произнесъ: „Настасья, ты молила Бога, чтобы родъ твой не пресѣкался и пребывалъ въ Православіи; Господь опредѣлилъ иначе, и молитва твоя вполнѣ услышана быть не можетъ. Но я умолилъ Всевышняго, и доколѣ въ семьѣ твоей будетъ сохраняться въ цѣлости *моя борода*, желаніе твое будетъ исполнено, и родъ твой не прекратится на землѣ." Устрашенная и взволнованная этимъ видѣніемъ и этими словами, Настасья Александровна упала и лишилась чувствъ. Когда ее подняли и она пришла въ себя, то въ рукахъ ея оказалась *длинная, сѣдая борода*, та самая, которую я, по выходѣ моемъ въ замужество, видѣла у свекра моего Ивана Александровича Нарышкина, роднаго внука Настасьи Александровны. Она сохранялась въ особенномъ ящикѣ, на днѣ котораго лежала шелковая подушка съ вышитымъ на ней крестомъ и на этой подушкѣ покоился этотъ семейный талисманъ. Мнѣ особенно памятна эта борода, потому что, вскорѣ послѣ моего замужества, свекровь моя Екатерина Александровна Нарышкина (рожденная Строганова), настояла, чтобы я временно перевезла ее къ себѣ въ домъ, въ надеждѣ, что ея присутствіе въ нашемъ домѣ принесетъ съ собою благословеніе Божіе и что у насъ съ мужемъ будутъ дѣти, чего вся наша семья пламенно желала. По истеченіи нѣкотораго времени завѣтная шкатулка вернулась вновь къ Ивану Александровичу и продолжала храниться въ его кабинетѣ".

„Не могу теперь достовѣрно опредѣлить, въ какую именно эпоху Екатерина Александровна, къ великому своему смущенію, открыла, что борода исчезла изъ своего вмѣстилища и, не смотря на самые тщательные розыски, не могла быть отыскана. Сколько мнѣ помнится, это случилось во время переѣзда Ивана Александровича Нарышкина съ женою и дочерью (Елизаветою Ивановною) во вновь купленный имъ домъ на Пречистенкѣ, почти насупротивъ бывшаго дома Всеволожскихъ (остававшагося столько десятковъ лѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уцѣлѣлъ отъ пожарища 1812 г)".

„Мнѣ вспоминается теперь, что въ то время, когда совершилось исчезновеніе бороды, мы, послѣ тщетныхъ поисковъ, остановились на томъ убѣжденіи, что мой свекоръ, переѣзжая въ новый домъ, вздумалъ помѣстить въ этомъ ящикѣ свою коллекцію бѣлыхъ мышей, которыхъ онъ очень любилъ и для которыхъ счелъ это помѣщеніе весьма удобнымъ хранилищемъ при переѣздѣ. Затѣмъ остается предположить, что мыши привели эту бороду въ такое состояніе, что самъ Иванъ Александровичъ, боясь упрековъ жены, выкинулъ ее по пріѣздѣ въ новый домъ; или прислуга, приводя въ порядокъ шкатулку, забросила или потеряла эту бороду; однимъ словомъ въ Пречистенскомъ домѣ ея уже не оказа-

лось, и оставалась только пустая шкатулка и шелковая подушка съ вышитымъ на ней крестомъ. Этотъ ящикъ перешелъ въ домъ моего мужа, послѣ смерти его родителей и въ настоящую минуту вѣроятно хранится гдѣ нибудь въ кладовыхъ, гдѣ сложено множество ненужнаго стараго хлама и куда я по старости лѣтъ не рѣшаюсь проникнуть, для возстановленія нѣкотораго порядка".

„При этомъ достойно замѣчанія, что въ годъ исчезновенія бороды, получены были извѣстія отъ старшаго брата мужа моего, Григорія Ивановича, проживавшаго съ семьею за границею, что у единственнаго сына его Александра проявились первыя явленія того тяжкаго недуга, который свелъ его впослѣдствіи преждевременно въ могилу и хотя онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Кнорингъ (за вторымъ мужемъ Дюма), но наслѣдниковъ послѣ себя не оставилъ, и такимъ образомъ эта вѣтвь Нарышкиныхъ, послѣ кончины мужа моего, дѣйствительно пресѣклась.—Вотъ вамъ мой разсказъ, въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился въ моей памяти; объясняйте себѣ его какъ угодно; смѣйтесь пожалуй надъ легковѣріемъ старухи; но существованіе этой бороды, переходившей въ семьѣ Нарышкиныхъ изъ рода въ родъ, не подлежитъ сомнѣнію, потому что я сама ее видѣла, хранила и могла-бы во всякое время, я увѣрена, отыскать ту шкатулку и ту подушку, на которой она столько лѣтъ покоилась.“.....

*

Таково было повѣствованіе Елизаветы Александровны Нарышкиной. Мы старались по возможности сохранить въ точности его подлинный характеръ и оттѣнки и вслѣдствіе выраженнаго ею не только согласія, но и желанія, рѣшаемся предать его печатной гласности, отстраняя лично отъ себя всякую отвѣтственность за степень его достовѣрности и точности.

Съ своей стороны мы также, какъ и почтенная Елизавета Александровна Нарышкина, почитаемъ совершенно излишнимъ останавливаться здѣсь на степени правдоподобія разсказаннаго нами явленія, взвѣшивать и предполагать, въ какой мѣрѣ эта семейная легенда есть плодъ религіознаго фанатизма и суевѣрной игры воображенія; отвергать или признавать возможность того, что проявилось при совершенно чуждыхъ, почти непонятныхъ въ наше время жизненныхъ условіяхъ. Здѣсь идетъ дѣло не о какомъ-либо историческомъ, общественномъ крупномъ явленіи, всестороннее разъясненіе котораго могло-бы повести къ какимъ нибудь важнымъ открытіямъ въ области прошлаго нашей отечественной исторіи; это просто отдѣльный случай въ частномъ семейномъ быту.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой семейной хроникѣ есть сторона, которая, по нашему мнѣнію, не лишена нѣкотораго историческаго смысла, и этому отчасти настоящій очеркъ обязанъ своимъ появленіемъ въ печати.

Не слышится-ли упорный, энергическій, неумолимый протестъ всей древней, боярской, народной Россіи противъ реформъ и преобразованій Петра Перваго въ этой пламенной молитвѣ Настасьи Александровны Нарышкиной въ минуту явленія Тимофея Архипыча „на воздусѣхъ?“ О чемъ молитъ она Всевышняго, о чемъ взываетъ къ небесамъ?.... Чтобы родъ ея постоянно пребывалъ въ *истинномъ Православіи* и *не пресѣкался*, т. е., чтобы потомки ея продолжали сохранять въ первобытной чистотѣ и непорочности то духовное и нравственное наслѣдіе, которое, по мнѣнію современниковъ Петра, такъ нещадно разрушалось и замѣнялось ненавистнымъ, бусурманскимъ духомъ. Не вызываетъ-ли невольно на нѣкоторое размышленіе то явленіе, что одновременно со всеобщею, неумолимою, исполинскою ломкою всего государственнаго строя, производимою рукою державнаго Преобразователя Россіи, подлѣ него, такъ сказать подъ одною съ нимъ кровлею, въ свѣтлицахъ своего вдовьяго терема, вдова его бра-

та и прежняго соправителя, гласно, упорно и неуклонно отстаиваетъ и проводитъ тѣ понятія, вѣрованія и порядки, которые такъ безпощадно уничтожались и преслѣдовались Петромъ на всемъ пространствѣ преобразовываемаго имъ государства? Очевидно, что въ этомъ теремѣ, въ этой дружбѣ съ царицею, Настасья Александровна Нарышкина главнымъ образомъ почерпнула ту силу отпора и протеста, которая привела ее къ вышеприведенному фанатическому изступленію.

Освященная такимъ образомъ, Россія временъ Петра и его ближайшихъ преемниковъ, не представляется-ли намъ въ видѣ могучаго, твердаго дерева въ его полудикомъ, первобытномъ видѣ, къ которому желали-бы привить другое растеніе, болѣе развитое въ культурномъ отношеніи. Дерево такъ твердо въ своемъ естественномъ развитіи, что новая прививная сила вліяетъ только на тѣ его вѣтви и отпрыски, къ которымъ привита; а остальной стволъ его сохраняетъ свой прежній ростъ, но уже гораздо слабѣе и туже, чѣмъ прежде, потому что часть его основныхъ силъ и соковъ потрачивается на эти чуждыя ему, извнѣ привитыя части. Этою двойственностью развитія поясняются многія событія нашей исторіи со временъ Петра I: непрочность многихъ насажденій, не проникающихъ въ народное сознаніе, ихъ несовмѣстимость съ основными началами народнаго духа; эти поверхностные, скороспѣлые результаты современной культуры, скрывающіе отъ общихъ взоровъ дѣйствительное состояніе общественнаго развитія, подчасъ не далеко ушедшаго отъ временъ Тимофея Архипыча и его несмѣтныхъ почитателей. Если-бы живительная сила реформы коснулась самаго корня дерева, если-бы ея хотя и медленное, но вѣрное теченіе исходило-бы болѣе изъ народнаго сознанія или покрайней мѣрѣ постепенно и прочно воспринималось-бы имъ; то многое въ нашемъ современномъ быту выразилось-бы иначе и плодотворнѣе, чѣмъ оно выразилось доселѣ. До Петровская Русь не исчезла вдругъ, не испарилась безслѣдно и не преобразилась по желанію преобразователя въ Европейское государство; она только ушла сама въ себя, затворилась въ клѣти и терема, погрузилась болѣе чѣмъ когда либо въ закоснѣлый застой и, пользуясь тѣмъ, что всѣ производимыя реформы весьма слабо и поверхностно касались ея завѣтныхъ преданій и вѣрованій, продолжала во многихъ отношеніяхъ свое отдѣльное, хотя и скудное, но самобытное существованіе. Отмѣченное нами здѣсь семейное преданіе не составляетъ исключительнаго, единичнаго явленія въ общественномъ быту конца XVII и даже первой половины XVIII в.; напротивъ того, эта эпоха изобилуетъ всякаго рода проявленіями самаго темнаго суевѣрія, юродства, упорнаго отстаиванія древнихъ порядковъ и обычаевъ, рядомъ съ основаніемъ разныхъ академій, ученыхъ обществъ и коллегій. Даже въ болѣе близкія къ намъ эпохи, легко можно допустить, что какая нибудь новая реформа, сама по себѣ весьма благодѣтельная и долженствующая охватить собою всѣ общественные наши сферы и слои, наткнется въ своемъ развитіи на эту непочатую, суевѣрную, своеобразную струю, сохранившую свои вѣрованія и понятія преемственно со временъ разныхъ Тимофеевъ Архипычей и въ силу этого непредвидѣннаго столкновенія, эта реформа проявляетъ такія уклоненія и отступленія отъ первоначальной програмы, что приводитъ въ смущеніе тѣхъ, на кого возложено ея примѣненіе. Необходимо возстановить нѣкоторое равновѣсіе между этими двумя, такъ сказать, параллельно дѣйствующими силами. Лишь вызвавъ къ жизни и сознательному развитію народныя силы путемъ народной школы и народнаго образованія вообще, можно уже будетъ съ увѣренностью созидать новый порядокъ на прочныхъ началахъ постепенно возникающаго народнаго самосознанія и уже не опасаться никакихъ протестовъ или уклоненій отъ основной задачи.

Ѳ. Тимирязевъ.

31 Декабря 1873 г.

ПРОСТОНАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Нижепомѣщаемые разсказы извлечены нами изъ рукописнаго сборника, писаннаго какимъ-то Василіемъ Бунинымъ въ 1789-мъ году и случайно нами пріобрѣтеннаго. Нѣкоторые разсказы этого сборника, живописуя нравы тогдашняго общества, строй жизни и нѣкоторыя воззрѣнія прошлаго столѣтія, показались намъ заслуживающими вниманія. Разсказы эти, изложенные въ простой, вполнѣ безхитростной формѣ, иногда не безъ цинизма, но всегда рифмованной прозой, довольно любопытны. Ихъ безъискуственная форма, даже безграмотность и мѣстами сквозящій цинизмъ автора,—все служитъ доказательствомъ тому, что разсказы эти были плодомъ вдохновенія, и лишь переписывались со словъ разсказщика, но не сочинялись. Народная масса, настрадавшаяся то отъ Татаръ и деспотизма, то отъ своеволія бояръ и суровости жестокаго климата, находила всегда утѣшеніе въ повѣствованіяхъ и пѣсняхъ о своихъ горестяхъ, бѣдахъ и нуждахъ. Намъ не случалось однакоже до сего времени напасть ни на пѣсни, ни на разсказы, въ которыхъ дѣло бы шло о тягости рабскаго состоянія и о несправедливостяхъ и жестокостяхъ владѣльца къ своему холопу. Для насъ остается тайной причина отсутствія въ народной литературѣ пѣсенъ и разсказовъ о предметѣ, такъ близко касавшемся сельскаго населенія, такъ тѣсно связанномъ съ существованіемъ кабальнаго, закрѣпощеннаго Русскаго крестьянина.

Первые четыре разсказа ясно выражаютъ нерасположеніе Русскаго крестьянина къ дворянству того времени; остальные представляютъ собой вѣрную картину существовавшаго въ то время взгляда народной массы на общественный и гражданскій строй жизни, который въ свою очередь можетъ служить мѣриломъ уровня народнаго развитія въ нашемъ отечествѣ въ концѣ XVIII вѣка.

Н. Барышниковъ.

3-го Декабря 1873-го года.
Орелъ.

РАЗСКАЗЪ 1-ый.

О прохожемъ человѣкѣ.

Одинъ мужикъ дорогою шелъ и для нужды своей въ трактиръ забрелъ, гдѣ сидѣли два неубогіе дворяне. Усмотрѣлъ онъ, что они гораздо убраны. Мужикъ, хотя былъ въ худой одеждѣ, но оставался въ куріозной надеждѣ; ни о чемъ сумнѣнія не имѣлъ, тутъ же вмѣстѣ съ ними за столъ сѣлъ.

Дворянамъ показалось якобы обидно, а паче и сидѣть съ неучтивымъ мужикомъ стыдно. И начали дворяне надъ мужикомъ смѣхи учинять: хорошаго кушанья ему ѣсть не давать. Когда жъ дворяне всѣ ложки по себѣ разобрали и кушанье хорошее хлѣбали, тогда одинъ сказалъ дворянинъ: „Каналья тотъ ничего не разумѣетъ, который безъ ложки кушать не умѣетъ". Мужикъ догадался, лишь разсмѣялся; заразъ взялъ хлѣбную корку и въ ней выдолбилъ, какъ въ ложкѣ, норку, воткнулъ вилку, сталъ кушанье хлѣбать, а дворяне на него начали взирать, при чемъ одинъ дворянинъ сказалъ такъ: „Тотъ шельма, куракъ и каналья бываетъ, кто такою ложкою хлѣбаетъ". Когда жъ на столъ взнесли мелкія птички, стрѣлянныя въ лѣсу изъ дички, дворяне всё поставленное по себѣ разобрали, а мужику тому голыхъ костей наклали. Увидѣлъ мужикъ таковыя дворянскія насмѣхи, вздумалъ и онъ имъ учинить разныя посмѣхи: тотчасъ на столъ поставили, на блюдѣ, отъ молока творогъ и взнесли жаренаго каплуна и пирогъ, еще поставилась оловянная чаша, въ ней была преизрядная, молочная каша; все тоё мужикъ никому не давалъ, но къ себѣ ближе подвигалъ; объявилъ онъ своимъ товарищамъ такъ: „Я, каналья мужикъ былъ куракъ; ну, господа дворяне, я не спорилъ частямъ вашимъ, а на силу добился каплуна и каши, а паче всего, мой миленькій дружокъ, пришелъ ко мнѣ въ гости близенько пирожокъ". Дворяне говорятъ: „Мы знаемъ давно эти вѣсти, что надобно бъ всѣмъ кушать вмѣстѣ". Мужикъ сказалъ: „Постойте; теперь воля не ваша, ко мнѣ пришла въ гости молочная каша; также и каплуна никому не уступлю, но съ костями и кашу всю полуплю. Вы, господа, прежде кушали лапши,—я, мужикъ, радъ, что дождался яства, то и якши". Дворяне сказали

такъ: „Прямой мужикъ, каналья, нечехо (?), набиваетъ свое свиное брюхо".

Покушавъ, мужикъ не сѣлъ веселиться, но сталъ на лучшую кровать отдыхать ложиться. Видя (сіе), дворяне стали мужика съ постели сгонять и ему спать не давать; начали его, толкая подъ бока, будить и хотятъ за невѣжество его бить. Кричатъ они: „Встань мужикъ, свинья, разнесла тебя каша,—вѣдь та убранная постель наша!" Мужикъ, едва вставъ, на нихъ взираетъ, будто бы съ больнаго тѣла своего пластыри обираетъ, говоритъ имъ: „Помилуйте, господа честны, не будьте на меня лихи и злы, а дайте мнѣ время пластыри обобрать,—въ ту пору, я самъ могу встать."—Дворяне надумали: „Въ него (т. е. у него") де мужика вещь не иная, конечно находится болѣзнь худая. Что-де мы къ нему прилѣзли, конечно онъ, мужикъ, во Французской болѣзни; хоть и надлежалобъ намъ тутъ спать, но лучше отъ него отстать". Тотчасъ отшедъ, дворяне въ другомъ мѣстѣ спали, рады что отъ мужика отстали; и такъ неподалече въ другомъ мѣстѣ на постеляхъ спали, что ничего себѣ не слыхали, какъ мужикъ тихо всталъ, тѣхъ обоихъ спящихъ дворянъ обмаралъ..... и якобы не его то было дѣло, опять на свою кровать легъ спать смѣло.

Хозяинъ поутру пробудился, услыхавъ смрадъ и вонь, дивился. Видѣвъ, что дворяне крѣпко заспались и около себя о........, говорилъ: „Прямыя свиньи, дворяне, что такъ учинили въ чуланѣ; доброму человѣку-мужику смѣялись, а сами, какъ свиньи кругомъ обмарались". Заразъ началъ ихъ выгонять вонъ; почуявши великосмрадную въ трактирѣ вонь, говорилъ: „Нѣтъ дѣла тутъ никому, а вы дворяне не марайтесь въ честномъ дому". И такъ съ великимъ стыдомъ и безчестіемъ тѣхъ дворянъ съ трактира прогналъ, а о мужичей куріозности отнюдь не зналъ.

Примѣръ: Не надлежитъ напрасно другаго смѣхотворствомъ обижать.

РАЗСКАЗЪ 2-ой.

Разговоръ дворянина съ мужикомъ.

Нѣкій дворянинъ съ мужикомъ обще въ компаніи сидѣли и между собою разные разговоры имѣли; при чемъ дворянинъ мужика спросилъ, чтобы онъ на ту рѣчь ему объявилъ: „въ которое-де время мужики веселятся, поютъ, гуляютъ и прохладятся?"

Мужикъ отвѣчалъ: „Господине! Изволь знать, я вамъ могу о томъ, могу ясно сказать: мы де-мужики всегда болѣ зимою гуляемъ, поемъ, ѣдимъ и всякими разговорами себя забавляемъ; отложимъ тогда всѣ наши заботы, а лѣтомъ у насъ находятся великія работы".

Дворянинъ сказалъ: „Ба, я думалъ какая нибудь фигура, ажно въ васъ самая свиная натура. Свинья, когда напьется, то и веселится, въ грязь отдыхать ложится".

„Ну жъ, господинъ, насъ мужиковъ свиньями порицаешь; скажи жъ ты о самомъ себѣ,—ты жъ въ какое время себя веселяешь? Ибо и я хочу о томъ знать, если изволишь сказать".

Дворянинъ отвѣщалъ: „Мы, господа, дождемся весны, когда наступятъ дни красны́, въ то время весело гуляемъ и всякими играми себя забавляемъ, а паче въ Маѣ мѣсяцу забава велика́, что никогда не бываетъ толика́".

Мужикъ говорилъ: „Охъ, государь, сія и мнѣ мила, понеже въ Маѣ мѣсяцу веселится и моя кобыла́. Также какъ и вы себя забавляете и часто по полю весело гуляете, такъ и моя кобыла часто поетъ: ги, ги, ги, го, го, го!—а сіе вѣдь пѣнье, господинъ, кажется паче всего!".

И такъ, дворянинъ надъ мужикомъ насмѣялся, а самъ отъ него въ томъ же стыду остался.

РАЗСКАЗЪ 3-ій.

О господинѣ и слугѣ.

Нѣкій господинъ своего слугу любилъ, который за нимъ всегда ходилъ, что ему

приказывалъ исполнять, чтобы въ памятную книжку писать, а безъ записки ничего не творить, того ради нельзя тому пособить.

Случилось господину въ яму глубокую впасть, гдѣ можно и навѣки пропасть. Велитъ слугѣ вонъ себя тащить; слуга говоритъ: „не можно вамъ пособить; подожди, ежели записку сыщу, то тебя изъ ямы сей потащу; когда же записки при мнѣ нѣту, то изволь, господинъ, въ ямѣ сидѣть до свѣту, понеже я, слуга вашъ, приказъ прежній исполняю и въ противность учинить не дерзаю“.

Почему оный господинъ въ ямѣ ночевалъ, и слуга его вонъ не таскалъ, ибо самому на себя надобно пенять, понеже надлежитъ господину слугѣ разсудя приказать.

РАЗСКАЗЪ 4-ый.

О проѣзжемъ мужикѣ и дворянинѣ.

Нѣкій дворянинъ ѣхалъ дорогой впереди, а мужикъ брелъ за нимъ тѣмъ же путемъ позади, который на лошади везъ возъ дровъ продавать, чѣмъ-бы могъ себя съ женой пропитать.

Мужикъ кричитъ тому дворянину: „Господинъ! Поберегись, вѣдь ты видишь, что я ѣду съ возомъ,—посторонись!“ Дворянинъ тогда будто бы не слыхалъ, какъ мужикъ оглоблей въ спину его попалъ и великую обиду ему показалъ, понеже и епанчу его разодралъ.

Видя (сіе), дворянинъ сталъ съ нимъ на дорогѣ сильно браниться, схватилъ мужика, волочетъ судиться, говоритъ ему: „или заплати мнѣ за епанчу, то и къ суду тебя не поволочу“.

Мужикъ говоритъ: „Полно, господинъ, я вѣдь кричалъ тебѣ „поберегись“, то покинь, лучше со мной не судись; а ты лихо больно спѣсивъ сталъ, за то я тебѣ въ спину оглоблею попалъ“.

Дворянинъ говоритъ: „нѣтъ, мужикъ-бестія, я учиню надъ тобой свое отместіе“.

Мужикъ говоритъ: „Ну жъ, господинъ, когда ты сталъ со мной браниться, то пойдемъ ужъ оба судиться“. И пришедъ, дворянинъ предъ судьей сталъ объявлять, какую мужикъ могъ ему обиду показать, говорилъ: „господинъ судья, прошу васъ, съ какого виду мнѣ мужикъ сей показалъ немалую обиду,—я шелъ дорогою предъ нимъ, впереди, а онъ ѣхалъ за мной, на лошади, позади и своею оглоблею епанчу мою всю повредилъ, и я въ него требовалъ денегъ, то онъ мнѣ ничего не заплатилъ; прошу васъ, милости со мною учинить и о томъ дѣлѣ мужика допросить“. Тогда мужикъ только на судью взпраетъ, никакихъ рѣчей не объявляетъ.

Судья неоднократно на него кричалъ, дабы мужикъ что-нибудь ему провѣщалъ и какъ судья свирѣпо на него закричалъ и мужику близко грудей прибѣжалъ: „Слышишь ли мужикъ, что́ говорятъ, вѣдь тебя мужика-чучелу винятъ?“

Видитъ, судья, что ничѣмъ не могъ нѣмаго мужика судить, понеже онъ ничего не говоритъ.

Дворянинъ: „Нѣтъ, господинъ-судья, я о томъ подлинно вѣмъ, что сей мужикъ не бывалъ нѣмъ. Вотъ симъ часомъ ѣхалъ на конѣ добро и кричалъ мнѣ во всё свое горло: „посторонись, посторонись господинъ! изволишь видѣть что я ѣду съ возомъ, а не одинъ“.

Слыша, (сіе) судья только разсмѣялся и о той прозьбѣ догадался, говорилъ дворянину: „почто же ты, дворянинъ, суда просишь и въ такой себя стыдъ велій вводишь, когда мужикъ громко кричать для тебя чтился, то для чего ты ему не посторонился?“

Заразъ, судья велѣлъ обоихъ соперниковъ изъ судейской прогнать и хорошихъ толчковъ имъ въ спину надавать.

И такъ потому предъ судомъ мужикъ явился правъ, а дворянинъ виноватъ, что предъ нимъ не солгалъ.

РАЗСКАЗЪ 5-ый.

О хитромъ ворѣ.

Зѣло злоумышленный воръ былъ, для кражи во многіе грады и селы ходилъ

и уже шельмованъ былъ неоднократно, только то ему было невнятно; многіе люди его воровство знали, никакихъ вещей въ него (т. е. у него) не покупали.

Случилось мимо идти тому вору переночевать въ деревню къ мужику на гору́. Примѣтилъ воръ, что есть въ него хорошая корова, весьма молочна, велика и здорова; сталъ воровски помышлять напасть, какъ бы ту корову украсть. Еще жъ разсуждалъ, какъ бы и себя въ погибель не ввести, и въ мужика (т. е. у мужика) съ двора корову свести. Только что легли всѣ въ избѣ спать, той воръ заразъ потщился встать и тихо корову съ двора увелъ и никакаго сумлѣнія о томъ не имѣлъ; шедъ въ лѣсъ къ дереву оную привязалъ и, акій добрый, къ мужику возвратно побѣжалъ, также, какъ прочіе спитъ и никто о его умышленіи не мнитъ; по утру вставъ, хозяина поблагодарилъ, что его переночевать пустилъ. Видя, мужикъ спросилъ: „куда тебѣ надобно идти,—не пойдемъ ли вмѣстѣ, по одному пути?“ Воръ ему объявилъ, что-де изъ деревни въ градъ, чему мужикъ былъ и радъ. И такъ съ двора пошли вмѣстѣ, а мужикъ не зналъ его лукавой лести. Воръ не знаетъ, что сказать, какъ-бы корову отъ дерева отвязать; объявилъ мужику: „Прошу я тебя пожалуй, подожди тутъ мало меня, я только маленько здѣсь побываю у одного человѣчка, долгу попрошаю. Хотя бы не деньгами мнѣ отдалъ, я бы радъ, чѣмъ-нибудь отъ него принялъ; и такъ давно уже продолжился и скоро хотѣлъ отдать, побожился“.

Мужикъ сказалъ: „пожалуй, другъ, добра дорога, и я обожду васъ тутъ съ немнога!“

Воръ, пошедъ въ лѣсъ, корову отвязавъ, бѣжитъ,—мужикъ лишь только на него глядитъ, дивится, помышляетъ паче всего, будто бы признаетъ, какъ точно корова его. Говоритъ вору: „умилосердись, воля твоя, словно какъ буренушка моя?“

Воръ говоритъ: „правда въ сумлѣніе тебя приводитъ, понеже и человѣкъ въ человѣка приходитъ, а я сію корову за долгъ взялъ, о чемъ и тебѣ прежде сказалъ“.

Мужикъ говоритъ: „правда ты это объявляешь; сію корову точно съ моей не распознаешь. Что жъ ты хочешь, въ дому ль ее содержать или намѣренъ въ городѣ продать?“

Воръ говоритъ: „я тебя прошу потрудиться, продать оную потщиться, а мнѣ самому теперь очень недосужно, понеже имѣю мало дѣльце нужно“. Вѣдалъ воръ, что всякъ его знаетъ, и никто въ него ничего не покупаетъ.

Мужикъ сказалъ: „изволь, продамъ и, что дадутъ за нее, всѣ тебѣ деньги отдамъ“. И принесъ мужикъ деньги въ тотъ же часъ, яко за хорошій шелковый атласъ. Воръ деньги взялъ и зѣло ему за то благодарилъ, съ коихъ денегъ одну монету и ему подарилъ; отходя же съ нимъ простился, за его стараніе и пріятство низко поклонился. Мужикъ радъ, получивъ монету, а не знаетъ, что коровы дома нѣту. Пошелъ домой, скоро поспѣшаетъ,—жена съ дѣтьми на дорогѣ встрѣчаетъ, дѣти кричатъ: „ахъ батюшка, дома въ насъ нездорово, пропала наша бурая корова! Вездѣ въ деревнѣ искали и нигдѣ въ домахъ не опознали. Теперь куда намъ себя дѣвать, у кого будемъ молоко хлѣбать!“

Слыша отецъ весьма испужался, что самъ корову продалъ,—догадался, закричалъ: „Ахъ, мои бѣдныя дѣтушки, я пропалъ, что своей коровы не узналъ! Явно воръ обманулъ въ глазахъ, лишь въ недавнихъ часахъ!“

Жена говоритъ: „тотъ воръ корову укралъ, что въ насъ (т. е. у насъ) ночевалъ“.

Мужъ говоритъ: „Мы шли съ нимъ дорогою вмѣстѣ, и онъ подпустилъ подъ меня лукавыя лести. Я дивился и корову свою примѣчалъ, только онъ весьма лукаво мнѣ на то отвѣчалъ, будто бы въ мужика, сказалъ, за свой долгъ взялъ, и я ему потому и вѣры понялъ“.

И такимъ лукавствомъ мужика воръ обманулъ, что онъ отъ него слезно вздохнулъ.

РАЗСКАЗЪ 6-ой.

О такомъ же ворѣ.

Лукавый мошенникъ такъ воровалъ, что обрѣзанія своихъ ушей не миновалъ. Когда его привели тѣмъ штрафовать, на что многіе люди стали взирать, гдѣ и судьи всѣ въ собраніи были, которые такой штрафъ положили. Пришедъ къ нему, палачь сталъ волосы подымать, какъ-бы уши отрѣзать достать. Осмотрѣвъ въ мошенника, что ушей въ него нѣтъ, не знаетъ какой дать отвѣтъ. Вопросилъ вора: „или ты безъ ушей родился, что я ихъ какъ обыскать не потщился?—Отвѣщалъ воръ:“ мнѣ все равно,—ужъ уши безъ тебя отрѣзаны давно“, и, указавъ рукою на тѣхъ сидящихъ и во многомъ народѣ предстоящихъ, сказалъ: „кто на сихъ шельмовъ ушей напасется, то и то отъ таковыхъ не убережешься,—по ихъ общему совѣту уже давно ушей въ меня нѣту“.

РАЗСКАЗЪ 7-ой.

О легкомысленной дѣвицѣ.

Одна легкомысленная дѣвица была, въ своемъ дѣвствѣ постоянна слыла, отъ многихъ находилась почтима и прочимъ дѣвицамъ любима. По нѣкоемъ времени мало заболѣла и кинуть руду призвать бальбера *) велѣла. Когда бальберъ пришелъ, зѣло дивовался о красотѣ дѣвической и сумнѣвался. Умыслилъ оную такъ искусить, дѣйствительно (ль) она въ своемъ дѣвствѣ имѣетъ жить. Объявилъ ей скоро свою науку, взялъ, перевязалъ ей ремнемъ руку, однако жъ крови ей не кидалъ, но на лице дѣвицы прилежно взиралъ. Она его вопросила: „что меня утруждаешь, для чего крови долго не пускаешь?“—Бальберъ говоритъ: „опасаюсь вамъ объявить, чтобы чѣмъ не разгнѣвить, понеже я два ланцета при себѣ обрѣтаю,—однимъ дѣвицамъ,—другимъ женщинамъ кидаю. Въ меня (т. е. у меня) нарочно такой сдѣланъ про дѣвицъ,—другой про женщинъ и красныхъ лицъ. Вы какимъ позволите кинуть приказать, чтобы мнѣ можно о томъ было знать?“—Слыша о томъ дѣвица много разсуждала; взнавши (т. е. узнавши), совѣстно (т. е. совѣстливо, стыдливо) женскимъ ланцетомъ кинуть руду приказала, тѣмъ обманомъ себя пристыдила; не совѣстною (т. е. безстыдною) дѣвицей прослыла.

Притча: На лукавыя слова не надобно сподаваться; надлежитъ всегда во всемъ остерегаться.

*) Т. е. отъ Французскаго слова «barbier».

РАЗСКАЗЪ 8-ой.

О старомъ мужикѣ.

Старый мужъ молодую жену имѣлъ, изъ дому своего отпускать въ гости никогда не хотѣлъ; когда же онъ съ нею вмѣстѣ опочивалъ, то спальню свою замкомъ крѣпко запиралъ, а ключи пряталъ подъ кровать, чтобы не можно было женѣ сыскать.

Въ нѣкое время онъ веселился, легъ спать, долго не пробудился. Тогда жена его ключь сыскала, отпершись немедленно къ любителю (т. е. къ любовнику) побѣжала. Мужъ ея опасно отъ постели всталъ, въ домѣ жены своей вездѣ искалъ, позналъ заразъ, что она къ любителю ушла, а ключи подъ кроватью нашла. Заперщись въ домѣ одинъ, сталъ ждать, откуда жена можетъ прибѣжать.

Жена съ любителемъ отвеселилась, опять къ дому своему возвратилась, стучитъ въ ворота, чтобы впустили, больше стоять не морили. Услыша, мужъ окошко отворилъ, всячески жену свою бранилъ, кричалъ: „Канальяǃ пойди отсюда прочь! нечестиваго ты отца дочь! Осквернила своего мужа ложу, не хощу видѣть твою скверную рожу! Зришь, публично, что учиню надъ тобою, когда ты такъ льстиво поступаешь со мною!“—Жена говоритъ: „умилосердись, я затѣмъ на время отскочила, что по менѣ (т. е,

за мной) отъ матушки дѣвка приходила, ибо ее такъ ночью схватило (что), когда бъ я не пришла, къ смерти приближила: того ради къ ней побѣжала вскорѣ, не смогла разбудить тебя въ каморѣ. Ты спишь, про то не знаешь,—видишь на старости къ чему привлекаешь!"

Мужъ говоритъ: „нѣтъ, мой другъ, не обманешь ты меня, ужъ я давно знаю про тебя, теперь ты ничѣмъ отъ меня не отговоришься, узришь, гдѣ утромъ очутишься!"

Жена говоритъ: „если не отперешь вороты, посмотришь, какія я тебѣ сдѣлаю заботы! Сейчасъ брошусь въ колодезь предъ тобою, когда ты такъ не милосердно поступаешь со мною!"

Мужъ говоритъ: „утонешь, каналья; не буду тужить, чѣмъ тя живую видѣть, а себя крушить. Мнѣ что,—гдѣ ей утопиться, только тѣмъ хощетъ мнѣ угрозиться".

А возлѣ воротъ глубокъ колодезь былъ, что мужъ ея для воды нарочно рылъ. Жена его схватила камень великъ, на силу подняла мочью своею толикъ, заразъ вбросила въ колодезь, а кабы втонула, а сама нарочно тяжело вздохнула, сказала: „прощай мужъ, я отъ тебя топлюся и въ такой погибели явлюся"—и спряталась нарочно въ тайное мѣсто, чтобы мужу не было извѣстно. Вслушавъ, мужа великъ страхъ одержалъ, тотчасъ къ колодезю прибѣжалъ, сталъ бросаться, помощи искать, чѣмъ бы съ колодезя могъ жену достать. А между тѣмъ она въ домъ вбѣжать ускорила и крѣпко вороты заложила,—подъ окошкомъ въ домѣ сидитъ и на своего мужа глядитъ, который потужа, хотѣлъ отступить, чтобы паки въ свой домъ вскочить. Жена его немилостиво осердилась и лицемъ своимъ измѣнилась, закричала на него: „Гдѣ ты, старый чертъ гулялъ? Я вижу, что ты отъ меня блудовалъ! Какія мнѣ отъ тебя радости, что творишь отъ своей жены въ старости! Тѣ ли твои лѣта, прелюбодѣй,—хотя-бы ты стыдъ возимѣлъ отъ людей?—Мною-ли бываешь недоволенъ, а къ другимъ прелюбодѣйницамъ склоненъ? Хоть умри тутъ, въ домъ тебя не впущу, а надъ тобою судъ особливый сыщу. Дивлюся, какъ на инова, особливо человѣка мастероваго; ты старый чертъ осмидесяти лѣтъ, а стыда и совѣсти въ тебѣ нѣтъ! Для чего я вижу въ младыхъ лѣтахъ (сіе)? Слыхалъ ли кто, — мнѣ, быть въ такихъ навѣтахъ. Мнѣ передъ многими жонами обидно! Осмотрись, какъ тебѣ не стыдно!"

Мужъ говоритъ: „вѣрная моя супруга, помилуй ты своего друга; воля твоя, нынѣ радость со мною, во всемъ виноватъ предъ тобою".

И такъ, мужъ хотѣлъ свою жену въ кротость привести, а она ему насмѣявшись и бо́льшую напасть могла нанести.

РАЗСКАЗЪ 9-ый.

О глупой женѣ.

Глупая жена сдѣлала глупость такую, поставила въ печь на оловянной тарелкѣ часть жрку́ю. Въ скорости изъ той печи жа́ркой тарелку вынуть позабыла, то она тамъ и растаила. Не знаетъ о томъ жена, какъ мужу сказать, принуждена была на кошку солгать. Лишь мужъ сталъ въ нее (т. е. у нея) просить обѣдать,—она въ то время стала бѣгать,—объявляетъ: „батька мой, бѣда приспѣла, кошка мясо съ тарелкой съѣла".—Слыша мужъ (то) только разсмѣялся, тотчасъ надъ нею учинить догадался(?), говоритъ: „добре-де, кошка опять не станетъ блудить, посмотри, какъ я ее возьму рубить". Заразъ взялъ кошку, къ жениной спинѣ привязалъ и не милостиво ее веревкою бить сталъ. Кошка лапами спину деретъ, а жена кричитъ: „ахъ! пришло ужъ умереть, воля твоя, другъ со мною, виновата передъ тобою".—Мужъ говоритъ: „не говори того, я тебя люблю, а потому за забредню бичемъ луплю; ты вѣдь сама кошку бить велѣла, почто она тарелку съ мясомъ съѣла".

Глупая жена мужа въ обманъ не привела, а за глупость на своей спинѣ побой подняла.

РАЗСКАЗЪ 10-ый.

О увертливой женѣ.

Былъ нѣкій славный купецъ, богатъ и дороденъ молодецъ, накупалъ себѣ селы съ деревнями великія, лѣса съ прекрасными садами... Имѣлъ жену разумну и поворотну, ко всякимъ дѣламъ работну. За своими жъ купецкими дѣлами не восхотѣла ходить сама; въ нихъ (т. е. у нихъ) былъ прикащикъ младъ и доброобыченъ, во всѣхъ разговорахъ политиченъ. Случилось тому прикащику въ особливой каморѣ писать, по своей должности книги справлять; пришедъ госпожа съ смѣхомъ ему говорила, для одной куріозности только чинила, говорила: „что-де, господинъ прикащикъ, исполняешь, какія письма разбираешь?“.— Прикащику въ то время было недосужно, особливо дѣло имѣлъ себѣ нужно, сказалъ ей: „не въ сердцѣ такія навѣтки, пишу-де, государыня, бабьи увертки“. Не зналъ во скорости ко отвѣту другихъ рѣчей сыскать и, не разсудя, принужденъ былъ такъ сказать: „еще бъ, говорилъ, прелюбленіе я въ себѣ призналъ, никогда такого слова госпожѣ не сказалъ“.—Слыша госпожа разсмѣялась его отвѣту, а та рѣчь гораздо пришла ей въ примѣту, дивилась почему онъ бабьи увертки знаетъ, конечно не разсудя объ нихъ объявляетъ; принуждена она ему свои увертки показать, можетъ ли онъ прикащикъ оnихъ признать. Отшедъ отъ него, на кровать сѣла и призвать его къ себѣ велѣла, какъ-бы за какимъ своимъ дѣломъ, посмѣяться надъ нимъ по отвѣтѣ смѣломъ. Призвавъ много говорила по его приходѣ, спрашивала записокъ о домашнемъ расходѣ. Между тѣмъ купецъ на дворъ въѣзжаетъ, видя (то), жена, что творить не знаетъ, сказала ему: „пойди спрячься за картину, ибо ты не вѣдаешь причину, мужъ помыслитъ: я тебя возлюбляю и наединѣ разговоры съ тобою продолжаю, и такъ давно тое признаваетъ, всякими виды о насъ помышляетъ“. Прикащикъ убоясь того не отговорился, скоро за ту картину схоронился. По приходѣ въ домъ, жена мужа своего честно воспріяла, гдѣ онъ пребывалъ, весело пытала, онъ же отвѣчалъ: „на старости ходилъ въ поле гулять съ прочими купцами птицъ стрѣлять“.—Жена говоритъ: „ахъ, батька мой, какъ не стыдно говорить, тебѣ-ль старому птицу застрѣлить; вотъ ты и въ сію картину не попадешь, лишь только мнѣ великъ смѣхъ наведешь“!—Купецъ говоритъ: „азъ, дружокъ, не сдѣлаю отмѣну, сквозь картину прошибу и стѣну“.—Прикащикъ, стоя за картиною, умираетъ, никакой помощи сыскать не знаетъ. Явная постигла прикащика причина, а можетъ сдѣлаться неотмѣнная и кончина. И ужъ самая погибшая напасть, какъ ему ужъ въ картину не попасть; воздохнулъ тяжело, говорилъ: „теперь-то я спозналъ, что́ нѣкогда про бабьи увертки сказалъ“. Купецъ ружье тотчасъ схватилъ, насыпалъ дроби, зарядилъ, лишь курокъ съ ружья спускаетъ, жена прибѣжавъ руку его отшибаетъ, и такъ выпалилъ, въ томъ покоѣ въ уголъ попалъ. Жена разсмѣялась: „Ахъ! Что такъ, государь поспѣшился, мимо картины зарядъ въ углу очутился“.—Купецъ говоритъ: „Еще бы ты рукою не помѣшала, то прямо бъ въ картину попало“.—Жена говоритъ: „не ваше дѣло стрѣлять, вы обыкли товарами торговать“.—Мужъ, любя жену былъ веселъ, тотчасъ свое ружье повѣсилъ, самъ сѣлъ паки въ коляску, отъѣхалъ со двора вонъ, своему другу отдать поклонъ. Жена, проводя, кликнула прикащика съ себѣ, говорила: „ну каковы показались бабьи увертки тебѣ?“—Прикащикъ говорилъ: „въ томъ со мною воля твоя, а въ то время чуть было не послѣдовала смерть моя; таковы-то твои навѣтки! Никогда я не зналъ про бабьи увертки“.—Подала ему водки, сказала: „выпей, не страшись, опять такъ говорить стерегись“.—Когда жъ (онъ) вы-

пилъ а купецъ ѣдитъ назадъ, жена: „ахъ! бѣда! какъ про тебя сказать?— пойди стань въ большой шкафъ, тѣмъ развѣ будешь правъ!“ Поставя скоро, ключами его заперла, а сама со страхомъ на кровать легла, якобы жестоко отъ болѣзни не можетъ, и никто ей въ горѣ не поможетъ.—Узрѣвъ купецъ (говоритъ): „ахъ! что то̀ сотворилось, какимъ образомъ лице твое измѣнилось? повѣждь ми радость безъ всякаго препятства, можно—сыскать на то отъ (вѣроятно „недуга“) изряднаго лекарства?“— Жена говоритъ: „государь мой, ненадобно покупать, изволь дома въ шкафѣ большомъ достать“.—Мужъ взялъ ключь, скоро поспѣшаетъ, для жены отперетъ шкафъ желаетъ. Она видя (сіе) въ скорости вскочила, цѣловавъ, мужа руками схватила, засмѣялась, рекла: „я нарочно тебя, друга, пробовала; теперь-то я всю твою вѣрность спознала; вижу, что ты любишь меня нелицемѣрно, признала всю горячность твою неотмѣнно; я мнила, что ты меня оставляешь, но спознала ажно возлюбляешь“.—Мужъ радостенъ тому подивился, съ своей женой всячески веселился. Потомъ мужу нельзя было отмѣнить, поѣхать своего друга посѣтить. Жена изъ шкафа прикащика свободила, о тѣхъ же увертках ему говорила. Онъ же, отъ того страха ве́лика, не отверзаетъ своего языка́.— „Опомнись, помилуй, говорилъ, отъ сей напасти ужъ одолѣли меня всѣ смертныя страсти; лучше бы смертію нынѣ лишился, нежели таковыхъ видовъ настрашился. Конечно я ничѣмъ смертію не опасенъ, а сихъ бывшихъ страстей зѣло есть ужасенъ. По моей нынѣ старой примѣтѣ, не обрящу увертокъ такихъ во всемъ свѣтѣ“. Взявъ его госпожа отвела за руку въ уготованную баню. Онъ видитъ третью муку. Приказала ему въ оной раздѣться и никакой себѣ страсти не пужаться. Бѣдный прикащикъ о томъ всумнѣвался, непрекословно до нага раздѣвался, думалъ сіяде страсть третична, вскорѣ будетъ ему смерть публична. И она раздѣлась безопасно, смѣло, обнажа до нага свое тѣло, ничѣмъ другимъ въ банѣ не веселилась, точію вмѣстѣ съ прикащикомъ мылась. Увидала мужа на дворъ въѣзжаетъ, а она въ банѣ двери отверзаетъ, кричитъ: „дружокъ, подитъ-ко, что дѣлается съ тобою, вѣдь твой прикащикъ парится со мною!“—Прискочилъ (купецъ) незнаетъ, что сотворити, того прикащика смертію уязвити, разсуждалъ о томъ быть давно, какъ онъ войдетъ въ баню противно. Когда же къ дверямъ мужа призывала, взявъ тазъ мѣдный, водой обливала, разсмѣялась: „ахъ! старый, сердешный, опоздался, какъ разсудить того не догадался; помыслилъ бы, можно ль тому учиниться, чтобы прикащику въ банѣ со мной мыться; я только тебѣ о семъ для потѣхи объявила и развеселить хотѣла. Ты знать заподлинно признаваешь, что моимъ рѣчамъ не увѣряешь“.—Мужъ говоритъ: „не было бы нечево, хотя бы ты и облила меня водою всего“.—Я мылась одна, некуда мнѣ спѣшить, я велю кафтанъ твой просушить“.—И такъ мужъ простосердечный отъ двери отошелъ, раздѣваться захотѣлъ. Жена прикащику говорила: „ну теперь полно, увертокъ моихъ будетъ съ тебя довольно; можно вамъ нынѣ со мною любиться, понеже я могу отъ мужа всячески отговориться. Ни въ чемъ предъ тобою я не солгала, всѣ свои увертки ясно показала; теперь хоть кто въ правду будетъ на насъ объявлять, то мужъ мой не будетъ вѣры понимать; а я тебя довольно сердцемъ возлюбила и отъ всякаго мнѣнія своего мужа отвратила“. Съ того времени прикащикъ съ нею жилъ любовно, веселился якъ мужъ съ женою ровно; по смерти жъ того купца, самъ хозяиномъ сталъ и оную свою госпожу за себя понялъ. Въ житіи своемъ прикащикъ сколько ни находился, а увертокъ ея всегда страшился.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ ОГИНСКІЙ

И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

(1807—1815).

Извѣстный патріотическими странствованіями по Европѣ, а потомъ близкими отношеніями къ императору Александру I, литовскій уроженецъ графъ Михаилъ Огинскій началъ политическое поприще свое въ 1790 г., 24-хъ лѣтъ отъ роду, въ званіи чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Польши при голландской республикѣ и въ Англіи. Въ концѣ того же года онъ возвратился изъ этой миссіи, а въ слѣдующемъ году, по порученію короля Станислава Понятовскаго, отправился въ Вильну для поддержанія обнародованной въ то время конституціи 3-го мая, противъ которой дѣйствовали въ Литвѣ сторонники Россіи Коссаковскіе. Когда же императрица Екатерина II противупоставила конституціи 3-го мая тарговицкую конфедерацію, къ которой долженъ былъ приступить и король, то графъ Огинскій удалился въ Пруссію, за что были конфискованы всѣ его помѣстья въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и онъ отстоялъ ихъ только личнымъ ходатайствомъ въ Петербургѣ, подъ условіемъ службы польскому правительству на основаніяхъ тарговицкой конфедераціи. Въ слѣдствіе этого, графъ Огинскій вынужденъ былъ принять участіе въ роковомъ гродненскомъ сеймѣ; но въ первомъ же засѣданіи его навлекъ на себя негодованіе русскаго посла Сиверса требованіемъ новой формы правленія на основаніяхъ противныхъ тарговицкой конфедераціи. Не согласившись взять назадъ это предложеніе, онъ удалился въ свое помѣстье близъ Варшавы, откуда, однако, угрожаемый новою конфискаціею имѣній, долженъ былъ возвратиться въ Гродну, гдѣ содѣйствовалъ ниспроверженію деспотическаго владычества Коссаковскихъ и, по окончаніи гродненскаго сейма, возвратился въ Варшаву.

Въ Варшавѣ уже подготовлялись кровавыя событія 1794 года, о чемъ графъ Огинскій хотя и получилъ свѣдѣнія изъ Вѣны, но къ заговору не принадлежалъ и даже заблаговременно удалился въ свои литовскія помѣстья. Едва, однако, вспыхнуло возстаніе въ Вильнѣ, какъ онъ тотчасъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе, сформировалъ на свой счетъ егерьскій баталіонъ, участвовалъ съ нимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ войскъ, посредничествовалъ между Косцюшкою и литовскими инсургентами и, когда возстаніе въ Литвѣ было подавлено, а вслѣдъ за тѣмъ попалъ въ плѣнъ и Косцюшко,—поступилъ волонтеромъ въ отрядъ польскихъ войскъ, предназначенный дѣйствовать противъ Пруссаковъ. Пражскій погромъ рѣшилъ судьбу Польши, и графъ Огинскій бѣжалъ, подъ именемъ слуги одной помѣщицы, въ Галицію, потомъ въ Вѣну и, наконецъ, въ Венецію, гдѣ въ то время сосредоточилось значительное число польскихъ эмигрантовъ. Они тотчасъ открыли сношенія съ польскимъ комитетомъ въ Парижѣ, а также съ Варшавою и враждебными Россіи европейскими кабинетами, и когда было рѣшено учредить въ нѣсколькихъ столицахъ Европы тайныхъ польскихъ агентовъ, то графъ Огинскій назначенъ, въ концѣ 1795 года, въ Константинополь. Проѣхать туда было не легко, потому что русскіе дипломатическіе агенты бдительно слѣдили за польскими эмигрантами. Въ Неаполѣ, откуда графъ Огинскій намѣревался проѣхать въ Константинополь моремъ, былъ онъ опознанъ въ театрѣ Санъ-Карло знавшимъ его лично русскимъ посланникомъ графомъ Головкинымъ, и уже было сдѣлано распоряженіе объ арестованіи его; но, благодаря содѣйствію французскаго посланника, онъ успѣлъ выѣхать въ Римъ, а оттуда въ Ливорну, гдѣ сѣлъ на отплывшій въ Константинополь венеціанскій корабль. На этомъ пути графъ Огинскій былъ занесенъ бурею въ Смирну и, не нашедши тамъ ни одного попутнаго корабля, долженъ былъ проѣхать сто миль верхомъ до ближайшаго порта Могали-

цы, откуда, наконецъ, достигнулъ Мраморнымъ моремъ цѣли своего путешествія.

Въ столицѣ Турціи Огинскій развилъ замѣчательную патріотическую дѣятельность: переписывался съ парижскимъ комитетомъ и съ адъютантомъ перваго консула княземъ Сулковскимъ, обращался письменно и къ самому Бонапарту, велъ переговоры съ драгоманомъ Порты Мурузи; но, въ концѣ концовъ, не видя надежды на успѣхъ, а съ другой стороны обезпокоиваемый разногласіемъ въ образѣ дѣйствій своихъ соотечественниковъ-эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе, укрывшіеся въ Молдавіи и Валахіи, затѣвали несвоевременное покушеніе противъ Галиціи,—рѣшился отправиться, черезъ дунайскія княжества, въ эту послѣднюю область. Снабженный султанскимъ фирманомъ и сопровождаемый двумя польскими эмигрантами и янычаромъ французскаго посольства, графъ Огинскій проѣхалъ верхомъ черезъ Балканы до самаго Букарешта, встрѣтилъ въ Молдавіи русскаго курьера, везшаго въ Константинополь извѣстіе о кончинѣ императрицы Екатерины II и помилованіи императоромъ Павломъ Петровичемъ польскихъ эмигрантовъ изъ русскихъ подданныхъ, но не пожелалъ возвращаться на родину и продолжалъ путь въ Галицію. Въ эту область удалось ему проникнуть съ большимъ трудомъ, такъ какъ австрійское правительство, узнавъ о выѣздѣ его изъ Константинополя, разослало во всѣ свои владѣнія описаніе его примѣтъ съ приказомъ объ арестованіи его, въ слѣдствіе чего, переговоривъ поспѣшно съ мѣстными польскими вожаками, онъ направился, въ началѣ 1797 года, въ Парижъ. Тамъ графъ Огинскій вошелъ въ сношенія съ директоріею и главнѣйшими политическими дѣятелями Франціи—Баррасомъ, Пишегрю, Талейраномъ, Сіесомъ, Бонапартомъ и друг., и когда Талейранъ объявилъ ему напрямки, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, Польшѣ нечего ждать отъ Франціи,—то удалился въ Гамбургъ, а оттуда въ Берлинъ, гдѣ былъ милостиво принятъ королемъ и, по совѣту его, послалъ просьбу къ императору Павлу Петровичу о дозволеніи возвратиться на родину. На это послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ графа Растопчина, отъ 29-го марта 1799 года: „Господинъ графъ! „Его величество императоръ, получивъ ваше „письмо отъ 12-го марта, призналъ соотвѣт-„ственнымъ отказать въ вашей просьбѣ и „приказалъ мнѣ увѣдомить васъ объ этомъ". Не успѣвъ и во второй просьбѣ о томъ же, графъ Огинскій обратился въ третій разъ уже къ императору Александру I, отъ котораго получилъ помилованіе и прибылъ въ 1802 году въ Петербургъ, гдѣ милостиво принятъ монархомъ, и затѣмъ поселился въ Вильнѣ. Въ томъ же году посѣтилъ этотъ городъ императоръ, и графъ Огинскій не только былъ представленъ ему въ числѣ знатнѣйшихъ мѣстныхъ дворянъ, но даже послѣдовалъ за нимъ въ Витебскъ и Могилевъ, удостоился приглашенія къ императорскому обѣденному столу и, наконецъ, получилъ, чрезъ посредство тогдашняго бѣлорусскаго генералъ-губернатора Римскаго-Корсакова, косвенное приглашеніе вступить въ русскую службу. На этотъ разъ, однако, графъ Огинскій предпочелъ удалиться въ свое литовское помѣстье, гдѣ прожилъ до 1807 года. Въ этомъ послѣднемъ году онъ отправился, для излеченія своей жены, въ Италію, представлялся въ Венеціи императору Наполеону, потомъ посѣтилъ Парижъ и, въ маѣ 1810 года, возвратился въ Вильну, откуда лѣтомъ прибылъ въ Петербургъ,—между прочимъ, и въ качествѣ уполномоченнаго отъ дворянъ, для ходатайства о разныхъ льготахъ литовскому краю.

25-го іюня, получивъ приглашеніе къ императорскому обѣденному столу, графъ Огинскій доложилъ Государю о цѣли своего пріѣзда въ столицу и получилъ разрѣшеніе представить лично его величеству памятную записку относительно порученнаго ему дѣла, а черезъ три дня, приглашенный снова къ обѣденному столу, имѣлъ, по окончаніи онаго, въ продолженіи двухъ часовъ, бесѣду наединѣ съ императоромъ. При этомъ случаѣ, независимо отъ литовскихъ дѣлъ, о которыхъ записка

была передана для исполненія Сперанскому, императоръ говорилъ съ графомъ Огинскимъ, между прочимъ, о проискахъ Наполеона, чрезъ посредство князя Адама Чарторыскаго [1]), съ цѣлью привлечь къ себѣ Поляковъ; жаловался на безразсудство своихъ польскихъ подданныхъ, и замѣтилъ по этому поводу, что хотя онъ никогда не одобрялъ раздѣла Польши и, напротивъ даже осуждалъ его, но тѣмъ не менѣе считаетъ несправедливымъ дѣлать новое русское поколѣніе отвѣтственнымъ за прежнія несчастія Поляковъ. Когда же графъ Огинскій позволилъ себѣ отозваться на это, что онъ самъ Полякъ, сражался за свое отечество во время возстанія 1794 года и лично заявлялъ его величеству, что ничто не въ силахъ направить образъ его мыслей противъ своихъ соотечественниковъ, то императоръ возразилъ: „Я не забылъ этого; знаю все, что „вы сдѣлали для отечества, и тѣмъ болѣе цѣ„ню васъ за это...... Я не говорилъ бы съ „вами такъ откровенно, если бы не довѣрялъ „вамъ..... Человѣкъ, служившій вѣрно отчиз„нѣ, не можетъ измѣнить своему долгу...... [2]) „Наполеону понадобилось привлечь къ себѣ „Поляковъ, и онъ будетъ увлекать ихъ самы„ми лестными надеждами. Что касается меня, „то я всегда высоко цѣнилъ вашъ народъ, и „надѣюсь со временемъ доказать вамъ это, „не руководясь въ моихъ дѣйствіяхъ видами „личной пользы“.

Вскорѣ послѣ этого, графъ Огинскій, пожалованный чиномъ тайнаго совѣтника и званіемъ сенатора, отправился къ своему семейству въ Парижъ, гдѣ уже засталъ въ полномъ разгарѣ слухи о военныхъ приготовленіяхъ Франціи, — какъ говорили, противъ Россіи, а по словамъ Поляковъ и съ цѣлью возстановленія ихъ самобытности — хотя на самомъ дѣлѣ ничто еще не изобличало дѣйствительныхъ намѣреній Наполеона, такъ какъ и онъ и его приближенные даже удвоили внимательность къ русскому послу и находившимся въ Парижѣ русскимъ подданнымъ.

22 генваря 1811 г. графъ Огинскій выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ и вездѣ на пути убѣждался въ неизбѣжности взрыва. Въ Дрезденѣ онъ былъ принятъ весьма дружески русскимъ посланникомъ Ханыковымъ и французскимъ Бургуэнемъ, что, однако, не помѣшало графу замѣтить, что за нимъ сильно наблюдали французскіе шпіоны, между тѣмъ какъ въ тоже время Бургуэнь доказывалъ ему неосновательность слуховъ о разрывѣ между Франціею и Россіею и, выражаясь съ воодушевленіемъ о Полякахъ, увѣрялъ его въ скоромъ возстановленіи Польши. На пути изъ Бреславля графъ Огинскій обогналъ слѣдовавшій въ Варшаву транспортъ съ 200 орудій и 40.000 ружей, въ самой же Варшавѣ былъ свидѣтелемъ патріотическаго увлеченія своихъ соотечественниковъ, и хотя и самъ задумывалъ въ это время осуществленіе завѣтной польской мечты, однако не раздѣлялъ надеждъ Поляковъ на Наполеона. „Я заранѣе предвидѣлъ“, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ, „какъ жестоко обманутся они въ „своихъ ожиданіяхъ и какъ мало пожнутъ „плодовъ отъ своихъ великодушныхъ усилій „на жертву отчизны..... Но могъ ли я осуж„дать ихъ? Я, отъ всего сердца раздѣлявшій „ихъ желаніе увидѣть возстановленіе Поль„ши? Мы только не сходились въ средствахъ „и способахъ къ достиженію цѣли“.

Средства и способы, задуманные графомъ Огинскимъ, были дѣйствительно инаго рода. Зная, съ одной стороны, стремленіе Наполеона къ осуществленію всеобщей монархіи, а съ другой—неизбѣжность борьбы Франціи съ Россіею, онъ признавалъ за „меньшее изъ золъ“, чтобы Польша, очевидно не могущая существовать какъ сильная, самобытная держава, была возстановлена подъ покровительственнымъ господствомъ императора Алек-

[1]) Отца извѣстнаго любимца Александра I, также Адама Чарторыскаго, завѣдывавшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ Россіи.

[2]) Точки здѣсь и ниже находятся въ самомъ печатномъ текстѣ Записокъ Огинскаго. Мы пользовались Нѣмецкимъ ихъ изданіемъ (Bellevue, bei Constanz 1845, 3 части). *П. Б.*

сандра. Развитіе этого плана было цѣлью его теперешней поѣздки въ Петербургъ, хотя, впрочемъ, и самъ онъ сознавалъ трудность своей задачи, такъ какъ весьма еще недолго пользовался вниманіемъ своего избраннаго монарха, не зналъ въ точности ни его характера, ни степени довѣрія, которое бы могъ внушить ему, и если разсчитывалъ на успѣхъ, то развѣ только основываясь на общей молвѣ о великодушіи и прекрасномъ сердцѣ Александра, на его несочувственномъ мнѣніи о раздѣлѣ Польши и, наконецъ, на томъ, что воспитатель Александра, Лагарпъ, говорилъ ему о симпатіи своего питомца, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, къ участи Польши и Поляковъ.

$^9/_{21}$ апрѣля графъ Огинскій прибылъ въ Петербургъ и на другой день освѣдомился у оберъ-гофмаршала графа Толстаго о времени представленія его величеству, въ слѣдствіе чего $^{13}/_{25}$ апрѣля получилъ приглашеніе быть къ императорскому обѣденному столу и вручить лично привезенные имъ изъ Парижа два пакета: одинъ на имя императора съ двумя брошюрами и письмомъ отъ Лагарпа, а другой на имя императрицы, съ нотами новой оперы композитора Пэра. Императоръ принялъ графа весьма милостиво, много распрашивалъ о Лагарпѣ и его жизни въ Парижѣ и при этомъ сказалъ съ чувствомъ: „Я всѣмъ ему обязанъ". Во время обѣда разговоръ шелъ лишь о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, но ни о Парижѣ, ни о Наполеонѣ императоръ вовсе не упоминалъ. Послѣ обѣда графъ былъ приглашенъ въ кабинетъ императора, гдѣ разговоръ принялъ уже чисто политическое направленіе. Предметомъ его было современное положеніе дѣлъ въ Европѣ, при чемъ графъ Огинскій смѣло говорилъ императору о податливости русской политики въ виду завоевательныхъ намѣреній Наполеона, обращалъ вниманіе на громадныя военныя приготовленія Франціи и предварялъ, что Наполеонъ, опираясь, между прочимъ, и на Поляковъ, ринется на Россію съ тѣмъ, чтобы разгромить ее, какъ единственное препятствіе къ осуществленію всемірной монархіи.

„Я согласенъ со всѣмъ что вы говорите о „Наполеонѣ", сказалъ императоръ графу, „но „не раздѣляю вашего мнѣнія, чтобы Наполеонъ думалъ разгромить Россію и полагаю, „что у него достаточно разсудка, чтобы предвидѣть невозможность этого..... Впрочемъ я „получилъ изъ Парижа извѣстія о военныхъ „приготовленіяхъ, хотя и безъ положительнаго указанія, противъ кого именно. Вѣрю, „что Наполеонъ очень желаетъ объявить войну Россіи; но я, быть можетъ, единственный „здѣсь человѣкъ такъ думающій, и въ Петербургѣ едва ли кто допускаетъ это. Поэтому „прошу васъ говорить объ этомъ только со „мною и ни съ кѣмъ болѣе не быть откровеннымъ; всѣмъ же, кто станетъ распрашивать васъ о пребываніи вашемъ въ Парижѣ, „отвѣчайте уклончиво". Относительно личности Наполеона, графъ Огинскій замѣтилъ въ императорѣ полное разочарованіе, и видно было, что онъ уже понималъ дѣйствительный характеръ этого честолюбца. Но когда графъ сталъ доказывать нѣкоторыми военными ошибками Наполеона, что онъ обязанъ своимъ величіемъ не столько личнымъ дарованіямъ, сколько слабости противупоставляемыхъ ему средствъ и способностей, то императоръ отозвался такъ: „Не отвергая военныхъ ошибокъ Наполеона, все же не льзя не признать „въ немъ великаго полководца. Было бы неблагоразумно вызывать его на войну, которая причинила бы только бѣдствія Россіи; и „гдѣ нашли бы мы способнаго противустать „ему полководца?... Притомъ же, можно ли „отвергать преобладающія дарованія французскихъ генераловъ и офицеровъ, совершенство артиллеріи, воодушевленіе и храбрость „французскихъ солдатъ, привыкшихъ къ постояннымъ побѣдамъ подъ предводительствомъ столь же искуснаго, какъ и счастливаго полководца?"

„Вы, однако, ничего не говорите о Польшѣ", „съ улыбкою замѣтилъ императоръ; „а между „тѣмъ я убѣжденъ, что она составляетъ единственный предметъ вашихъ заботъ, и хотя, „конечно, не опасаетесь за Россію, которая во

„всякомъ случаѣ съумѣетъ отстоять себя, но, „безъ сомнѣнія, тревожитесь, чтобы отечество ваше не сдѣлалось поприщемъ военныхъ дѣйствій". — „Сознаюсь, государь", отвѣчалъ графъ, „именно поэтому и желалъ „бы я, чтобы ваши арміи двинулись черезъ „герцогство варшавское въ Пруссію. Въ такомъ случаѣ прусскія войска, вмѣсто того „чтобы подкрѣпить Наполеона, примкнули бы „къ русскимъ, и если бы ваше величество въ „тоже время провозгласили себя польскимъ „королемъ и обнадежили жителей герцогства „варшавскаго въ соединеніи ихъ съ Литовцами, то пріобрѣли бы двѣнадцать милліоновъ „вѣрныхъ Поляковъ, готовыхъ на всякую „жертву ради возстановленія своей отчизны. „Но, ваше величество высказали рѣшительное нежеланіе начинать войну, и я долженъ „умолкнуть и отказаться отъ мысли осуществить мою прекрасную мечту".—„Почему „же мечту?", возразилъ императоръ, развѣ со „временемъ это не могло бы исполниться и „безъ того, чтобы я первый начиналъ войну". Тутъ онъ заговорилъ о герцогствѣ варшавскомъ и выразился съ участіемъ о Полякахъ, но при этомъ замѣтилъ, что „въ настоящее „время они наэлектризованы до восторженности обѣщаніемъ возсоздать ихъ королевство, „и потому не время обращать ихъ на путь „разсудительности". „Что касается меня", прибавилъ императоръ, „то я не обѣщаю чего „не могъ бы выполнить; но настанетъ время, „когда Поляки убѣдятся, какъ высоко цѣню я „ихъ и какое участіе принимаю въ судьбѣ „ихъ; на этотъ разъ я долженъ ограничиться лишь желаніемъ видѣть моихъ польскихъ подданныхъ счастливыми и довольными, и если вы можете дать мнѣ указанія къ „осуществленію такихъ моихъ видовъ, то я „съ удовольствіемъ займусь этимъ".

Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, графъ Огинскій тогда же предложилъ императору, въ видѣ административной мѣры, образовать изъ губерній гродненской, виленской, минской, витебской, могилевской, кіевской, подольской и волынской, со включеніемъ бѣлостокскаго и тарнопольскаго округовъ, особую провинцію подъ названіемъ великаго герцогства литовскаго, поставивъ во главѣ его великую княгиню Екатерину Павловну.— „Конечно", пишетъ Огинскій въ своихъ Запискахъ, „это еще не означало возстановленія „Польши, но все же осуществило бы часть „этой надежды, окончательнымъ довершеніемъ „которой было бы присоединеніе къ Россіи, въ „предстоявшую войну, великаго герцогства „варшавскаго".

„Мнѣ очень пріятно", сказалъ императоръ графу, „что наши мысли сходятся. Уже шесть „мѣсяцевъ занимаюсь я дѣломъ въ этомъ „духѣ...... Какъ только трудъ мой будетъ „оконченъ, я сообщу вамъ его, а между тѣмъ „прикажу приглашать васъ каждый разъ, когда будутъ обсуждаемы дѣла, относящіяся къ „предмету нашего теперешняго разговора, и „будьте увѣрены, что безъ соглашенія съ вами „не состоится ни одного рѣшенія по этимъ „дѣламъ". — Относительно самаго проекта графа Огинскаго, императоръ поставилъ вопросы: не будетъ ли слишкомъ обширна для управленія однимъ лицомъ провинція изъ восьми губерній, охотно ли примутъ названіе Литовцевъ жители Волыни, Подоліи и Кіевской губерніи и, наконецъ, будетъ ли проектъ этотъ удобенъ въ отношеніи финансовъ имперіи, развитія торговли, военной организаціи и проч.

Разговоръ этотъ длился около трехъ часовъ, и въ заключеніе его императоръ приказалъ графу Огинскому представить на письмѣ высказанныя имъ мысли и предположенія, главнымъ же образомъ проектъ соотвѣтственнаго переустройства польскихъ областей Россіи, и при этомъ предварилъ, что нечего опасаться возбудить этимъ чье либо неудовольствіе, такъ какъ всѣ подобныя записки будутъ сохраняемы въ его кабинетѣ.

Съ того времени графъ Огинскій былъ приглашаемъ по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю къ обѣденному столу императора и каждый почти разъ велъ съ нимъ разговоры нае-

динѣ, а 14-го мая, вмѣстѣ съ приглашеніемъ къ столу на другой день, получилъ, черезъ графа Толстаго, приказаніе представить его величеству порученную ему работу. Въ назначенный день, по окончаніи обѣденнаго стола, графъ по обыкновенію, былъ позванъ въ кабинетъ государя, гдѣ, по приказанію его, прочелъ ему слѣдующую записку о политическомъ значеніи Польши въ виду Россіи и Франціи.

Записка графа Огинскаго представленная императору Александру 15-го мая 1811 года.

„Намѣревался ли когда либо императоръ Наполеонъ возстановить свободу и независимость Польши, съ цѣлью образовать изъ нея оплотъ противъ Россіи?........ На это легко отвѣчать каждому, кто только всмотрѣлся здраво и безпристрастно въ личный характеръ этаго монарха и въ его военные пріемы“.

„Чтобы допустить подобное намѣреніе въ „Наполеонѣ, необходимо предположить въ немъ свободомысленныя основы, умѣренность, безкорыстіе и великодушіе—качества не совмѣстимыя съ его жаждою завоеваній, съ его потребностью ослаблять, раздроблять и раззорять всѣ государства Европы, съ его, наконецъ, равнодушіемъ къ спокойствію и благосостоянію народовъ“.

„Вѣрить въ его намѣреніе образовать оплотъ противъ Россіи можно только въ случаѣ предположенія, что неспокойный, постоянно возмущаемый воинственными замыслами духъ Наполеона когда либо усмирится, и что безграничное властолюбіе этаго человѣка обозначитъ, наконецъ, предѣлъ его завоеваніямъ“.

„Но какимъ образомъ можно допустить, чтобы этотъ избранникъ счастья, считающій себя ниспосланнымъ отъ Бога для устройства дѣлъ міра, ниспровергшій столько престоловъ, потрясающій основы уцѣлѣвшихъ, создавшій столько новыхъ монархій единственно съ цѣлью сдѣлать ихъ орудіями своего величія, не допускающій ничего неприкосновеннаго, столь же быстро мѣняющій, какъ и создающій свои замыслы и рѣшенія, никогда не помышляющій о счастьѣ людей и заботящійся о нихъ лишь на сколько они могутъ быть пригодными для выполненія его намѣреній,—какимъ образомъ, говорю я, такой необычайный, хладнокровный къ несчастіямъ имъ же растерзанной Европы, человѣкъ можетъ тронуться участью Поляковъ до такой степени, чтобы даровать ихъ отечеству свободу и независимость?“

„Наполеонъ не увлекается внѣшними восторженными заявленіями жителей герцогства варшавскаго. Онъ знаетъ, что, за исключеніемъ военныхъ и чиновниковъ, вообще его не любятъ, особенно же масса населенія—испытывающіе всю тяжесть войны мелкіе землевладѣльцы и крестьяне. Ему хорошо извѣстно, что лишь надеждою на возстановленіе Польши можетъ онъ привлечь къ себѣ высшее дворянство, въ противномъ же случаѣ лишится ихъ поддержки и довѣрія. Сознавая эту истину, Наполеонъ всегда льстилъ Полякамъ надеждой возстановленія ихъ отечества, и такъ же точно и теперь поддерживаетъ эти надежды, заботливо устраняя все что можетъ поколебать вѣру ихъ въ него“.

„Французское правительство всегда старалось пріобрѣсть вліяніе на дѣла Польши и упрочить въ ней свою партію. Не касаясь отдаленнѣйшаго времени, скажу только объ участіи Франціи въ избраніи короля Станислава Лещинскаго, о сильной поддержкѣ ею барской конфедераціи, наконецъ о тайныхъ проискахъ ея къ устраненію вліянія Россіи въ Польшѣ. Съ той поры какъ Россія начала пріобрѣтать преобладающее вліяніе на дѣла Европы, Франція считала необходимымъ вооружать противъ нея всѣхъ и занимать ее внутренними волненіями въ Польшѣ. Но революціонное правительство Франціи не побуждало Косцюшку и его друзей къ возстанію 1794 года. Польскіе патріоты старались, правда, поддерживать подобные слухи, чтобы усилить довѣріе къ себѣ

и надежду на успѣхъ своего дѣла; но, судя по тому что могъ я узнать въ то время и въ чемъ удостовѣрился потомъ въ Парижѣ и въ Константинополѣ,—не подлежитъ сомнѣнію, что возстаніе 1794 года вспыхнуло безъ всякаго иностраннаго вліянія и было дѣломъ собственнаго патріотическаго воодушевленія и отчаянія. Я не говорю, конечно, о вліяніи французскихъ якобинцевъ на польскихъ, въ чемъ нѣтъ ничего общаго съ возстаніемъ, предпринятымъ единственно для сверженія иноземнаго ига и обезпеченія независимости Польши, — я только утверждаю извѣстное мнѣ обстоятельство, что въ то время французское правительство не могло и не желало поддерживать дѣйствій Косцюшки".

„Съ того времени, однако, положеніе дѣлъ измѣнилось. Всѣ бѣжавшіе въ слѣдствіе возстанія Поляки приняты какъ братья и друзья во Франціи и союзныхъ съ нею земляхъ. Во всѣхъ государствахъ французскіе посланники открыто принимали ихъ подъ свое покровительство, уполномочивали ихъ носить національную кокарду и заботились о защитѣ ихъ, наровнѣ съ французскими подданными. Водворившееся въ Венеціи общество польскихъ патріотовъ вело переписку съ національнымъ конвентомъ и директоріею, при которой была даже акредитована польская депутація. По совѣту французскаго правительства былъ назначенъ польскій агентъ въ Константинополь, и тамошнему представителю Франціи предписано входить съ нимъ въ соглашенія. Наконецъ, по предложенію французскаго же правительства, были образованы польскіе легіоны въ Италіи, и даже предполагалось открыть польскій сеймъ въ Миланѣ".

„Появившійся, въ слѣдъ за тѣмъ, на политическомъ горизонтѣ Европы Бонапартъ не любилъ Поляковъ, такъ какъ ему уже и тогда были непріятны всѣ проявленія національности и любви къ отечеству. Онъ принялъ, однако, польскіе легіоны подъ свое покровительство и даже образовалъ новые изъ добытыхъ отъ Австріи плѣнныхъ Поляковъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, во Франціи заговорили о возстановленіи Польши, и Поляки были внѣ себя отъ радости........ Наполеону только и надо было, чтобы они не имѣли иной надежды кромѣ той, которою будетъ ему угодно имъ польстить. Но когда онъ отправилъ часть польскихъ легіоновъ на островъ Сен-Доминго, а остальные обратилъ въ почетную гвардію короля этрурскаго: то болѣе трехъ сотъ польскихъ офицеровъ потребовали отставки, и ни награды, ни угрозы, ни преслѣдованія не могли удержать ихъ. Они объявили, что служили только въ надеждѣ на возвращеніе имъ роднаго края, обманувшись же въ ожиданіяхъ не имѣютъ повода оставаться во французской службѣ.—Скоро, однако, Поляки понадобились Наполеону, такъ какъ ихъ содѣйствіе облегчало ему нападеніе на Австрію, Пруссію и Россію. И вотъ началъ онъ снова подогрѣвать ихъ надежды, обращалъ достававшихся ему плѣнныхъ солдатъ изъ Поляковъ на пополненіе италіанскихъ и образованіе рейнскихъ легіоновъ, работалъ тайно въ принадлежащихъ тремъ монархамъ польскихъ областяхъ и, благодаря цѣлому ряду быстро слѣдовавшихъ побѣдъ, умножалъ со дня на день число своихъ приверженцевъ между Поляками".

„Еще до аустерлицкаго сраженія, явился въ Варшавѣ тайный агентъ для подготовленія задуманныхъ тамъ Наполеономъ перемѣнъ; но рѣшеніе возстановить Польшу было высказано открыто только въ послѣднюю войну съ Пруссіею и Россіею. Не успѣвъ соблазнить Косцюшку обнародовать отъ его имени воззванія къ Полякамъ, онъ воспользовался для этой цѣли услугами генераловъ Домбровскаго и Выбицкаго и, независимо отъ того (то́ могутъ подтвердить тысячи свидѣтелей), въ Берлинѣ, Познани и Варшавѣ лично и во всеуслышаніе объявлялъ о намѣреніи своемъ возстановить Польшу. Въ тоже время принималъ онъ и депутатовъ Галиціи, и такъ какъ Литва не раздѣляла увлеченія прочихъ областей бывшей Польши, то и туда посылалъ онъ неоднократно агентовъ, съ порученіемъ изслѣдовать общественное настроеніе, подстрекать жителей

и распространять положительныя увѣренія о намѣреніи его расширить Польшу до самой Волги".

„Тѣмъ не менѣе, однако, положеніе самаго Наполеона дѣлалось затруднительнымъ. Непрывычное для него мужественное сопротивленіе Русской арміи, суровость зимы въ послѣднюю кампанію, долговременность отсутствія изъ Парижа, опасеніе участія Австріи въ войнѣ и тревожныя извѣстія о подготовлявшейся революціи въ Испаніи,—все это склоняло его къ миру. Онъ употребилъ всѣ средства, чтобы ускорить его и внушить довѣріе къ себѣ императору Александру, и въ то самое время, когда, среди празднествъ въ Тильзитѣ, велись мирные переговоры, онъ уже замышлялъ новые исполинскіе планы къ дальнѣйшему расширенію своего могущества".

„Въ это-то время постановилъ онъ произвести насиліе надъ главою католической церкви, низложить испанскаго короля, рѣшить окончательно участь Германіи и, наконецъ, въ видѣ залога будущаго возстановленія отчизны Поляковъ, преобразовать находившуюся въ его распоряженіи часть Польши въ особенное владѣніе подъ скромнымъ названіемъ герцогства варшавскаго. Этотъ послѣдній планъ, столь же скоро задуманный какъ и выполненный, увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не увлекся бы широкими размѣрами политическаго устройства этой небольшой области съ собственною пятидесятитысячною арміею, сенатомъ, законодательнымъ собраніемъ, государственнымъ совѣтомъ, министерствами по всѣмъ отраслямъ управленія, и даже Французскимъ резидентомъ? Могли ли Поляки оставаться равнодушными при томъ милостивомъ вниманіи, какое оказывалъ имъ въ то время Наполеонъ, при его трогательно-великодушномъ обращеніи съ польскими воинами его гвардіи, при тѣхъ, наконецъ, лестныхъ надеждахъ, которыми не переставали обольщать ихъ и самъ Наполеонъ и приближеннѣйшія къ нему личности?"

„Правда, что, по окончаніи послѣдней войны съ Австріею, министръ внутреннихъ дѣлъ Франціи, Монталиверъ, заявилъ открыто въ оффиціальной рѣчи, что Наполеонъ никогда не думалъ о возстановленіи Польши; но развѣ не въ тоже время (и я могу подтвердить это какъ очевидецъ) былъ посланъ въ Варшаву курьеръ для успокоенія Поляковъ и увѣренія ихъ, что цѣлью рѣчи Монталивера было собственно усыпленіе Россіи, въ виду намѣреній Наполеона относительно Польши.—Въ варшавскихъ газетахъ, какъ извѣстно, рѣчь Монталивера была перепечатана даже съ выпускомъ упомянутаго выраженія, а въ Парижѣ маршалъ Дюрокъ и другіе приближенные Наполеона увѣряли Поляковъ, что выраженіе то не болѣе какъ любезность относительно Русскаго посланника".

„Но и помимо этого, самые факты всего лучше разъясняютъ дѣйствительныя намѣренія Наполеона. И въ публичныхъ рѣчахъ на сеймѣ въ Варшавѣ, и въ приказахъ по войскамъ герцогства варшавскаго, непрерывно повторяются выраженія признательности Наполеону-воскресителю Польши, постоянно заботящемуся о счастьѣ польскаго народа. Столь же открыто и положительно говорится о его великодушныхъ намѣреніяхъ относительно Польши и въ распространяемыхъ по всей Европѣ печатныхъ сочиненіяхъ, чего, конечно, не могло бы быть безъ формальнаго разрѣшенія французскаго правительства, или, по крайней мѣрѣ, безъ его тайнаго согласія. Минуя, наконецъ, надежды, вызываемыя учрежденіемъ герцогства варшавскаго, укажу на недавнее умноженіе польской арміи до шестидесяти тысячъ, на формированіе національной гвардіи въ герцогствѣ варшавскомъ, на новую реквизицію лошадей для польской артилеріи, на отправку въ послѣднее время двухъ сотъ пушекъ и сорока тысячъ ружей въ Варшаву, на сдѣланный по приказанію Наполеона заемъ въ двѣнадцать милліоновъ за счетъ герцогства варшавскаго. Все это факты, которые должны были возбудить энтузіазмъ и надежды Поляковъ".

„Если очевидность фактовъ, изложенныхъ въ началѣ этой записки, не могла отвратить

Поляковъ отъ ихъ предубѣжденія въ пользу Наполеона и убѣдить ихъ, что въ рукахъ его они служатъ только орудіемъ противъ Россіи: то, казалось бы, тѣни братьевъ ихъ, павшихъ въ Италіи, Испаніи и Сенъ-Доминго, должны предстать предъ ними укоромъ въ ихъ неблагоразумномъ патріотизмѣ и легковѣріи... Но такова сила обаянія Наполеона, таковы искусство, увлекательность и могущество средствъ, которыми онъ дѣйствуетъ на Поляковъ, что они и до сихъ поръ еще убѣждены въ возстановленіи Польши, какъ необходимаго для Франціи оплота противъ Россіи. Вѣра ихъ въ него такъ велика, что, не смотря ни на тяжесть налоговъ и крутые пріемы ихъ взиманія, ни на непрерывные наборы и множество стѣснительныхъ нововведеній, они терпѣливо выносятъ гнетъ руки, отъ которой все же ждутъ возврата отчизны".

„Было бы ошибочно сомнѣваться въ преданности Наполеону арміи герцогства варшавскаго, или вѣрить въ возможность отвратить ее отъ него при настоящихъ обстоятельствахъ; или же, наконецъ, допустить, чтобы вызываемое повсемѣстною бѣдностью и стѣснительными мѣрами Наполеона неудовольствіе жителей герцогства варшавскаго могло ослабить ихъ патріотическое настроеніе и разочаровать ихъ надежды. Пока Наполеонъ будетъ расточать Полякамъ лицемѣрныя обѣщанія и льстить ихъ патріотизму, а съ другой стороны Россія не выйдетъ изъ нынѣшняго апатическаго бездѣйствія,—энтузіазмъ и надежды Поляковъ будутъ все болѣе рости и развиваться".

„Шестидесятитысячная армія, конечно, не устоитъ противъ двухсоттысячной русской. Но не уничтоженіе этой арміи, а овладѣніе герцогствомъ варшавскимъ можетъ обезпечить вашему величеству подчиненіе, преданность и вѣрность остатка польской націи. Чтобы достигнуть этого, необходимы нѣкоторыя предварительныя мѣры, которыя беру смѣлость указать вамъ".

„Не трудно могущественной державѣ покорять области. Но нужны многіе годы, чтобы привязать къ себѣ новыхъ подданныхъ, освоить ихъ съ новыми порядками, заставить ихъ забыть прежнія условія существованія; и во всякомъ случаѣ, едва-ли согласуется съ законами природы сліяніе двухъ народовъ во едино настолько, чтобы они составляли одно цѣлое. Наполеонъ могъ, конечно, однимъ своимъ декретомъ присоединить къ французской монархіи Тоскану, Голландію, Валлисъ и сѣверную Германію; но отъ этого Итальянцы, Голландцы и Швейцарцы еще не сдѣлаются Французами, хотя, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что даже и при такомъ насиліи Наполеонъ умѣетъ извлекать величайшія выгоды принимаемыми имъ мѣрами къ взаимному сближенію народовъ, рѣзко различествующихъ по языку, нравамъ и бытовымъ условіямъ. Онъ, напримѣръ, едва только преобразуетъ въ департаментъ присоединенную къ своей монархіи область, какъ уже тщательно собираетъ точнѣйшія свѣдѣнія на счетъ общественнаго настроенія, средствъ и нуждъ края, о характерѣ жителей, о людяхъ заслуживающихъ по преданности ему поощренія, равно какъ и объ упорныхъ и неспокойныхъ, которыхъ, слѣдовательно, необходимо занять, чтобы сдѣлать безвредными. Каждому вновоприсоединяемому департаменту предоставляетъ онъ право имѣть своего депутата въ законодательномъ собраніи, своихъ сенаторовъ и членовъ въ судахъ; но въ тоже время большинство мѣстныхъ начальниковъ назначаетъ изъ числа своихъ приверженцевъ; ласкаетъ и привлекаетъ къ своему двору вельможъ и богачей, льститъ честолюбивымъ раздачею титуловъ и знаковъ отличій; выдвигаетъ и предоставляетъ значительныя должности не имѣющимъ никакихъ средствъ къ существованію даровитымъ туземцамъ; покровительствуетъ ученыхъ и художниковъ,—и всѣмъ этимъ, не смотря на общее неудовольствіе по поводу неизбѣжныхъ тяжкихъ налоговъ, военныхъ поборовъ и конскрипцій, пріобрѣтаетъ въ присоединяемыхъ областяхъ усердныхъ приверженцевъ, бдительно наблюдающихъ за порядкомъ и внутреннею безопасностью, съ которыми связаны ихъ собственные интересы".

„Я отступилъ отъ прямаго предмета моей записки для того, чтобы очертить болѣе точнымъ образомъ систему, съ помощью которой Наполеонъ, обманывая людей, увлекая и подчиняя ихъ своимъ видамъ, пріобрѣтаетъ себѣ повсюду приверженцевъ".

„Взглянемъ ближе на дѣло. Нельзя ли, при настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ, предупредить Наполеона въ его планѣ возстановленія Польши, необходимой ему лишь для удобнѣйшаго нападенія на Россію? Не окажется ли возможнымъ заняться положительнымъ устройствомъ судьбы Поляковъ, чтобы утвердить приверженность ихъ къ особѣ вашего величества на болѣе прочныхъ основаніяхъ, нежели къ императору Французовъ?"

„Если бы наступательная или оборонительная война съ Франціею уже началась, то разрѣшеніе судьбы Польши зависѣло бы только отъ оружія и, слѣдовательно, было бы поздно обсуждать мѣры къ устройству составлявшихъ нѣкогда часть Польши губерній Россіи, чтобы образовать изъ нихъ оплотъ противъ покушеній Наполеона. Въ такомъ случаѣ, вашему величеству слѣдовало бы объявить себя немедленно королемъ Польши, такъ какъ этимъ всего вѣрнѣе и естественнѣе расположили бы вы къ себѣ жителей герцогства варшавскаго, и затѣмъ оставалось бы только обозначить предѣлы этого новаго королевства и способъ его управленія на основаніяхъ выгодныхъ для Поляковъ и не нарушая интересовъ имперіи.—Полагаю, однако, что еще есть время воспользоваться обстоятельствами и надѣюсь доказать болѣе ощутительнымъ образомъ, что, не смотря на блестящія обѣщанія Наполеона Полякамъ, обремененные военными налогами и повинностями жители герцогства варшавскаго увидѣли бы рѣзкое различіе между благонамѣреннымъ и гнетущимъ способомъ управленія. Средства къ этому весьма не сложны, тѣмъ болѣе, что вполнѣ соотвѣтствуютъ отеческимъ видамъ вашего величества и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не противурѣчатъ выгодамъ Россіи".

„Принадлежащая Россіи часть Польши составляла особенное самостоятельное владѣніе—Литву, еще до соединенія этой послѣдней съ польскимъ королевствомъ. Жители Литвы искони отличались воинственнымъ духомъ, предпріимчивостью, ревнительностью къ своимъ правамъ, вѣрностью къ монархамъ, мужествомъ и любовью къ отечеству. Они всегда гордились своею народностью, и хотя и соединились съ Польшею, однако сохранили свои обычаи, гражданскіе законы и мѣстное управленіе, свою армію, верховные суды, министровъ, государственныхъ сановниковъ и даже сеймъ, такъ какъ онъ собирался попеременно въ Варшавѣ и Гроднѣ. Всѣ эти привилегіи были такъ дороги Литовцамъ, что они не рѣшались разстаться съ ними, не смотря ни на какія усилія и краснорѣчивыя убѣжденія многихъ государственныхъ дѣятелей".

„Я увѣренъ, что еслибы изъ бывшихъ польскихъ земель, тотчасъ по присоединеніи ихъ къ Россіи, была образована одна Литовская область съ сохраненіемъ ея прежнихъ правъ, и если бы эта область составила отдѣльное по управленію, хотя и неразрывно соединенное съ Россіею государство, то не легко было бы проникнуть туда какому бы то ни было иноземному вліянію".

„И однакожъ, не смотря ни на рѣзкій переходъ Литовцевъ отъ независимости къ подчиненію, ни на вкравшіяся въ управленія ихъ страны злоупотребленія, ни наконецъ на удручающую ихъ повсемѣстную бѣдность,—народъ этотъ никогда, со времени подчиненія его монархамъ Россіи, не измѣнялъ имъ въ вѣрности. Напротивъ, питая полное довѣріе къ образу мыслей вашего величества и уже испытавъ при разныхъ случаяхъ его благодѣтельное вліяніе, онъ исполненъ надеждъ на справедливость и великодушіе ваши".

„Теперь, государь, насталъ моментъ, когда вы можете испытать преданность Литовцевъ и съ тѣмъ вмѣстѣ разрушить могущее отразиться на нихъ вліяніе распускаемыхъ Наполеономъ надеждъ на возстановленіе Польши,—

дать имъ познать участіе вашего величества въ судьбѣ ихъ и на всегда упрочить преданность вамъ этого восьмимилліоннаго населенія, могущаго образовать оплотъ Россіи съ той стороны, гдѣ всего менѣе она защищена — не говоря уже о томъ, что этимъ привлекли бы вы себѣ и сердца жителей герцогства варшавскаго".

„Даруя этимъ восьми губерніямъ сообразную съ мѣстными условіями и характеромъ жителей организацію и прекративъ вкравшіяся въ ихъ внутреннее управленіе злоупотребленія, ваше величество пріобрѣтете незыблемое право на ихъ признательность и образуете на западной границѣ вашей имперіи оплотъ болѣе надежный, нежели всѣ расположенныя тамъ войска и крѣпости".

„Если я буду такъ счастливъ, что записка эта удостоится вашего благосклоннаго вниманія, и ваше величество удостоите призвать меня къ начертанію соотвѣтственнаго проекта организаціи бывшихъ польскихъ областей, то я охотно выполню это. Въ настоящее же время, ограничиваясь объясненіемъ правъ, какія можно бы предоставить Литовцамъ, укажу на сравнительное положеніе въ этомъ случаѣ Литовцовъ и жителей герцогства варшавскаго и на предстоящія отъ этого выгоды для русскаго правительства".

1. „Каждому дороже всего возстановленіе имени своего отечества, гдѣ впервыя увидѣлъ онъ свѣтъ жизни, и нѣтъ надобности доказывать врожденную присущность этого чувства. Понятно затѣмъ, какъ радостно было бы Литовцамъ носить имя своей стороны, — право, котораго не лишены въ Россіи Калмыки, Казаки, Финны и другія племена".

2. „Если бы во главѣ сосредоточеннаго управленія Литвы было поставлено лицо съ извѣстнымъ титуломъ, по назначенію вашего величества, то дѣла въ этомъ краѣ несомнѣнно получили бы болѣе упрощенное, скорое и не столь обременительное для каждаго изъ жителей направленіе".

3. „Глава управленія долженъ имѣть свой дворъ и быть намѣстникомъ императора. Отъ этого, избранный для мѣстопребыванія главнаго управленія городъ пріобрѣлъ бы значительныя выгоды, оживились бы взаимныя отношенія между жителями и усилились бы денежные обороты".

4. „Литовскій статутъ всегда былъ считаемъ дворянствомъ за совершеннѣйшее изъ уложеній по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, и если бы ваше величество дозволили возстановить его въ Литвѣ, съ необходимыми по мѣрѣ опыта измѣненіями, то этимъ удовлетворили бы одно изъ самыхъ горячихъ желаній дворянства. Этимъ было бы предоставлено Литовцамъ не болѣе того, что̀ сдѣлано для жителей Финляндіи, какъ извѣстно, сохранившихъ свои законы и формы управленія".

5. „Предоставивъ Литовцамъ статутъ, можно бы учредить у нихъ сенатъ или безапелляціонный трибуналъ, слѣдствіемъ чего прекратилось бы значительное число дѣлъ въ Петербургѣ, и уменьшились бы занятія тамошняго сената; съ другой же стороны, тяжущіяся стороны были бы избавлены отъ необходимости частыхъ и сопряженныхъ съ обременительными издержками поѣздокъ въ столицу".

6. „Относительно податей и способа ихъ взиманія, Литва должна быть во всякомъ случаѣ сравнена съ другими губерніями имперіи".

„Казалось бы, что эти предполагаемыя мною привилегіи для Литовцевъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ обольстительными надеждами жителей герцогства варшавскаго на возстановленіе Польши. Но я сдѣлаю въ опроверженіе этого слѣдующее сопоставленіе".

„Литовцамъ будутъ возвращены однимъ почеркомъ пера ихъ имя и отчизна, между тѣмъ какъ Варшавяне до сихъ поръ питаются только надеждою, которую, къ тому же, должны искупать собственною кровью.—Литовцы, составляя часть великаго цѣлаго, будутъ гор-

диться званіемъ подданныхъ императора Александра, которому истинно преданы, облагодѣтельствованы имъ и, притомъ, знаютъ, что четырехсоттысячная армія всегда готова защищать ихъ отъ всякаго непріятельскаго покушенія; Варшавяне, напротивъ, какъ подданные монарха подчиненнаго волѣ Наполеона и зависящіе въ гражданскомъ отношеніи отъ саксонскаго короля, а въ военномъ отъ императора Французовъ, находятся въ постоянномъ невѣдѣніи своей участи, и знаютъ несомнѣнно только то, что страна ихъ будетъ постояннымъ поприщемъ войны, а сами они, составляя авангардъ многочисленной разнонародной арміи, должны идти не на защиту или возстановленіе Польши, а лишь туда, куда направляютъ ихъ интересы Наполеона и его честолюбивые замыслы".

„Въ доказательство вѣрности этого сопоставленія, можно указать на то, напримѣръ, обстоятельство, что въ настоящее время граница Литвы прикрыта сильною арміею, готовою защищать ее въ случаѣ нападенія, какъ нераздѣльную часть имперіи, — между тѣмъ какъ не далѣе 1809 года, во время войны съ Австріею, Французы и Саксонцы, покинувъ герцогство варшавское, предоставили защиту его нѣсколькимъ тысячамъ польскихъ войскъ".

„Если бы во главѣ управленія Литвы было поставлено одно лицо, намѣстникъ императора, безъ сомнѣнія достойный этого назначенія, то Литовцы наслаждались бы упрощеннымъ, разсчитаннымъ на общемъ спокойствіи управленіемъ. Варшавяне, напротивъ, донынѣ испытываютъ лишь военный деспотизмъ и гражданскую неурядицу".

„Литовцы пріобрѣли бы въ статутѣ законы отцовъ своихъ, между тѣмъ какъ у Варшавянъ судебная часть представляетъ теперь неудобную и для тяжущихся и для судей смѣсь законовъ древнихъ польскихъ, прусскихъ и французскихъ по кодексу Наполеона".

„Въ заключеніе, чтобы оградить себя отъ упрека въ заботливости лишь о Полякахъ, съ нарушеніемъ интересовъ Россіи, считаю необходимымъ объяснить существенныя выгоды, какія возникли бы изъ организаціи Литвы для самой имперіи".

1. „Какъ скоро въ рукахъ Наполеона не будетъ великаго двигателя (возстановленія Польши) необходимо изчезнутъ всѣ его приверженцы въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ и, слѣдовательно, не будетъ болѣе повода опасаться и слѣдить за врагомъ среди собственныхъ владѣній,—врагомъ не рѣдко опаснѣйшимъ, нежели непріятель въ открытомъ полѣ".

2. „Литовцы, недоумѣвающіе теперь надъ участью своею въ при военныхъ событіяхъ или новыхъ политическихъ распорядкахъ, увидѣли бы съ удовольствіемъ и благодарностью, что судьба ихъ рѣшена и упрочена. Этимъ путемъ, населеніе въ нѣсколько милліоновъ было бы связано новыми узами съ имперіею, видѣло бы въ этой связи вѣрную для себя опору и поддержку и, конечно, не уступило бы никому изъ подданныхъ вашего величества въ чувствахъ преданности и признательности за такія благодѣянія".

3. „До настоящаго времени, изъ страха ли, по предразсудку, или по неимѣнію случая, большинство служившихъ прежде своему отечеству способныхъ людей удалились отъ дѣлъ, предпочитая окончить поприще въ неизвѣстности, нежели начинать его съизнова. Теперь же, государь, могу напередъ поручиться, что каждый охотно предложитъ вашему величеству свои услуги какъ по гражданской, такъ и по военной части".

4. „Литовцы отличаются характеромъ воспріимчивымъ. Они вѣрны и преданы своему монарху, и если желаютъ быть уравнены съ русскими подданными въ отношеніи налоговъ и способа ихъ взиманія, то въ тоже время готовы и на всякую жертву для блага монархіи, коль скоро судьба ихъ будетъ упрочена и облегчена. Они будутъ храбро защищать границу имперіи; отдадутъ все, если это понадобится, для интересовъ вашего величества, поставятъ столько людей, сколько потребуютъ

обстоятельства....... Во всемъ этомъ служатъ ручательствомъ ихъ правдивый характеръ, любовь къ отечеству и преданность вашему величеству".

5. „И не одни только Литовцы были бы проникнуты чувствомъ умиленія и признательности къ вашему величеству: тоже самое настроеніе воодушевило бы и жителей герцогства варшавскаго. Только при такомъ сопоставленіи познали бы они различіе между образомъ дѣйствій Александра и пріемами Наполеона. Смѣю предсказать, что въ такомъ случаѣ множество варшавскихъ офицеровъ и солдатъ изъявили бы желаніе вступить въ службу вашего величества, и во всякомъ случаѣ оставившіе владѣнія ваши Поляки будутъ стараться о дозволеніи имъ возвратиться на родину. Это будутъ не бѣглецы, а люди разочарованные, убѣдившіеся въ обманчивости мечты возстановленія Польши Наполеономъ. Жители герцогства варшавскаго искренно пожелаютъ тогда раздѣлить судьбу Литовцевъ.... Но я не желаю опережать событій и полагаю, что выполнилъ мою задачу, изложивъ прямодушно вашему величеству то, что̀ внушаютъ мнѣ мое сердце и убѣжденіе".

Императоръ слушалъ внимательно чтеніе этой записки, прерывая его по временамъ словами: „совершенно справедливо; да, это вполнѣ истинно..... это историческіе факты". Въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается, что Наполеонъ обѣщалъ Полякамъ расширить предѣлы ихъ страны до самой Волги, императоръ сказалъ съ усмѣшкою: „это значило бы продавать шкуру медвѣдя, не убивъ его". По окончаніи чтенія, онъ выразилъ графу удовольствіе по поводу его записки и сказалъ, что воспользуется мыслями, на которыя графъ обратилъ его вниманіе, такъ какъ онѣ въ большей части сходятся съ его планами и предначертаніями и, наконецъ, отпуская графа, повторилъ нѣсколько разъ: „мы будемъ часто имѣть случай заниматься этимъ предметомъ".

Вскорѣ послѣ того, французскій посолъ въ Петербургѣ герцогъ виченцскій Коленкуръ былъ замѣненъ Лористономъ, и графъ Огинскій не былъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль приглашаемъ ко двору; причину этого объяснилъ ему самъ императоръ, встрѣтивъ его однажды на бульварѣ и сказавъ съ обычною любезностью: „Вы, конечно, удивляетесь, что я такъ давно не видѣлъ васъ и не говорилъ съ вами; но съ прибытіемъ Лористона я узналъ, что въ Парижѣ обращаютъ на васъ большое вниманіе, и это побудило меня соблюдать нѣкоторую осторожность. Впрочемъ мы будемъ еще очень часто видѣться и говорить о нашемъ дѣлѣ".—Въ концѣ сентября, передъ отъѣздомъ графа Огинскаго въ четырехмѣсячный отпускъ, императоръ пригласилъ его къ себѣ и обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Я слышалъ, что вы ѣдете въ Литву; скажите вашимъ землякамъ, что я думаю объ нихъ, что я занимаюсь ихъ судьбою..... что я желаю улучшить ее.... что мнѣ, быть можетъ, скоро представится случай доказать имъ это...... что я разсчитываю на ихъ преданность и требую отъ нихъ довѣрія".—Такъ какъ императоръ, говорившій обыкновенно съ замѣчательною плавностью, выражался на этотъ разъ короткими, отрывистыми фразами, по временамъ прерывалъ свою рѣчь и какъ бы дѣлалъ удареніе на каждомъ словѣ, то графъ рѣшился спросить его: „Государь! Могу ли я передать моимъ землякамъ увѣреніе въ покровительствѣ и благоволеніи вашего величества, не пробудивъ въ нихъ новыхъ надеждъ?,—такъ какъ, если я стану говорить имъ отъ моего имени, они мнѣ не повѣрятъ; отъ имени же вашего величества не смѣю говорить иначе, какъ въ самыхъ ясныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ..... А между тѣмъ ваше величество, какъ полагаю, сами еще въ нерѣшимости по этому предмету".—„Какъ въ нерѣшимости?" возразилъ съ живостью императоръ, „одно изъ двухъ: или, въ случаѣ войны, я образую польское королевство въ такой же связи съ россійскою имперіею какъ Венгрія и Богемія съ Австріею, или же, если войны не будетъ, приведу въ исполненіе нашъ великій планъ относительно Литвы".

По возвращеніи графа Огинскаго изъ за границы, императоръ приказалъ ему присылать всѣ замѣтки о Литвѣ, адресуя ихъ на имя графа Толстаго. Вскорѣ потомъ онъ былъ болѣнъ около двухъ недѣль, и въ это время, 22-го октября 1811 г. послалъ къ императору, въ формѣ проекта высочайшаго указа, планъ организаціи великаго герцогства литовскаго, высказавъ въ письмѣ по этому предмету, между прочимъ, слѣдующее:

„Сообщенныя мнѣ вашимъ величествомъ объясненія побудили меня сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ планѣ, сохранивъ, однако, всѣ основы его. Извѣстіе о новой организаціи сената въ Петербургѣ и нѣкоторыя полученныя мною свѣдѣнія о управленіи великаго княжества финляндскаго содѣйствовали упрощенію плана и устраненію съ тѣмъ вмѣстѣ многихъ трудностей въ его выполненіи".

„Теперь уже не предстоитъ затрудненія относительно выбора въ званіе главнаго начальника Литвы одного изъ членовъ императорскаго дома; каждый генералъ-губернаторъ можетъ удовлетворить этому назначенію. Слѣдовательно, ни одинъ изъ европейскихъ кабинетовъ не будетъ имѣть повода видѣть въ этой мѣрѣ внутренняго управленія новый порядокъ вещей, который бы можно было истолковать въ смыслѣ непріязненнаго расположенія".

„Такимъ образомъ исполнятся пламеннѣйшія желанія всѣхъ жителей восьми литовскихъ губерній, и ваше величество, устроивъ надежный оплотъ на западной границѣ имперіи, не предоставите этимъ областямъ ничего болѣе въ сравненіи съ тѣмъ, что́ сдѣлали въ послѣднее время для Финляндіи,—а между тѣмъ контингентъ рекрутъ изъ нихъ удвоится, доходы казны могутъ увеличиться цѣлою третью, и, безъ сомнѣнія, сберегутся ежегодно милліоны на содержаніе государственныхъ чиновниковъ".

„Проектъ указа о новой организаціи западныхъ губерній".

Ст. I.

„Губерніи гродненская, виленская, минская, витебская, могилевская, кіевская, подольская и волынская, вмѣстѣ съ округами бѣлостокскимъ и тарнопольскимъ, образуютъ отнынѣ одну провинцію подъ названіемъ великаго герцогства литовскаго".

Ст. II.

„Управленіе великимъ герцогствомъ литовскимъ ввѣряется особому лицу съ званіемъ императорскаго намѣстника, губернатора великаго герцогства литовскаго".

Ст. III.

„Намѣстникъ пользуется титуломъ высочества. На содержаніе его опредѣляется особый участокъ государственныхъ имуществъ. Онъ имѣетъ мѣстопребываніе въ главномъ городѣ великаго герцогства, Вильнѣ".

Ст. IV.

„При насъ и въ нашемъ непосредственномъ вѣдѣніи состоитъ литовская канцелярія, подъ управленіемъ одного изъ государственныхъ министровъ по нашему назначенію".

Ст. V.

„Внутренняя администрація великаго герцогства сосредоточивается въ совѣтѣ управленія, подъ предсѣдательствомъ императорскаго намѣстника. Совѣтъ управленія подраздѣляется на нѣсколько департаментовъ и состоитъ изъ одного генеральнаго директора и нѣсколькихъ совѣтниковъ. Всѣ члены совѣта управленія назначаются нами".

Ст. VI.

„Основнымъ уставомъ великаго герцогства должны быть опредѣлены организація всѣхъ отраслей внутренняго управленія и обязанности должностныхъ лицъ,—по отношенію къ территоріальному дѣленію великаго герцогства, распредѣленію податей, управленію го-

сударственными имуществами, набору и содержанію войскъ, устройству и содержанію полиціи, почтъ, путей сообщенія, вѣдомствъ юстиціи, духовныхъ дѣлъ, народнаго образованія, земледѣлія и промышленности".

Ст. VII.

„Составленіе основнаго устава возлагается на особую, нами учреждаемую, коммисію, въ составъ которой назначаются.......... Коммисія дѣйствуетъ подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ и должна представить намъ въ возможно непродолжительномъ времени результаты своихъ совѣщаній".

Ст. VIII.

„Литовскій статутъ будетъ навсегда гражданскимъ законоположеніемъ для великаго герцогства литовскаго, и все дѣлопроизводство въ великомъ герцогствѣ будетъ ведено на языкѣ польскомъ".

Ст. IX.

„Послѣднею инстанціею для рѣшенія всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ будетъ верховный трибуналъ въ Вильнѣ. Права смертной казни и помилованія предоставляется намъ".

Ст. X.

„Всѣ должности по государственному управленію могутъ быть замѣщаемы только уроженцами и землевладѣльцами великаго герцогства".

Ст. XI.

„Всѣ суммы на поддержаніе народнаго образованія и содержаніе учебныхъ заведеній, нынѣ состоящія и впредь поступить имѣющія по нашему назначенію или изъ частныхъ пожертвованій, — навсегда отдѣляются отъ всѣхъ прочихъ отраслей общественныхъ доходовъ".

Кто знаетъ, въ какой степени осуществились бы такъ удачно начатыя старанія графа Огинскаго, если бы дѣло въ самомъ разгарѣ не было прервано громами войны. Симпатіи Александра, повидимому, склонялись на сторону мыслей, проводимыхъ Огинскимъ, и даже смѣлый, въ своемъ родѣ насильственный планъ объединенія западныхъ губерній Россіи вызвалъ со стороны его лишь самыя снисходительныя замѣчанія, не заключавшія и тѣни того, что̀ вскорѣ, на основаніи историческихъ данныхъ, было поставлено непреоборимымъ препятствіемъ къ соглашенію національныхъ стремленій. Дѣло шло только о способѣ выполненія задушевныхъ намѣреній Огинскаго, въ чемъ, при естественномъ ходѣ вещей, онъ, быть можетъ, и успѣлъ бы до извѣстной степени. Но въ то самое время подступили событія, на которыя, какъ увидимъ, обѣ стороны имѣли въ этомъ отношеніи совершенно различный взглядъ. Графъ Огинскій видѣлъ въ нихъ счастливый случай къ достиженію предпринятой цѣли и желалъ, во что̀бы то ни стало, воспользоваться ими; но, въ жару патріотическаго увлеченія, повелъ дѣла слишкомъ круто: хотѣлъ, такъ сказать, насиловать и безъ того добрую волю Александра; указывалъ въ возстановленіи Польши чуть ли не единственное средство къ спасенію Россіи отъ Наполеона и, къ тому же, неосторожно и опрометчиво ручался императору въ преданности къ нему польскихъ его подданныхъ. Напротивъ, Александръ, по своему личному складу способный къ болѣе хладнокровнымъ воззрѣніямъ и, при всемъ своемъ благодушіи и свободомысліи, обладавшій умомъ тонкимъ, скрытнымъ, отчасти даже подозрительнымъ,—повидимому, смотрѣлъ на тѣ же событія, между прочимъ, какъ на пробный камень для оцѣнки въ будущемъ предполагаемаго графомъ Огинскимъ плана, во всякомъ случаѣ горделиво отвергая мысль о спасеніи Россіи путемъ Польши и, кажется, не вполнѣ довѣряя преданности своихъ польскихъ подданныхъ, въ чемъ и дѣйствительно убѣдился тотчасъ по вступленіи Наполеона въ западныя губерніи. Поэтому, едва ли не безошибочно можно предполагать, что графъ Огинскій болѣе увлекался самообольщеніемъ въ своихъ сношеніяхъ съ императоромъ Александромъ, нежели дѣйствительно пользовался

успѣхомъ и, быть можетъ, въ сущности, подъ вліяніемъ очаровательныхъ пріемовъ обращенія этого монарха, самъ того не подозрѣвая, былъ его орудіемъ.—Этимъ только и можно объяснить тотъ близкій доступъ къ императору и то, на видъ, вліятельное положеніе, которыми у него пользовался графъ Огинскій. Ему, напримѣръ, была почти формально предоставлена роль посредничествующаго органа между монархомъ и его литовскими подданными; во время отечественной войны 1812 года, когда многіе помѣщики западныхъ губерній были арестованы за явное содѣйствіе непріятелю, онъ смѣло предстательствовалъ за нихъ предъ императоромъ и достигалъ желаемаго; послѣ изгнанія же Французовъ изъ Россіи, императоръ даже приказалъ государственному секретарю Шишкову войти съ нимъ въ соглашеніе при составленіи манифеста объ амнистіи для жителей западныхъ губерній, и хотя Шишковъ предполагалъ сдѣлать нѣкоторыя исключенія изъ общаго помилованія, но графъ Огинскій воспротивился этому, ходатайствовалъ письменно у самаго императора, и настоялъ на безусловномъ прощеніи своихъ провинившихся соотечественниковъ.

Въ ноябрѣ 1811 года, виленскіе губернскій и уѣздные предводители дворянства прислали на имя графа Огинскаго, за общимъ подписомъ своимъ, письмо или лучше сказать благодарственный адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданнической преданности за оказанныя не за долго передъ тѣмъ финансовыя облегченія виленской губерніи. Письмо это, писанное на польскомъ языкѣ, графъ Огинскій представилъ, вмѣстѣ съ переводомъ, черезъ графа Толстаго, императору, и 8-го декабря получилъ слѣдующее собственноручное увѣдомленіе его величества:

„Посылаю вамъ, господинъ графъ, отвѣтъ на присланное мнѣ вами письмо отъ имени виленскаго дворянства. Вмѣсто того, чтобы подписать его по французски, я считаю соотвѣтственнѣе написать его на польскомъ языкѣ. Прошу васъ, поэтому, принять на себя трудъ перевести его тотчасъ и прислать къ моей подписи. Черезъ нѣсколько дней покажу вамъ новый трудъ въ довершеніе того, которымъ мы занимались“.

Приписка къ тому же письму:

„Господинъ сенаторъ графъ Огинскій! Я всегда дорожилъ чувствами, воодушевляющими жителей Литвы и съ истиннымъ удовольствіемъ принимаю новое доказательство ихъ благодарности“.

„Все сдѣланное мною для нихъ до сего времени да будетъ залогомъ моихъ твердыхъ и неуклонныхъ намѣреній къ ихъ благу“.

„Мнѣ пріятно видѣть въ васъ органъ для передачи моихъ настоящихъ увѣреній“.

На слѣдующій день, 9-го декабря, императоръ прислалъ къ графу Огинскому подписанный польскій рескриптъ на имя виленскаго дворянства *).

Какъ ни лестно было такое вниманіе императора къ его польскимъ подданнымъ, выразившееся въ тоже самое время и другимъ, болѣе ощутительнымъ образомъ (графу Витту и князю Казимиру Любомирскому **) было поручено составить, при участіи графа Огинскаго, планъ организаціи литовской арміи въ восьми присоединенныхъ къ имперіи польскихъ губерніяхъ), но для графа Огинскаго подобныя любезности уже не могли служить утѣшеніемъ: не за долго передъ тѣмъ, напряженныя отношенія между Франціею и Россіею разъяснились на столько, что даже и въ Петербургѣ никто уже больше не сомнѣвался въ неизбѣжности войны, и однажды импера-

*) Относительно этого рескрипта графъ Огинскій пишетъ въ своихъ Запискахъ: «копія его хранится въ моемъ собраніи подлинныхъ писемъ № 2; безъ сомнѣнія, это первый и единственный документъ на польскомъ языкѣ, подписанный русскимъ императоромъ».

**) Богатый помѣщикъ волынской губерніи. Въ началѣ 1811 года пріѣзжалъ въ Петербургъ съ такими же ходатайствами о своей губерніи какъ Огинскій для виленской, и при этомъ случаѣ пожалованъ въ каммергеры. Графъ Огинскій пишетъ въ своихъ Запискахъ, что императоръ Александръ посылалъ его съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ въ Лондонъ.

торъ сказалъ по этому поводу графу Огинскому: „Мнѣ только жаль, что у насъ не будетъ времени привести въ исполненіе нашъ планъ относительно Литвы. Но теперь уже нечего думать объ административныхъ мѣрахъ и организаціи нашихъ восьми губерній, а надо позаботиться объ усиленіи средствъ къ защитѣ. Поэтому, прошу васъ объяснить мнѣ виды ваши относительно военныхъ средствъ, которыя соотечественники ваши въ подвластныхъ мнѣ губерніяхъ могутъ теперь предоставить въ мое распоряженіе. Разсчитываю на ваше усердіе и преданность мнѣ".

„Всѣ мои надежды рушились въ эту минуту", пишетъ графъ Огинскій въ своихъ Запискахъ, „но вѣра въ настроеніе императора еще не угасла во мнѣ, и я счелъ необходимымъ съ бо̀льшею нежели когда либо настойчивостью добиваться осуществленія моего плана".

1-го декабря Огинскій представилъ новую записку императору, о которой предупреждалъ его въ убѣдительнѣйшихъ выраженіяхъ: „Повергаюсь къ стопамъ вашимъ, государь, и прошу оказать мнѣ милость прочтеніемъ записки, которую позволю себѣ прислать вамъ. Безъ сомнѣнія, ваше величество не встрѣтите въ ней ничего, что̀ бы не было уже предметомъ вашихъ глубочайшихъ размышленій; но бываютъ обстоятельства, когда и самыя извѣстныя вещи возбуждаютъ нѣкоторый интересъ, если только въ свое время взглянуть на нихъ съ новой точки зрѣнія,— и я буду вполнѣ осчастливленъ, если настоящій мой трудъ произведетъ это дѣйствіе".

Записка поданная императору Александру I графомъ Михаиломъ Огинскимъ 1-го декабря 1811 года.

„Полагаю, государь, что было бы несоотвѣтственно намѣреніямъ вашего величества и требуемой настоящими обстоятельствами системѣ, если бы вы образовали особую литовскую армію и призвали къ дѣйствію всѣ вспомогательныя средства присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областей".

„Я былъ бы недостоинъ вашего милостиваго вниманія и довѣрія, если бы хотя на одинъ моментъ отдѣлилъ благосостояніе моихъ соотечественниковъ отъ чувствъ долга моего относительно вашего величества. И то и другое нераздѣльно во мнѣ, и на сколько, съ одной стороны, буду я усердствовать въ испрошеніи улучшенія быта моихъ соотечественниковъ, возможнаго единственно лишь путемъ новой организаціи,—на столько, съ другой стороны, не упущу ничего, чтобы объяснить вамъ, государь, предстоящія отъ того выгоды для васъ".

„Предоставляю болѣе меня опытнымъ въ военномъ дѣлѣ планъ организаціи литовской арміи: въ этомъ отношеніи я могу только передать мои взгляды и наблюденія; но не хочу обманывать васъ, государь, и не стану предлагать вамъ того, что̀ неосуществимо. Этому плану, если только выполнить его съ пользою для государства и достойнымъ вашего великодушія образомъ, должна предшествовать организація западныхъ губерній".

„Уже и теперь крестьяне этой части имперіи поставляютъ одинаковое съ другими губерніями число рекрутъ. Остается призвать къ участію только дворянъ и волонтеровъ изъ другихъ сословій. Но да будетъ позволено мнѣ спросить: кто въ настоящее время возьмется добровольно за оружіе противъ Поляковъ?...... Ибо такъ называютъ повсемѣстно жителей герцогства варшавскаго. Заставить служить можно каждаго, но трудно повелѣвать чувствами, всецѣло склоняющимися на сторону тѣхъ, чье имя желаютъ носить. И на оборотъ, исходя изъ того же источника, спрашиваю: кто не пожелаетъ отъ души служить вашему величеству, если увѣрится въ благодушныхъ намѣреніяхъ вашихъ и будетъ видѣть въ васъ обновителя своей отчизны".

„Все, что̀ можно бы сообщить вашему величеству о характерѣ Поляковъ, о пользѣ и необходимости возстановленія Польши и объ

организаціи Литвы, какъ о предварительной къ тому мѣрѣ,—все это вы уже слышали и читали. Все видитъ и объемлетъ вашъ геній, идущій рука объ руку съ сердцемъ, единственное желаніе котораго—исправить содѣянное зло. Но и за всѣмъ тѣмъ, осмѣливаюсь еще разъ обратить вниманіе вашего величества на нѣкоторыя дополнительныя объясненія къ моей запискѣ, представленной вамъ въ маѣ сего года".

„Съ началомъ XVIII столѣтія начали потрясать Польшу воспроизведенныя сосѣдними державами безначаліе, неспокойствія, духъ партій и междоусобицы и, послѣ нѣсколькихъ раздѣловъ, среди грозившаго переворотомъ всей Европѣ кризиса, политическое существованіе Польши прекратилось. Трудно понять, какимъ образомъ народъ польскій, при всѣхъ ошибкахъ и порокахъ его правительства, при всей своей наклонности къ внѣшнему блеску и роскоши, при всѣхъ позаимствованныхъ отъ иностранцевъ дурныхъ привычкахъ и, наконецъ, вынесши такое множество разнообразныхъ несчастій,—могъ сохранить отличающіе его духъ дѣятельности, любовь къ отечеству и испытанное мужество. Въ этихъ качествахъ нельзя отказать Полякамъ, и онѣ вполнѣ сглаживаютъ привитые къ нимъ единственно правительственною неурядицею недостатки ихъ — легкомысліе и непостоянство".

„Испытавъ участь раздѣла между тремя державами, Польша утратила мѣсто на картѣ Европы; но тѣмъ не менѣе Поляки сохранили идею своей народности".

„Покоренные силою оружія, связанные долгомъ обязанности и притомъ непрерывно помышляющіе о возстановленіи своей отчизны,—все же они не нарушаютъ вѣрности своимъ новымъ монархамъ".

„И тѣ, которыхъ ваше величество призвали къ гражданской дѣятельности, и тѣ, которые занимаютъ военныя должности,—не подали, безъ сомнѣнія, никакого повода къ обвиненіямъ, никогда не были измѣнниками. Такъ и въ будущемъ станутъ поступать всѣ, которымъ ваше величество предоставите какое либо назначеніе.—Не скажу, однако, чтобы лично къ вашему величеству питаемая любовь не была главнѣйшею основою ихъ вѣрности долгу".

„Патріотическое одушевленіе—этотъ постоянный источникъ неблагоразумія Поляковъ, такъ искусно разработываемый Наполеономъ въ жителяхъ герцогства варшавскаго, всегда оживляетъ ихъ, коль скоро завидятъ они, хотя издали, возможность воскресить Польшу".

„Дороги еще сердцу ихъ слова: „отечество и народность", съ такимъ насиліемъ сглаживаемыя теперь навязанною большей части Европы системою Наполеона. Скажу откровенно, что и тѣ изъ нихъ, которые обращены силою оружія въ русскихъ подданныхъ, никогда не желали отказаться отъ имени Поляковъ".

„Не въ имени, конечно, истинное счастье людей, принадлежащихъ къ какой бы то ни было народности. Силою вѣковыхъ переворотовъ, въ Европѣ до того перепутаны судьбы народовъ и названія земель, что найдутся милліоны людей, не вѣдающихъ своего дѣйствительнаго отечества".

„И однакожъ слово „отечество" несомнѣнно существуетъ. Съ древнѣйшихъ временъ оно составляетъ любимую идею истинныхъ мужей страны. Есть въ немъ какая-то обаятельная прелесть для всѣхъ, кому дороги честь и добродѣтель. Оно призывный лозунгъ всѣхъ народовъ испытавшихъ порабощеніе, и никакая человѣческая сила не смогла заглушить его въ длинномъ ряду поколѣній. Что это? Интересъ?...... Фантазія мозга?..... Обманчивый призракъ?..... Не считаю нужнымъ углубляться въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Скажу только, что фактъ существуетъ, и монархи никогда внимательно на немъ не останавливаются".

„Всмотримся ближе, не имѣютъ ли жители бывшей Польши, помимо насильственнаго лишенія ихъ имени Поляковъ, еще и другихъ,

болѣе основательныхъ, причинъ желать возврата ихъ древней отчизны".

„Въ удѣлъ подвластнымъ Австріи Полякамъ достались чуждый языкъ, обременительные налоги, непривычное судопроизводство, насилованіе старинныхъ обычаевъ и безконечныя неудобства въ частностяхъ внутренняго управленія".

„Въ прусской Польшѣ всѣ туземныя должностныя лица сразу вытѣснены нахлынувшею массою нѣмецкихъ чиновниковъ. Тяжелыя формы дѣлопроизводства, безконечность процедуры исковыхъ дѣлъ, исключительность нѣмецкаго языка въ офиціальныхъ отношеніяхъ, издѣвательства, неспособность и вымогательство чиновниковъ,—все это возстановило польское дворянство противъ прусскаго правительства. Правда, что земледѣліе и промышленность получили бо́льшее развитіе, но эта выгода добыта исключительно на счетъ дворянства, въ слѣдствіе чего единственное, образовавшее прежде польскую націю сословіе это испытываетъ всевозможныя трудности и униженія".

„Въ сравненіи съ этимъ и по нѣкоторымъ другимъ основаніямъ, положеніе подвластныхъ Россіи Поляковъ несравненно лучше и, благодаря сходству языка, обычаевъ, привычекъ, наклонностей и потребностей, судьба ихъ не столь тягостна. Налоги не увеличены, дворянство сохранило свои преимущества, судопроизводство почти не измѣнилось; свободный выборъ чиновниковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, назначаемыхъ отъ правительства, оставленъ на прежнемъ основаніи. Однимъ словомъ, состоящіе подъ владычествомъ Россіи Поляки, и именно дворяне, имѣютъ много основаній предпочитать свой бытъ условіямъ, въ которыя поставлены соотечественники ихъ въ Австріи и Пруссіи" *).

„Но какъ, съ другой стороны, изгладить старинныя воспоминанія? Какимъ образомъ заставить забыть деспотическое господство въ Польшѣ русскихъ пословъ, конфедераціи и вызванныя ими междоусобицы, личныя преслѣдованія, разореніе земельной собственности, гибель и униженіе множества семействъ?"

„Разсудительные люди, не относя всѣхъ этихъ бѣдствій къ русскому правительству, слагали вину ихъ собственно на чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе, однако, зло было велико и глубоко чувствовалось. Даже и послѣ окончательнаго паденія Польши, какъ мало чиновниковъ оправдали виды правительства! Какъ многіе изъ нихъ, взирая на Поляковъ какъ на мятежниковъ и революціонеровъ, отказывали имъ въ томъ покровительствѣ, какимъ пользуются всѣ другіе подданные имперіи!"

„Этимъ путемъ развивалось неудовольствіе въ народѣ, и когда всѣ почти заслуженные люди, могшіе быть дѣйствительно полезными для страны, были вынуждены устраниться отъ дѣлъ, то мѣста ихъ заняли личности, руководившіяся только видами честолюбія и преимуществъ по службѣ. Они указывали на своихъ предшественниковъ какъ на людей опасныхъ для правительства, внушали монархамъ недовѣріе къ нимъ и скрывали дѣйствительные источники зла, виновниками котораго были сами,—и хотя верховными сановниками имперіи были принимаемы мѣры, чтобы загладить претерпѣнныя Поляками бѣдствія, но всѣ онѣ оказывали лишь поверхностное облегченіе".

„Ваше величество первый благоволили пріискать и примѣнить единственную великую мѣру противъ столькихъ золъ и страданій. Она внушена вамъ сердцемъ вашимъ и, безъ сомнѣнія, вы признали ее въ вашемъ убѣжденіи необходимою".

„Благодѣянія, излитыя вашимъ величествомъ на губерніи гродненскую и виленскую, могутъ считаться предвозвѣстниками общаго преобразованія по плану, вами же предначертанному".

„Напрасно старались внушать вашему величеству, будто Поляками трудно управлять, такъ какъ они неспокойный народъ и съ ве-

*) Важное и неопровержимое свидѣтельство. *П. Б.*

личайшимъ нетерпѣніемъ выносятъ иго Россіи. Отъ способа управленія ими зависитъ польза, которую можно извлечь изъ нихъ. Столь же несправедливо стараются очернить предъ вами и даровитыхъ дѣятелей изъ Поляковъ, приписывая нерѣдко ихъ открытому и благородному характеру значеніе противудѣйствія и непокорности. Эти люди, кажущіеся за тысячу верстъ отъ столицы опасными и неспокойными, страдаютъ однимъ, единственнымъ недугомъ—желаніемъ носить названіе Поляковъ и, если ваше величество призовете ихъ къ дѣятельности, они будутъ первыми орудіями вашей славы и преданнѣйшими вамъ подданными".

„Думаете ли ваше величество, что жители герцогства варшавскаго или тѣ изъ вашихъ подданныхъ, которые вздыхаютъ о возстановленіи Польши, расположены лично къ Наполеону? Нѣтъ, и безъ всякаго сомнѣнія нѣтъ. Они не имѣютъ никакого повода питать къ нему любовь и благодарность; но онъ льститъ ихъ надеждамъ, и они видятъ въ немъ обновителя своего отечества. Обратите, государь, тоже самое оружіе противъ Наполеона, и вы увидите, какою силою подкрѣпятъ васъ ихъ преданность и одушевленіе, внушаемыя къ тому же вашими личными качествами".

„Признавая неоспоримою истиною: 1) что ненасытный въ войнахъ и завоеваніяхъ императоръ Наполеонъ не допуститъ Россію долго наслаждаться преимуществами мира. 2) что онъ употребитъ всѣ возможныя средства, чтобы возбудить противъ нея враговъ извнѣ и произвести въ ней внутреннія волненія. 3) что для него самымъ могучимъ двигателемъ противъ России служитъ возстановленіе Польши,—нельзя сомнѣваться въ необходимости предупредить намѣренія этого честолюбца, при чемъ, конечно, сила противудѣйствія будетъ соотвѣтствовать силѣ нападенія".

„Вполнѣ вѣрю, что русскія войска могутъ состязаться съ французскими. Но да будетъ мнѣ дозволено усомниться въ возможности удержать, даже самыми строгими мѣрами, спокойствіе въ пограничныхъ губерніяхъ и воспрепятствовать чужеземному въ нихъ вліянію".

„Чѣмъ болѣе будетъ жертвъ фанатическаго патріотизма, тѣмъ сильнѣе будетъ онъ развиваться. Этого мало. Сколько невинныхъ жертвъ будетъ въ числѣ виновныхъ, если только чиновники правительства окажутся не вполнѣ добросовѣстными и станутъ поощрять легко вызываемую личными неудовольствіями клевету! Сердце вашего величества облилось бы кровью при видѣ этого. Безопасность государства не была бы нисколько этимъ обезпечена, но страданія несчастныхъ исполнили бы отчаянія и ожесточенія сердца тѣхъ, которымъ удалось бы избѣжать преслѣдованій полиціи. Ясно, что при подобной обстановкѣ недостаточно дѣйствовать противъ непріятеля только сильными арміями. Необходимо противупоставить Наполеону еще одну силу—восьмимиліонное населеніе, на поддержку котораго онъ главнымъ образомъ разсчитываетъ, между тѣмъ какъ ваше величество можете единымъ словомъ своимъ привлечь ихъ на всегда къ вашему престолу. Стоитъ только разсѣять этимъ путемъ мечты жителей герцогства варшавскаго, и тогда вся сила искусственнаго обаянія Наполеона обратится въ пользу монарха, устрояющаго бытъ и благоденствіе своихъ польскихъ подданныхъ не изъ видовъ честолюбивыхъ или завоевательныхъ, а изъ чистаго желанія обезпечить счастіе и безопасность своихъ владѣній".

„Рѣшаюсь думать, что ваше величество убѣждены въ необходимости этой мѣры, и если воздерживаетесь отъ исполненія вашихъ предначертаній, то лишь по невѣдѣнію дѣйствительнѣйшаго способа къ его осуществленію. Не скрою, что, въ виду готовящихся событій, выборъ въ этомъ случаѣ болѣе труденъ, нежели можно полагать".

„Предлагая вашему величеству, въ маѣ мѣсяцѣ, организацію великаго герцогства литовскаго, я основывалъ мой планъ: 1) на вѣроятіи, что еще времени на то достанетъ по

тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, 2) на возможности выполнить его собственно какъ внутреннюю административную мѣру, не вызывая ею войны, 3) на увѣренности, если позволю себѣ такъ выразиться, что этою организаціею откроется путь къ возстановленію Польши посредствомъ соединенія герцогства варшавскаго съ Литвою,—такъ какъ это ранѣе или позже совершилось бы".

„Повторяю, что, если бы нынѣшнее положеніе дѣлъ не измѣнилось, образованіе великаго герцогства литовскаго было бы и теперь соотвѣтственнѣйшею мѣрою. Но если, при всѣхъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ вашего величества, врагъ спокойствія Европы замышляетъ планы, ниспроверженіе которыхъ возможно только съ мечомъ въ рукѣ; если тайными происками его при разныхъ дворахъ Европы, новыми обольщеніями въ Варшавѣ, и внушеніями (посланцовъ) агентовъ его во владѣніяхъ вашего величества, возвѣщается предстоящій разрывъ съ Россіею,—то, безъ сомнѣнія, обыкновенная организація великаго герцогства литовскаго окажется въ этомъ случаѣ недостаточною, или, по крайней мѣрѣ, не поведетъ за собою тѣхъ великихъ послѣдствій, какихъ можно бы ожидать въ мирное время. Конечно, мѣра эта была бы знакомъ благоволенія вашего величества, уменьшила бы въ извѣстной степени вліяніе Наполеона на Поляковъ и не осталась бы безъ дѣйствія на Варшавянъ, поколебавъ ихъ надежды на соучастіе съ ними польскихъ подданныхъ Россіи,—но ни въ какомъ случаѣ не пробудила бы того повсемѣстнаго одушевленія, какое именно необходимо наканунѣ загарающейся войны".

„Съ того момента, какъ Наполеонъ изберетъ или провозгласитъ польскаго короля, если только ему удастся предупредить въ этомъ ваше величество,—рушатся всѣ радостныя впечатлѣнія, какія вызвала бы организація Литвы".

„Моментъ этотъ, не скрою отъ васъ, государь, будетъ рѣшительный и, не смотря на всѣ дѣлаемыя вамъ Наполеономъ увѣренія относительно нежеланія его возстановлять Польшу, я твердо убѣжденъ, что провозглашеніе польскаго короля или послѣдуетъ одновременно съ первыми военными дѣйствіями, или даже предвозвѣститъ ихъ". *)

„Въ запискѣ моей, представленной въ маѣ мѣсяцѣ, я позволилъ себѣ замѣтить, что если бы наступательная или оборонительная война уже началась, то разрѣшеніе судьбы Польши зависѣло бы только отъ оружія и, слѣдовательно, было бы поздно обсуждать мѣры къ устройству составлявшихъ нѣкогда часть Польши губерній Россіи. Если бы, прибавилъ я, война неминуемо предстояла, то вашему величеству слѣдовало бы начать съ того, чтобы объявить себя польскимъ королемъ, и пр."

„Сказанное мною за шесть мѣсяцовъ передъ симъ можно, повидимому, и теперь повторить,—не потому, чтобы я считалъ войну неизбѣжною, а потому что необходимое для введенія новаго порядка время, быть можетъ, приблизило бы насъ къ эпохѣ, когда эти перемѣны оказались бы только полумѣрами".

„При увѣренности въ сохраненіи мира, организація Литвы была бы внутреннею административною мѣрою, и тогда отъ этой области можно бы требовать только тѣхъ выгодъ, какія доставляютъ правительству другія хорошо организованныя и управляемыя области имперіи".

„При увѣренности въ войнѣ, организація Литвы была бы уже мѣрою политическою, съ цѣлью извлечь всѣ возможныя выгоды изъ мѣстныхъ условій страны и воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ ея жителей".

„Если бы, поэтому, оказалось нужнымъ устроить и организовать великое герцогство литовское въ видахъ политическихъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что для Россіи было бы гораздо выгоднѣе сдѣлать изъ него Польшу, а вашему величеству провозгласить себя польскимъ королемъ".

*) Надо полагать, что Огинскій говорилъ искренно; все-таки жаль, что ему вѣрили. *П. Б.*

„Какъ бы ни были велики привиллегіи Литовцевъ въ случаѣ организованія Литвы по моимъ предположеніямъ, но онѣ не могли бы выдержать сравненія съ великодушнымъ и вожделѣннымъ актомъ возстановленія Польши. Но за то, съ другой стороны, неизмѣримо различны и выгоды, которыя бы вы, государь, пріобрѣли въ томъ и въ другомъ случаѣ“.

„Если ваше величество пожелаете произвести наборъ войскъ въ вашихъ западныхъ губерніяхъ при ихъ нынѣшнемъ устройствѣ, то, конечно, воля ваша будетъ безпрекословно исполнена; но въ такомъ случаѣ вы пріобрѣтете только солдатъ, вынужденныхъ повиноваться по долгу служебной обязанности. Провозгласивъ же себя польскимъ королемъ, вы устраните всякую необходимость новаго набора и опредѣленія рекрутскаго контингента: подъ вліяніемъ повсемѣстнаго одушевленія и безграничной признательности къ вамъ, каждый способный носить оружіе будетъ рваться въ ряды войскъ, и тогда врожденное Полякамъ мужество, руководимое мудростью ихъ вождя, явитъ Европѣ всю силу благоговѣнія къ справедливости и великодушію обновителя Польши. Если бы ваше величество рѣшились начать войну, то полагаю, что моментъ, когда русскія войска двинутся въ герцогство варшавское, а оттуда въ Пруссію, гдѣ будутъ приняты какъ друзья и союзники,—былъ бы самымъ благопріятнымъ для провозглашенія себя польскимъ королемъ. Но такъ какъ вы не желаете войны, съ другой же стороны предвидите ея неизбѣжность и даже вѣроятную близость, и притомъ увѣрены, что Наполеонъ постарается предупредить васъ назначеніемъ польскаго короля,—то не было ли бы всего выгоднѣе, для ускоренія дѣла, принять эту мѣру теперь и образовать польское королевство на первый разъ изъ тѣхъ восьми губерній, которыя предполагалъ я соединить въ одну область подъ названіемъ великаго герцогства литовскаго?“

„Мѣра эта, причиняя огромный вредъ планамъ Наполеона, лишила бы его одного изъ могущественнѣйшихъ орудій. Весьма вѣроподобно даже, что слѣдствіемъ этого было бы если не устраненіе, то, по крайней мѣрѣ, замедленіе войны, и въ такомъ случаѣ Россія имѣла бы время приготовиться къ борьбѣ, а быть можетъ и вовсе ея избѣгнуть.“

„Восьмимилліонное населеніе, на содѣйствіе котораго Наполеонъ очевидно разсчитываетъ, было бы противъ него. Изчезло бы съ тѣмъ вмѣстѣ и воодушевленіе Варшавянъ, благодаря которому можетъ онъ располагать ими по произволу,—такъ какъ они пожелали бы тогда присоединиться къ новому польскому королевству подъ покровительствомъ вашего величества. И какъ обольстительно было бы тогда Французамъ, Итальянцамъ и Нѣмцамъ пожинать лавры на ледяныхъ поляхъ Россіи!“

„Образованіе новаго польскаго королевства далеко не такъ сложно, какъ организація Литвы. Для этой послѣдней области необходимо еще измыслить, обсудить и учредить новый способъ управленія, между тѣмъ какъ при первомъ словѣ о существованіи Польши всѣ Поляки сразу усвоятъ извѣстный имъ уже образъ прежняго правленія, который осталось бы только примѣнить къ условіямъ, возникающимъ изъ связи съ Россіею и современнаго положенія дѣлъ.“

„Впрочемъ, до окончанія войны, эта новая Польша могла бы ограничиться предѣлами восьми Литовскихъ губерній. Избранный для обсужденія конституціи комитетъ занялся бы устройствомъ общаго управленія, а между тѣмъ ваше величество вызвали бы повсемѣстно радостное воодушевленіе, обнародовавъ воззваніе о провозглашеніи себя польскимъ королемъ, съ обѣщаніемъ формы правленія на основаніяхъ столь дорогой для Поляковъ конституціи 3-го мая.“

„Наконецъ, не было бы даже надобности измѣнять тотчасъ нынѣшнія формы управленія; и на первый разъ можно ограничиться лишь тѣми или другими измѣненіями и улучшеніями. Вашему слову, государь, будутъ вѣрить; воззваніе ваше окажетъ свое дѣйствіе,

и всѣ польскія сердца склонятся на вашу сторону. Да, государь, я убѣжденъ въ этомъ, и могу съ увѣренностью сказать, что не найдется ни одного человѣка въ герцогствѣ варшавскомъ, который бы не пожелалъ отъ души раздѣлить жребій своихъ литовскихъ соотечественниковъ.“

„Въ заключеніе приведу еще одно доказательство, противъ котораго едва ли можно возражать. Судьбы войны измѣнчивы: арміи вашего величества могутъ побѣдоносно выйти изъ борьбы, или потерпѣть неудачу. Въ первомъ случаѣ, занявъ герцогство варшавское, вы соединили бы его съ остальною частью Польши и устроили бы польское королевство по своему усмотрѣнію. Во второмъ случаѣ, непріятельскія войска, вступивъ въ соединенную съ Россіею часть Польши, могли бы разсчитывать на содѣйствіе тамошнихъ жителей, смотря по тому, сочли-ли бы они для себя болѣе полезнымъ предаться Наполеону, или оставаться вѣрными монарху, исполнившему всѣ ихъ желанія“.

„Вотъ самый простой разсчетъ, по которому можно опредѣлить вѣроятности предстоящей войны.“

„Всѣ преимущества будутъ на сторонѣ Наполеона, если дать ему время поддержать восторженное настроеніе Варшавянъ. Если же, напротивъ того, онъ будетъ предупрежденъ въ этомъ и осуществятся указываемыя мною мѣры, то онъ не только лишится большей части средствъ, при которыхъ расчитываетъ на поддержку Поляковъ, но поколеблятся и другія находящіяся въ распоряженіи его силы.“

„Таковы были бы результаты, немыслимые даже и при содѣйствіи многихъ коалицій, и ваше величество можете надѣяться на нихъ, если, охраняя границу сильною арміею и парализируя успѣхи непріятеля внутри вашихъ владѣній, вы осуществите планъ возстановленія Польши,—планъ, столь же достойный васъ и, при совокупности политическихъ разсчетовъ, столь же легко исполнимый, какъ и необходимый для мира и спокойствія Европы.“

15-го декабря императоръ потребовалъ къ себѣ графа Огинскаго, много говорилъ съ нимъ по поводу этой записки и сказалъ при этомъ, что возстановленіе Польши при подобныхъ условіяхъ нисколько не противорѣчило бы интересамъ Россіи, такъ какъ этимъ путемъ покоренныя области образуютъ могучій оплотъ имперіи и, сверхъ того, съ интересами Россіи будутъ связаны интересы милліоновъ жителей, до нынѣ не могущихъ забыть своей прежней самобытности. „Что̀ касается титула“, прибавилъ императоръ, „то почему не наименовать мнѣ себя польскимъ королемъ, если это пріятно жителямъ?........ Впрочемъ надо выждать развитія событій........ Въ настоящее время я получилъ удовлетворительныя извѣстія, подающія нѣкоторую надежду, что, быть можетъ, дѣло не дойдетъ до открытаго разрыва съ Наполеономъ...... На всякій случай, однако, я желаю, чтобы вы указали мнѣ тѣхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, которымъ могъ бы я довѣрить изготовленіе плана организаціи восьми губерній, изъ которыхъ должна состоять Литва или Польша...... Я желаю по одному изъ каждой губерніи....... Относительно же выбора ихъ вполнѣ полагаюсь на васъ“.

Въ слѣдствіе этого, графъ Огинскій тогда же предложилъ кондидатами: изъ гродненской губерніи — князя Ксаверія Любецкаго, изъ виленской—Ѳому Вавржецкаго, изъ минской-Викентія Гечевича, изъ могилевской—графа Людовика Платера, изъ витебской—Шадурскаго, изъ волынской—князя Казиміра Любомирскаго, изъ подольской—Ѳаддея Чацкаго, изъ кіевской—Адама Ржевускаго. Послѣдняго императоръ замѣнилъ сенаторомъ Козловскимъ, а на выборъ остальныхъ изъявилъ согласіе, присовокупивъ, что сдѣлаетъ распоряженіе о скорѣйшемъ по возможности вызовѣ этихъ депутатовъ. — Нѣсколько позже, именно 27-го генваря, по случаю разговора съ графомъ Огинскимъ о ходѣ порученнаго депутатамъ дѣла, императоръ отозвался: „между тѣмъ не забывайте о земледѣльцахъ; это полезнѣйшій классъ населенія, а у васъ все

еще обращаются съ крестьянами какъ съ илотами" *).

Въ концѣ апрѣля (1812) государь отправился въ Вильну. Наканунѣ выѣзда пожелалъ онъ видѣть графа Огинскаго; но такъ какъ онъ былъ въ то время боленъ, то приказано ему, черезъ графа Толстаго, прибыть, по выздоровленіи, въ Вильну. Графъ Огинскій явился туда только ¹⁰/₂₂ іюня и тотчасъ по пріѣздѣ получилъ приказаніе явиться къ императору на балѣ, который давали въ тотъ вечеръ его величеству на мызѣ Закретѣ близь Вильны, а на другой день былъ приглашенъ къ обѣденному столу императора. И на балѣ, и во время обѣда графъ дивился хорошему расположенію духа императора, вопреки полученному уже въ то время извѣстію о переходѣ Французовъ черезъ Нѣманъ,—и только послѣ обѣда, во время разговора съ нимъ на единѣ въ кабинетѣ, замѣтилъ, что онъ очень озабоченъ и погруженъ въ глубокое раздумье. При этомъ случаѣ императоръ сказалъ графу, что долженъ отложить многіе планы, потому что некогда ими заняться и поручилъ передать графу Людовику Платеру, что онъ необходимъ ему при главной квартирѣ для редактированія французско-польской газеты, цѣль которой должна была состоять въ опроверженіи ложныхъ слуховъ, распространявшихся агентами Наполеона для возмущенія Литовцевъ. Во время этаго разговора императоръ получилъ донесеніе изъ форпостовъ, повидимому озаботившее его, и въ тоже время, глядя черезъ окно на проливной дождь съ сильнымъ градомъ и бурею, обратился къ графу съ словами: „бѣдные мои солдаты, каково имъ теперь на походѣ!". Въ три часа по полуночи того же дня, императоръ оставилъ Вильну, разрѣшивъ графу Огинскому отправиться на нѣкоторое время въ его бѣлорусскія помѣстья, съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути оттуда въ Петербургъ онъ заѣхалъ въ главную квартиру въ Дриссу.

Между тѣмъ, при быстромъ ходѣ военныхъ событій, новая бесѣда съ графомъ Огинскимъ состоялась не скоро, и только 10-го октября 1812 года, когда Наполеонъ уже занялъ Москву, былъ онъ приглашенъ къ императору. „И такъ", сказалъ ему Александръ, „вы видите, что съ нами желаютъ начать переговоры..... Лористонъ былъ посыланъ въ лагерь Кутузова, и мнѣ очень непріятно, что онъ имѣлъ свиданіе съ фельдмаршаломъ.....*) Кутузовъ слишкомъ тонокъ для того, чтобы допустить увлечь себя дружественными увѣреніями Наполеона; но я не хочу, чтобы была даже рѣчь о какомъ бы то ни было соглашеніи........ Въ теперешнемъ положеніи не слѣдуетъ и думать объ этомъ, пока непріятель не выступитъ изъ предѣловъ Россіи........ Надѣюсь, что при помощи Провидѣнія намъ удастся принудить его къ отступленію, и если исполнятся мои планы, то не легко будетъ Наполеону возвратиться во Францію; во всякомъ случаѣ это будетъ стоить ему большихъ жертвъ....... Мой планъ твердо начертанъ........ Кутузовъ будетъ дѣйствовать, смотря по движеніямъ непріятеля; Витгенштейну и Штенгелю предписано мною перейти въ наступленіе; Чичаговъ, съ возвращающеюся изъ Турціи арміею, теперь уже въ волынской губерніи и принялъ главное начальство надъ войсками, предназначенными противъ Шварценберга; принудивъ сего послѣдняго къ отступленію, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, онъ оставитъ противъ него наблюдательный корпусъ, а самъ, по крайней мѣрѣ съ 80.000, направится къ Минску, куда, по моему разсчету, долженъ прибыть черезъ три недѣли...... Надѣюсь, если Богъ поможетъ, что намъ удастся очистить отъ непріятеля не

*) Слова, крайне замѣчательныя и въ глазахъ историка дѣлающія великую честь государевой прозорливости. Къ несчастію, вѣковые предразсудки и вся обстановка событій препятствовали Александру Павловичу останавливаться на этой мысли и развивать ее въ примѣненіи къ Полякамъ. *П. Б.*

*) Есть неизданное извѣстіе о томъ что Наполеонъ въ числѣ условій мира, предлагалъ Александру всю Польшу и конечно разсчитывалъ этимъ подкупить Александра, но Кутузовъ имѣлъ спасительную дерзость опустить это обстоятельство въ своемъ донесеніи государю. *П. Б.*

только мои русскія области, но и Бѣлоруссію и Литву.......... Поэтому, я пригласилъ васъ, чтобы сообщить вамъ о намѣреніи моемъ обратиться съ воззваніемъ къ польскимъ подданнымъ имперіи........ Я не хочу, чтобы страхъ и смущеніе знаменовали возвращеніе моихъ войскъ въ Литву........ Знаю, что тамъ не вездѣ вели себя какъ слѣдовало; но большинство вашихъ соотечественниковъ не утратило правъ на мое покровительство и довѣріе, и потому я желаю, чтобы они удостовѣрились въ этомъ изъ моего воззванія....... Не допущу преслѣдованій и, по прежнему, имѣю въ виду планы, о которыхъ говорили мы съ вами передъ началомъ войны."

На вопросъ графа Огинскаго о духѣ предполагаемаго воззванія и основахъ его изложенія, императоръ отвѣчалъ положительно: „Въ настоящую минуту я не имѣю никакого другаго плана кромѣ только успокоенія Поляковъ и удостовѣренія ихъ, что въ областяхъ, куда вскорѣ возвращаются мои арміи, не будетъ произведено никакихъ возмездій", и потомъ прибавилъ: „Цѣль этаго воззванія должна состоять не только въ томъ, чтобы изъявить Полякамъ мое благоволеніе, но съ тѣмъ вмѣстѣ должно оно служить и инструкціею моимъ генераламъ въ образѣ ихъ дѣйствій."

На это графъ Огинскій замѣтилъ, что если дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы выразить снисхожденіе къ отступившимъ отъ своего долга Полякамъ, то для этого вполнѣ достаточно снабдить соотвѣтственными инструкціями начальниковъ военныхъ частей; если же императоръ имѣетъ въ виду произвести одушевленіе въ польскихъ жителяхъ занятыхъ непріятелемъ областей, съ тѣмъ, чтобы оно проникло и въ герцогство варшавское, — то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ высказать въ воззваніи надежду на возстановленіе Польши, на сколько окажется это возможнымъ по успѣхамъ войны.

„Да", сказалъ императоръ, „это само собою разумѣется....... Вамъ извѣстно мое постоянное настроеніе относительно вашихъ соотечественниковъ........ Судя по упорству, съ какимъ Поляки дѣйствовали въ эту войну противъ моихъ войскъ, не всѣ они заплатили мнѣ добромъ; но я ограничиваюсь обвиненіемъ лишь тѣхъ, которые поддались ложнымъ, никогда не исполняемымъ, обѣщаніямъ Наполеона........ Не измѣняю моего рѣшенія и сдержу мое слово, коль скоро наступитъ для того время...... Вы понимаете, что мнѣ не возможно думать о планѣ устройства Польши, пока не окончится дѣло изгнанія и уничтоженія непріятеля, все еще весьма сильнаго, не смотря на его ошибки и потери....... Тѣмъ не менѣе прошу васъ сочинить заблаговременно воззваніе къ Полякамъ, и такъ какъ оно опубликуется не прежде того, какъ дѣла наши пріймутъ благопріятное направленіе, то уполномочиваю васъ объявлять, что я рѣшился возстановить Польшу, но при этомъ разсчитываю на довѣріе Поляковъ."

Вскорѣ послѣ этого, графъ Огинскій написалъ, уже изъ Петербурга къ императору слѣдующее письмо отъ 7/19 октября 1812 года, при которомъ представилъ проектированные имъ: рескриптъ на имя фельдмаршала Кутузова и воззваніе къ Полякамъ.

„Государь! я нисколько не сомнѣвался, что стойкость и необъятныя средства Россіи ниспровергнутъ всѣ усилія Наполеона; но никогда не могъ допустить той съ его стороны неосторожности, благодаря которой ваше величество пріобрѣли столь сильный перевѣсъ надъ нимъ. И однакожъ было бы еще несвоевременно торжествовать, по одному этому, полную побѣду. Правда, что въ такомъ положеніи какъ теперь Наполеонъ—постоянно обезпокоиваемый русскими партизанами, угрожаемый на пути отступленія Чичаговымъ и Витгенштейномъ, окруженный корпусами Винценгероде, Толстаго и главною арміею, — каждый другой былъ бы уже на краю пропасти. Но онъ можетъ еще выйти побѣдителемъ изъ опасности, и не думаю, чтобы, даже выступивъ изъ Москвы, онъ отказался отъ своихъ замысловъ и перестать быть страшнымъ врагомъ."

„Онъ напряжетъ всѣ силы и средства, пробьетъ себѣ путь, не смотря на всѣ противупоставляемыя ему преграды, и если не сможетъ разбить русскія арміи, то все же надѣлаетъ еще много вреда,—хотя бы лишь тѣмъ, что продлитъ войну и опустошитъ всѣ области на пути своего слѣдованія."

„Если Наполеонъ успѣетъ прорвать или обойти главную армію, тогда онъ бросится въ южныя области и займетъ обезпечивающія его во всѣхъ отношеніяхъ зимнія квартиры въ Украйнѣ, Волыни и Подоліи. Не удастся это, онъ выждетъ корпусъ Виктора и пробьется въ Литву, гдѣ можетъ соединиться съ корпусами Гувіонъ-Сенъ-Сира, Макдональда и князя Шварценберга, или, по крайней мѣрѣ, приблизится къ нимъ. И въ какомъ бы ни былъ онъ трудномъ положеніи, окруженный со всѣхъ сторонъ русскими войсками, постоянно обезпокоиваемый на походѣ, затрудняемый въ средствахъ продовольствія, задерживаемый снѣгами и болотами,—все же, имѣя еще двухсотъ тысячную массу войскъ, можетъ утвердиться въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ образуетъ на всѣхъ пунктахъ партизанскіе отряды, не менѣе страшные какъ и русскіе, и тѣмъ вѣроподобнѣе, что Поляки, какъ это оказалось, напримѣръ, во время барской конфедераціи и возстанія 1794 года, всегда дѣйствовали съ успѣхомъ въ этого рода малой войнѣ."

„Въ томъ и въ другомъ случаѣ, то есть пробьется ли Наполеонъ въ южныя области, или пойдетъ по тому же пути, которымъ вошелъ въ Россію, — почему не устроить ему препятствій, вооруживъ противъ него преданныхъ имъ на жертву Поляковъ, побудивъ ихъ отказать ему въ службѣ и какомъ бы то ни было пособіи, хотя даже только во время занятія ихъ страны?...... Почему не предоставить нѣкотораго утѣшенія этому храброму народу, полагающему все свое упованіе на ваше величество? Почему не поддержать питаемыхъ имъ надеждъ?"

„Въ настоящее время уже нѣтъ поводовъ колебаться, или опасаться чего либо. Сначала исходъ этой войны, столь же кровопролитной, какъ и единственной въ своемъ родѣ, зависѣлъ съ одной стороны отъ успѣха Наполеона въ пріобрѣтеніи приверженцевъ, а съ другой отъ степени сопротивленія ему Россіи,—слѣдствіемъ чего могло быть или уничтоженіе Россіи или низпроверженіе могущества Наполеонова. Теперь же исходъ войны не представляетъ сомнѣній, и вашему величеству остается только извлечь изъ нея пользу, установить на прочныхъ основаніяхъ политическую систему Европы и оградить на будущее время границу Россіи, сдѣлавъ Польшу ея оплотомъ."

„Воззваніе о провозглашеніи вашего величества польскимъ королемъ было бы, безъ сомнѣнія, дѣйствительнѣе обѣщаній. Но если вы находите это еще преждевременнымъ, въ такомъ случаѣ даже опубликованіе въ печати рескрипта на имя фельдмаршала Кутузова произведетъ магическое вліяніе и по ту сторону Вислы."

„Съ какимъ одушевленіемъ сражались бы тогда служащіе въ войскахъ вашего величества Поляки за монарха, дарующаго имъ снова отчизну! Съ какимъ усердіемъ стекались бы отвсюду подъ знамена ваши тысячи ихъ соотечественниковъ! Съ какимъ восторгомъ было бы принято это извѣстіе въ тѣхъ бывшихъ польскихъ областяхъ, куда еще не проникалъ непріятель! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали бы возвращенія вашихъ армій въ Литву и появленія ихъ въ герцогствѣ варшавскомъ! Всѣ, отвратясь отъ соблазнявшаго ихъ ложными надеждами, поверглись бы къ стопамъ благодѣтеля и обновителя Польши, и если польскіе солдаты не покинули бы рядовъ арміи Наполеона, такъ какъ они не способны запятнать себя измѣною, то, по крайней мѣрѣ, не воодушевлялись бы прежнею энергіею и при первомъ благопріятномъ случаѣ, оставивъ службу, возвратились бы на родину."

„Ваше величество, быть можетъ, сочтете преждевременною мѣру мною предлагаемую,—особенно же прочитавъ начало рескрипта къ

князю Кутузову, въ которомъ упоминаю о разбитомъ, отступающемъ на всѣхъ пунктахъ непріятелѣ. Но, государь, я писалъ на основаніи послѣднихъ свѣдѣній, полученныхъ вами изъ главной квартиры, судя по которымъ исходъ этомъ несомнѣненъ.“

„Но даже и допустивъ преждевременность рескрипта на имя князя Кутузова, нельзя не признать, что настала пора предложить его вашему величеству, такъ какъ, быть можетъ, вы признаете нужнымъ сдѣлать въ немъ какія либо измѣненія и, сверхъ того, потребуется извѣстное время на исправленіе его, переводъ на русскій языкъ и напечатаніе. Я увѣренъ, при этомъ, что къ тому времени Наполеонъ не только отдалится отъ Москвы, но даже, постоянно тѣснимый и преслѣдуемый войсками вашего величества, будетъ находиться на полномъ отступленіи.“

„Однимъ изъ главныхъ основаній, побудившихъ меня не медлить представленіемъ этого рескрипта вашему величеству, служитъ то обстоятельство, что Витгенштейнъ уже перешелъ Двину, а Чичаговъ долженъ находиться въ Минскѣ; слѣдовательно въ высшей степени важно, чтобы эти генералы, вынуждая непріятеля къ отступленію, обратились къ Полякамъ съ масличною вѣтвію; иначе эти послѣдніе, если только не будутъ успокоены обнародованнымъ отъ имени вашего величества воззваніемъ, могутъ въ отчаяніи начать въ своей странѣ національную войну, или же покинуть свою родину.“

„Государь! Публика въ Петербургѣ таже что и въ другихъ столицахъ; она впадаетъ въ уныніе при малѣйшей неудачѣ и, на оборотъ, горделиво вздымается при незначительномъ успѣхѣ; въ потерѣ одного города она видитъ паденіе государства и, такъ же легко, по одной удачной стычкѣ, считаетъ пораженіе непріятеля несомнѣннымъ. Поэтому я и не разсчитываю на публику: она не въ состояніи оцѣнить важность плана, котораго не понимаетъ. Но, по зрѣломъ и безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ выгодъ и неудобствъ возстановленія Польши, я нисколько не опасаюсь оцѣнки этого обстоятельства каждымъ просвѣщеннымъ министромъ, каждымъ даровитымъ и прозорливымъ мыслящимъ человѣкомъ...... Всѣ отзовутся утвердительно на вопросъ: должна или не должна быть возстановлена Польша на предлагаемыхъ мною основаніяхъ.“

„Привожу, наконецъ, еще нѣкоторыя соображенія, почерпнутыя изъ современнаго положенія дѣлъ и вполнѣ подтверждающія все сказанное въ моихъ прежнихъ запискахъ.“

1. „Союзники Россіи отнесутся одобрительно къ энергической мѣрѣ вашего величества: провозглашенію себя польскимъ королемъ. Они увидятъ въ этомъ залогъ сильныхъ средствъ къ продолженію войны съ общественнымъ врагомъ, удвоятъ свое усердіе и употребятъ всѣ усилія, чтобы поддержать желанія вашего величества и содѣйствовать успѣхамъ вашего оружія.“

2. „Англія, руководясь тѣми же соображеніями и, сверхъ того, видами торгово-спекулятивными, поспѣшитъ воспользоваться особенными выгодами отъ возстановленія Польши, при чемъ интересы Россіи не потерпятъ никакого ущерба, такъ какъ путемъ соревнованія откроются новыя отрасли торговли“.

3. „Вся Европа вообще, изнемогающая подъ скипетромъ завоевателя и опасающаяся подпасть изъ подъ французскаго ига во власть торжествующей Россіи, отнеслась бы благопріятно къ дѣлу возстановленія Польши, потому что видѣла бы въ немъ преграду между Россіею и остальнымъ континентомъ,—между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ преграда эта придавала бы Россіи превозмогающій перевѣсъ и обезпечивала бы ее отъ непріятельскаго нападенія“.

4. „Только австрійскій домъ могъ бы опасаться чрезмѣрнаго усиленія военнаго могущества Россіи вслѣдствіе присоединенія къ ней всей Польши. Но развѣ нельзя и не слѣдуетъ сблизиться съ этою державою, которая, рано или поздно, должна же наконецъ понять

свое критическое положеніе? И развѣ не оказалось бы возможнымъ потребовать отъ нея, при предстоящихъ въ теперешнюю войну переговорахъ, возврата Галиціи за соотвѣтственное вознагражденіе?"

5. „Каждый Русскій, если только онъ истинный патріотъ, понимаетъ дѣйствительные интересы своей страны и смотритъ на дѣло смѣло и безъ предразсудковъ,—долженъ видѣть въ возстановленіи Польши могущественнѣйшее средство къ достославному окончанію войны и предупрежденію ея въ будущемъ. Всѣ русскіе землевладѣльцы, лишившіеся недавно значительныхъ имѣній въ бывшихъ польскихъ областяхъ, будутъ лично заинтересованы въ этомъ и, наконецъ, даже люди, мало разсуждающіе, встревоженные умышленно передаваемыми имъ слухами будто ваше величество готовы пріобрѣсть миръ даже цѣною части бывшихъ польскихъ областей,—разубѣдятся въ своихъ опасеніяхъ, потому что увидятъ, что вы, государь, не только ничѣмъ не жертвуете для окончанія войны, а напротивъ выполненіемъ достославнаго плана расширяете предѣлы вашей имперіи и навсегда обезпечиваете спокойствіе и безопасность вашихъ подданныхъ."

6. „Не считаю нужнымъ повторять, какъ воодушевитъ Поляковъ увѣренность въ возстановленіи Польши.—Но развѣ вы не полагаете, государь, что этотъ смѣлый шагъ будетъ равносиленъ блистательной побѣдѣ, рѣшающей участь войны, въ результатѣ которой Наполеонъ утратитъ все довѣріе Поляковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ выкажется все ничтожество утвердившейся въ Европѣ вѣры въ его геніальность и непобѣдимость?"

„Важность обсуждаемаго мною предмета, безъ сомнѣнія, оправдаетъ многорѣчивость моей записки, въ заключеніе которой скажу лишь то, что руководящія моимъ перомъ чувства извѣстны вашему величеству и навсегда останутся неизмѣнными."

Проектъ рескрипта его величества императора на имя фельдмаршала князя Кутузова.

„Господинъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ!

„Божественное Провидѣніе, благословивъ наше оружіе, смирило высокомѣрнаго врага. Повсюду разбиваемый, онъ вынужденъ начать отступленіе, и храбрый русскій воинъ явилъ предъ лицомъ всего свѣта непобѣдимость арміи, сражающейся за свою вѣру, царя и отечество".

„Недостаточно, однако, изгнать Наполеона изъ нашихъ предѣловъ. Необходимо положить предѣлъ его ненасытному честолюбію, лишивъ его и въ будущемъ всякой возможности нарушать наше спокойствіе,—подать руку помощи насильственно подчиненнымъ его волѣ монархамъ, освободить народы имъ утѣсненные, разсѣять обаятельный призракъ его непобѣдимости, дабы прозрѣли слабые, введенные въ заблужденіе его счастьемъ; наконецъ, возстановить торговлю, возвратить спокойствіе и независимость материку Европы, дать вздохнуть свободно всему свѣту и, какъ справедливое возмездіе за всѣ эти усилія, предоставить имперіи нашей непоколебимый оплотъ противъ непріязненныхъ покушеній извнѣ".

„Таковы должны быть послѣдствія этой знаменательной войны, которой, щадя кровь моихъ подданныхъ, не желалъ я начинать; нынѣ же могу окончить ее не иначе какъ достойнымъ образомъ для народа, всѣмъ жертвовавшаго за честь и неприкосновенность своей страны".

„Съ полнымъ довѣріемъ поставивъ васъ во главѣ моихъ армій, долженствующихъ рѣшить судьбу Россіи и участь Европы, охотно предоставляю вамъ нынѣ случай присоединить къ снисканнымъ уже военнымъ лаврамъ доблесть гражданскую.

„Побѣдоносныя войска наши вступятъ вскорѣ въ присоединенныя къ Россіи бывшія польскія области, которыя занялъ непріятель въ

самомъ началѣ войны. Обратите, при возвращеніи туда, вниманіе на многоразличныя страданія, жертвою которыхъ содѣлались эти области. Да будутъ войска наши грозою для (ордъ пришельцовъ) пришлыхъ скопищъ, вторгающихся съ огнемъ и мечемъ и оставляющихъ за собою вопли и опустошенія; но да изыщетъ мудрая и прозорливая заботливость ваша способы изгладить слѣды этихъ бѣдствій и водворить на ихъ мѣстѣ безопасность, надежду и утѣшеніе".

„Да видятъ войска наши въ жителяхъ этихъ областей лишь несчастныхъ братьевъ своихъ, а начальники войскъ да соревнуютъ другъ предъ другомъ въ стараніяхъ осушить ихъ слезы и оградить ихъ отъ новыхъ бѣдствій. Да объемлетъ покровительство ихъ всѣ классы населенія, и да не будутъ имѣть тамъ мѣста ни страхъ, ни преслѣдованія. Да не будутъ преслѣдуемы тѣ, которые, подчиняясь силѣ обстоятельствъ, приняли на себя гражданскія и военныя обязанности; а кто допустилъ увлечь себя обманчивыми обѣщаніями Наполеона, да не будетъ тѣмъ инаго наказанія кромѣ угрызеній совѣсти, которыя пробудитъ въ нихъ снисходительный и великодушный образъ дѣйствій вашихъ".

„Но этого недостаточно. Вамъ, господинъ фельдмаршалъ, и всѣмъ пользующимся моимъ довѣріемъ извѣстно, что я съ давняго времени питаю мысль возстановленія польскаго королевства, дабы снискать этимъ существенное приращеніе силъ моей имперіи, образовать могущественный оборонительный оплотъ противъ всякаго нападенія извнѣ и выполнить желанія домогающагося возстановленія своей отчизны двѣнадцатимилліоннаго населенія, и такимъ образомъ связать оное неразрывными узами съ Россіею".

„Торжественные договоры, всегда мною честно хранимые и никогда ни въ одномъ случаѣ не нарушенные, препятствовали исполненію моихъ желаній; новыя, затѣмъ, трудности возникали изъ событій послѣдней войны, въ развитіи которыхъ часть Польши подпала подъ непосредственное вліяніе Наполеона. Съ той поры не могъ уже я думать о существованіи Польши противной интересамъ Россіи. Устранивъ отъ себя эту мысль, я, однако, имѣлъ въ виду столько же пользу Польши, какъ и Россіи. Наполеонъ никогда не возстановилъ бы въ Польшѣ ея прежняго быта и законодательства. И какимъ образомъ могъ бы онъ рѣшиться на это, никогда не помышляя ни о возстановленіи прежняго положенія дѣлъ въ Европѣ, ни о возвращеніи имъ же похищенныхъ правъ свободы и самостоятельности Италіи, Германіи, Швейцаріи и Голландіи? Но еслибы, устранивъ всѣ препятствія, и пожелалъ я въ то время возстановить Польшу, съ тѣмъ, чтобы присоединить ее въ полномъ объемѣ къ Россіи, то могъ ли я приступить къ этому, не вызывая войны и неразлучныхъ съ нею бѣдствій?..... Я, всегда предпочитавшій счастіе и спокойствіе имперіи всѣмъ прелестямъ славы и завоеваній, которыя пришлось бы искупать кровью моихъ подданныхъ!"

„Нынѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Наполеонъ, попирая святость договоровъ, вторгнулся, безъ предварительнаго объявленія войны, съ огнемъ и мечемъ внутрь Россіи. Всякому снисхожденію бываютъ предѣлы. Вынужденный противъ воли моей къ войнѣ, я буду вести ее, и однимъ изъ величайшихъ послѣдствій ея будетъ осуществленіе столь же полезной для имперіи, какъ и дорогой сердцу моему мысли: Польша будетъ существовать. Побѣдоносныя войска наши упрочатъ ея судьбы, долженствующія быть нераздѣльными съ судьбами Россіи".

„Вступивъ въ эту страну, возвѣстите до береговъ Вислы мое уваженіе и благоволеніе къ польской націи. Скажите Полякамъ, что я всегда умѣлъ цѣнить ихъ храбрость и любовь къ отчизнѣ и монархамъ. Скажите имъ что я рѣшился возстановить польское королевство и провозгласить себя польскимъ королемъ, какъ только войска мои довершатъ изгнаніе непріятеля. Скажите имъ, что, будучи во мнѣ и въ моемъ наслѣдникѣ соединены съ Россіею,

они сохранятъ вѣру своихъ отцовъ и особенное управленіе, съ національными законами на основаніи столь дорогой для нихъ конституціи 3-го мая 1791 года. Скажите имъ, наконецъ, что доблестное мужество, постоянно воодушевлявшее ихъ стремленіемъ къ возстановленію отчизны, внушаетъ мнѣ лишь уваженіе къ нимъ и что, будучи весьма далекъ отъ мысли порицать или преслѣдовать ихъ за прошедшее, обращусь съ преимущественнымъ довѣріемъ къ тѣмъ, которые, руководясь чистѣйшимъ чувствомъ сознанія національности, заявили себя вѣрностью и преданностью отчизнѣ".

„Сосредоточеніе подъ однимъ національнымъ знаменемъ двѣнадцатимилліоннаго населенія, вздыхающаго о возстановленіи своей отчизны, возвращеніе ему утраченнаго шестнадцать лѣтъ тому назадъ политическаго существованія, соединеніе польскаго королевства съ россійскою имперію, упроченіе, неразрывными узами братства и взаимнаго самохраненія, тѣсной связи между двумя родственными народами: таковы должны быть достославныя послѣдствія вашихъ побѣдъ въ пользу страны, существованіе которой столь же необходимо для нашей славы, какъ и для пользы имперіи".

„Особенною инструкціею укажу я вамъ основы къ учрежденію въ этихъ областяхъ временнаго правленія".

Проектъ воззванія императора Александра I-го къ польскому народу.

„Поляки!"

„Неимовѣрно быстро совершившіяся въ послѣднія двадцать лѣтъ чрезвычайныя событія, низпровергнувъ всю прежнюю политическую систему въ Европѣ, нанесли послѣдній ударъ и существованію вашего отечества. Двѣ трети Польши подпали подъ владычество Россіи".

„Со времени моего вступленія на престолъ, стремясь единственно къ утвержденію мира извнѣ и обезпеченію счастья ввѣренныхъ мнѣ Провидѣніемъ народовъ, всегда считалъ я особенною обязанностью моею изыскивать средства къ вознагражденію жителей бывшихъ польскихъ областей за испытанныя ими потери и обрушившіяся чрезъ то многообразныя на нихъ несчастія. Поляки! Не всегда успѣхи соотвѣтствовали моимъ ожиданіямъ; полагаю, однако, что все предпринятое мною въ принадлежащей имперіи части Польши къ охраненію вашихъ законовъ, языка и привилегій, равно какъ и мѣры мои къ развитію учрежденій по части народнаго образованія, — снискали мнѣ право на вашу преданность и признательность".

„Оцѣняя вполнѣ ваши гражданскія добродѣтели, духъ національности и благородный, возвышенный образъ мыслей, я пришелъ къ заключенію, что единственнымъ средствомъ къ воодушевленію и объединенію вашего народа можетъ быть только надежда на возстановленіе Польши. Много размышлялъ я объ этомъ; но заключенные со времени послѣдняго раздѣла Польши договоры, политическіе интересы и самыя, даже, государственныя соображенія препятствовали моимъ намѣреніямъ. Когда же часть Польши подпала подъ непосредственное вліяніе Наполеона, то я уже не могъ думать объ этомъ возстановленіи, ибо не могъ допустить, чтобы существовала Польша противная интересамъ Россіи".

„Устранивъ отъ себя эту мысль, я имѣлъ, однако, въ виду столько же пользу Польши, какъ и Россіи. Наполеонъ никогда не возстановилъ бы Польшѣ ея прежняго быта и законодательства. И какимъ образомъ могъ бы онъ рѣшиться на это, никогда не помышляя ни о возстановленіи прежняго положенія дѣлъ въ Европѣ, ни о возвращеніи имъ же похищенныхъ правъ свободы и сомостоятельности Италіи, Германіи, Швейцаріи и Голландіи"?

„Но если бы, устранивъ всѣ эти препятствія, и пожелалъ я въ то время возстановить Польшу, съ тѣмъ, чтобы присоединить ее въ полномъ объемѣ къ Россіи, то могъ ли я приступить къ этому не вызывая войны и неразлучныхъ съ нею бѣдствій!....... Я, всегда пред-

почитавшій счастіе и спокойствіе имперіи всѣмъ прелестямъ славы и завоеваній, которыя пришлось бы искупать кровью моихъ подданныхъ!"

„Нынѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Наполеонъ, во главѣ страшной, состоящей изъ войскъ разныхъ порабощенныхъ имъ народовъ арміи, вторгнулся внутрь россійской имперіи. Онъ пришелъ нарушить ея спокойствіе, ея внутреннее счастіе; онъ хотѣлъ лишить ее богатствъ ея, могущества, торговли и даже независимости".

„Жадный къ завоеваніямъ, ненасытный въ присвоеніи чужихъ земель, рѣшился онъ начать войну безъ предварительнаго объявленія ея!—Эта война священна для Русскихъ, потому что они отражаютъ пришельца, защищаютъ свою родную землю. Она въ высшей степени важна и для всей Европы, потому что отъ ея исхода будутъ зависѣть свобода или рабство всѣхъ народовъ европейскаго материка".

„Поляки! Какъ горестно и прискорбно видѣть знамена ваши среди этихъ преданныхъ Наполеону ордъ! Вы, вопреки своей воли, сражались въ Испаніи противъ свободы неправедно затронутаго народа. Вы и теперь сражаетесь за человѣка, основывающаго свою власть и могущество на раззореніи всего святаго и неприкосновеннаго! Но я понимаю, что руководитъ вами. Я понимаю васъ и, не осуждая вашего одушевленія, предоставляю вамъ дѣйствовать путемъ вашихъ справедливыхъ стремленій и умѣю цѣнить васъ".

„Надежда возстановить вашу отчизну воодушевляла васъ, руководила вами, и вы жертвовали для достиженія этой цѣли вашимъ достояніемъ, кровью и жизнью. Эти постоянство и твердость, съ которыми поддерживали вы духъ вашей національности, снискивали вамъ всеобщее уваженіе и навсегда привлекли меня къ вамъ".

„Свершилось! Господь благословилъ наше оружіе, и доблестный народъ русскій явилъ всю силу своего мужества. Возстановленіе Польши должно быть однимъ изъ великихъ послѣдствій этой войны. Интересы имперіи требуютъ этого. Счастье двѣнадцатимилліоннаго населенія зависитъ отъ этого".

„Поляки! Какъ глава народа, подобно вамъ происходящаго отъ храбрыхъ Славянъ и поклявшагося вести до послѣдней капли крови войну за неприкосновенность своей страны, за свою славу и независимость; какъ вождь арміи, ознаменовавшей себя храбростью, рѣшимостью и геройскимъ самопожертвованіемъ; какъ союзникъ, по интересамъ и по дружественнымъ связямъ, Великобританіи, Швеціи, Испаніи, Португаліи и Турціи; какъ монархъ, проникнутый желаніемъ упрочить вашу судьбу и образовать изъ Польши надежный оплотъ Россіи,—объявляю предъ лицомъ неба и земли: что я возобновляю и возстановляю польское королевство въ объемѣ всѣхъ польскихъ воеводствъ и округовъ, пріобрѣтенныхъ Россіею на основаніи раздѣловъ 1773, 1793 и 1796 годовъ, со включеніемъ округовъ бѣлостокскаго и тарнопольскаго; что я, взывая къ помощи Божіей, возлагаю на главу мою корону Польши, отдѣльную по праву верховнаго господства, но въ лицѣ моемъ соединенную съ россійскою имперіею; что я принимаю ее за себя и за моихъ преемниковъ; что, наконецъ, принимаю конституцію 3 мая основнымъ закономъ польской націи по отношенію къ организаціи, образу правленія и законодательству, и на основаніи ея буду царствовать, управлять вами и содѣйствовать упроченію вашего счастія".

„До заключенія мира или, по крайней мѣрѣ, до окончательнаго изгнанія непріятеля изъ территоріи польскаго королевства, будетъ учреждено изъ Поляковъ временное правительство. Всеобщая амнистія будетъ объявлена для всѣхъ тѣхъ, которые, во время пребыванія французскихъ войскъ въ Польшѣ, были принуждены возстать или дѣйствовать противъ Русскихъ. Всѣ тѣ, которые предались Наполеону, руководясь лишь чистою, безкорыстною любовью къ отечеству, а не по лич-

нымъ видамъ или честолюбію, — не только воспользуются всеобщею амнистіею, но даже пріобрѣтутъ право на мое особенное благоволеніе и покровительство. Убытки и ущербъ, причиненные жителямъ при слѣдованіи и размѣщеніи моихъ войскъ во время войны, признаются священнымъ національнымъ долгомъ и, по мѣрѣ убѣжденія въ ихъ дѣйствительности, будутъ съ полнѣйшею добросовѣстностью возмѣщены". *)

„Въ заключеніе, объявляю, что, поднявъ оружіе противъ воли моей, собственно для защиты моихъ владѣній, я не положу его, доколѣ непріятель не будетъ изгнанъ изъ нашихъ предѣловъ и не заключитъ достославнаго для меня и моихъ войскъ мира, который бы предоставилъ Россіи независимость ея правительства и свободу ея торговли; мнѣ же и вамъ, Полякамъ, признаніе польскаго королевства съ національнымъ и конституціоннымъ правленіемъ".

1-го ноября графъ Огинскій былъ приглашенъ къ обѣденному столу императора, и вотъ что̀ услышалъ отъ него въ отвѣтъ на новыя предложенія по дѣлу Польши.

„Съ величайшимъ вниманіемъ и участіемъ", сказалъ императоръ, „читалъ я присланное мнѣ вами письмо съ приложенными къ нему проектами рескрипта на имя фельдмаршала князя Кутузова и воззванія къ Полякамъ. Ваши замѣчанія вполнѣ вѣрны...... Я согласенъ съ вами, что отнынѣ успѣхи нашего оружія заставятъ непріятеля оставить наши предѣлы. Наполеонъ дѣлалъ ошибки, и мы воспользуемся ими. Прежде всего Провидѣніе, а затѣмъ суровость климата, храбрость моихъ войскъ, любовь къ отечеству и дѣятельныя усилія народа предоставятъ намъ торжество..... Согласенъ съ вами также и въ томъ, что мнѣніе петербургской публики не можетъ служить мѣриломъ нашихъ успѣховъ или неудачъ непріятеля. Я не раздѣляю заблужденія тѣхъ, которые полагаютъ, что если Наполеонъ отступилъ отъ Москвы, то намъ уже нечего опасаться. Нельзя отвергать огромныхъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, а равно и превосходныхъ дарованій его генераловъ и испытанной въ побѣдоносныхъ бояхъ неустрашимости его солдатъ. Провидѣніе ниспослало намъ помощь....... Но и съ нашей стороны сдѣлано много ошибокъ...... Вы знаете лучше нежели кто либо другой мои доброжелательные виды для Поляковъ. Ваши соотечественники много потерпѣли въ этой войнѣ. Я желалъ бы предоставить имъ возможность забыть многообразныя несчастія, испытываемыя ими въ продолженіи столь долгаго времени, и это всегда было предметомъ моего живѣйшаго участія. Я не оставилъ мысли о возстановленіи Польши. Я поручилъ вамъ написать воззваніе къ Полякамъ........ Но не находите ли и вы неудобнымъ обнародовать уже теперь это воззваніе, или дать почти равносильный ему рескриптъ на имя фельдмаршала Кутузова, и если бы рескриптъ былъ провозглашенъ по моему повелѣнію въ печати и появился бы въ газетахъ съ польскимъ переводомъ, то никто не сомнѣвался бы въ его подлинности и въ моей твердо и открыто высказываемой волѣ въ этомъ отношеніи? Не думаете ли вы, что минута для такого шага еще не настала, и что излишнею поспѣшностью въ этомъ дѣлѣ мы можемъ затруднить достиженіе предпринятой цѣли? Если бы я провозгласилъ себя польскимъ королемъ теперь, когда Наполеонъ съ своими арміями находится еще въ окрестностяхъ Калуги, то это могло бы показаться хвастовствомъ, которое мнѣ не приличествуетъ; Поляки же могли бы думать, что я вынужденъ къ тому обстоятельствами, что я опасаюсь ихъ и щажу ихъ собственно изъ политическихъ соображеній, тогда какъ это вовсе не соотвѣтствуетъ моему образу мыслей. Съ другой стороны, если, какъ полагаю, есть Поляки мнѣ преданные, охотнѣе желающіе видѣть на своемъ престолѣ меня, нежели кого либо другаго, то легко можетъ быть, что они обнаружили бы такое

---

*) А убытки русскаго вѣрноподданнаго, разореннаго непріятелемъ населенія остались бы не возмѣщенными?.. *Примѣчаніе автора.*

свое настроеніе, и въ такомъ случаѣ дѣло не обошлось бы безъ несчастныхъ жертвъ преслѣдованія со стороны Наполеона при его отступленіи. Высказывая все это, я не говорю, что измѣнилъ мои намѣренія или оставилъ мысль о возстановленіи Польши, но спрашиваю васъ, не находите ли вы мои возраженія основательными?"

„Послѣ всего что случилось, не можетъ быть и рѣчи о примиреніи или соглашеніи между мною и Наполеономъ...... Война эта не можетъ такъ скоро окончиться....... Одинъ изъ насъ долженъ пасть, я или онъ...... Какъ только увижу я его на краю гибели и внѣ возможности вредить Полякамъ, я возстановлю Польшу....... Я сдѣлаю это, потому что это согласуется съ моими убѣжденіями, съ моимъ внутреннимъ настроеніемъ и даже съ интересами моей имперіи....... Знаю, что при исполненіи моего плана встрѣчу много препятствій и затрудненій, но, если только буду живъ, осуществлю его."

$^{7}/_{19}$ Декабря императоръ отправился къ арміи въ Вильну, и вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда, пригласивъ къ себѣ графа Огинскаго, сказалъ ему: „Надѣюсь, что вы довольны моимъ актомъ амнистіи...... Я оставляю Петербургъ, но мы скоро увидимся съ вами...... Богъ благословилъ наше оружіе...... Я снова отправляюсь къ вамъ. Вы понимаете, что въ настоящую минуту я могу думать лишь о томъ, чтобы воспользоваться нашими успѣхами. Какъ скоро войска наши вступятъ въ герцогство варшавское, и намъ нечего будетъ опасаться возвращенія Наполеона, я исполню мое обѣщаніе и обсужу средства къ возстановленію Польши. Вамъ извѣстны мои намѣренія въ этомъ отношеніи..... Надѣюсь призвать васъ въ скоромъ времени...... Между тѣмъ—терпѣніе и довѣріе."

Все, казалось, льстило осуществленію завѣтныхъ желаній Поляковъ. Два года непрерывныхъ сношеній графа Огинскаго съ императоромъ Александромъ, отличавшихся, съ одной стороны систематическою настойчивостью, а съ другой въ высшей степени снисходительнымъ сочувствіемъ и, какъ можно бы полагать, готовностью исполнить просимое; наконецъ, то обстоятельство, что дворянамъ западныхъ губерній были извѣстны всѣ подробности сношеній и переговоровъ графа Огинскаго съ императоромъ, что вполнѣ подтверждаетъ и самъ графъ въ своихъ Запискахъ;—все это вдохновляло Поляковъ несомнѣнною надеждою. Но между тѣмъ прошелъ безвѣстно цѣлый годъ со времени отбытія императора изъ столицы. Уже войска наши, переступивъ предѣлы имперіи и герцогства варшавскаго, углубились съ союзными арміями въ Германію, а о Польшѣ не только не было помину, но прекратилась и возможность поддерживать о ней переговоры; да и самъ Александръ, увлекаемый колоссальнымъ развитіемъ военныхъ событій, не подавалъ никакой вѣсти о дѣлѣ, начатомъ при столь счастливыхъ для Поляковъ предзнаменованіяхъ. Необходимо было дать исходъ напряженному въ высшей степени патріотическому настроенію, и въ Декабрѣ 1813 года виленскій губернскій предводитель дворянства князь Гедройцъ, подъ предлогомъ бѣдственнаго положенія разоренной войною Литвы, обратился къ графу Огинскому съ предложеніемъ отправиться, въ качествѣ депутата отъ Литвы, въ главную квартиру императора. Какъ состоявшій на службѣ сенаторъ, графъ Огинскій не считалъ себя въ правѣ оставить столицу безъ высочайшаго разрѣшенія, и поэтому отправилъ на усмотрѣніе императора полученное отъ губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ предводителей письменное предложеніе. Но на это оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой отвѣчалъ отъ имени императора (отъ 22 февраля 1814 года), „что его величество принимаетъ съ удовольствіемъ выраженіе преданности жителей Литвы, но пригласитъ депутацію только по возвращеніи въ Петербургъ, такъ какъ, будучи теперь постоянно на походѣ и занятый исключительно военными операціями и политическими обстоятельствами Европы, не имѣетъ времени для дѣлъ внутренняго управленія."

Лѣтомъ 1814 года были дѣйствительно собраны въ Петербургъ депутаты губерній кіевской, подольской, волынской, могилевской, витебской минской, виленской, гродненской и даже курляндской, а также бѣлостоцкаго округа и, черезъ нѣсколько дней по возвращеніи императора изъ за границы, приняты имъ въ торжественной аудіенціи. Оберъ-каммергеръ ввелъ ихъ въ залъ и указалъ мѣста въ порядкѣ, соотвѣтствовавшемъ времени присоединенія къ Россіи областей, которыхъ были они представителями. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ императоръ, но съ такимъ суровымъ выраженіемъ, какого никто на немъ не видывалъ. Сдѣлавъ общее привѣтствіе депутатамъ, онъ произнесъ сильнымъ, звучнымъ и суровымъ голосомъ:" Господа! Съ удовольствіемъ вижу собравшихся вокругъ меня депутатовъ губерній, отъ которыхъ отдалилъ меня на нѣкоторое время походъ 1812 года. Я очень доволенъ большею частью вашихъ соотечественниковъ, оставшихся мнѣ вѣрными и преданными, — хотя, къ сожалѣнію, и знаю, что нѣкоторые увлеклись иноземными обольщеніями и ложными надеждами. Но я заплатилъ имъ актомъ амнистіи, которая да послужитъ имъ истолкованіемъ моего образа мыслей. Скажите вашимъ довѣрителямъ, что все прощено и забыто, и чтобы они не сомнѣвались ни въ моемъ искреннемъ участіи къ ихъ судьбѣ, ни въ моемъ желаніи видѣть ихъ счастливыми и довольными". Затѣмъ, императоръ обошелъ всѣхъ депутатовъ. Первыми стояли отъ губерній могилевской, витебской и кіевской, къ которымъ обратился онъ съ нѣсколькими незначительными словами; приблизившись же къ графу Огинскому, сказалъ: „Весьма радъ видѣть васъ еще разъ органомъ вашихъ литовскихъ земляковъ; искренно жалѣю, что не могъ на этотъ разъ возвратиться черезъ Вильну; этотъ городъ оставилъ во мнѣ много хорошихъ воспоминаній........ Скажите жителямъ Вильны, что я никогда не забуду усердія и преданности, выказанныхъ мнѣ ими во время пребыванія среди ихъ въ походъ 1812 года, и всегда охотно буду принимать участіе въ ихъ судьбѣ". Потомъ императоръ обошелъ депутатовъ остальныхъ губерній и, возвратившись снова къ мѣсту гдѣ стоялъ графъ Огинскій, сказалъ: „Господа! Еще немного терпѣнія, и вы будете довольны мною."

Со времени окончанія войны, постоянно, даже на публичныхъ и придворныхъ праздиествахъ, императоръ отличался нѣсколько строгимъ, по истинѣ внушительнымъ выраженіемъ, и говорилъ съ немногими, преимущественно же только съ военными. На балѣ въ Павловскѣ, данномъ въ честь ему вдовствующею императрицею - матерью, танцуя съ женою графа Огинскаго, онъ высказалъ ей обѣщаніе заняться Польшею и сохранить навсегда благосклонность къ Полякамъ; „только", прибавилъ нѣсколько разъ, по своему обыкновенію, „терпѣніе и довѣріе". Впрочемъ, какъ говоритъ въ своихъ Запискахъ графъ Огинскій, подобныя обѣщанія слышали изъ устъ императора Александра не разъ и другія польскія дамы, напримѣръ г-жа Пржездзецкая, пріѣзжавшая въ главную квартиру императора для испрошенія помилованія взятому подъ Лейпцигомъ въ плѣнъ мужу своему; графиня Огинская (племянница графа Михаила) въ Парижѣ, по поводу просьбы ея о снятіи секвестра съ имѣній ея мужа; дѣвица Тизенгаузъ *) и многія другія въ Варшавѣ и Вильнѣ,—и замѣчательно, что всѣ подобныя надежды внушалъ императоръ, со времени возвращенія изъ Парижа, совершенно открыто, не придавая словамъ своимъ никакой таинственности и не требуя сохраненія тайны отъ тѣхъ, кому говорилъ о томъ.

Въ 1815 году, по случаю новыхъ замысловъ Наполеона, отправляясь снова за границу, императоръ приказалъ графу Огинскому прибыть въ Варшаву, сказавъ ему при этомъ: „Я до того занятъ важными дѣлами,

---

*) Вышедшая позднѣе за графа Шуазеля, издавшая свои Записки объ императорѣ Александрѣ и доселѣ не перестающая пользоваться льготами отъ Русскаго правительства.» *П. Б.*

накопившимся въ долговременное отсутствіе мое изъ столицы, что не имѣю свободной минуты...... Позабочусь о Полякахъ........ Только требую отъ васъ терпѣнія и довѣрія."

Въ слѣдъ затѣмъ, на вѣнскомъ конгрессѣ было рѣшено, съ большими, какъ извѣстно, усиліями, не возстановленіе польскаго королевства, а образованіе миніатюрнаго царства польскаго, которое, тѣмъ не менѣе, дворянство западныхъ русскихъ губерній желало считать основою будущаго дѣйствительнаго королевства. Была сдѣлана, чрезъ посредство находившагося при императорѣ на вѣнскомъ конгрессѣ князя Адама Чартарыскаго, попытка снарядить въ Варшаву новую депутацію отъ всѣхъ западныхъ губерній; но на этотъ разъ дозволено прибыть только депутатамъ губерній виленской, гродненской и минской.

8 ноября графъ Огинскій прибылъ въ Варшаву и 12-го былъ принятъ императоромъ. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, Александръ стоялъ, обратившись лицомъ къ окну. На немъ былъ польскій генеральскій мундиръ съ лентою бѣлаго орла, и выраженіе лица его казалось еще болѣе строгимъ, суровымъ и повелительнымъ, нежели во время пріема, въ 1814 году, депутаціи въ Петербургѣ. Подавъ руку графу, онъ сказалъ:

„Очень радъ видѣть васъ здѣсь...... Чего не совершилось съ той поры, какъ я выѣхалъ изъ Петербурга въ 1812 году! Произошли событія, которыхъ нельзя было ожидать и невозможно было предвидѣть...... Особенно же поразительны событія послѣдняго похода по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Этотъ походъ состоялся совершенно неожиданно...... Вся Франція еще разъ вооружилась; но, не смотря на то, гидра подавлена въ продолженіи восьми дней, и я еще разъ вступилъ въ Парижѣ, потерявъ изъ моей арміи не болѣе пятидесяти человѣкъ. Это принадлежитъ къ такимъ чрезвычайнымъ событіямъ, какія въ продолженіи двухъ столѣтій два раза не повторяются. Независимо отъ этого совершились и вещи предвидѣнныя, потому что я желалъ этого и обѣщалъ...... Я держу мое слово и выполняю всѣ мои обязательства, какъ честный человѣкъ, для котораго обѣщаніе столь же свято, какъ и клятва. — Я всегда требовалъ отъ жителей этой страны терпѣнія и довѣрія....... Въ проѣздъ мой черезъ Пулявы я видѣлъ многихъ, которые питаютъ довѣріе ко мнѣ. Они не обманули меня, и я имѣю основаніе быть почти всѣми довольнымъ....... Своимъ довѣріемъ они ободрили меня къ труду для нихъ...... Я все сдѣлалъ что было возможно."

„Адамъ *) скажетъ вамъ, чего мнѣ это стоило и какія долженъ былъ я преодолѣть препятствія...... Я создалъ это царство и создалъ его на весьма прочныхъ основаніяхъ, потому что заставилъ европейскія державы обезпечить договорами его существованіе. Сдѣлаю и остальное, что обѣщалъ...... но требую довѣрія. Имѣю право на него послѣ того что сдѣлано мною, а мои рѣшенія неизмѣнны."

Императоръ говорилъ обыкновенно очень скоро и плавно. Въ этотъ разъ рѣчь его была также безъ перерывовъ и даже сопровождалась оживленными тѣлодвиженіями; но онъ говорилъ болѣе хладнокровно и какъ бы взвѣшивая каждое слово. Когда онъ остановился на минуту, чтобы дать время графу Огинскому отвѣчать, этотъ послѣдній сказалъ: „Государь! Вы не имѣете надобности внушать мнѣ довѣрія, такъ какъ въ немъ никогда не было у меня недостатка. Я имѣлъ счастіе быть при васъ въ продолженіи почти двухъ лѣтъ, имѣлъ возможность изучить васъ, убѣдился въ вашемъ благоволеніи къ моимъ соотечественникамъ и никогда ни на одну минуту не сомнѣвался въ томъ, что были вы намѣрены сдѣлать для нихъ. Жители Литвы раздѣляли мои чувства до той минуты, когда вы оставили насъ; но съ тѣхъ поръ, въ слѣдствіе принятаго способа обращенія съ ними, въ сердца ихъ закралось опасеніе въ исполнимости ихъ надеждъ. Знаете ли вы, государь, что

*) Князь Чарторыскій.

въ Вильнѣ не дозволено даже упоминать о царствѣ польскомъ и даруемомъ ему правленіи. Редакторъ виленскихъ вѣдомостей получилъ строгій выговоръ за то, что напечаталъ одну статью изъ Варшавы. Никто не смѣетъ произнести въ обществѣ названія Польши, и у насъ такъ мало извѣстно объ организаціи царства польскаго, какъ бы мы жили въ тысячѣ миляхъ отъ Варшавы."

„Ничего этого я не зналъ", отвѣчалъ императоръ съ большою живостью, и такой образъ дѣйствій будетъ измѣненъ однимъ почеркомъ пера. Корсаковъ честный человѣкъ и расположенъ къ вашему народу. Я напишу ему и выражу мое удивленіе, какимъ образомъ въ Вильнѣ дѣлаютъ тайною признанное всею Европою существованіе царства польскаго". „Но", продолжалъ императоръ, развѣ вы не депутатъ Литвы?" — „Да", отвѣчалъ графъ: „я избранъ жителями Вильны и хотѣлъ спросить ваше величество, одобряете ли вы этотъ выборъ?"—„Отъ чего же нѣтъ?" возразилъ императоръ, „но только съ тѣмъ, чтобы вы не затрогивали нѣжной струны, которая поставила бы меня въ трудное положеніе; а я напередъ знаю, чего вы желаете....... Не могу допустить, чтобы вы требовали отъ меня соединенія вашихъ областей съ Польшею, такъ какъ вовсе не слѣдуетъ, чтобы люди воображали, что вы этого требуете. Необходима вѣра въ то, что я сдѣлаю это по собственному убѣжденію,—что именно я этого желаю....... Знаю, что вамъ не могутъ нравиться отношенія между жителями вашихъ областей и Россіею...... Каждый разсудительный человѣкъ убѣжденъ въ этомъ.—Никто не можетъ думать, чтобы я желалъ отдѣлить эти области отъ Россіи...... Напротивъ, заботясь о томъ, чтобы мои польскіе поддапные не имѣли причинъ жаловаться, я хочу упрочить связь этихъ областей съ имперіею...... Вы недовольны въ Литвѣ и будете недовольны, пока не сольетесь съ вашими и не воспользуетесь благодѣяніями общаго съ ними правленія; только тогда ваша связь съ Россіею обозначится искреннимъ довѣріемъ и полнымъ согласіемъ между двумя народами.—Мои основанія къ выполненію этого плана еще болѣе подтвердятся, если въ будущемъ найду поводы быть столь же довольнымъ военными и гражданскими сословіями въ царствѣ польскомъ, какъ теперь ими доволенъ..... До сихъ поръ я могу только хвалить ихъ..... Если я удостовѣрюсь, что правленіе это можетъ служить образцомъ, и окажется, что отъ этого не произойдетъ никакого вреда имперіи, то мнѣ будетъ легче выполнить и остальное. — О вашихъ желаніяхъ вамъ стоитъ только обращаться ко мнѣ письменно. Знаю, что ваши области много пострадали, и я уже приказалъ, чтобы въ нихъ было оставлено лишь небольшое число войскъ. Здѣсь русскихъ войскъ вовсе не будетъ; остаются только Поляки въ странѣ...... Еще разъ—довѣріе, и не ставьте меня въ трудное положеніе."

На вопросъ графа, могутъ ли депутаты виленской, гродненской и минской губерній представиться одновременно, императоръ отвѣчалъ: „Да, но только съ тѣмъ, чтобы вы помнили то, что я вамъ сказалъ...... Я назначу день пріема, и вы представите мнѣ ихъ поименно".

22-го ноября, князь Волконскій сообщилъ графу Огинскому, что государь приметъ депутацію 26-го числа, и наканунѣ этого дня графъ представилъ императору рѣчь на французскомъ языкѣ, которою онъ, какъ стоявшій во главѣ депутаціи, долженъ былъ привѣтствовать его величество. 26-го числа, послѣ обѣдни въ придворной церкви, дѣйствительный тайный совѣтникъ сенаторъ Ланской ввелъ депутацію въ тронный залъ, куда въ слѣдъ за тѣмъ вступилъ и императоръ. Онъ выразилъ полное удовольствіе по поводу вѣрноподданническихъ чувствъ депутаціи и заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Скажите вашимъ довѣрителямъ, что ихъ благосостояніе постоянно составляетъ предметъ моихъ ревностнѣйшихъ заботъ. Скажите имъ, что я не забывалъ о нихъ даже среди военныхъ трудовъ, непрестанно обдумывая средства къ улучшенію ихъ судьбы и обезпеченію ихъ счастья и спокойствія." Ког-

да депутаты удалились, императоръ, видимо довольный и улыбаясь, спросилъ оставшагося съ нимъ наединѣ Ланскаго: „И такъ, что думаете вы объ этой депутаціи и произнесенной отъ имени ея рѣчи?“ — „Ваше величество,“ отвѣчалъ Ланской, „безъ сомнѣнія довольны ею, слыша изъ устъ ея новое доказательство преданности вашихъ подданныхъ.“ — „Да“, сказалъ императоръ, „я очень доволенъ высказаннымъ мнѣ настроеніемъ жителей Литвы; но не замѣтили ли вы въ этой рѣчи чего либо болѣе?“ — „Очевидно, государь,“ отвѣчалъ Ланской, „что жители этихъ трехъ губерній питаютъ большое довѣріе къ милостивому участію, которое вы имъ постоянно оказывали и полагаютъ всѣ свои надежды въ благосклонномъ покровительствѣ вашего величества“. — „Они не ошибаются“, возразилъ императоръ; „они имѣютъ всѣ поводы довѣрять мнѣ, и я сдѣлаю для нихъ гораздо болѣе, нежели могутъ они ожидать.“

Сенаторъ Ланской пересказалъ, черезъ нѣсколько часовъ, этотъ разговоръ депутату Вавржецкому, прибавивъ съ своей стороны, что, по мнѣнію его, императоръ дѣйствительно имѣетъ намѣреніе соединить Литву съ царствомъ польскимъ, если только не встрѣтитъ препятствія къ выполненію этой любимой его мысли.—Черезъ нѣсколько дней, императоръ прибылъ въ Вильну, гдѣ принялъ данный ему дворянствомъ балъ. Весь городъ былъ добровольно иллюминованъ жителями, а на домѣ графа Огинскаго горѣла надпись: „благодарность и довѣріе.“ Императоръ замѣтилъ это и сказалъ графу: „Думаю, что я внушилъ довѣріе какъ вамъ, такъ и жителямъ Литвы; льщу себя правомъ на благодарность вашу, и надѣюсь заслужить ее вскорѣ.“

Все вышеизложенное находится въ Запискахъ графа Огинскаго. Историческая критика должна рѣшить, на сколько можно давать вѣры его показаніямъ.

А. Подвысоцкій.

ИЗЪ ПИСЬМА КОРОЛЕВЫ ЛУИЗЫ КЪ БАРОНЕССѢ КРЮДНЕРЪ *).

(1809)

Je dois à votre excellent coeur un aveu; qu'il recevra, j'en suis sûre, avec des larmes de joie: c'est que vous m'avez rendu meilleure, que je n'étais! Votre language de vérité, les conversations, que nous avons eu sur la religion et le christianisme ont fait sur moi la plus profonde impression; j'ai réfléchi plus sérieusement sur des choses, dont je sentais avant l'existence et la valeur, mais plutôt dans un état de vague, que de certitude. Ces réflexions me valurent des résultats bien consolans: je m'approchais toujours plus de Dieu; ma foi devint toujours plus grande, et c'est ainsi qu'au milieu des malheurs, des humiliations et des chagrins sans nombre, je n'ai jamais été sans consolation, ainsi jamais tout à fait malheureuse.

Joignez à ceci le bienfait réel de ce Dieu de bonté et d'amour de n'avoir pas aigri mon coeur, de l'avoir laissé

*) Подробности о королевѣ Луизѣ см. въ Р. Архивѣ 1873 года, въ Воспоминаніяхъ графини А. Д. Блудовой. *П. Б.*

ouvert et plein d'amour pour mes semblables, sentant toujours le besoin de les secourir et de leur être utile. Vous comprenez, que je ne puis pas devenir tout à fait malheureuse, ayant toujours des sources de plaisir bien pur. J'ai reconnu, avec le coup d'oeil de la vérité, la vanité de ces grandeurs terrestres et combien elles sont peu de choses, en comparaison des biens célestes. Enfin je suis parvenue à une tranquilité d'âme, à une paix en dedans de moi, qui me fait espérer que j'aurai la force de supporter avec résignation et la soumission d'une véritable chrétienne tous les décrets de la Providence et toutes les épreuves, par lesquelles Elle voudra me faire passer pour me purifier: car c'est ainsi que je regarde tous les maux, qui nous affligent ici-bas.... Je vais me retrouver sur le théâtre du monde; promettez-moi de me faire entendre la voix de la vérité.

Переводъ.

Передъ вашимъ прекраснымъ сердцемъ я обязана сознаться, и это сознаніе вы примете (я въ томъ увѣрена) со слезами радости: а именно, что вы сдѣлали меня лучшею, чѣмъ я была! Ваше правдивое слово, происходившія между нами бесѣды о религіи и христіанствѣ, произвели на меня глубокое впечатлѣніе: я стала серьознѣе размышлять о предметахъ, которыхъ существованіе и значеніе я прежде хотя и сознавала, но скорѣе неопредѣленнымъ образомъ, чѣмъ съ твердою увѣренностью. Эти размышленія привели меня къ весьма утѣшительнымъ результатамъ: я все болѣе приближалась къ Богу; вѣра моя постоянно возрастала, и такимъ образомъ, среди безчисленныхъ бѣдствій, униженій и огорченій, я никогда не оставалась безъ утѣшенія и слѣдовательно никогда не чувствовала себя вполнѣ несчастною.

Присоедините къ этому истинное благодѣяніе Творца всей благости и любви, что сердце мое оставалось не раздраженнымъ, сочувственнымъ и преисполненнымъ любви къ ближнему, постоянно сознающимъ потребность пособить ему и быть ему полезнымъ. Вы понимаете, что я не могу сдѣлаться вполнѣ несчастною, покуда пользуюсь постояннымъ источникомъ столь чистаго наслажденія. Путемъ истины я дошла до сознанія въ суетности всякаго земнаго величія и въ какой степени оно ничтожно по сравненію съ благами небесными. Словомъ, я достигла душевнаго спокойствія, внутренняго мирнаго настроенія, которое подаетъ мнѣ надежду, что у меня достанетъ силъ вынести, безропотно и съ покорностью истинной христіанки, всѣ приговоры Промысла и всѣ испытанія, которымъ Ему угодно будетъ меня подвергнуть въ видахъ очищенія; потому что я такимъ образомъ смотрю на всѣ бѣдствія, насъ постигающія на землѣ.... Я вновь должна выступить на сцену житейскую; обѣщайте мнѣ, что вы доведете до моего слуха голосъ правды.

*

Этотъ отрывокъ сохранился, въ числѣ бумагъ баронессы Крюднеръ, у дочери ея г-жи Берхгеймъ и былъ списанъ ея ближайшимъ другомъ г-жею Токаревою, а сія послѣдняя въ свою очередь дозволила снять съ него списокъ Е. П. Подчасской, которой мы и приносимъ нашу искреннюю благодарность за сообщеніе этой копіи въ Русскій Архивъ. *Ѳ. Т.*

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ.

ГЛАВА V-я [1])

1831 ГОДЪ.

I. Польскій мятежъ.

Берлинъ.
(30 Марта) 11 Апрѣля 1831 года.

„Сестра пишетъ къ вамъ, что вчера была сильная гроза, а здѣсь гроза въ Апрѣлѣ очень рѣдкое явленіе. Кажется, сама природа участвуетъ въ волканическомъ состояніи человѣческаго духа теперь; только въ природѣ это броженіе производитъ прекрасныя явленія, между тѣмъ какъ у людей они безобразны".

„Что̀ касается до этихъ неблагодарныхъ принцевъ, которые такъ радовались нашимъ пораженіямъ, имъ приходится платить $4\frac{1}{2}$ гроша за хлѣбъ, который стоилъ только 2 гроша до войны: потому что всю рожь на здѣшній рынокъ и большую часть хлѣбовъ вообще привозили изъ Польши. Такъ начинаютъ господа Прусаки понимать, что не совсѣмъ для нихъ пріятны послѣдствія тѣхъ событій, которыми они такъ восхищались! Я вамъ уже писала, что король за насъ горой стоитъ, а принцъ Альбрехтъ крѣпко принимаетъ къ сердцу наши дѣла и говорилъ Калмыкову [2]), что, узнавъ о пораженіи Гейсмара, онъ цѣлый день ни пить, ни ѣсть не могъ. Не забыть бы мнѣ передать вамъ bon mot Парижскій: Définition de la liberté en 1831. La liberté consiste à faire aux autres ce qu'on ne voudrait pas qu'ils nous fassent" [3]).

(Какъ это справедливо! Именно такъ понимаютъ свободу).

„Вы знаете, что Себастіани, министръ иностранныхъ дѣлъ, сынъ бондаря (бочара); вотъ о немъ и говорятъ: „M-r Sebastiani se croit un Apollon, parcequ'il est fils de la tonne" [4]).

„Вѣчно смѣются Французы, даже когда должно быть имъ не до смѣху! Но пора на урокъ—простите. Антонина".

Матушка писала:

Берлинъ.
(8) 20 Апрѣля 1831 года.

„....Въ пятницу Антуанета и я имѣли честь обѣдать у принца Вильгельма, гдѣ была вся наша Русская колонія. Былъ также Ancillon, который очень уменъ, ученъ и весьма пріятенъ въ разговорѣ; онъ разсказывалъ, между прочимъ, что одинъ его знакомый былъ въ Парижѣ chez Louis Philippe, нашелъ его dans l'embrasure d'une fenêtre, la brochure de Chateaubriand en main; la reine

[1]) См. Р. Архивъ 1873 года, кн. 2-я. Глава эта начинается продолженіемъ переписки между графомъ Д. Н. Блудовымъ и его семействомъ, находившимся въ Берлинѣ. *П. Б.*

[2]) Впослѣдствіи профессору СПбургскаго университета; онъ давалъ принцу Альбрехту уроки Русскаго языка. *П. Б.*

[3]) Переводъ: «Опредѣленіе свободы въ 1831 году: свобода состоитъ въ дѣланіи другимъ того, чего не желательно, чтобы намъ дѣлали.»

[4]) Переводъ: «Господинъ Себастіани воображаетъ себя Аполлономъ, потому что онъ сынъ Ла-тонны (бочки).»

assise près d'une table. On parlait des réformes et des affaires en Angleterre. Le roi s'est approché et a dit: „Je ne crois pas que les constitutions rendent les peuples heureux.“ La reine a répondu avec beaucoup de tristesse: „Je n'en sais rien, mais pour nous, je ne prévois que des malheurs“. [5]) Я нахожу, что она жалка и думаю, что она жалѣетъ о своемъ прежнемъ состояніи: „les grandeurs ne donnent pas le bonheur; que de personnes se trouvent dans ce cas!“...[6])

Здѣсь матушка упоминаетъ объ Ancillon'-ѣ. Мы потомъ его не рѣдко встрѣчали. Онъ былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ происходилъ отъ Французскаго Гюгенота изъ подъ Меца; былъ сперва профессоромъ и воспитателемъ кронъ-принца по учебной части и извѣстенъ, какъ писатель. Матушкѣ онъ больше понравился, нежели мнѣ. У него было (для меня, не по сердцу) что́-то учительское, дидактическое и вмѣстѣ деспотическое въ разговорѣ и даже въ наружности; что-то такое, которое такъ рѣзко обозначаетъ многихъ профессоровъ и почти всѣхъ протестантовъ Женевскихъ: у нихъ есть оттѣнокъ сѣрый, безцвѣтный, скучноватый, отъ впечатлѣнія котораго рѣдко кто освобождается и о которомъ очень забавно намекалъ мнѣ гр. П. Д. Киселевъ въ послѣднее наше свиданіе. Онъ говорилъ: Genève est une ville insupportable; son élément c'est l'ennui; l'esprit de Calvin y plâne toujours [7]). Духъ-ли Кальвина витаетъ и надъ Французскими réfugiés après l'édit de Nantes [8]); но замѣчательно, что у этихъ онѣмеченныхъ Французскихъ фамилій въ Пруссіи есть удивительное сходство съ Швейцарцами, Французскихъ кантоновъ. У всякаго Француза много самонадѣянности; но во Франціи они какъ-то мягче обращаются и веселѣе накладываютъ на другихъ иго своего мнимаго превосходства, ихъ самолюбіе снисходительно къ варварамъ; а у Женевскихъ и Берлинскихъ полу-Французовъ спѣсь, всеобъемлющая, въ себя погруженная, игнорируетъ все внѣ себя и давитъ васъ.

Батюшка писалъ намъ:

Петербургъ.
(18) 30 Апрѣля 1831 года.

„Я собирался къ вамъ въ Маѣ; но, можетъ быть, обстоятельства времени, дѣла и особенно одно дѣло Протестантскаго Комитета, для котораго необходимо мнѣ быть въ Петербургѣ, принудятъ меня отложить свою поѣздку до Іюня. Худо зависѣть не отъ одного себя; но кто въ нашъ вѣкъ можетъ считать себя независимымъ? Кто, не исключая и самихъ царей, и самихъ счастливцевъ, наиболѣе благопріятствуемыхъ судьбою, можетъ сдѣлать себѣ какой-нибудь рѣшительный планъ, — я не говорю уже жизни, но даже одного года? Можетъ ли кто, наконецъ, сказать и съ прежнею обыкновенною оговоркою: завтра или послѣ завтра, если буду живъ и здоровъ, то поѣду туда, то или другое сдѣлаю такъ-то? Vivre au jour la journée [9]) было бы недостойно человѣка мыслящаго: покорность волѣ Провидѣнія не должна мѣшать предвидѣнью, по возможности, и разсчетамъ благоразумія; но надобно знать напередъ, что всѣ эти разсчеты не вѣрны и что насъ не обманываетъ одно только будущее, то, которое ожидаетъ человѣка за предѣлами здѣшней жизни или, правильнѣе, жизненныхъ испытаній“.

[5]) Переводъ: (...что одинъ его знакомый былъ въ Парижѣ) «у Луи-Филиппа; нашелъ его въ амбразурѣ окна съ брошюрою Шатобріана въ рукахъ; королева сидѣла у стола; говорили о реформахъ и дѣлахъ Англіи. Король приблизился и сказалъ: «Я не думаю, чтобы конституція дѣлала народы счастливыми». Королева отвѣчала съ большой грустью: «Объ этомъ я ничего не знаю, но для насъ я предвижу только одни несчастія».

[6]) Переводъ: «Великіе титулы не даютъ счастья; сколько людей находятся въ этомъ положеніи».

[7]) Переводъ: «Женева несносный городъ; его стихія—скука; тамъ постоянно паритъ духъ Кальвина».

[8]) Переводъ: «...надъ Французскими переселенцами послѣ Нантскаго эдикта.»

[9]) Переводъ: «Жить день за день».

Петербургъ.
(19 Апрѣля) 1 Мая 1831 года.

„Я писалъ къ тебѣ вчера и пишу опять сегодня (хотя сегодня нѣтъ ни почты, ни курьера) для того, чтобы въ самый день Свѣтлаго Воскресенія сказать тебѣ о новой монаршей къ намъ милости: наша Антуанета пожалована во фрейлины. Князь Волконскій увѣдомилъ меня объ этомъ офиціальнымъ отношеніемъ вчера ввечеру и прислалъ ко мнѣ шифръ, который я надѣюсь доставить къ вамъ съ первымъ Русскимъ курьеромъ. Не знаю, когда мнѣ удастся имѣть счастіе благодарить Государя и Императрицу: послѣ завтра не будетъ поздравленій. Имянины Ея Величества праздновали сегодня вмѣстѣ съ Пасхою и рожденіемъ Наслѣдника, и поздравляли Государыню только дамы за вечерней. Къ заутрени она не выходила, вѣроятно, по совѣту докторовъ, которые боялись послѣдствій сихъ торжественныхъ трудовъ, то есть боялись утомить ее, особенно въ теперешнемъ ея положеніи, какъ сказываютъ".

Я писала къ батюшкѣ:

Берлинъ.
(Апрѣля 30) 12 Мая 1831 года.

„Сегодня, во время урока музыки, мы получили ваше письмо отъ Свѣтлаго Воскресенья, въ которомъ вы пишите, что я пожалована во фрейлины. Нечего и говорить, что это было совершенно неожиданно для меня. Сначала оно показалось мнѣ смѣшно, и братьямъ тоже. Мнѣ казалось, что фрейлина должна быть или старая и серьезная, какъ тетушка Шишкина, или красавица, какъ Урусова, Ярцева и Россети. Какая я фрейлина? Сижу еще за уроками, и куда не красавица! Да и на что мнѣ вензель здѣсь, въ чужомъ краю, когда кровь льется на родинѣ, а иностранцы издѣваются надъ нами? — Но потомъ я порадовалась, видя, какое это дѣлаетъ удовольствіе маменькѣ и miss du Tour — и, я думаю, вѣроятно, и вамъ также. Лидія нашла еще человѣка, котораго этимъ можно порадовать: она меня проситъ показать вензель, когда получится изъ П-бурга, нашему учителю музыки Бергеру, который большой чудакъ и такъ любитъ смотрѣть на брилліанты, что, увидавъ однажды на маменькѣ брилліантовый фермуаръ, онъ просилъ меня давать ему посмотрѣть на него всякій разъ, когда онъ приходитъ на урокъ".

—

Таково было впечатлѣніе на меня этого сюрприза, на который такъ разсчитывала матушка; такое же было дѣйствіе свѣтскихъ увеселеній (les distractions) на здоровье. Иногда было въ самомъ дѣлѣ весело минутами на балѣ или на вечерѣ, но за тѣмъ какая реакція! Какіе порывы необузданнаго, отчаяннаго горя и тоски, преувеличенной, непростительной, но и невольной, болѣзненной, когда мы возвращались домой! Все хорошо въ свое время: молодости должно предоставить волю и просторъ веселиться, смѣяться, радоваться, какъ только въ молодости радуešься, безъ особой причины, безъ предлога, безъ повода, а просто безсознательно радуешься самой молодости своей и всей прелести ея силы и здоровья и безконечнаго, яснаго кругозора, открывающагося передъ нею со всѣхъ сторонъ. Но насильно навязывать радость нельзя ни въ какое время жизни, и слишкомъ часто предписанія врачей и благонамѣренность друзей обрекаютъ на моральную пытку людей, которымъ нужны только покой, молитва и трудъ — эти три ангела-хранителя страждущей души. Въ послѣдствіи, когда мы воротились въ Россію и обстоятельства перемѣнились, я помню, что вензель, пожалованный сестрѣ моей, насъ порадовалъ дѣтски, какъ первые эполеты, полученные юнкеромъ, выдержавшимъ офицерскій экзаменъ. Онъ давалъ Лидіи входъ за кавалергардскую и приглашенія въ эрмитажъ, — и мы уже неразлучно могли выѣзжать ко Двору, между тѣмъ какъ безъ вензеля насъ раздѣлялъ (хотя не часто) этикетъ, а для насъ не быть вмѣстѣ было истинное лишеніе. Въ Берлинѣ же мое придворное званіе не имѣло никакого значенія для меня и,

пошутивъ надъ алмазолюбіемъ Бергера, я въ письмѣ своемъ переходила къ нѣмымъ, но краснорѣчивымъ друзьямъ нашимъ—книгамъ.

„Съ этимъ же курьеромъ (продолжается въ письмѣ) вы получите записки (mémoires) одного Palmieri про Неаполь и Сицилію. Онѣ мнѣ показались забавными. Между прочимъ, онъ говоритъ о Гейтезбюри (sir William A'court), который посломъ въ Петербургѣ и, хваля его, какъ человѣка, осуждаетъ его политику. Я посылаю также всѣ три тома Devereux, которые мы кончили недавно. Я, кажется, писала вамъ, что этотъ романъ слишкомъ сентименталенъ на мой вкусъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ таковъ въ началѣ 2-го тома; но остальное очень занимательно, и я не могла побѣдить нѣкоторую національную гордость, не могла не быть глубоко тронута тѣми мѣстами въ книгѣ, гдѣ Бульверъ такъ искренно хвалитъ нашего Петра, котораго все больше и больше люблю и о которомъ тоже читаемъ теперь и пофранцузски въ Исторіи L'Evesque'a. „Какъ ничтожны, говоритъ Бульверъ, „въ сравненіи „съ Петромъ, кажутся другіе государи! Они „разрушаютъ царства — царь Русскій созидаетъ Имперію. Нѣтъ во всемірной исторіи „примѣра побѣдъ и завоеваній такихъ обширныхъ, блистательныхъ и важныхъ для міра, „какъ его побѣды. Если бъ сравнить Петра „Великаго и Louis le Grand—какой контрастъ между ними! Оба создатели новой эпохи въ исторіи, оба главные дѣятели въ громадныхъ, великихъ державахъ. Тутъ кончается сходство между ними; за тѣмъ разница во всемъ: грубая простота Петра—роскошное великолѣпіе Людовика; жесткая „строгость законодателя варварскаго народа—милосердіе идола царедворцевъ. Одинъ „изъ нихъ побѣдоносный защитникъ отечества; завоеваніе его прочное, долговѣчное, „справедливое; другой — разоритель завоеваннаго сосѣдняго народа; его побѣды блистательны, обманчивы и безчестны. Съ одной стороны—огонь пожара, не озаряющій „дальше тѣснаго кружка; пламя лишь разрушающее и пожирающее вокругъ себя; съ „другой—свѣтило, котораго огнь безъ ослѣпительныхъ лучей, не разрушающій, а животворящій, создающій цѣлый міръ, имъ „освѣщаемый и просвѣщаемый. Не было, можетъ быть, человѣка, на долю которому досталось столько общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ, какъ Петру Великому; однако, признаюсь, когда я увидѣлъ благородное увлеченіе, съ которымъ онъ отбросилъ „далеко отъ себя величіе своего сана, какъ „„ветошь маскарада“, и обратился, какъ „человѣкъ къ человѣку, къ самому малому „равно, какъ къ самому высокому, къ простому „ремесленнику или къ владѣтельному князю, „ко всякому, у кого могъ чему либу научиться, имѣя единственною цѣлью благоденствіе своихъ подданныхъ и понимая, что „единственное средство къ достиженію цѣли „состоитъ въ наукѣ и самопросвѣщеніи, „— признаюсь, что мысленный взоръ мой не „могъ уже замѣчать его слабостей и что „я былъ готовъ преклонить колѣна предъ „нимъ и боготворить этого человѣка, исполненнаго и переполненнаго страстнымъ желаніемъ добра и славы своему народу. О ты, „образецъ и наставникъ монарховъ! Еслибъ „каждый народъ въ каждомъ столѣтіи родилъ „одного такого человѣка, какъ ты: все человѣчество нынѣ бы примирилось съ деспотизмомъ, или все человѣчество было бы нынѣ „свободно. Царямъ стоитъ лишь быть добрыми и любящими, чтобы остаться на вѣки въ сердцахъ людей нѣкими божествами, „благодѣтелями земли. По какой же злой насмѣшкѣ судьбы столько изъ нихъ слѣпыхъ и „глухихъ къ призванію своему и славѣ?“.

„Судя по этимъ и по многимъ другимъ отрывкамъ, мнѣ кажется, что Бульверъ монархическій либералъ, и онъ мнѣ очень нравится“.

Мая (2) 14.

„Калмыковъ сей часъ кончилъ урокъ съ нами и доказывалъ, что не должно вѣрить въ существованіе Муція Сцеволы, Горація Кок-

леса, Рюрика или Олега!!! Хотя сомнѣніе и критическое отрицаніе, можетъ быть, доказательство учености; но я предпочитаю вѣрить этимъ преданіямъ доблести и славы, а отрицать или отвергать только злое и порочное.— Я сказала Калмыкову не трудиться приводить доказательства: они меня не разувѣрятъ".

«Такъ что жъ, что ты Честонъ? Хоть знаю, да не вѣрю».

„Пожалуй, доказывай онъ себѣ, сколько хочетъ: онъ меня не убѣдитъ, потому что я хочу вѣрить великому и прекрасному. Такъ мало angenehmes (пріятнаго) на свѣтѣ, что мы не должны разрушать такія мечты, даже если это только мечты. Есть наслажденіе невыразимое въ созерцаніи и воспоминаніи великихъ и славныхъ дѣлъ! Можно точно сказать словами Бульвера: это праздникъ и успокоеніе для духа нашего (a Sabbath of the mind). Да и почему же Горацій Коклесъ не могъ сдѣлать въ VI вѣкѣ до Христа того же, что нашъ Пестовъ сдѣлалъ на нашихъ глазахъ? [10]"

Въ это время мы уже познакомились хорошо съ Калмыковымъ и очень полюбили его уроки. Онъ, кажется, былъ тогда очень молодой и, оказалось, очень воспріимчивый человѣкъ. Но его смуглое лицо, черные, густые волосы, вьющіеся, можетъ быть, отъ природы, но всегда такъ тщательно причесаные, что казались завитыми или даже парикомъ, и что-то сдержанное, почти чопорное въ его обращеніи — все это придавало ему наружность холодную и серіозную человѣка среднихъ лѣтъ, и онъ намъ казался старымъ и безжизненнымъ; только глаза иногда измѣняли ему и загорались молодымъ, живымъ участіемъ къ предмету разговора или преподаванія. Когда онъ успѣлъ внушить къ себѣ достаточное высокопочитаніе, какъ къ учителю, онъ оживился, и наши уроки Русской словесности и исторіи стали увлекательны для насъ, какъ съ нашимъ восторженнымъ Телешевымъ; и опять споры о любезныхъ историческихъ лицахъ занимали насъ и оживляли разговоръ во время обѣда, или раннимъ вечеромъ послѣ уроковъ.

Изъ Русскихъ студентовъ мы видали Рѣдкина, только не часто, а въ церкви и по праздникамъ. Неволина я совсѣмъ не помню, такъ что, полагаю, онъ куда-нибудь уѣхалъ въ другой университетъ. Еще близко познакомились мы съ студентомъ Платоновымъ, который давалъ уроки Греческаго языка моимъ братьямъ и былъ полнѣйшимъ контрастомъ Калмыкову. Большаго роста, долговязый, онъ и одѣвался небрежно, и держался непринужденно — такъ сказать спустя рукава; но онъ весь былъ полонъ жизни, силы, веселости, и во всемъ съ головы до ногъ Русскій. Голосъ у него былъ — славный басъ, и онъ имъ поддерживалъ маленькій хоръ, устроенный студентами на клиросѣ посольской церкви. Не помню, чтобы братья мои жаловались на тоску отъ Греческаго языка, какъ слышу теперь жалуются, и потому думаю, что Платоновъ хорошо преподавалъ. Во всякомъ случаѣ мы его любили за его откровенность, доброту и любовь къ наукѣ, хотя мы съ сестрою знали его гораздо меньше, потому что онъ занимался только съ братьями. Калмыкову же я много обязана и знаніемъ Русскаго языка, и любовью къ словесности вообще. Онъ много заставлялъ меня писать и всегда сочувственно относился и съ пользою для меня критиковалъ мои весьма ребяческія произведенія. Все это было очень наивно и безъ всякаго понятія о правилахъ искусства, но оно оказалось гораздо бо́льшимъ и вѣрнѣйшимъ развлеченіемъ, нежели всѣ балы и вечера, на которые медики возлагали свои надежды. Конечно эти часы уединенія въ крошечной комнаткѣ, въ которой было мѣсто только для стола туалетнаго и маленькаго письменнаго стола, да для двухъ стульевъ и которая называлась моей комнатой (мы обѣ сестры спали въ одной комнатѣ съ матушкой),—эти часы были лучшіе въ моей тогдашней жизни, и я такъ сжилась и сдружилась съ дѣйствующими

---

[10]) Увы! Я никакъ не могу припомнить, о какомъ подвигѣ я упоминала въ этомъ письмѣ.

лицами, вычитанными мной въ повѣстяхъ или романахъ, что я, такъ сказать, уходила къ нимъ отъ тягости ежедневныхъ заботъ и забывала усталость душевную и тревогу дурныхъ вѣстей изъ арміи и Варшавы.

Матушка писала:

Берлинъ.
(3) 15 Мая 1831 года.

„Въ пятницу я провела вечеръ у графини Гольцъ съ Антуанетой, видѣла многихъ; но мы здѣсь никакихъ достовѣрныхъ извѣстій не имѣемъ изъ арміи: то говорятъ въ нашу пользу (но довольно рѣдко), то въ пользу мятежниковъ, которыхъ здѣсь любятъ. — Наши Русскіе бѣсятся на главнокомандующаго, что такъ долго нѣтъ конца, и нашихъ перебили безъ всякой пользы. Я только что слушаю, да молчу и надѣюсь на Бога; но положеніе мое незавидное: грустно, скучно, — что́ будетъ съ нами, чѣмъ все кончится? Къ тому, еще вчера мнѣ сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Schuckmann, что холера все приближается къ Прусской границѣ, и сдѣланы оцѣпленія; но ужъ другіе говорятъ, что и здѣсь начинается,—это площадные слухи. А сегодня одна дама была у меня, которой сказали, что будто всѣ Мансуровы больны рвотой; слѣдственно полагаютъ, что у нихъ холера. Но это вздоръ: я заѣзжала узнать о здоровьи генерала; онъ съ Свѣтлаго Воскресенья боленъ лихорадкою, которая здѣсь въ воздухѣ. Здѣсь есть еще болѣзнь, которую называютъ influence: это лихорадка съ болью въ ушахъ, глухотою и кашлемъ“...

Мансуровъ, о которомъ упоминается здѣсь, былъ тогда военнымъ агентомъ при Берлинскомъ Дворѣ и такъ сказать — безсмѣннымъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ своей (княжнѣ Трубецкой), т. е. въ недозволенной по каноническимъ правиламъ степени родства для брака. Кто-то подалъ на него доносъ въ Св. Синодъ. По тогдашнимъ законамъ, его вызывали на церковный судъ, и онъ въ неявкѣ могъ оправдаться только обязательнымъ пребываніемъ по службѣ за границей. Расторгнуть или уничтожить бракъ Синодъ не можетъ, не выслушавъ обѣ стороны, обоихъ супруговъ; слѣдовательно, пока не являлся обвиненный, доносъ лежалъ на полкѣ; а по закону тогдашнему, если одинъ изъ супруговъ умиралъ прежде расторженія брака, то всякое о немъ дѣло прекращалось, и бракъ, и его послѣдствія, т. е. дѣти, оставались законными. Такимъ образомъ Мансуровы очутились изгнанниками изъ Россіи; а между тѣмъ они были ревностные Русскіе, даже Москвичи, особенно она. Я помню, что матушка сказывала про нее, какъ тосковала она по родинѣ, находя одно утѣшеніе въ своемъ ребенкѣ, котораго, кажется, кормила сама. Хотя она была еще молодая женщина и очень свѣжая, но не красивая; не знаю почему, она мнѣ казалась слишкомъ старою и почтенною, чтобъ быть съ нею на ровной ногѣ; и хотя она часто ѣзжала къ намъ, но все разговаривала съ матушкой, а я ея почти не знала. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она потеряла мать (или отца), и къ ней пріѣхала сестра, княжна Александра Ивановна Трубецкая, гораздо моложе ея, высокая, стройная, хорошенькая; такая блѣдная въ своемъ черномъ платьѣ, такая убитая горемъ, что мы съ нею съ перваго же раза подружились и очень были коротки во все время нашего пребыванія въ Берлинѣ. Она первая Московская барышня, съ которой я познакомилась. Ея простота въ обращеніи, живость, какая-то ласковая откровенность и способность пристраститься къ дѣлу или лицамъ — очень пришлись мнѣ по сердцу. Все же есть жизнь въ этой страстности, хотя и слишкомъ хлопотливой, можетъ быть и ажитированной. Если съ лѣтами такое свойство не уляжется, оно становится пустымъ и тягостнымъ и дѣлаетъ изъ мухи слона, только чтобъ имѣть предлогъ для хлопотливости; но когда молодость кипитъ и перекипаетъ чувствомъ, оно умѣстно, и его пріятно видѣть.

Какъ въ самомъ городѣ Москвѣ, такъ и

въ типѣ молодыхъ Московскихъ дѣвушекъ есть что-то деревенское, свѣжее, непринужденное и словоохотливое, отличающее ихъ отъ Петербургскаго beau-monde (высшаго общества) который смотритъ на это нѣсколько свысока, какъ на провинціализмъ.

Кромѣ Мансуровыхъ, эту зиму провели въ Берлинѣ еще два семейства Русскія: Бутурлины Дмитрій Петровичь съ женою и тещею Комбурлей и графъ Бутурлинъ, женатый на полу-Полькѣ, полу-Итальянкѣ Понятовской, не изъ рода короля Станислава, а отъ пріѣзжаго, какъ говорятъ, Итальянца, купившаго или иначе пріобрѣтшаго часть имѣній Понятовскихъ. Графиня Бутурлина и братъ ея Цезарь (César) были такіе смуглые красавцы, такого южнаго типа, что никакъ не могли быть чисто-Польскаго происхожденія; но обаяніе названія королевской родни, разумѣется, увлекло ихъ къ ополяченію, хотя и Цезарь, и Августъ (другой братъ) Понятовскіе никогда не вмѣшивались ни въ заговоры, ни въ интриги противъ Россіи. За то Римскій католицизмъ гр. Бутурлиной былъ самый непреклонный, и въ этомъ отношеніи мужъ ея былъ совершенно ея слугою, или служкою ея духовниковъ. Такъ какъ еще мать графа перешла въ Латинскую церковь, то увѣряли, что она и выбрала ему невѣсту, которая бы стерегла его отъ возврата въ Православіе и крестила бы дѣтей обливанцами. Она его и въ царскіе дни въ нашу церковь не пускала. Это-то фальшивое положеніе извѣстнаго, но не признаннаго отступленія отъ Русской церкви стѣсняло и отношенія графа Бутурлина съ Русскими гораздо болѣе, нежели національность его жены, весьма милой, тихой, совершенно преданной семейству и воспитанію дѣтей. Не вмѣшиваясь въ политическія распри, она очень мало выѣзжала въ свѣтъ. Мужъ, напротивъ, много и охотно танцовалъ, и такъ какъ онъ былъ полный и маленькаго роста, а нѣкоторыя фрейлины принцессъ очень рослыя, то молодые люди часто забавлялись этимъ контрастомъ, и не одна карикатура появлялась въ альбомахъ на его танцы, особенно мазурку.

Другой генералъ Бутурлинъ (Дмитрій Петровичъ) слишкомъ извѣстенъ, чтобы много о немъ говорить. Въ то время онъ былъ еще среднихъ лѣтъ, очень оживленный, пріятный и остроумный въ разговорѣ, хотя—часто рѣзокъ и желченъ. Сперва меня привлекала къ нему его авторская репутація. Я всегда слышала, что его называли въ шутку Boutourline-Jomini, потому что онъ написалъ военную исторію кампаніи 1812 года. Потомъ я съ нимъ очень подружилась. Мы продолжали часто и пріятельски видѣться потомъ въ П-бургѣ, гдѣ у нихъ бывали очень блистательные балы и вечера. Дмитрій Петровичъ до самой смерти остался остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ я всегда охотно встрѣчалась, хотя въ 1848 году батюшка и онъ совершенно разошлись въ мнѣніи на счетъ цензуры. Было ли это уже что-то болѣзненное у Бутурлина [11]), или врожденная рѣзкость и деспотизмъ характера (которые неоспоримо существовали въ немъ), но онъ доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ Акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, Святаго Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій. — „Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія", отвѣчалъ Бутурлинъ [12]). — Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ

---

[11]) Онъ вскорѣ умеръ.

[12]) Вотъ эти, по его мнѣнію, «опасныя» мѣста:
«Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ «и звѣронравныхъ..... Совѣты неправедныхъ князей «разори; зачинающихъ рати погуби», и пр. и пр.

правителей, сказалъ мой отецъ. — „Такъ чтожъ? возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ: „еслибъ Евангеліе „не было такая извѣстная книга, конечно, „надобно бъ было цензурѣ исправить ее.“

Въ странномъ чаду 1848 и 1849-го гг. преосвященный Иннокентій былъ особенно нелюбимъ людьми, боявшимися прессы. Отчасти это было по случаю одной проповѣди, или бесѣды, сказанной имъ Вологодской паствѣ въ его молодости. Въ этой бесѣдѣ точно находилось нѣсколько словъ вполнѣ христіанскихъ, излившихся изъ сердца, въ порывѣ любви и заботы о бѣдныхъ людяхъ, въ одну особенно суровую зиму, въ неурожайный годъ. Но эти слова было неосторожно говорить при Русскихъ людяхъ, которые считаютъ рубку и покражу лѣса совсѣмъ не за грѣхъ. Эти слова приблизительно такія (книги нѣтъ у меня теперь подъ рукой): обращаясь къ владѣльцамъ лѣсовъ, онъ взывалъ къ нимъ, умоляя надѣлить топливомъ несчастныхъ братьевъ, не скупиться этимъ лѣсомъ, который Богъ народилъ безъ человѣческаго труда и работы, этими деревьями, которыя сами обсѣменяются и сами размножаются, на которыхъ не положено клейма съ именемъ такого-то или другаго хозяина. Кто-то усердный человѣкъ умѣлъ найти эти старыя проповѣди, прочитать ихъ и отмѣтить эти слова. Всѣ тогдашніе цензоры и оберъ-цензоры порѣшили относительно преосвященнаго Иннокентія за разъ: — „Онъ опасный коммунистъ.“ Вслѣдствіе этого и князь Менщиковъ, нѣсколько лѣтъ спустя, на большомъ обѣдѣ, гдѣ онъ сидѣлъ подлѣ преосвященнаго, хотѣлъ его подразнить.

„Знаете-ли, сказалъ онъ, что увѣряютъ, „будто вы проповѣдуете коммунизмъ?“

— „Я человѣкъ не свѣтскій, отвѣчалъ Иннокентій: я не знакомъ съ вашими новыми ученіями. Чему учитъ коммунизмъ?“

— „Это ученіе легко объяснить въ четырехъ словахъ, сказалъ съ своей обычной насмѣшливой улыбкой Меньщиковъ: все что́ твое—мое!“

— О! въ такомъ случаѣ мы совершенно расходимся, возразилъ архіепископъ. Я учу: все что́ мое—твое! Это ученіе Христа.“

Однако все это новѣйшая исторія (хотя и она стара) въ сравненіи со временемъ въ Берлинѣ, къ которому относятся наши письма. Тогда Бутурлинъ и всѣ мы негодовали на нападки газетъ, но негодовали тоже на преслѣдованія либеральнымъ Французскимъ правительствомъ всѣхъ оппозиціонныхъ журналистовъ, которыхъ безпрестанно сажали въ тюрьму. Правда, что они были безпощадны для Людовика-Филиппа и часто очень остроумно осмѣивали его,—а во Франціи осмѣять человѣка или систему, значитъ погубить. „Фонарь“ (la Lanterne) Рошфора, который казался такъ забавенъ нынѣшнему поколѣнію, ничто иное, какъ повтореніе съ другими собственными именами насмѣшекъ Figaro, La Silhouette и La Mode того времени. Скоро Béranger къ нимъ присталъ съ своими пѣснями и плачемъ о военной славѣ Франціи; и такимъ образомъ всѣ эти партіи, ненавидящія и другъ друга, и Орлеановъ, накликали на Францію Наполеона III. Такой развязки, конечно, никто не ожидалъ изъ насъ Русскихъ, больше всего занятыхъ, впрочемъ, и раздраженныхъ полонофильствомъ, быстро развивавшимся даже въ придворномъ обществѣ Берлина.

Около этого времени пріѣхало еще Русское семейство: княг. Нат. Ив. Голицына съ молодой родственницей, княжною Даріей Андреевной Ухтомской. Княжна Доли, какъ ее звали, была однихъ или почти однихъ лѣтъ со мной; средняго роста, очень стройная, съ тоненькой таліей, русыми локонами и прекраснымъ, большимъ голосомъ, но очень дурна лицомъ. Впрочемъ было много живости, доброты и откровенности въ ея выраженіи, когда она говорила. Она была такая веселая и свѣжая, что общее впечатлѣніе было пріятное, даже и по наружности. Она послѣ вышла замужъ за сына кн. Голицыной, Валеріана. Я въ Москвѣ чрезъ 35 лѣтъ нашла ее уже вдовою, и наши пріятельскія отно-

шенія молодости скоро возобновились тѣснѣе и ближе. Къ глубокому прискорбію моему, она скончалась прошлаго года. Всѣ, кто ее близко знали, любили и уважали ее. Она была въ полномъ смыслѣ христіанка, въ отношеніяхъ семейныхъ, дружескихъ и общественныхъ, и до послѣдняго дня своей жизни сохранила ту же пылкую любовь къ Россіи, которая мнѣ приходилась такъ по сердцу въ 1831-мъ году. Княгиня Голицына пріѣхала на встрѣчу другаго сына—Леонида Михайловича, который былъ раненъ въ Гроховскомъ сраженіи. Въ арміи ему хотѣли отнять раненую руку, но онъ не согласился, заупрямился и пробрался черезъ Прусскую границу въ Берлинъ къ Грефе, который, послѣ долгаго лѣченія, наконецъ, вылѣчилъ его совсѣмъ, и онъ остался живъ, здоровъ и съ обѣими руками. Это не единственный примѣръ на моихъ глазахъ, какъ опрометчиво хирурги рѣшаются на ампутацію не нужную и слѣдовательно ужасно вредную. Теперь, кажется, и самъ Пироговъ это сознаетъ.

Леонидъ Голицынъ, пылкій, веселый, Русскій по привычкамъ, чувствамъ и воспитанію, разумѣется, сталъ у насъ домашнимъ человѣкомъ, и съ нимъ и кн. Сергіемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ мы видѣлись почти ежедневно: кто получитъ письмо изъ Россіи, прибѣжитъ сказать вѣсти матушкѣ, а въ нашъ почтовый день, она имъ сообщаетъ.

*

О, люди! Жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Друзья минутнаго, поклонники успѣха!

Наши неудачи и раздутые молвою Wilhelmstrasse [13]) успѣхи Поляковъ, наконецъ, сдѣлали поворотъ во всемъ Берлинѣ противъ насъ. Забыли, что Познань такая же часть бывшей Польши, или, лучше сказать, самоувѣренно полагали, что съумѣютъ ее удержать, что она уже довольно онѣмечена, и массы преданы правительству. Наконецъ извѣстный стихъ Французской комедіи: oh! moi, c'est autre chose [14]), бываетъ восклицаніемъ и цѣлыхъ обществъ. Имъ казалось: какъ Пруссіи не справиться? Русскіе глупы и безъ талантовъ; солдаты умираютъ всѣ героями, но генералы сумасшедшіе, а офицеры невѣжи и дураки. Такія вещи говорились намъ почти въ глаза (разумѣется не мужчинами, а дамами). Княжна Доли, Голицынъ и я кипѣли, какъ самовары; самъ Долгорукій, не мѣняя своего спокойнаго вида, уже не имѣлъ духа подмѣчать смѣшную сторону всѣхъ этихъ дрязгъ, и мы всѣ (т. е. молодежъ) возненавидѣли Берлинъ. Впрочемъ Голицынъ раздѣлялъ мнѣніе на счетъ нашихъ генераловъ: онъ считалъ Дибича рѣшительно помраченнымъ въ умѣ, а объ Нейдгардтѣ и Толѣ не зналъ, что и думать. Какъ ни толкуй, но дѣло Гроховское остается и теперь загадкою. Голицынъ, бывшій самъ въ сраженіи (не помню чьимъ адъютантомъ) сто разъ говорилъ намъ, что сраженіе было вполнѣ выигранное. Поляки, на голову разбитые, спасались бѣгствомъ къ стѣнамъ города; Прага не могла защищаться серіозно. Въ самое это время подошелъ Шаховскій (если не ошибаюсь) съ цѣлой гренадерской дивизіей. Нетронутыя, свѣжія, отличныя войска кинулись за непріятелемъ съ „ура,“ скорымъ шагомъ, съ увлеченіемъ, какъ говорили старые служаки „по суворовски“. Вдругъ фельдмаршалъ, поговоривъ нѣсколько минутъ съ гр. Толемъ и Нейдгардомъ, велѣлъ остановить движеніе и возвратить гренадерскую дивизію въ лагерь. Извѣстно, что за симъ мы ретировались передъ готовыми къ сдачѣ Поляками, изумленными не менѣе Русскихъ тѣмъ, что происходило. Никто не можетъ серіозно сомнѣваться въ вѣрности этихъ генераловъ; но у всѣхъ троихъ, какъ нарочно, случились Нѣмецкія имена, и въ арміи слухъ прошелъ объ измѣнѣ. Наконецъ еще рѣшительная побѣда подъ Остроленкою, блистательная аттака

[13]) Палаца Радзивиловъ.

[14]) Стихъ комедіи L'école des vieillardes: «О! я—это другое дѣло».

Мейендорфа съ его кирасирами, обрадовали насъ, подняли духъ и заставили-было молчать Радзивиловскій кружокъ и Берлинскихъ бюргеровъ. И чтоже? Опять штабъ фельдмаршала рѣшилъ не преслѣдовать непріятеля, не идти прямо на Варшаву. Это было новое, тяжелое испытаніе для насъ, горсти Русскихъ, среди иностраннаго общества, склонявшагося и такъ скорѣе на сторону нашихъ противниковъ, чѣмъ на нашу.

Письма наши всѣ дышатъ настроеніемъ тогдашнимъ и лучше, вѣрнѣе и живѣе всякаго разсказа передаютъ положеніе Русскихъ и то недоброжелательство къ Россіи, которое, не смотря на вліяніе короля, принцевъ, старыхъ военныхъ 13-го года и большей части военной молодежи, даже въ Пруссіи существовало тогда, а въ остальной Европѣ подавно. Нѣтъ! Что̀ ни дѣлай, какъ ни вертись, есть что̀-то неуловимое въ духѣ западнаго строя, которое только тогда обращается къ намъ съ сочувствіемъ, когда видитъ несомнѣнное проявленіе силы,—силы духа и силы матеріальной. Не оттого Европа рукоплескала освобожденію крестьянъ, что дѣло само по себѣ великое, человѣчное, справедливое, христіанское и широко, по-царски и по-русски, сдѣлано съ обезпеченіемъ землею цѣлыхъ милліоновъ народонаселенія; а потому, что совершилось оно такъ спокойно и что почуяли огромную силу Того Правителя, Который могъ, безбоязненно, перекрестясь, однимъ Своимъ словомъ совершить всецѣлый переворотъ въ Своемъ краѣ, радикальную, социальную революцію, эту задачу, неразрѣшимую въ Европѣ, гдѣ не хватаетъ на нее взаимной между правителями и подданными вѣры, любви и смиренія. Послѣдняя добродѣтель самая христіанская, кажется, непостижима для духа древняго язычества, обоготворявшаго человѣка и природу, оставившаго стремленіе къ апоѳеозису и въ послѣдователяхъ Новаго Завѣта, въ которомъ, напротивъ, самъ Богъ, вочеловѣчась, смирилъ Себя до смерти, смерти крестныя.

Справедливо говорятъ, что восточные необразованные народы почитаютъ одну лишь силу, и ихъ надобно держать только страхомъ. Но врядъ ли не тоже нужно съ высокообразованными народами Запада. Жаждущіе въ своей цивилизаціи всегда неограниченной свободы личной, они все-таки почитаютъ и уважаютъ одну только силу и въ своемъ правительствѣ, и въ международныхъ сношеніяхъ. Сила и успѣхъ—вотъ единственныя гарантіи Россіи отъ иностранцевъ, разумѣется не одни матеріальные, но и успѣхи умственные.

Батюшка писалъ намъ:

С. Петербургъ.
25 Апрѣля (7 Мая) 1831 года.

„Письма нашихъ мальчиковъ къ Великому Князю Наслѣднику я имѣлъ счастіе вручить Его Высочеству лично 21-го Апрѣля. Онъ ихъ принялъ съ Своею обыкновенною милою лаской. Прости; здѣсь новаго кромѣ сраженія, въ которомъ отличился корпусъ графа Палена, еще только полученное сегодня извѣстіе, что Дверницкаго выгнали изъ Волыни и что Австрійцы посадили его со всѣмъ корпусомъ въ карантинъ, вѣроятно, боясь холеры. Не худо бы, еслибы было возможно учредить особые карантины для мятежниковъ и вообще всѣхъ промышляющихъ революціями, entrepreneurs de révolutions. Но отъ этой болѣзни и лѣчиться, и предохранять себя еще труднѣе, нежели отъ холеры, или и самой чумы“.

*

С. Петербургъ.
26 Апрѣля (8 Мая) 1831 года.

........„Нынѣшнее утро я благодарилъ Императрицу за пожалованіе Антуанеты во фрейлины. Государя, какъ ты знаешь, я имѣлъ счастіе благодарить уже прежде. Сегодня онъ приказалъ мнѣ сказать, что приметъ меня особо въ другое время. Государыня милостиво спрашивала меня о васъ: въ Берлинѣ ли вы, не скучно ли вамъ было зимою и не собираетесь ли вы ѣхать къ какимъ-нибудь минеральнымъ водамъ?...... Кстати о д-рѣ Грефе: посовѣтуй-

ся съ нимъ и съ другими достойными уваженія и вѣры людьми, нельзя ли въ Берлинѣ, или и другомъ мѣстѣ найти, хорошаго, надежнаго по своимъ знаніямъ, а особливо же по характеру и нравственности, гувернера для нашихъ мальчиковъ? Мнѣ хотѣлось бы привести его сюда вмѣстѣ съ Андрюшей и Вадимомъ. Ты видишь изъ этого, что я все собираюсь и надѣюсь быть у васъ нынѣшнее лѣто; однакожъ, какъ нѣтъ въ мірѣ ничего вѣрнаго, то хочу на дняхъ послать къ тебѣ деньги, которыя думалъ привести съ собою, особливо ежели курсъ не дуренъ; и по той же причинѣ, что теперь ничего нѣтъ вѣрнаго, что теперь можно бояться банкротства и самыхъ богатыхъ купцовъ, совѣтую тебѣ, получивъ мои векселя, тотчасъ промѣнять ихъ на деньги и положить этотъ маленькій капиталъ въ Государственный Прусскій Банкъ, не для процентовъ, а для безопасности".

Батюшка до конца сохранилъ привычку, которую и мнѣ передалъ: не держать денегъ у себя, даже небольшія суммы, а брать изъ банка по мѣрѣ надобности; онъ находилъ, что это безопаснѣе для значительныхъ суммъ, а для небольшихъ избавляетъ отъ искушенія домашнихъ и не-домашнихъ, имѣющихъ свободный доступъ во внутреннія комнаты.

Матушка отвѣчала:

....„Я еще о гувернёрѣ не спрашивала, потому что ты не говоришь, изъ какой націи ты хочешь его выбрать. Я думаю не Француза, а Нѣмца; думаю также, что и Швейцарцы теперь не очень надежны. Дай мнѣ знать; тогда я буду освѣдомляться и спрашивать".

„О Дверницкомъ мы слышали уже недѣлю, но все разное; теперь говорятъ, что онъ и все его войско взяты въ плѣнъ Австрійцами, а оружіе и багажъ сданы намъ; не знаю, правда-ли".

„Новости у насъ, что пріѣхала вдовствующая королева Баварская [15]), которая, говорятъ, не будетъ принимать представленій; а я очень бы желала ее видѣть вблизи: говорятъ, что она очень напоминаетъ Императрицу Елизавету Алексѣевну. По крайней мѣрѣ мы ее увидимъ въ Воскресенье въ оперѣ, если достану ложу; будутъ давать Le siège de Corinthe (Осада Коринѳа) Россини".

Это была одна изъ послѣднихъ оперъ Россини, писанная для Французской сцены прежде Вильгельма Теля; она, кажется, вышла изъ репертуара всѣхъ театровъ; можетъ быть, оттого, что на Итальянской сценѣ не удаются оперы, гдѣ нѣтъ блистательной роли для примадонны, а здѣсь болѣе хоровъ и morceaux d'ensemble, чѣмъ арій. Музыка этой оперы отличается искусствомъ Россини охранять и ограждать голосъ отъ шума оркестра, а также прелестью неистощимой свѣжести мелодій. О Россини можно сказать: „Er singet, wie der Vogel singt", поетъ, какъ птица. И что́ ни говори, Итальянцы правы, полагая, что человѣческій голосъ есть первый и лучшій нерукотворный музыкальный инструментъ, который нужно поддержать и пополнить нашими инструментами, а не заглушать его и не истощать ученой инструментовкой и громадою шумной гармоніи; ее бы должно предоставлять собственно-инструментальной музыкѣ, той, которой задача передавать неопредѣленныя, неясныя движенія—скорѣе духа, нежели сердца человѣка, со всею тревогою, сомнѣніями и неразгаданными имъ самимъ влеченіями къ неизвѣстному, непонятному, непостижимому. Мнѣ кажется, что пѣвучіе народы, какъ Итальянцы, Русскіе (вообще Славяне), должны бы особенно держаться мелодіи и сочинять для голоса, предоставляя Нѣмцамъ, какъ болѣе способнымъ къ умственнымъ задачамъ вообще и рѣдко одареннымъ хорошими голосами, заниматься одной гармоніей, исключая все свѣжее, дѣтское, личное, spontané, въ человѣкѣ, когда чувства сердца, не спросясь, ни разума, ни науки, просятся наружу и изливаются невольно и радостно, или заунывно и задумчиво, въ пѣснѣ. Такъ понимали оперу Глюкъ, Моцартъ и Веберъ (въ своемъ Frei-

[15]) Она была сестра Императрицы Елизаветы Алексѣевны, супруги Александра Павловича.

chütz'-ѣ). Самъ Вагнеръ иногда забывается и вдругъ напишетъ прекрасную мелодію. Но наши рецензенты не забываютъ своей темы. Вообще въ нашемъ либеральномъ вѣкѣ общее мнѣніе деспотически налагаетъ тяжелое бремя на публику. Впрочемъ нашъ вѣкъ полно либеральный-ли? Какъ бы то ни было, „Осада Коринѳа" шла великолѣпно въ Берлинѣ, и въ ней, совершенно необычный для Россини оттѣнокъ грусти имѣлъ особую прелесть для меня; а самый сюжетъ оперы (война Магомета II съ Турками) возбудилъ всѣ дѣтскіе восторги 20-хъ годовъ и дорогихъ намъ именъ: Боцариса, Колокотрони, Хаджи-Петроса, лорда Байрона. Опера эта, въ самомъ дѣлѣ, была писана подъ вліяніемъ этихъ событій и Морейской экспедиціи и вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Телемъ заканчивала блистательную карьеру Россини и блистательный сценическій періодъ реставраціи.

*

…„Вчера былъ большой парадъ (продолжаетъ матушка) и, сказываютъ, по окончаніи онаго народъ окружилъ короля и кричалъ: „ура". Хотѣлъ отпрячь лошадей и везти его на себѣ, но онъ никакъ не дозволилъ. Завтра и послѣ завтра будутъ манёвры въ Шпандау; говорятъ, войска прекрасныя".

Батюшка писалъ:

С. Петербургъ.
(5) 17 Мая 1831 года.

„Завтра отсюда отправляется первый Русскій пароходъ (изъ новопостроенныхъ). На немъ ѣдетъ жена доктора Симона, того, который былъ въ чужихъ краяхъ съ сыномъ Донауровой и служилъ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Онъ мнѣ предложилъ что-нибудь послать съ его женою, ибо она думаетъ изъ Любека немедленно ѣхать въ Берлинъ; и я рѣшился ввѣрить ей отъ себя четыре книжки Московскаго журнала „Телескопъ". Въ трехъ книжкахъ „Телескопа" есть—какъ мнѣ сказывалъ Жуковскій—хорошенькая сказка Погодина: „Васильевъ вечеръ", а въ послѣдней—его же замѣчательная статья о Польшѣ. Прочти эти книжки и потомъ, если можно, дай ихъ читать дѣтямъ…."

Я писала батюшкѣ:

Берлинъ.
(25) 13 Мая 1831 года.

„Я не разсказала вамъ, что duc de Nemours, второй 16-ти лѣтній сынъ Louis Philipp'a, есть одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Генриха V-го. Онъ сказалъ отцу, что, присягнувъ Карлу X, онъ не понимаетъ, какъ можно освободиться отъ этой клятвы; что престолъ принадлежитъ Генриху V, и онъ (Nemours) его подданный, а Louis Philippe похититель престола. Говорятъ, что съ большимъ трудомъ заставили его молчать и присягнуть королю Французовъ. Когда братъ его, Орлеанскій (бывшій Шартрскій), объявилъ, что ему рѣшительно предлагаютъ корону Бельгійскую: „Je n'en veux pas!" (я не принимаю ея!) отвѣчалъ онъ. Такъ-то Богъ правды наказываетъ счастливыхъ преступниковъ, и герцогъ Орлеанскій всегда имѣетъ передъ глазами своего молодаго сына, чистаго сердцемъ и вѣрнаго присягѣ, который, гнушаясь преступленіемъ измѣнника, удержанъ отъ исполненія гражданскаго долга только лишь сыновнимъ долгомъ къ отцу; а между тѣмъ королева не перестаетъ плакать о погибели счастія и добродѣтели мужа. Такъ Кромвель не находилъ спокойствія въ своей семьѣ, каждый членъ которой имѣлъ политическія правила, совершенно противныя его властолюбію" [16]).

…„Я уже давно собиралась и все забывала передать вамъ bon mot Берлинскаго Eckensteher'a. Разъ кто-то на улицѣ стоялъ безъ картуза. „Надѣвай же скорѣе шапку", сказалъ ему товарищъ: того гляди, что Бельгійцы натиснутъ тебѣ на голову свою корону".

---

[16]) Замѣчательно, что въ минуту неописаннаго паническаго страха, овладѣвшаго Луи-Филиппомъ и его семействомъ, 24 Февраля 1848 года, одинъ герцогъ Немурскій сохранилъ хладнокровіе.

Вообще шутки, называемыя Berliner-Witz, всегда приписывали Eckensteher-амъ (уличнымъ комисіонерамъ).

*

Берлинъ.
(17) 29 Мая 1831 года.

„Въ политикѣ новое такъ похоже на прежнее, что кажется старымъ; только и разговору, что про наши пораженія. Придется ждать новой кампаніи, да особенно блистательной, чтобы загладить стыдъ нашъ. Слыханное-ли дѣло? Цѣлый батальонъ Русскій положилъ оружіе. Ахъ! Это могло случиться только при командирахъ Нѣмцахъ! Здѣсь увѣряютъ, будто-бы N** сказалъ разъ королю Прусскому: „Съ Русскими солдатами и Прусскими офицерами можно весь міръ завоевать“. Теперь мы видимъ доказательство, какъ ошибочно это мнѣніе. Хороши наши завоеванія! Когда исправимся мы отъ этого глупаго уничиженія, съ которымъ мы устраняемъ все Русское, какъ посредственное, или низкое и негодное? Какъ должны упывать въ П-бургѣ, и какъ Государь долженъ страдать! Полякъ въ Бѣлостокѣ! Перо отказывается писать такой срамъ. Прощайте. Эти извѣстія меня взбѣсили до слёзъ. Такія событія возбуждаютъ во мнѣ какую-то Спартанскую жестокость, и право, кажется, мнѣ бы легче было слышать, что всю гвардію перерѣзали, нежели что она обезчестила себя такимъ образомъ“.

Я теперь рѣшительно не могу вспомнить, къ чему это относилось; все-ли это было несчастное дѣло Гейсмара, или какое-нибудь ложное извѣстіе, не припомню.

Матушка писала отъ 20 Мая (1 Іюня):

...„Нашъ Русскій Богъ еще милостивъ до насъ: сегодня присланъ изъ Варшавы эстафетъ къ Прусскому консулу, что мятежниковъ побили, взяли Остроленко, и они (т. е. мятежники) бѣгутъ къ Пултуску. Что это правда, я надѣюсь на милосердіе Божіе. Говорятъ, что они потеряли 4000 человѣкъ, въ числѣ коихъ нѣсколько генераловъ и много офицеровъ. Помоги, Господи, чтобы все скорѣй благополучно кончилось. Сколько испытаній нашему добродѣтельному и доброму, жалостливому Государю! Но, вѣрно, Богъ его наградитъ за его терпѣніе и твердость и сжалится надъ нами, Русскими. Много мы грѣшимъ передъ Богомъ, Который насъ всегда спасаетъ“.

Матушка употребляетъ выраженіе „жалостливый“, говоря о Государѣ Николаѣ Павловичѣ. Въ самомъ дѣлѣ, тогда также, какъ во время Турецкой войны и во время Крымской кампаніи, онъ особенно нѣжно и человѣчно относился къ человѣческой жизни и не могъ вполнѣ радоваться удачнымъ сраженіямъ, которыя, какъ ни много стоили крови, однако не полагали конца войнѣ, т. е. кровопролитію. Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, сопровождавшій его во время Турецкой кампаніи 1828 года, говорилъ по возвращеніи отцу моему, что тутъ, узнавъ Государя ближе, онъ глубоко полюбилъ его, видя на каждомъ шагу его доброе, сострадательное сердце и благородные порывы, его любовь къ Отечеству и его сердечное сокрушеніе, когда было много убитыхъ и раненыхъ. Тѣмъ болѣе сокрушался онъ во время междоусобной войны, гдѣ обѣ стороны имѣли право (хотя, конечно, не одинаковое) на его попеченіе. Не такъ мягко однако относились Русскіе вообще къ Полякамъ въ это время. Тому свидѣтельство стихи Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“, которые повторялись всѣми съ увлеченіемъ, и стихи гораздо сильнѣйшаго негодованія (кажется, Туманскаго), которые помню только отчасти и которые, кажется, не напечатаны. Они кончаются обращеніемъ къ Государю:

«Скажи—и Польши ужъ не будетъ,
«И имя Польши свѣтъ забудетъ;
«И на развалинахъ ея,
«Красою юною блистая,
«Возстанетъ Русь передовая,
«Дщерь неизмѣнная твоя.

Стихи сильны и хороши, а чувство для насъ, Великороссовъ, преувеличенное и безпощадное, весьма естественно для Малороссіянина. Не много лѣтъ назадъ, въ послѣдній

Польскій мятежъ, въ разговорѣ съ однимъ профессоромъ, пріѣхавшимъ изъ Малороссіи, мнѣ случилось сказать что-то въ смягченіе строгаго приговора его противъ Поляковъ. „Ахъ вы, Москали! Вы не знаете что́ такое Ляхъ!“ возразилъ онъ мнѣ.

И подлинно, впослѣдствіи (тамъ, на мѣстѣ ихъ неистовствъ, на Украйнѣ) они меня проучили; и, глядя на слѣды, ими оставленные, я поняла, что́ такое Ляхи для Малороссовъ и какъ справедливо наше правительство старается перевести ихъ обратно къ себѣ съ этой страдальческой почвы древнѣйшей нашей Руси. Въ настоящей отчизнѣ ихъ никто болѣе меня не желаетъ имъ всякаго благополучія и мира, лишь бы насъ до́ма оставили хозяевами.

*

Берлинъ.
(20 Мая) 1 Іюня 1831 года

„Статью о Польшѣ Погодина прочла, и очень хочется ее перевести на Французскій языкъ, чтобы ее прочли нѣкоторыя здѣшнія дамы. Пріѣхалъ Трубецкой [17]), старый нашъ знакомый, братъ Мансуровой, который очень перемѣнился; сказывалъ, что онъ былъ боленъ холерой въ Москвѣ; онъ пріѣхалъ на новомъ пароходѣ въ три дня и 7 часовъ....“

„Вчера мы получили очень хорошее извѣстіе изъ арміи: побили мятежниковъ, взяли штурмомъ Остроленко, и Поляки бѣжали такъ скоро, что они теперь уже въ Прагѣ; а одинъ ихъ корпусъ совсѣмъ отрѣзали. Убито у нихъ нѣсколько генераловъ и много офицеровъ. Говорятъ, что сраженіе было весьма кровопролитное“.

Письмо батюшки:

С. Петербургъ.
(10) 23 Мая 1831 года.

„Книгъ новыхъ, интересныхъ для тебя и дѣтей, теперь здѣсь нѣтъ. Можетъ быть, скоро мнѣ удастся вамъ доставить новыя баллады Жуковскаго, но не напечатанныя, а рукописныя. Онъ опять началъ писать стихи, хотя здоровье его очень плохо и безпокоитъ всѣхъ его друзей. Кромѣ политическихъ дѣлъ, Петербургское общество занимается сужденіями и толками о трехъ такъ называемыхъ бриллiантовыхъ свадьбахъ: княжны Алины Волконской съ Дурновымъ [18]), Бибиковой, падчерицы Бенкендорфа, съ княземъ Эсперомъ Бѣлосельскимъ [19]), и княжны Оболенской, внуки Нелединскаго, съ графомъ Валеріаномъ Зубовымъ, сыномъ Николая Зубова, внукомъ славнаго генералиссимуса Суворова [20]). Послѣдняя изъ сихъ свадебъ принадлежитъ не здѣшнему, а Московскому большему свѣту. Больше, кажется, нѣтъ ничего. Въ Москвѣ же не очень давно умеръ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ и, какъ говорятъ, умираетъ въ Лондонѣ другой старикъ, любезный намъ всѣмъ, графъ Воронцовъ; сынъ его со всѣмъ семействомъ поѣхалъ въ Англію, чтобы съ нимъ проститься.“

„Дворъ еще здѣсь. Сначала, какъ слышно, Государь и Государыня переѣдутъ въ Елагинскій дворецъ, потомъ въ Петергофскую Александрію и потомъ уже въ Царское Село, гдѣ будутъ ожидать разрѣшенія Императрицы отъ бремени, въ серединѣ или въ концѣ Августа“.

*

Берлинъ.
Іюнь 1831 года

„Весь нашъ восторгъ отъ Остроленской побѣды исчезаетъ. Слава, насъ учили, дымъ, говоритъ поэтъ (не могу вспомнить кто). И точно, Остроленская слава — дымъ. Дибичъ какъ-то сказалъ, что онъ радуется, что могъ наконецъ найдти и побѣдить Поляковъ; и здѣсь говорятъ Русскіе: „A quoi sommes

---

[17]) Князь Егоръ Ивановичъ Трубецкой, женатый сперва на княжнѣ Прозоровской, а потомъ на Итальянкѣ.

[18]) Ея сынъ теперь губернаторъ Московскій.

[19]) Нынѣ вдова (по второмъ бракѣ) князя Кочубея; ея дочь за мужемъ за Дурновымъ.

[20]) Жена Зубова, красавица и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно-милая женщина, умерла очень молодою. Вообще, кажется, всѣ три бриллiантовыя свадьбы не были особенно счастливы.

nous réduits? Il est tout fier d'avoir battu Skrezcnecki! [21]) Эта несчастная кампанія дѣлаетъ всѣ наши объясненія въ газетахъ смѣшными; напримѣръ, когда говорятъ: „lorsque le démon de l'anarchie aura - été expulsé" [22]); а этотъ démon чуть не прогналъ нашу армію изъ Польши. Спрашиваютъ даже, не фельдмаршалъ ли этотъ нечистый духъ или лѣшій, который мѣшаетъ намъ отдѣлаться отъ фурій, подобныхъ графинѣ Ronnicker, о которой не могу слышать, не краснѣя за нашъ полъ. Возможно ли, чтобы женщина такъ вела себя? Это, право, не вѣроятно, хотя и достовѣрно. Впрочемъ я Дибича, бѣдняжку, не осуждаю: можетъ быть ему встрѣчалось такъ много препятствій, о которыхъ мы и не вѣдаемъ! Но въ этой статьѣ о Литвѣ, помѣщенной въ № 16 (28 Мая) „Journal de S. P-bourg", есть много хорошаго, справедливаго; и я рада, что эта газета пустилась наконецъ отвѣчать на Французскія: ибо достоинство, съ которымъ мы молчали, уже через-чуръ достойно было. Однако нельзя было для примѣра благоразумной строгости попасть хуже, какъ на Брута. Да, онъ былъ злодѣй, достойный попасть въ руки графини Ronnicker; онъ былъ бунтовщикъ, притворяясь сумасшедшимъ, чтобы лучше успѣть въ измѣнѣ; онъ былъ кровопійца, котораго надобно бъ было повѣсить; наконецъ сыновья его, которые дѣлали заговоръ, чтобъ возвратить престолъ законному царю, могли бы ему сказать (еслибъ онъ былъ не отецъ имъ) тоже, что сказалъ Монтрозъ: „Не тебѣ бы насъ судить, а намъ бы сидѣть на твоемъ мѣстѣ судьями". Я уже не говорю объ отвращеніи, съ которымъ я покрайней мѣрѣ всегда думаю о такомъ родителѣ. Ахъ! Я и самому Петру нашему, моему любимцу, не могу этого простить...."

„Скажите, пожалуйста, кто писалъ эту статью—не Кошелевъ-ли? Но вотъ нѣкоторыя другія изъ журнала La Mode".

„„L' Indicateur de Bordeaux передаетъ, что префектъ Жиронды смѣнилъ г-на Кастера, мэра Людана, за то, что не сдѣлалъ протокола и не требовалъ судебнаго преслѣдованія противъ одной дамы своей волости, которая наплевала на трехцвѣтный флагъ Французскій. Мы понимаемъ заботу г-на префекта: такой протоколъ былъ бы настоящій куріозъ и напомнилъ-бы знаменитую прокламацію генерала Дюмутье, наставляющаго прежняго префекта Майна и Луары удержать языкъ госпожи де Баньё"".

„Газета Quotidienne (или иначе, ея редакторъ) все въ тюрьмѣ, и намъ хочется послать нѣсколько талеровъ на подписку въ пользу ея съ товарищами. Подписка открыта въ bureau de la Gazette de France, какъ они называютъ тюрьму S-te Pélagie: ибо и этотъ редакторъ вѣчно въ тюрьмѣ. Vive la liberté de la presse (Да здравствуетъ свободная пресса!) Нѣтъ, цензура, какъ бы ни была глупа, а все лучше заключенія; лучше не позволять галкамъ сидѣть на крестахъ церквей въ Москвѣ [23]), нежели сажать ихъ бѣдныхъ въ клѣтку". — Вотъ другая выписка:

„„Намъ неизвѣстно, серіозно-ли или только для плохой шутки писано письмо, которое ходило вчера по рукамъ въ Парижѣ съ подписью: Лашассань, литераторъ. Оно адресовано генералу графу Бертрану, исполняющему должность полковника 4-го легіона національной гвардіи. Въ немъ описывается неловкое положеніе, въ какое былъ бы поставленъ Лашассань, какъ національный гвардеецъ, принадлежащій партіи противной нынѣшней системѣ управленія, еслибъ его назначило въ караулъ въ Пале-рояль (гдѣ жи-

---

[21]) Переводъ: «До чего мы доведены? Онъ гордится тѣмъ, что побилъ Скрежнецкаго».

[22]) Переводъ: «Когда демонъ анархіи будетъ изгнанъ» и пр.

[23]) Въ стихахъ съ описаніемъ Кремля цензоръ вычеркнулъ слово «галокъ»: потому что неприлично и непочтительно съ ихъ стороны сидѣть на крестахъ.

вотъ Луи-Филлиппъ) и постоялъ бы тамъ часовымъ у входа, а люди его партіи захотѣли бы пройдти. Нельзя отрицать того, напримѣръ, что еслибъ Шатобріанъ или Кергорле, которые сложили съ себя званіе Французскихъ пэровъ, очутились бы въ положеніи, означенномъ Лашассанемъ, т. е. стояли бы на часахъ у дверей дворца, а герцогъ Бордоскій захотѣлъ бы пройти,—вѣроятно, что ни тотъ, ни другой не рѣшился бы заслонить ему дорогу штыкомъ или выстрѣлить въ него, какъ требуетъ обязанность часоваго."" Вотъ какъ кончается письмо Лашассаня:

„Весьма неосторожно давать оружіе въ руки людей, которые не пожелали бы употребить его въ случаѣ опасности для охраненія трона, называемаго **народнымъ**, а, можетъ быть, употребили бы это оружіе противъ него. Я съ своей стороны не хочу подвергать себя такому искушенію; я предпочитаю оставаться безоружнымъ. Этого требуютъ мои привязанности, мои воспоминанія и мои политическія правила. Еслибъ я стоялъ на часахъ у дверей того принца, который теперь нами управляетъ, а Наполеонъ II [24]), увѣнчанный лаврами своего отца или Генрихъ V, съ дорогими воспоминаніями о Генрихѣ IV, или, наконецъ, республика въ видѣ красивой женщины, пришли бы къ дверямъ, я бы спросилъ: „куда идете"? Мы идемъ къ королю Французовъ. Что́ вы хотите тамъ дѣлать?—Стать на его мѣсто. Я бы сказалъ: „милости просимъ", и отдалъ бы честь тому, который пришелся бы мнѣ по́-сердцу; а другихъ бы штыкомъ оттолкнулъ. Можетъ быть, Франція сказала-бы мнѣ спасибо. Вотъ, г-нъ полковникъ, уважительныя причины, по которымъ я отказываюсь отъ службы въ національной гвардіи. Впрочемъ времена мѣняются. Могутъ быть обстоятельства въ будущемъ, когда и я одумаюсь. Но теперь имѣю честь быть. Лашассань, литераторъ. Невольный и неохотный егерь 4-го легіона.

[24]) Герцогъ Рейхштадскій.

Эти выписки въ письмахъ нашихъ объ оппозиціи и принудительныхъ мѣрахъ противъ нея **самаго либеральнаго** изъ правительствъ, правительства Франціи, привожу потому, что эти дѣйствія совершенно забыты нынѣ подъ впечатлѣніемъ послѣдующаго управленія (которое не скупилось на пули, картечь и ссылку въ Каену своихъ противниковъ), а за тѣмъ рѣзни, пожаровъ, коммуны и наконецъ разстрѣливанья [25]) противниковъ новой республики.

Сколько попытокъ къ революціи видѣла я на своемъ вѣку во Франціи,—и къ чему онѣ ее привели? Или, лучше сказать, къ чему **ведутъ**? Ибо, конечно, не истощилась злоба

[25]) Мнѣ говорилъ нынѣ одинъ приверженецъ республики (и не новый, un républicain de la veille), что по спискамъ оффиціальнымъ (régistres des inhumations) республика Thiers'a и Favre'a разстрѣляла въ Парижѣ послѣ побѣжденной коммуны **десять тысячъ** человѣкъ, изъ которыхъ 4,000 разстрѣляла только **сгоряча**, безъ суда, просто потому, что эти люди были взяты съ оружіемъ въ рукахъ, а 6,000 по разнымъ приговорамъ. И это правительство, такое сильное, позволившее себѣ мѣры (хоть напримѣръ для насъ варваровъ) невообразимыя, черезъ два года свергнуто большинствомъ 14-ти голосовъ, и новое поставлено на его мѣсто большинствомъ 16-ти голосовъ! Что̀ за обманъ это пресловутое «**souveraineté** du peuple» (правленіе народное). Въ иныхъ обстоятельствахъ дѣйствительно бываетъ **народное диктаторство**, какъ было напримѣръ у насъ въ смутное время, тогда точно весь народъ управляетъ, губитъ или спасаетъ себя и свой край, жертвуетъ собою или отмщаетъ; но послѣ такого кризиса онъ слагаетъ съ себя власть, какъ долженъ слагать всякій диктаторъ, и возвращается къ прежней формѣ или основываетъ новую форму правленія; а **управлять** цѣлая милліонная масса **не можетъ**, и это самодержавіе народное остается фикціей—льстивымъ обманомъ. Стараются, конечно, провести этого царя-народа, угождая ему, окружая его лестью того же качества, какою окружаютъ всякую власть, даже древнихъ королей Французскихъ, «rois fénéants» (безпечныхъ королей); но какая же тутъ общая выгода? Какія гарантіи? Только всѣ **втягиваются**, такъ сказать, **во вкусъ подлостей**, извиняя ихъ себѣ тѣмъ, что ихъ дѣлаютъ не передъ извѣстнымъ лицемъ, а передъ всѣми и всякимъ. Хороша привычка! И хорошо она возвышаетъ нравственность человѣка и народа! Тутъ сливаются въ прекрасномъ сочетаніи самообожаніе и низость. Тяжело и отвратительно видѣть все это. Всякій гражданинъ (citoyen) есть и частица царя, и полный царедворецъ.

партій и сумасбродства ихъ вожаковъ. Можно сказать, какъ пѣли въ водевилѣ того времени:

J'ai tant vu passer du rouge au blanc,
Et puis du blanc au tricolore!
Ghé! ghé! Ne mourrons pas,
Pour voir s'ils changeront encore [26]).

Однако во всемъ этомъ смятеніи и шатаніи были геройскіе подвиги любви и вѣрности, тоже забытые исторіей: въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи, особенно въ Вандеѣ (Vendée), гдѣ сельское населеніе богобоязненное, неиспорченное близостью большихъ центровъ (этихъ разсадниковъ разврата) съ любовью дѣтскою и съ упрямствомъ Бретанскимъ отстаивало королей своихъ, чуть ли не со временъ Анны Бретанской (Anne de Bretagne), за которой они отошли въ приданое къ Французскимъ королямъ.

Вообще сельское населеніе всегда самое мирное и стойкое (или, по нынѣшнему выраженію, самое консервативное) вездѣ предано, такъ сказать, лично своему Государю, на котораго смотритъ, какъ на посланника Божія, на олицетвореніе Отечества и вмѣстѣ какъ на старшаго и на главу семейства, т. е. обширнаго семейства всего народа. Эти отношенія развиваются и крѣпнутъ тамъ, гдѣ много богатыхъ и небогатыхъ дворянъ живутъ большую часть года въ своихъ усадьбахъ, въ хорошемъ расположеніи къ земледѣльцамъ, и гдѣ хлѣбопашество или рыбная ловля суть занятія массъ, т. е. тамъ, гдѣ нѣтъ фабричнаго разврата, нищества и сребролюбія и куда не заѣзжаютъ магнаты съ своей роскошью и пустой жизнію. Такое положеніе было въ Бретаньи, которой бытъ намъ такъ знакомъ по письмамъ m-me de Sevigné, а отвага и преданность—по мемуарамъ времени первой Французской революціи. Какъ извѣстно, старшій сынъ короля Карла X, герцогъ Ангулемскій, былъ женатъ на дочери несчастнаго Людовика XVI, которая съ матерью долго сидѣла въ тюрьмѣ Temple и послѣ казни матери была обмѣнена на Французскихъ плѣнныхъ, взятыхъ Австрійцами. Въ этой строгой школѣ несчастія она выработала себѣ такую твердость и отважность духа, что Наполеонъ сказалъ о ней въ 1815 году: „Il n'y a qu'un homme dans la famille royale, et cet homme est une femme, la duchesse d'Augoulême [27])“. Она съ тихимъ достоинствомъ и съ твердой покорностью вынесла новый ударъ судьбы 1830 года и послѣдовала за мужемъ въ изгнаніе, гдѣ до конца жизни занималась воспитаніемъ племянника, герцога Бордоскаго и добрыми дѣлами, отказывая себѣ во всякой роскоши и прихоти ради пособія тѣмъ, которые пострадали за нихъ, и бѣднымъ вообще. Она даже одѣвалась бѣдно, какъ я могу засвидѣтельствовать, видѣвъ ее въ Вѣнѣ въ 1847-мъ году у Великой Княгини Елены Павловны. Глубоко тронуло меня свиданіе съ нею. Вся эта кровавая драма, надъ которой я пролила столько слезъ въ моей молодости, воскресла въ моей памяти, когда сказали: „герцогиня д'Ангулемъ идетъ“. Воображеніе невольно облекаетъ своихъ героинь въ наружность изящную: картины и гравюры, на которыхъ она представлена съ королевой Маріей Антуанетой въ заточеніи, всѣ изображаютъ ее красивою 14-ти лѣтнею дѣвочкою. Смотрю: прошла черезъ пріемную въ кабинетъ Великой Княгини старая дама, нѣсколько выше средняго роста, въ поношенномъ, черномъ, узкомъ и короткомъ платьѣ (тогда носили платья очень широкія), въ такой же поношенной шляпкѣ и шалѣ. Съ ней была дама довольно молодая, просто одѣтая; но ея туалетъ казался роскошнымъ въ сравненіи съ герцогиней, которая однако поклонилась съ достоинствомъ и привѣтливостью, совсѣмъ несоотвѣтствовавшими ея наряду; въ этомъ поклонѣ видѣлась долгая привычка къ высокому положенію, къ сану, въ которомъ

[26]) Переводъ: «Я не разъ видалъ, какъ красный цвѣтъ смѣнялся бѣлымъ, а потомъ бѣлый замѣнялся трехъ-цвѣтнымъ. Ге, ге! Поживемъ еще, чтобы посмотрѣть, какъ эти цвѣта еще разъ измѣнятся».

[27]) Переводъ: «Въ царственной семьѣ есть только одинъ человѣкъ, и этотъ человѣкъ есть женщина—герцогиня Ангулемская».

royauté oblige, царское достоинство налагаетъ обязанность. Я осталась съ ея дамой (не помню фамиліи), но разговоръ нашъ касался горестнаго положенія Великой Княгини, какъ матери, потерявшей двухъ милыхъ взрослыхъ дочерей въ такое короткое время. Когда герцогиня вышла опять къ намъ, Вел. Кн. меня представила ей. Передо мной стояла, она—это любимое историческое лицо! Большія черты Бурбоновъ, сѣдые, или скорѣе съ просѣдью, волосы, поступь и вся наружность старой гувернантки, или dame de compagnie, умные, ласковые глаза и умный, ласковый разговоръ и что-то такое въ общемъ выраженіи, все это привлекало и внушало вмѣстѣ довѣріе и почтеніе. Первое чувство разочарованія замѣнилось глубокимъ чувствомъ почитанія, какимъ-то озареніемъ всего сокровеннаго въ этой чистой душѣ, въ этомъ благородномъ сердцѣ, въ этой долгой жизни, полной терзаній и угнетеній, увѣнчанной, вмѣсто царской короны, христіанскими добродѣтелями всепрощенія и тихой покорности. Я глядѣла на нее, и мнѣ хотѣлось низко, низко поклониться ей, Русскимъ земнымъ поклономъ, и приложиться къ ея рукѣ. Однако въ длинный списокъ моихъ промаховъ при Дворѣ не попалось это непозволительное увлеченіе сердечнаго чувства: я удержалась во время и только обыкновеннымъ присѣданіемъ (révérence) откланялась ей и проводила до лѣстницы. Но впечатлѣніе осталось неизгладимое въ памяти: впечатлѣніе доброе, память дорогая.

Второй сынъ Карла, герцогъ de Berry, женатый на принцессѣ Каролинѣ Неаполитанской, былъ убитъ въ театрѣ Louvel'емъ: убійца хотѣлъ чрезъ его смерть прекратить династію Бурбонскую, такъ какъ въ то время у герцога была только дочь. Но принцесса была беременна и родила сына уже послѣ его смерти, нынѣшняго герцога Бордоскаго (или графа Шамбора). Преступленіе не привело къ цѣли. Нынѣ же герцогъ Бордоскій, давно женатый и состарѣвшійся, остается бездѣтнымъ, слѣдовательно прекращается домъ Бурбоновъ безъ преступленія, волей Божіей, въ предопредѣленное Имъ время, которое ни наши преступленія, ни наши старанія не могутъ ни ускорить, ни отдалить.—Герцогиня Беррійская, вдова принца, была далеко не красавица, даже косила немножко; но молодая, живая, добродушная и веселая, какъ Итальянка. Она скоро сдѣлалась самой модной дамой Парижа, повелительницей большаго свѣта, привѣтливой хозяйкой своего флигеля въ Тюльери (Pavillon Marsan) и покровительницей Scribe'a, этого неистощимаго водевилиста театра du Gymnase, который даже названъ былъ ея театромъ, Théâtre de Madame. Она, говорятъ, одѣвалась очень хорошо, и ей подражали; но никогда не приходило ей въ голову составлять комитетъ изъ свѣтскихъ дамъ и портныхъ для обсужденія важнаго дѣла—новаго фасона платья или шляпки. Такъ точно, любя театръ, она, именно своимъ присутствіемъ, заставляла Жимназъ давать только приличныя піесы, и этотъ хорошенькій театръ сталъ самымъ приличнымъ и блистательнымъ послѣ Comédie Française. Герцогиня считалась и была въ сущности довольно легкомысленная и пріятно-пустая; но въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь видимъ, она могла бъ считаться серіозною и чопорною. Дѣти ея были оба хорошенькія; говорили, что она старается объ ихъ воспитаніи. Словомъ, герцогиня была очень популярна. Среди пустыхъ бальныхъ кавалеровъ и театраловъ, окружавшихъ ее, нашлись однако на черный день люди молодые, пылкіе, преданные и отважные, дворяне старыхъ Бретаньскихъ родовъ, которые отдались душею и тѣломъ на поддержку ея 10-ти лѣтняго сына. Такъ образовалась Вандейская экспедиція (expédition de Vendée de Madame).

Герцогиня Беррійская пробралась въ Вандею, сама стала во главѣ движенія и привела въ неописанный восторгъ, какъ молодыхъ дворянъ, поспѣшившихъ въ свои имѣнія для собранія войска, такъ и составлявшихъ это войско крестьянъ. Возстаніе росло и распространялось, а легитимистскія газеты Парижа не-

умолкаемо воспѣвали доблести Вандейцевъ и также неумолкаемо бранили и поднимали на смѣхъ министровъ, слегка задѣвая и короля. Начали серіозно опасаться, чтобъ движеніе не перешло въ другія провинціи. Кажется, тогда было министерство Лафита и Казимира Перье (Perrier) съ системой, взявшей за основаніе опираться на средніе классы, на буржуазію (bourgeoisie) и національную гвардію, вмѣсто дворянства или массы народа, тогда опору сильную въ большихъ городахъ, но ничтожную въ сельскихъ общинахъ. Рѣшились на энергическія мѣры и послали къ войску съ секретными инструкціями одного изъ Алжирскихъ генераловъ Bugeaud. Алжирскіе генералы, какъ Pelissier, такъ и Bugeaud, кажется, упражнялись охотно въ поджогахъ и выкуреніи дымомъ непріятеля. Извѣстно, что Pelissier жителей цѣлаго селенія задушилъ дымомъ въ какой-то пещерѣ, куда они спрятались. Также съ „дымомъ пожаровъ" шелъ впередъ Bugeaud, преслѣдуя по своимъ инструкціямъ болѣе герцогиню Беррійскую лично, нежели вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ разорялъ и сожигалъ, гдѣ только могъ. Оно, можетъ быть, и неизбѣжно въ этомъ родѣ партизанской войны; но тогда за чѣмъ же негодовать на Бакланова за рапортъ: „аулъ истребленъ", или на Муравьева, который нигдѣ не поджигалъ и не истреблялъ, а только вырубалъ лѣса, гдѣ скрывались шайки, и казнилъ поджигателей и вѣшателей крестьянъ своихъ? Nul n'aura raison que nous et nos amis! [28]) Вся эта короткая Вандейская кампанія—настоящая сельская эпопея; и какъ я сожалѣю, что затерялись газеты того времени, собранныя мною, гдѣ напечатанъ цѣлый рядъ извѣстій, исполненныхъ романическаго интереса и подвиговъ безстрашной предпріимчивости, ловкости, военныхъ хитростей и безграничнаго самоотверженія. Особенно помню ужасный эпизодъ маленькаго отряда, окруженнаго генераломъ Bugeaud въ одной фермѣ. Тогда герцогиня должна была скрываться, спасаясь бѣгствомъ отъ непріятеля; нужно было, во что бы ни стало, удержать войско, преслѣдовавшее ее по пятамъ. Шуаны (Вандейцы), засѣвшіе въ домѣ на этой мызѣ, защищались отчаянно; окруженные, запертые, какъ въ клѣткѣ, они все отстрѣливались. Ужъ не оставалось амуниціи. Генералъ требовалъ сдачи. Они отказались. „Соломы, огнива, хворосту къ дверямъ, да крышу зажгите! Сдадутся, какъ все загорится", сказалъ Bugeaud. И скоро запылала мыза: дымъ клубомъ подымался, пламя охватило строенія. Ни одинъ человѣкъ не сдался; только когда крыша обрушилась, и домъ весь запылалъ, громкій дружный крикъ оглушительно раздался въ палящемъ отъ жара воздухѣ. Этотъ крикъ былъ: „Vive le Roi Henri! Vive Madame (герцогиня Беррійская)! [29]).

И въ трескѣ, и шумѣ разрушенія замерли голоса. Кто защищался въ домѣ, до единаго погибли. Bugeaud оставилъ только нѣсколько человѣкъ въ другихъ углахъ мызы, спѣша дальше отыскивать герцогиню. Мнѣ неизвѣстно, черезъ кого, черезъ своихъ-ли шпіоновъ или чрезъ заграничныя свѣдѣнія (ибо герцогиня изъ чужихъ краевъ пробралась въ Бретань), но правительство Парижское знало многое, неизвѣстное самимъ приверженцамъ ея; и главная задача Bugeaud была взять ее въ плѣнъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, онъ наконецъ открылъ ея убѣжище, обшаривая весь домъ помѣщика, у котораго она спряталась. Ее отвезли въ замокъ Бле (chateau de Blaie) и держали подъ стражей, хотя со всевозможнымъ почетомъ, пока она не издала прокламацію, или печатнаго письма, съ объявленіемъ, что она тайно обвѣнчана съ графомъ (или маркизомъ) Лукези-Палли и ему родила дочь въ своемъ заточеніи.

Это было полное пораженіе Вандеи. Супруга Итальянскаго графа не могла сохранить

[28]) Переводъ: Всѣ будутъ не правы, кромѣ насъ и нашихъ друзей».

[29]) Переводъ· «Да здравствуетъ король Генрихъ! Да здравствуетъ герцогиня!»

обаянія царственной вдовы умерщвленнаго принца, регентши Франціи, матери-героини, защищающей права малолѣтняго сына, законнаго короля.

Луи-Филиппъ, съ ловкостью, свойственной его уму, очень хорошо понималъ это, а министерство его и подавно; и оттого планъ всей кампаніи Бюжо имѣлъ единственною цѣлью: плѣненіе герцогини.

Игра была ловко съиграна (le coup était bien joué). Но выставляя такъ безпощадно передъ цѣлымъ свѣтомъ слабости женщины-родственницы, любимицы всей партіи роялистовъ, Луи-Филиппъ посѣялъ ту непримиримую вражду между этой партіей и своимъ потомствомъ, которая нынѣ еще мѣшаетъ возстановленію монархіи во Франціи посредствомъ слiянія (la fusion) правъ обѣихъ вѣтвей Французскаго королевскаго дома. Его собственное отрѣченіе, такъ сказать, отъ церкви, безнаказанность грабителей и разрушителей дома архіерейскаго, тѣхъ, которые отбивали и искажали надписи на зданіи, гдѣ находились fleurs de lys, эти вещи оставили неизгладимые слѣды въ сердцахъ, и многіе легитимисты говорили про Наполеона III: Au moins ce systême-ci n'a pas livré à la profanation et à la risée publique tout ce, qui nous est sacré ou cher, comme les Orleans [30]). Не всегда ловкость интриги удается. По правдѣ сказать, это мелочное качество никогда не торжествуетъ долго.

*

Берлинъ.
(2) 14-го Іюня 1831 года.

...„Разъ въ недѣлю мнѣ Грефе позволяетъ заниматься цѣлую половину дня (писала сестра моя); я этимъ и воспользовалась, чтобы декалькировать для васъ и для маменьки портфель и чернилицу, а въ день рожденія ея мы вечеромъ ѣздили въ Тиволи подышать воздухомъ посвѣжѣе городскаго. Вы не можете вообразить, какое для меня было наслажденіе очутиться опять въ открытомъ деревенскомъ воздухѣ послѣ долгаго заключенія въ городѣ! Мнѣ хотѣлось сказать съ Маріей Стюартъ:

«Lass mich in vollen, in dürstigen Zügen
«Trinken die freie, die himmlische Luft [31])

„Другое удовольствіе было чтеніе книги Charles Nodier про первую Французскую революцію. Мы тамъ нашли прелестные разсказы про Шуановъ Вандеи, которые, какъ вы знаете, мои любимцы. Да кто можетъ не удивляться и не поклоняться имъ? Маленькій братъ мой тоже ихъ полюбилъ, особенно нынѣшнихъ, и готовъ плакать всякій разъ, какъ котораго-нибудь возмутъ въ плѣнъ, особенно боится за своего героя Діо (Diot).“

Не одни мы, даже отроки и дѣти, такъ горячо принимали къ сердцу подвиги этихъ простодушныхъ героевъ. 15 лѣтъ реставраціи Бурбоновъ были эпохою самаго блистательнаго возстановленія народа послѣ неудачь, тяжестей и уничиженія иностраннаго нашествія. Парижъ, а съ нимъ и Франція, жили самой роскошною, блистательною жизнію, умственною и политическою. Казалось, что новые порядки самоуправленія привились къ старому монархическому преданію и что благоразумная свободная система политики пустила корни во Франціи. Необычайное богатство дарованій въ молодомъ поколѣніи и поколѣніи среднихъ лѣтъ, открытое для всѣхъ поприще публичной дѣятельности, сохранившее сквозь революцію и военную имперію вкусъ стараго Французскаго общества къ умственному движенію въ литературѣ, въ наукахъ, даже въ разговорахъ, въ гостинныхъ самаго высшаго образованнаго общества, все это составляло такое увлекательное цѣлое, что, можетъ быть, никогда Франціи уже не видать такой блистательной эпохи. Такіе разнородные таланты на такихъ разнородныхъ поприщахъ, какъ Шатобріанъ,

---

[30]) Переводъ: «По крайней мѣрѣ эта система не подвергла, какъ Орлеаны, профанаціи и публичному осмѣянію то, что для насъ свято и любезно».

[31]) Переводъ:
«Дай попорхать мнѣ свободно, какъ птицѣ,
Жадно небесный воздухъ впивать».
(Соч. Шиллера, изд. Гербеля Т. V.)

Ламене, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Казиміръ Делавинь, Мартиньякъ, Гизо, Кузень, Вильмень, Августинъ Тіерри, Барантъ, Ройе Коліардъ, Лапласъ, Біотъ, Амперъ, Кювье, Тіеръ, Мишеле, всѣ въ одно время украшали каѳедры профессорскія или каѳедру камеры. Разница ихъ политическихъ мнѣній не мѣшала имъ сходиться въ обществѣ или состязаться въ приличныхъ, спокойныхъ спорахъ, какъ подобаетъ истиннымъ ученымъ и литераторамъ, истинно-образованнымъ, уважающимъ другъ въ другѣ науку и литературу, которой служатъ. Я сама не знала лично этой среды, но она имѣла свой отголосокъ и въ Россіи; нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей я встрѣчала у насъ и за границей, а батюшка изъ нихъ зналъ многихъ. Это впечатлѣніе недавно, такъ сказать, обновилось для меня при чтеніи мемуаровъ тогдашнихъ временъ. „Этотъ періодъ времени“, пишетъ одинъ изъ современниковъ (по своей дѣятельности и воззрѣніямъ принадлежащій скорѣе Орлеанскому правительству) „былъ особенно замѣчателенъ тѣсною связью между наслажденіями литературой и важностью политическихъ заботъ. Для лучшихъ людей того общества какое было изящное наслажденіе слушать Мартиньяка— этого министра-оратора, котораго скромность была еще выше его дарованій и который въ рѣчахъ своихъ никогда не примѣшивалъ никакой горечи, безпокоясь болѣе за будущность своего государя, нежели за сохраненіе своей собственной власти (т. е. министерства), успокоивая, не раздражая страсти. И наслажденію этому предавались съ художественной точки зрѣнія среди общаго спокойствія этого блистательнаго общества, увѣреннаго въ благополучномъ будущемъ. Въ теченіи счастливаго года управленія министерствомъ Мартиньяка это общество переходило прямо изъ камеры пэровъ или депутатовъ во Французскую Академію на публичныя засѣданія, гдѣ тѣже важные предметы опять облекались въ самыя изящныя формы Французскаго языка, въ устахъ Royer Collard'a, Barante'a, Lamartin'a, въ ихъ вступительныхъ рѣчахъ. Между тѣмъ Augustin Thierry писалъ свои „Письма объ исторіи Франціи“; Guizot съ каѳедры своей описывалъ основаніе представительнаго правленія въ Англіи; самъ Villemain, по природѣ своей исключительно литераторъ, не могъ устоять противъ политическаго влеченія времени и съ высотъ философіи низпускался въ разсужденія объ Англійскомъ парламентѣ; а далѣе, среди восторженныхъ слушателей, самъ онъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ излагалъ свою теорію развитія къ лучшему человѣчества per fas et nefas, считая счастливымъ днемъ для Франціи и день Ватерло, потому что не устояла Имперія, а ея паденіе привело за собою хартію конституціи, которая утѣшила и превзошла потери наши и наше пораженіе. Когда такіе люди встрѣчались ежедневно въ Institut (по нашему Университетѣ или Академіи) и въ гостинныхъ нашихъ, Парижъ въ самомъ дѣлѣ былъ выраженіемъ и орудіемъ общей гражданственности Европы. Это время носитъ отпечатокъ нравственной высоты: тогда убѣжденія стояли выше разсчета. Это останется въ исторіи отличительнымъ характеромъ эпохи реставраціи. Разныя партіи (или политическія школы) въ этомъ замѣчательномъ періодѣ сохраняли каждая цѣльность своихъ политическихъ вѣрованій, которыя, увы, въ послѣдствіи такъ ослабѣли у однихъ отъ ихъ пораженія, а у другихъ отъ самого ихъ торжества. Всѣ могли встрѣчаться, не краснѣя и не обижаясь, въ вечерней бесѣдѣ не шумныхъ и не многолюдныхъ, но блистательныхъ гостинныхъ любезнаго, воспріимчиваго Парижскаго общества. У Lacretell'a были литературныя собранія; въ другихъ смѣшанныхъ салонахъ устроивались кружки безъ особаго назначенія, гдѣ и политика, и наука, и всѣ умственныя задачи составляли однако общій интересъ: у маркизы d'Aguesseau, у графа d'Hautefeuille, котораго жена извѣстна прелестными повѣстями, у герцогини Дюрасъ (писательницы). Реставрація, которую низпровергли ея враги, но которую даже враги не могли презирать, остается эпохой своеобразной, озаренной великими

успѣхами умственной жизни и великими талантами. Въ борьбѣ партій искреннія убѣжденія и правдивость извиняли страстность, и слышалось дыханіе здоровой жизни, замѣненной нынѣ то судорожнымъ онѣмѣніемъ, то припадками горячки. Всѣ заботы гражданскаго общества находили высокое выраженіе въ обществѣ литературномъ, тѣсно связанномъ съ дѣлами государственными. У профессоровъ слушателями была вся Франція; поэты стремились расширить кругъ человѣческой мысли; отголосокъ съ каѳедры камеръ раздавался во всѣхъ гостинныхъ высшаго круга; а скептицизмъ также старательно скрывалъ отъ глазъ свои язвы, какъ нынѣ старательно выставляетъ ихъ на видъ. И все это хорошое и высокое пропало изъ за упрямства Карла, самонадѣянности Полиньяка и властолюбія Луи-Филиппа. Le trône fut escamotté (тронъ былъ искусно похищенъ).

Батюшка писалъ намъ отъ 16 (28) Мая:

„Мнѣ самому часто бываетъ грустно; оттого, между прочимъ, и письма мои къ вамъ сдѣлались короче прежнихъ. Иногда я не въ силахъ, не только писать, даже и говорить; иногда, и почти всегда, мнѣ хотѣлось бы броситься, если не въ землю, то на землю, покрыть себя, закрыть глаза и уши какимъ-нибудь плащемъ, чтобы не видать, не слыхать ничего, отдѣлиться отъ внѣшняго міра, а буде можно, и не мыслить, и не чувствовать. Но я по возможности удерживаю себя отъ этого душевнаго унынія, повторяя, что̀ однажды писалъ къ Антуанетѣ: будущее въ рукахъ Божіихъ, и Провидѣніе знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Будемъ стараться и мы дѣлать, что̀ Ему угодно, то есть что̀ должно"... Въ этомъ письмѣ слышится тоже отчаяніе, какъ въ моемъ отъ 17-го Мая. Очевидно, тѣже нелѣпые слухи о сдачѣ цѣлаго отряда гвардіи дошли до Петербурга. Я, въ порывѣ 17 лѣтняго негодованія, высказывала все, не озираяся; а у батюшки, такъ сказать, языкъ не повернулся повторить такія вѣсти.

...„Вамъ, конечно, уже извѣстно то, что̀ теперь здѣсь всѣхъ занимаетъ: смерть фельдмаршала Дибича и назначеніе графа Паскевича на его мѣсто. Я сейчасъ съ нимъ простился: онъ сегодня ѣдетъ, или плыветъ на пароходѣ, въ Мемель; оттуда отправится къ арміи. Помоги ему Богъ!"

„Ты видишь, что напрасно не любишь пароходовъ. Они теперь сдѣлались самымъ скорымъ, самымъ покойнымъ и даже самымъ безопаснымъ путемъ для нашихъ сообщеній съ другими частями Европы. Удастся ли мнѣ ими воспользоваться для свиданія съ вами? Опять скажу: знаетъ одинъ Богъ, Тотъ, Чье одно имя всегда производитъ въ моемъ сердцѣ успокоительное дѣйствіе, особливо съ нѣкотораго времени."

Помѣщаю письмо отъ А. П. Бутенева, ради содержащейся въ немъ оцѣнки характера и дѣятельности Дибича.

Буюкдере.
Іюля 6. 1831 года.

„Нужно ли мнѣ увѣрять васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Дмитрій Николаевичъ, что, не смотря на отдаленность моего пребыванія и на долговременное молчаніе, въ коемъ винюсь откровенно, я не переставалъ по прежнему любить и уважать васъ. Ни Мусульмане, ни Босфоръ ихъ невѣрный не могутъ сдѣлать меня невѣрнымъ противъ такихъ друзей, какъ вы и нашъ Д. В. [32]), хоть онъ полгода не отвѣчалъ мнѣ на письма мои изъ П-бурга и изъ Букареста. Знаю, что вы оба завалены дѣлами, кромѣ заботъ и душевнаго прискорбія, общихъ всякому Русскому, при печальныхъ и ненавистныхъ событіяхъ въ Польшѣ. И меня они (т. е. эти событія) тяготятъ до глубины сердца, и я искренно, глубоко, соболѣзную о кончинѣ гр. Дибича, какъ соболѣзновалъ и о неудачномъ его походѣ. Я увѣренъ, что вы согласны со мною, что это большая потеря для Россіи: благородная, пламенная душа его къ добру, къ славѣ Государя и Россіи, содѣлывала его достойнымъ быть украшеніемъ и подпорою державы Русскаго Царя, хотя онъ и не

[32]) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ.

носилъ Русскаго имени. Преемникъ его, Суворовъ нашего вѣка, конечно, въ состояніи замѣнить его въ ратномъ дѣлѣ; но и объ его дѣйствіяхъ мы еще ничего не знаемъ, кромѣ слуховъ (я надѣюсь) столько же ложныхъ, какъ и нелѣпыхъ о прежде-временной его кончинѣ холерою, тоже и о пораженіи арміи подъ Прагою. Эти происшествія и толки имѣютъ много вліянія на пріятелей нашихъ Магометова поколѣнія. Какого же рода это вліяніе, вы легко сами догадаетесь: вы уже двадцать лѣтъ тому назадъ ворочали Турецкою политикою; да и до сихъ поръ не даромъ носите мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ. Я крѣплюсь духомъ и ежели и не успѣваю оправдать, сколько бы желалъ, званіе, въ которое облеченъ здѣсь, то утѣшаюсь мыслію, что я не только не искалъ, но, могу сказать, избѣгалъ его. За тѣмъ да будетъ по волѣ Божіей. Allah Kerim.....“

*

Матушка писала въ Петербургъ:

Берлинъ.
(10) 22 Іюня 1831 года.

„Я теперь буду лишена утѣшенія въ нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ—обѣдни. Домъ министра сдается Французскому посланнику, и мы слушали послѣднюю обѣдню въ понедѣльникъ, Духовъ день. Церковь снимаютъ, а нанять до Михайлова дня комнату для оной невозможно, особенно помѣсячно, потому-что очень дорого просятъ: на наемъ положено только 360 талеровъ въ годъ; а здѣсь за квартиру меньше 800 не хотятъ и слышать, какъ говорилъ священникъ. Нельзя ли выпросить у гр. Нессельроде прибавки?..“

*

Берлинъ.
(6) 18 Іюня 1831 года.

„Сейчасъ былъ у меня Мансуровъ, который мнѣ сказалъ, что Алексѣй Орловъ пріѣхалъ изъ арміи и отправляется въ ночь въ Петербургъ, и предложилъ, если я хочу писать, въ Петербургъ, то чтобы прислала къ нему сегодня письмо, которое онъ отдастъ Орлову. Пишу нѣсколько строчекъ, любезный другъ, чтобы не пропустить оказіи. Очень бы желала послать съ Орловымъ два тома Шатобріана, но холера этому препятствуетъ: его всего исколятъ, такъ какъ письма, которыя я отъ тебя получаю, всѣ проколоны. Дибичъ, какъ говоритъ Орловъ, умеръ отъ холеры, а наши войска собирались переходить Вислу, когда онъ поѣхалъ; слѣдственно онъ (т. е. Орловъ) полагаетъ, что ужъ теперь скоро должно имѣть какія-нибудь извѣстія. Что́ Богъ дастъ? Вся надежда па Его милосердіе. Мы здѣсь въ грустномъ положеніи, то есть мы Русскіе, и хорошая теплая погода, которая началась съ нѣсколько дней, не въ состояніи развеселить. Что́ жъ дѣлать? Надобно терпѣливо все сносить.“

Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ пріѣзжалъ для переговоровъ о признаніи или непризнаніи независимости Бельгіи, отторгнувшейся съ помощію Римскаго католицизма и Французскихъ войскъ отъ Голландіи. Какъ ни сочувствовалъ король Прусскій своему близкому родственнику, королю Голландскому, онъ однако никакъ не хотѣлъ согласиться на вмѣшательство, которое могло бы повести за собою войну: ибо Англія была согласна на выборъ полу-Англійскаго принца Леопольда, а на Австрію, Фридрихъ-Вильгельмъ зналъ, что никогда нельзя надѣяться. Посольство Орлова не удалось; но онъ самъ, кажется, мало сочувствовалъ цѣли своего посольства и съ своей обыкновенной веселой безпечностью сказалъ матушкѣ: „Ну, рѣшено! Дадимъ зарѣзать Голландскаго быка, а тамъ ужъ они въ Лондонѣ его приправятъ“. — Во всякомъ случаѣ, это была побѣда надъ Франціей: ибо принцъ Леопольдъ такъ умѣлъ слить интересы своихъ подданныхъ съ своими, что когда случались неудовольствія и волненія, ему стоило пригрозить своей отставкой, и всѣ покорялись, чувствуя необходимость Бельгіи сохранить такого мудраго правителя. Въ 60-хъ годахъ Французскій посолъ говорилъ мнѣ: C'est la sagesse et l'excellent gouvernement du roi Léopold qui sauvent la

Belgique,—je ne dirai pas de nos griffes, mais de notre tendre étreinte[33]".

Я, кажется уже говорила, что Берлинцы о переговорахъ не знали и были увѣрены, что Орловъ ѣздилъ въ армію, чтобы отравить В. К. Константина Павловича и фельдмаршала Дибича. Сперва мы негодовали на такое гнусное подозрѣніе, а потомъ стали смѣяться надъ такой нелѣпостью, тѣмъ болѣе, что Орловъ самъ смѣялся и весьма равнодушно относился къ роли палача (да еще скрытаго), которую ему навязывали. Такого веселаго отравителя, кажется, не встрѣчалось, и онъ съ истинно-Русскимъ чувствомъ простолюдина и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на злобу иностранцевъ. „Наплевать на нихъ," было единственное возраженіе на клевету и единственное выраженіе его негодованія. По правдѣ сказать, онъ былъ правъ; не стóило сердится, но мы были слишкомъ молоды для такого спокойствія духа.

*

С.-Петербургъ.
(15) 27 Іюня 1831 года.

„Отвѣчаю на вопросъ твой: зачѣмъ я къ тебѣ вдругъ прислалъ столько денегъ и не отложилъ нѣсколько до своего пріѣзда къ вамъ? Во первыхъ, я боялся, что отъ политическихъ обстоятельствъ и отъ холеры нашъ вексельный курсъ можетъ вдругъ очень упасть и вовлечь насъ, при переводѣ денегъ, въ значительную потерю; во вторыхъ, я боялся также, что холера, которая у насъ хотя и не сильна, однакожъ является во многихъ мѣстахъ (говорятъ даже, что и здѣсь отъ нея вчера умеръ одинъ человѣкъ) и которая въ другихъ земляхъ безпокоитъ всѣхъ частныхъ людей и правительства, можетъ, прекративъ или затруднивъ временно наши торговыя сношенія съ Германіей, на нѣсколько остановить и переводы денегъ, а между тѣмъ вы будете въ нуждѣ: для того я спѣшилъ послать вамъ все, чтò могъ, стараясь обезпечить ваше существованіе въ Берлинѣ и на тотъ случай, еслибы я опасно занемогъ или умеръ.... При послѣднемъ личномъ докладѣ моемъ на прошедшей недѣлѣ, я объяснилъ Государю о желаніи моемъ побывать у васъ, напоминая, что еще въ минувшемъ году Его Величество изъявилъ соизволеніе на мою кратковременную отлучку для свиданія съ вами; намекнулъ и о томъ, что надобно привезти нашихъ мальчиковъ въ Россію для воспитанія, на основаніи недавно вышедшаго указа. Я однакожъ присовокупилъ по долгу и чувству, что я всегда, особливо же въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, готовъ всѣми своими удовольствіями, разсчетами, надеждами, какъ и самимъ собою, жертвовать службѣ Его Величества. Государь очень милостиво принялъ всѣ эти объясненія и сказалъ мнѣ съ ласкою: „Ты „видишь самъ, что твое присутствіе здѣсь по„лезно и нужно. Не смотря на то, я желалъ бы „по возможности не разрушать твоихъ семей„ныхъ плановъ. Подумай, сообрази самъ: най„дешь ли средство, съ учрежденными повсюду „карантинами, съѣздить и возвратиться ско„ро" (ибо въ тоже время Государь изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы дѣла Протестантскаго Комитета были скорѣе приведены къ окончанію). „Впрочемъ, чтò касается до срока, ко„торый назначенъ для воспитывающихся за „границей, имъ ты не долженъ стѣсняться: я „увѣренъ, что твои дѣти не сдѣлаются ино„странцами." Этотъ милостивый отвѣтъ, именно потому, что онъ очень милостивъ, поставилъ меня въ большое затрудненіе. Я думалъ, думалъ и наконецъ, хотя не совсѣмъ, но почти рѣшился вотъ на чтó. Буду день и ночь работать съ своимъ Протестантскимъ Комитетомъ, не смотря на множество другихъ дѣлъ; постараюсь и надѣюсь кончить правила устава въ Іюлѣ, чтобы въ Августѣ прыгнуть на пароходъ и плыть въ Любекъ. Можетъ быть, тогда, если Богъ дастъ, обстоятельства примутъ благопріятнѣйшій оборотъ; можетъ быть, и холеры не такъ уже будутъ бояться, и меня не столько задержатъ въ карантинахъ, или по крайней мѣрѣ я не буду принужденъ спѣшить

[33]) Переводъ: «Мудрость короля Леопольда и его образцовое управленіе одни спасаютъ Бельгію не скажу отъ нашихъ когтей, но отъ нашихъ удушливыхъ объятій».

назадъ къ Протестантскому Комитету и слѣдственно могу подолѣе быть съ вами. Вотъ, мой милый другъ, мои... не скажу планы, а мысли; впрочемъ пускай и въ этомъ, какъ во всемъ, будетъ, что Богу угодно. Предадимъ себя съ полною, безусловною покорностью въ Его святую волю: Онъ все творитъ во благо. И если моя надежда скоро видѣться съ вами опять не исполнится, если даже холера, или другая болѣзнь, или что-нибудь другое смететъ меня съ лица земли, то будемъ думать, что насъ ожидаетъ свиданіе въ иномъ, лучшемъ мірѣ, и что между тѣмъ Богъ, еще болѣе милосердый, чѣмъ правосудный, дозволитъ мнѣ хотя молиться о васъ, о вашемъ счастіи, о томъ счастіи истинномъ, котораго добродѣтель есть предчувствіе въ здѣшней жизни".

(Продолженіе будетъ).

СУВОРОЧКА КЪ ОТЦУ СВОЕМУ.

Печатаемыя здѣсь два письма дочери Суворова къ отцу писаны изъ Смольнаго монастыря, гдѣ воспитывалась графиня Наталья Александровна. Оба письма писаны почти наканунѣ ея выпуска изъ монастыря отъ 2-го и 18-го Января 1791 года. Первое письмо, кажется служитъ отвѣтомъ на то, которое, подъ № XIV, помѣщено въ собраніи писемъ Суворова къ дочери, напечатанномъ въ Русскомъ Архивѣ за 1866 годъ (стр. 944). Въ припискѣ къ нему Наталья Александровна поздравляетъ отца съ побѣдою, подъ которою, конечно разумѣется взятіе Измаила 11-го Декабря 1790 года: извѣстіе о томъ привезено было императрицѣ 29-го того же мѣсяца полковникомъ Валеріаномъ Александровичемъ Зубовымъ (Пам. Записки Храповицкаго, стр. 236), о чемъ тогда же должна была узнать и дочь Суворова. Этимъ письмомъ опредѣляется приблизительно и дата слѣдующаго въ собраніи, подъ № XV, письма Суворова къ дочери, гдѣ онъ, на просьбу ея объ уплатѣ 500 рублей за сдѣланныя для нея клавикорды, отвѣчаетъ, что она могла бы употребить на это тѣ деньги, которыя даны ей на гостинцы, и что, когда она будетъ дома, онъ купитъ ей гораздо лучшія, „avec des pommes и Французскіе конфекты".

Оба письма печатаются съ современныхъ списковъ, снятыхъ съ подлинниковъ для князя Потемкина.

М. Шугуровъ.

1.

Милостивый государь батюшка.

Весьма обрадовалась, когда я получила ваше предрагое письмо. Вы мнѣ пишете, что у васъ орѣхи, груши и яблоки поспѣли, и птички поютъ. Ежели бы вы слышали, какой хорошій голосъ у моихъ клавикордъ! Человѣкъ, который мнѣ сдѣлалъ сіи клавикорды, проситъ у Софьи Ивановны [1]) 500 рублей. Софья Ивановна посылала спрашивать къ г. Тоузакову [2]), пріѣхалъ ли онъ; ей сказывали, что онъ еще долго не будетъ. Сіи клавикорды весьма хорошія, то прошу васъ покорно, когда вы пріѣдете, прибавить сему человѣку еще 50 рублей. Софья Ивановна вамъ кланяется, равно какъ и мои сестрицы, которыя купно со мною вамъ кланяются и весьма желаютъ васъ видѣть. Прошу васъ покорно, дражайшій батюшка, ко мнѣ поскорѣе пріѣхать, для того что нашъ выпускъ будетъ 15-го Февраля 1791 года. Цѣлую стократно ручки ваши и остаюсь навсегда

Г. Н. Суворова Рымникская.

Имѣю честь васъ поздравить съ побѣдою; я принимаю великое участіе въ вашей славѣ; но она мнѣ многихъ слезъ стоила.

---

[1]) С. И. Делафонъ начальница Смольнаго.

[2]) Объ немъ упоминается и въ письмѣ Суворова къ дочери (Р. Арх. 1866 г., стр. 941).

2.

Mon très cher père.

Je vous envoye un dessin de mon ouvrage. Je crois que cela représente un château fortifié. Je voudrois que toutes les forteresses, que vous avés à prendre, fussent comme celle-là, les eaux ne changeroient pas en sang, et je n'aurois pas tant d'inquiétude pour vos jours, qui me sont chers. Ma sortie de la communauté approche. Si cela pouvoit me procurer le bonheur de vous baiser les mains! Quelle joye pour votre heureuse fille! Dieu veuille exaucer les prières que je Lui adresse journellement pour votre conservation. Madame de Lafont vous présente ses civilités, de même que mes chères soeurs. Elles regrettent beaucoup de n'avoir pas eu le plaisir de vous voir avant leur sortie. Excusés moi, mon cher père, que je vous incommode si souvent, mais le clavecin n'est pas encore payé. Je suis et je serai toujours avec le plus profond respect

C. N. Souworow Rymnikzky.

Переводъ.

Дражайшій батюшка.

Посылаю вамъ рисунокъ моей работы. Онъ изображаетъ, кажется, укрѣпленный замокъ. Какъ-бы я желала, чтобы всѣ крѣпости, которыя вы будете брать, походили на эту, и чтобы вода не обращалась въ кровь; тогда я не безпокоилась бы такъ сильно за вашу жизнь, столь дорогую для меня. День моего выхода изъ монастыря приближается. Если бы онъ могъ доставить мнѣ счастье поцѣловать вашу руку! Что за радость была бы для вашей счастливой дочери! Богъ да услышитъ мои молитвы, ежедневно къ Нему возсылаемыя, и сохранитъ васъ. Г-жа Делафонъ вамъ кланяется, равно какъ и мои милыя сестры. Онѣ очень сожалѣютъ, что не имѣли удовольствія видѣть васъ передъ своимъ выпускомъ. Простите меня, милый батюшка, что я васъ такъ часто безпокою, но за клавикорды до сихъ поръ еще не заплачено. Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь навсегда Г. Н. Суворова-Рымникская.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Во 12-й книжкѣ, за прошлый годъ, издаваемаго вами Р. Архива, въ статьѣ г. Тимирязева: „По поводу статьи г. Берже о Н. Н. Муравьевѣ-Карскомъ", выражено удивленіе, что письмо къ А. П. Ермолову получило огласку. Мало того, въ словахъ г. Тимирязева слышится упрекъ. Между тѣмъ въ фактѣ оглашенія письма не было никакого abus de confiance ни съ чьей стороны; а напротивъ свое письмо пожелалъ сдѣлать извѣстнымъ самъ авторъ его и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ кр. Грозной, въ пріемной, ожидало нѣсколько лицъ выхода новаго главнокомандующаго. Въ это время изъ кабинета вышелъ его адъютантъ, Клавдій Алексѣевичъ Ермоловъ съ раскрытою бумагою, которую положилъ на столъ и за тѣмъ удалился. Сказалъ-ли онъ, при этомъ, чтобы ее прочитали или не говорилъ, того я не помню; но бумага оказалась извѣстнымъ письмомъ и была прочитана присутствующими. Мѣсяца два спустя, узнавъ содержаніе письма и отвѣта на него, я полюбопытствовалъ ознакомиться съ подробностями этого дѣла и обратился къ К. А. Ермолову, сослуживцу моему по артиллеріи и пріятелю; а нынѣ передаю вамъ то что̀ слышалъ тогда отъ него, въ увѣренности что К. А., если память ему не измѣнила, подтвердитъ вышесказанное и, можетъ быть, дополнитъ подробностями мнѣ неизвѣстными.

Не сочувствуя одностороннему взгляду г-на Берже на дѣятельность Н. Н. Муравьева на Кавказѣ, тѣмъ не менѣе не могу не обратить вниманія г. Тимирязева на желаніе дать огласку преж-

девременному и предвзятому сужденію о лицахъ и славной части Русской арміи со стороны человѣка, поставленнаго во главѣ ея. Распространяться объ этомъ считаю лишнимъ послѣ не менѣе извѣстнаго и исполненнаго благороднымъ негодованіемъ отвѣта на то письмо; скажу только, что впослѣдствіи, когда Н. Н. Муравьева уже не было на Кавказѣ, я сошелся съ весьма близкимъ ему человѣкомъ, Н. С. К.......вымъ, сказавшимъ мнѣ, по поводу того же письма, что Н. Н. сожалѣлъ о своей поспѣшности въ выраженіи, безъ провѣрки, мнѣнія, внушеннаго ему еще до прибытія на Кавказъ.

Полагая, что для уважаемаго Русскаго Архива нужны всестороннія разъясненія помѣщаемаго на его страницахъ, я счелъ долгомъ сообщить извѣстное мнѣ по этому эпизоду и прошу васъ, г. редакторъ, письму моему дать мѣсто въ Русскомъ Архивѣ.

Александръ Есаковъ,

Командиръ Кубанскаго казачьяго полка.

7 Января 1874 г.
Александрополь.

ОБЪ УПРАЗДНЕНІИ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЙ.

(Изъ личныхъ воспоминаній)

По окончаніи Крымской войны и заключеніи мира, въ 1856-мъ году, состоя адъютантомъ при военномъ министрѣ Николаѣ Онуфріевичѣ Сухозанетѣ, я получилъ предписаніе ѣхать въ военныя поселенія. Въ предписаніи было выражено, чтобы я представилъ докладную записку *о бытѣ поселенцевъ, взглядъ на положеніе края и мѣры къ улучшенію онаго.*

Получилъ я бумаги около 15-го Іюля и долженъ былъ, осмотрѣвъ еще склады хлѣба на Днѣпрѣ въ г. Александровскѣ, вернуться, какъ сказано было мнѣ, до коронаціи. Пробывъ день въ Кременчугѣ, я проѣхалъ въ Елизаветградъ. Такъ какъ предполагалась перемѣна въ положеніи поселянъ, то я желалъ знать, какія могутъ оказаться предположенія къ улучшенію края изъ мнѣній, выработанныхъ на мѣстѣ; но ничего положительнаго мнѣ не случилось слышать, вѣроятно по тому малому времени, которое я тамъ оставался. Мѣстнымъ дѣятелямъ казалось (какъ одинъ выразился, тщательно заперши напередъ двери), что они живутъ подъ сводами, въ какомъ-то подземельи—имъ неба не видать, положеніе ихъ таково, что изъ него, кажется, и выхода нѣтъ.

Что положеніе было тягостно, это выказывалось достаточно ясно.

Приведу одинъ примѣръ. Когда я проѣзжалъ по селеніямъ, на одной станціи подошелъ ко мнѣ нищій, старый хохолъ, и попросилъ милостыни. Я спросилъ его, былъ ли онъ всегда бѣденъ или обѣднялъ; оказалось, что у него было прежде хозяйство, быки пали, и онъ уже потомъ не могъ поправиться; былъ у него и фруктовый садъ при домѣ, но при перестройкѣ хуторовъ въ колоніи садъ снесли. Станція была на самомъ краю поселенія и выходила въ степь; на противуположной сторонѣ, при крайнемъ домѣ, виднѣлась зелень сада. Я указалъ старику на этотъ садъ и сказалъ ему, что видно не всѣ сады сносили. Нищій оглянулся боязливо кругомъ въ степь, протянулъ свою сморщеную загорѣлую шею и полушопотомъ отвѣчалъ мнѣ на своемъ нарѣчіи: „не зачѣпило". Въ самомъ дѣлѣ эта система ломки хуторовъ и стройки деревень или колонокъ, что́ зацѣпляла, то и уничтожала. И внѣ военныхъ поселеній, въ силу подобной системы, много было уничтожено хуторовъ на казенныхъ земляхъ. Однакожъ при деревняхъ отъ земледѣлія получается менѣе дохода, чѣмъ при хуторномъ хозяйствѣ.

На обратномъ пути, изъ Харькова, я заѣзжалъ въ Чугуевъ, гдѣ стоялъ Бѣлорусскій, въ то время графа Радецкаго, гусарскій полкъ. Вывѣски магазиновъ и лавокъ украшали дома̀, въ которыхъ

впрочемъ никакихъ магазиновъ не было; это дѣлалось для виду—для порядку, какъ тамъ выражались. Гусары сказали мнѣ, что между поселенцами была увѣренность, что въ день коронаціи будетъ объявлена для нихъ перемѣна; объ этомъ гусары слышали по всему ихъ пути слѣдованія чрезъ поселенія. Въ это время многіе крестьяне, даже цѣлыми деревнями, шли изъ Полтавской губерніи въ Крымъ, въ предположеніи, что тамъ имъ раздадутъ земли.

Въ Петербургѣ не засталъ я уже военнаго министра, разъѣхавшись съ нимъ на пути, и пріѣхалъ въ Москву за день до коронаціи. Передавъ на словахъ о моемъ порученіи, я подалъ вмѣстѣ съ тѣмъ докладную записку, которую здѣсь и прилагаю.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЯХЪ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

(8-ми первыхъ округовъ).

Бытъ военныхъ поселянъ.

Бытъ военныхъ поселянъ бѣденъ. Большая часть не имѣетъ рабочаго скота. Изъ свѣдѣній Статистическаго Атласа Новороссійскаго Военнаго Поселенія къ 1-му Генваря 1850 года слѣдуетъ: въ 1-мъ кавалерійскомъ округѣ хозяевъ 1-го разряда 735; 2-го разряда 1062; нехозяевъ 3781. Въ общей сложности 8-ми округовъ, большая половина безъ рабочаго скота.

Скотоводство, сравнительно, по числу душъ Новороссійскаго поселенія, скудно.

Садоводства мало. Прежде были крестьянскіе фруктовые сады, дававшіе до 250 и 300 рублей ассигнаціями доходу, но при постройкѣ деревень они большею частію истреблены.

Народонаселеніе.

Народонаселеніе со времени поселенія округовъ въ 20-хъ годахъ увеличилось безъ малаго въ половину. Но такъ какъ рабочій скотъ уменьшился въ тоже время, то увеличилась и бѣдность. Изъ выводовъ сравнительной вѣдомости слѣдуетъ: при поселеніи округовъ состояло 65563 души, нынѣ прибавилось 28340. Рабочаго скота состояло: воловъ 44838; прибавилось 1774: около $^{1}/_{25}$-ой части, но вмѣстѣ съ тѣмъ убавилось лошадей 4522.

Доходъ.

Доходъ получаемый съ Военныхъ Поселеній не значителенъ. Въ общей сложности 8-ми округовъ, на одинъ эскадронъ приходится для продовольствія фуражомъ около 2000 душъ и 13729 десятинъ земли удобной и 1376 не удобной, всего 15105 десятинъ. На одинъ эскадронъ широкимъ, круглымъ счетомъ слѣдуетъ въ годъ овса 3000 четвертей, 12000 пудовъ сѣна и 5000 пудовъ соломы. Полагая въ общей сложности четверть овса 1 рубль 30 копѣекъ серебромъ, пудъ сѣна 10 копѣекъ серебромъ и пудъ соломы 5-ть копѣекъ серебромъ, составитъ деньгами въ годъ 5350 рублей серебромъ. Что касается до поддержанія выведенныхъ построекъ и содержанія окружныхъ штабовъ, то какъ они требуютъ ежегодныхъ издержекъ, то и должно на нихъ смотрѣть какъ на утраченный капиталъ.

Общій обзоръ.

Выводы эти изъ официальныхъ свѣдѣній вполнѣ подтверждаются при обозрѣніи на мѣстѣ. Со времени поселенія округовъ, поселяне постепенно бѣднѣли. Въ коммерческомъ отношеніи округа не выгодны. Доходы не

значительны, поселяне въ разоренномъ положеніи.

Въ нравственномъ отношеніи люди весьма упали духомъ. Есть общее мнѣніе между мѣстнымъ начальствомъ, что поселенія не достигаютъ своей цѣли. Между поселянами большая вѣра, что будетъ сдѣлана перемѣна, и это мнѣніе особенно укоренилось въ послѣднее время. Движеніе крестьянъ въ Полтавской губерніи не имѣло на нихъ вліянія. Если же будутъ какія либо движенія въ поселеніяхъ, то конечно этимъ можетъ затрудниться вопросъ о перемѣнѣ.

О мѣрахъ для улучшенія сельскаго быта поселянъ.

Нехозяева получаютъ участокъ земли, но, не имѣя рабочаго скота для обработыванія, уступаютъ участки свои хозяевамъ изъ части. При увеличеніи же народонаселенія, количество земли оставалось первобытнымъ, и отъ частыхъ передѣловъ число бѣдныхъ увеличилось. Желательно было бы въ каждомъ селеніи число участковъ опредѣлить, записавъ по нумерамъ въ шнуровую книгу и не дозволяя дѣлить участки земли ниже установленной нормы.

Таковое положеніе оказалось успѣшнымъ въ особенности у колонистовъ-Менонитовъ, поселенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ, у коихъ принято: во 1-хъ, назначается въ каждомъ селеніи опредѣлительное число хозяевъ, вообще около 20; во 2-хъ, для полученія участка земли, поселянинъ долженъ внести въ приказъ 400 рублей ассигнаціями и имѣть двухъ поручителей изъ хозяевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выдаетъ подписку, что будетъ разводить деревья. Неимѣющій достаточной суммы долженъ оставаться работникомъ, пока не пріобрѣтетъ оную, или же занимается другимъ ремесломъ, отъ чего возникло у Менонитовъ правильное раздѣленіе труда. Такимъ образомъ, вмѣсто одного огромнаго селенія и отдаленныхъ весьма полей, встрѣчаются у этихъ колонистовъ, каждыя 4-ре и 5-ть верстъ, правильныя селенія съ ихъ садами и близкими полями.

Каждый участокъ долженъ быть обложенъ достаточнымъ оброкомъ. Въ случаѣ неплатежа оброка и по истеченіи времени, означеннаго для льготы, участокъ уступается по опредѣленной цѣнѣ съ молотка. Таковое положеніе на коммерческой ногѣ, казалось, могло бы быть полезнымъ для земледѣльческой промышленности.

О дальнѣйшемъ устройствѣ быта поселянъ.

Если прослѣдить историческій ходъ поземельной собственности въ Россіи, то оказывается, что земли, будучи первоначально государственною собственностью, постепенно были обращаемы въ частную. Правительство признавало въ этомъ государственную пользу. По обнародованіи указа Государя Императора Александра 1-го о воспрещеніи обращенія государственныхъ крестьянъ въ крѣпостные, земли государственныя тѣмъ не менѣе по прежнему раздавались въ частныя руки. Такъ на примѣръ, въ Новороссійскомъ краѣ даны Вассалю огромныя степи для разведенія овецъ-мериносовъ. Также давались земли на Кавказѣ съ обязанностью населить оныя. По указу Государя Императора Николая 1-го, дозволено крестьянамъ пріобрѣтать земли въ частную собственность. Мѣра эта могла бы, казалось, принять большее развитіе. Для сего желательно, сдѣлавъ

оцѣнку земель, дозволять поселянамъ пріобрѣтать оныя, по участкамъ въ количествѣ означенной нормы, выдавая крестьянамъ купчія на эти земли, такъ какъ оно установлено въ IX томѣ Свода Законовъ въ §§ о государственныхъ крестьянахъ, на собственной земли поселенныхъ, прежде носившихъ названіе вольныхъ хлѣбопашцевъ.

Выше было сказано, что потребно для продовольствія каждаго эскадрона около 2000 душъ и свыше 15000 десятинъ всякой земли, что̀ составляетъ на деньги доходъ въ 5350 рублей серебромъ. Оцѣня одну удобную землю, 13729 десятинъ, по существующей въ тѣхъ мѣстахъ цѣнѣ въ 15 рублей серебромъ за десятину, выходитъ слишкомъ 200000 рублей серебромъ, что̀, считая по 4 процента, приноситъ 8000 рублей серебромъ, къ коимъ должно прибавить подати, которыя крестьяне, сдѣлавшись собственниками, будутъ продолжать платить ежегодно наравнѣ съ прочими собственниками, а также рекрутскія и другія повинности. Выгоды отъ сего, казалось бы, не только въ коммерческомъ, но въ особенности въ государственномъ отношеніи могли бы быть значительны.

Августъ 1856 года.

*

Въ самый день коронаціи было объявлено о предстоящемъ упраздненіи военныхъ поселеній: это была первая по времени, въ ряду прочихъ, реформа.

Когда приступили къ введенію новаго положенія, я слышалъ, что поселенцы одной колоніи близъ Чугуева просились на прежнія (какъ они выразились) дѣдовскія мѣста, на хутора, что̀ имъ и было дозволено. Желаніе ихъ было естественно: земледѣлецъ, живя въ деревнѣ, стѣсненъ въ своемъ хозяйствѣ, тогда какъ на хуторѣ, по близости воздѣлываемаго поля, представляется болѣе простора его дѣйствіямъ, и онъ тутъ полный хозяинъ, при чемъ могутъ возвыситься и упрочиться урожаи. Продажа земли участками, какъ сказано въ докладной запискѣ, не была введена; но я полагаю не менѣе того, что если желательно устройство хуторныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, то подобная продажа казенныхъ земель полезна.

Д. Столыпинъ.

ПИСЬМА И ПРИКАЗЫ ГРАФА Н. С. МОРДВИНОВА ПО УПРАВЛЕНІЮ СЕЛА ПУШКИНА *).

(Сообщены Д. А. Столыпинымъ).

Передавая въ печать письма и приказы графа Николая Семеновича Мордвинова крестьянамъ села Пушкина (Пензенской губерніи Инсарскаго уѣзда), прибавлю нѣсколько строкъ о нашемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, при чемъ приведу слова графа Н. С. Мордвинова, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какъ онъ понималъ вопросъ народнаго богатства въ общемъ его смыслѣ: „Просвѣ„щеніе", говоритъ Мордвиновъ въ одномъ изъ своихъ мнѣній, „есть начало народ„наго богатства. Не руки человѣка даютъ „плодородіе землѣ, не ими процвѣтаютъ „художества, торговля, промышленность; „не ими умножаются и возрастаютъ де„нежные капиталы: умъ и наука суть „орудія богатства". Не грубая сила физическая, а сила хозяйства улучшенными орудіями и скотомъ и приспособленныя къ мѣстности системы хозяйства

*) Знаменитый графъ Н. С. Мордвиновъ былъ не только политическимъ лицомъ, но и отличнымъ хозяиномъ. Съ этой стороною его дѣятельности, которая сообщала устойчивость его государственнымъ соображеніямъ, читатели познакомятся по нижеслѣдующимъ письмамъ и приказамъ. Замѣчательно, что обширное имѣніе управлялось непосредственно самимъ владѣльцемъ, чрезъ выборныхъ крестьянъ. Точно также графъ С. Р. Воронцовъ, живучи въ Англіи, имѣлъ дѣло непосредственно съ простыми старостами.
П. Б.

обусловливаютъ постоянные и высокіе урожаи. Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ собственно земледѣльческій заключается не въ крупномъ или мелкомъ землевладѣніи, какъ его часто ставили, а правильнѣе въ сильномъ или слабомъ хозяйствѣ. Также часто разсуждали о крестьянскомъ общинномъ и личномъ владѣніи землею. Но если принять, что при общинномъ владѣніи земля раздѣлена на неизмѣнные участки въ пользованіе (какъ напримѣръ у Менонитовъ и другихъ), а при личномъ владѣніи поставленъ минимумъ дѣленія земли при наслѣдствѣ, продажѣ и т. д., что однимъ словомъ, при обоихъ видахъ собственности, крестьянинъ получаетъ достаточный надѣлъ земли: то все таки остается нерѣшеннымъ вопросъ, гдѣ выгоднѣе крестьянину-земледѣльцу жить, въ деревнѣ или на хуторѣ близъ обрабатываемаго имъ поля. Часто крестьянскіе хутора подвергались опалѣ; около 720-ти хуторовъ было уничтожено въ Бердянскомъ уѣздѣ близъ вышепоименованныхъ Менонитовъ. Графъ Мордвиновъ полагалъ, что крестьянское хуторское хозяйство полезно.

Упраздненіе крѣпостнаго права развязало владѣльцамъ руки; теперь частные люди могутъ одновременно заняться улучшеніемъ быта земледѣльцевъ и своего собственнаго. Обществу, можно сказать, предлежитъ окончательное приведеніе общаго преуспѣнія въ дѣло.

Село Пушкино съ деревнями, по распоряженію графа Мордвинова, состояло на оброкѣ и управлялось, административно и въ судебномъ отношеніи, выборными бурмистромъ и 12-тью стариками. Оброкъ платился не съ души, какъ въ то время обыкновенно дѣлалось, но съ земли: каждый крестьянинъ платилъ болѣе или менѣе, смотря по количеству имъ взятыхъ десятинъ. Земли были уравнены. Надо понимать, что напримѣръ за полторы десятины худшей платилось одинаково что̀ за одну десятину лучшей земли. Также, для доставленія бо̀льшаго простора крестьянскому хозяйству, графъ Мордвиновъ предписывалъ переселенія и равнымъ образомъ строго воспрещалъ раздѣлы.

Жизнь графа Н. С. Мордвинова, какъ государственнаго дѣятеля, стала извѣстна по монографіи, составленной г. Иконниковымъ; не безъ интереса будетъ узнать его отношенія къ крестьянамъ въ тѣ времена крѣпостнаго права. Память о немъ осталась въ с. Пушкинѣ, Нагаевѣ, Высокой, и имя его поминается тамъ съ уваженіемъ.

Д. Столыпинъ.

1.

Села Пушкина съ деревнями бурмистру Василью Евстратову съ избранными старшинами.

По уваженію бывшихъ великихъ расходовъ по военному ополченію, принимаю я отчеты, каковые вы ко мнѣ прислали и заключаю оные по сей 1813 годъ. Дѣйствительно получено мною отъ васъ въ разныя числа 22870 рублей, да сто рублей даны были вами на обозъ мой, и того 22970 рублей; а слѣдовало мнѣ получить чистаго оброка 27000 рублей *). А потому и не дошло ко мнѣ въ приходъ 4030 рублей, кои я вамъ и уступаю. Но на сей уже годъ вы должны полный прежде вами платимый оброкъ, по 9000 рублей въ полгода, ко мнѣ доставлять въ назначенное время. Будучи вы на оброкѣ, недоимки должны вы раскладывать между собою, дабы полную сумму ко мнѣ присылать.

Для дома моего пришлите мальчика изъ семейства, отлученіе коего не сдѣлало бы разстройки.

По пользѣ, которую приносить мо-

*) При селѣ Пушкинѣ съ деревнями состояло въ то время около девяти тысячь десятинъ земли.

гутъ катки, предписываю надѣлать ихъ по десятку въ каждую деревню.

Всѣмъ новорожденнымъ привейте оспу, какъ скоро морозы большіе пройдутъ и наступитъ теплая погода.

Къ веснѣ запаситесь земляными яблоками, для посѣву каждой семьи.

Н. Мордвиновъ.

30 Генваря 1813.
Пенза.

2.

Села Пушкина бурмистру Василью Евстратову съ старшинами.

Являются ко мнѣ безпрестанно крестьяне съ жалобами, что дѣлаютъ имъ притѣсненія въ назначеніи воиновъ. Я повторяю прежнее мое предписаніе поступать по совѣсти и правдѣ. Но всего хуже, что по сіе время вы не выставили все назначенное число воиновъ, отъ чего должна послѣдовать неминуемая остановка по многимъ семействамъ въ работѣ парены. Предписываю вамъ немедленно окончить сію повинность.

На всѣхъ каткахъ сдѣлайте стулья, дабы удобнѣе лошадью управлять и возможно было употреблять мужчинъ или женщинъ неспособныхъ работать сохою. При подъемѣ паренины укатывать должно каткомъ, доколѣ земля еще сыра и удобно разсыпается. Для укатыванія пользоваться должно всегда тѣмъ временемъ, когда комья сыры и въ рукѣ легко раздробляются, что бываетъ въ тотъ день, когда земля вспахана, по утрамъ, когда роса смягчила землю, и послѣ дождей.

Укатываніемъ вы избавитесь отъ бороньбы; хлѣбъ посѣянный ровнѣе и скорѣе выходить будетъ, урожай будетъ лучшій. Земля отъ вѣтровъ менѣе будетъ высыхать, и тотъ хлѣбъ, который снимаете косою, удобнѣе можно будетъ скашивать.

Скоропашка, данная вамъ, худо была сдѣлана; она должна быть потолще въ перьяхъ и стержняхъ. Я къ вамъ пришлю другую, здѣсь сдѣланную. Но и скоропашкою должно также пахать въ такое время, когда земля сыровата; тогда работа скорѣе будетъ, и трава лучше подрѣзана будетъ.

Н. Мордвиновъ.

20 Іюня 1813.
Село Сталыпино.

3.

Села Пушкина съ деревнями бурмистру съ старшинами.

На донесеніе ваше отъ 30 Сентября отвѣтствую.

По предписанію сдѣланному изъ суда, съ коего прислали вы мнѣ списокъ, отправилъ я на сегодняшней почтѣ объявленіе о доходахъ моихъ.

Подушныя въ казну и мнѣ оброчныя собрать со всѣхъ, кои запахали и засѣяли землю, хоть бы они и состояли въ спискѣ переселенныхъ на Иргизъ.

За тѣмъ оставшую землю предписалъ я роздать желающимъ засѣять оную и треть изъ урожая взять въ господскую экономію, а тѣ участки кои останутся неразобранными засѣять моими семенами міромъ, и половину урожая отдать міру, а половину собрать для меня. — Тоже повторяю теперь: подушныя и оброчныя за таковыхъ, коихъ земля засѣяна крестьянами остающимися въ деревняхъ, или пополамъ вся вспахана и засѣяна на меня, должны быть выбраны изъ урожая, каковой будетъ на земляхъ оставленныхъ переселенцами. Если же кто, содержа за собою землю, не платитъ подушныхъ или оброку, таковыхъ переселить на Иргизъ. Если остается земля въ пустѣ,

то бурмистръ долженъ отвѣчать за нерадѣніе изъ имущества своего.

Стараться непремѣнно отыскать виновниковъ въ порубкѣ лѣсу, и какъ приличёнъ уже въ сей порубкѣ Леонтій Игнатовъ и найдено у него шесть липовыхъ деревъ, то деревья сіи отобрать въ господскій домъ и за каждое дерево доправить съ него по десяти рублей, продавъ домъ его, ибо онъ назначенъ на переселеніе на Иргизъ.

Земля не можетъ быть раздѣлена, доколѣ люди назначенные въ переселеніе не очистятъ совсѣмъ землю. Тогда каждая десятина будетъ межами отрѣзана, на что потребно время. А до того времени каждый долженъ оставаться на своей землѣ и платить за свободные участки, отъ переселенцевъ остающіеся, изъ урожая, какъ выше мною сказано. По обмежеваніи всей земли, положена будетъ денежная плата съ десятины.

Какъ запрещенъ мною дѣлежъ семейный, а слышу я, что раздѣлился Артамонъ Ѳедосѣевъ съ племянникомъ: то обоихъ ихъ переселить на Иргизъ, а на мѣсто ихъ выключить изъ списка переселенцовъ Дмитрія Максимова, у котораго, я слышалъ, есть въ заводѣ пчелы и имѣетъ онъ торгъ хлѣбный.

Земскому запахать скоропашкою подъ ярь, не ожидая дѣлежа земли, который не скоро можетъ оконченъ быть; потому что земскій трудится за общество, то изъ моего оброку выдавать ему въ годъ по двадцати рублей, да собирать для него же по двѣ копѣйки съ души вмѣсто жалованья.

Земскому прислать ко мнѣ имянной списокъ тѣмъ, кои выбыли полученіемъ вольности, и за коихъ должно получить или деньги или натурой отъ наслѣдниковъ Загрядскаго.

Прислать также имянной списокъ недосланнымъ отъ Загрядскаго.

Запрещаю строго вывозить навозъ на улицы и переулки, за чѣмъ смотрѣть бурмистру и за каждый возъ, вывезенный ослушными, заставить десять возовъ свезти съ улицы за деревню.

За деревнями назначить мѣсто, куда вывозить излишній навозъ; класть навозъ въ гряды не шире трехъ саженъ, и грядамъ быть по 10 саженъ одна отъ другой; а длиною гряды могутъ быть какъ мѣсто дозволитъ, высотою же ихъ класть не выше сажени. Избрать мѣста высокія, кои вода не потопляетъ.

Хмѣль приказать садить кружками, кружекъ отъ кружка во всѣ стороны по одной сажени разстоянія. Въ кружекъ садить по 6 корешковъ, дабы колъ, поставленый въ срединѣ кружка, будучи переплетенъ со всѣхъ сторонъ хмѣлемъ, крѣпко стоялъ на своемъ мѣстѣ.

Чтобы лучше горохъ урожался, приказать сѣять подъ соху въ борозду, оставляя по три борозды праздными.

За сохою должна идти баба или мальчикъ съ кузовкомъ съ горохомъ и сыпать изъ руки въ борозду горохъ, отъ чего горохъ будетъ весь посѣянъ въ ряды; а между рядами лѣтомъ очищать траву дикую сохою, всякій разъ какъ она покажется изъ земли.—Симъ способомъ менѣе потребно будетъ сѣменъ, земля будетъ всегда чиста, и урожай будетъ лучшій.

Всѣмъ неимѣвшимъ оспы привить оную непремѣнно сею зимою, для чего отыскать прививальщика.

Н. Мордвиновъ.

3 Октября 1813.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ собрать весь оброкъ и прислать ко мнѣ, по распорядку здѣсь написанному.

Тѣхъ, кои ходятъ въ кабакъ, стараться не допущать до оного.

Земскому подать прозьбу въ судъ о исключенiи кабака изъ Пушкина.

4.

Бурмистру села Пушкина Василью Евстратову съ старшинами.

Двое изъ крестьянъ, назначенныхъ на переселенiе въ деревню Надежду, приносятъ жалобу, что по сему переселенiю всю тягость налагаютъ на назначенныхъ на переселенiе, и никакой подмоги въ оброкахъ и подушныхъ не даютъ остающiеся въ Пушкинѣ, Нагаевѣ и Высокой. Но какъ переселенiе сiе дѣлается въ пользу остающихся и получающихъ въ прибыль землю, то и справедливо, чтобы тягость уравнена была. А потому предписываю вамъ вмѣстѣ съ бурмистромъ деревни Надежды Иваномъ сдѣлать справедливое уравненiе во вносѣ подушныхъ и оброка. Какое положенiе сдѣлано будетъ мiромъ въ выполненiи нынѣшней рекрутской повинности, увѣдомить меня.

Н. Мордвиновъ.

20 Октября 1813.
Село Сталыпино.

5.

Села Пушкина бурмистру Ивану Лукьянову.

Старайтесь окончить нынѣшнюю весну раздѣлъ земли на десятины и въ третьемъ полѣ. Межи, назначенныя каждой десятинѣ, должны вѣчно существовать, и чтобы никто не осмѣливался ихъ истреблять, но каждая десятина чтобы видима была, сколько бы и у кого въ содержанiи ни было; ибо каждой долженъ платить по числу десятинъ, имъ въ оброкѣ содержимыхъ. По количеству десятинъ у васъ находящихся, по оброку, которой платили переведенные на Иргизъ съ малыхъ участковъ земель ихъ и по цѣнѣ настоящей хлѣба, который продается вдвое противъ прежняго, я назначаю съ земли, вами теперь обладаемой, по двадцати четыре тысячи рублей въ годъ оброку, который и разложите на десятины, дабы каждый платилъ по числу десятинъ, каждымъ обладаемыхъ.

Сей оброкъ назначаю я съ сего 1815 года.

Книгъ мiрскихъ не нужно присылать сюда, а сочтите ихъ при конторѣ и при мiрѣ; и когда все по онымъ исправно, то дайте въ исправности квитанцiю, какъ отъ меня въ наставленiи предписано.

Картофель старайтесь разводить въ полѣ. Одна десятина дастъ вамъ денегъ болѣе, нежели вы получите съ десяти десятинъ подъ овсомъ или гречею. Земской же Сергѣевъ долженъ показывать примѣръ и насадить сею весною не менѣе одной десятины, съ которой онъ можетъ получить рублей тысячу дохода: ибо при хорошемъ урожаѣ можетъ снять 300 и 400 четвертей; но только бы опахивалъ, какъ я предписалъ, и выпалывалъ дурную траву.

За лѣсомъ имѣть строгiй надзоръ.

Употреблять катки при посѣвахъ и для разбитiя комовъ вмѣсто бороньбы, также предъ посѣвомъ мочить зерно; посѣявъ укатывать, чтобы скорѣе и ровнѣе всѣ зерна выходили.

Н. Мордвиновъ.

6 Марта 1815.
С. Петербургъ.

6.

Села Пушкина земскому Якову Сергѣеву.

На письмо твое отъ 21 Іюля отвѣчаю.

Воспу прививную непремѣнно привейте сею осенью всѣмъ младенцамъ, которые оной не имѣли и ежегодно прививайте постоянно весною или осенью всѣмъ новорожденнымъ. Отъ натуральной воспы умираетъ большая часть дѣтей; отъ прививной же коровьей изъ тысячи дѣтей, коимъ она прививается, рѣдко одинъ умираетъ. Еслибы не случилось у васъ въ городѣ или въ уѣздѣ матеріи воспенной, то увѣдомляйте меня, дабы я могъ изъ Петербурга оной прислать.

Какъ прививаніе воспы весьма просто и всякой легко научиться можетъ, то должно выучить нѣсколькихъ мальчиковъ или женщинъ, дабы своихъ домашнихъ прививальщиковъ имѣть. Для прививки нѣтъ надобности въ ланцетѣ лекарскомъ; игла или тонкое шило лучше и удобнѣе для сего, нежели ланцетъ. Все искусство состоитъ въ томъ, чтобы воспенную матерію употреблять, когда пупырышки нальются хорошо и прежде нежели матерія сдѣлается густою. Въ таковую матерію обмоча конецъ иглы или шильца, онымъ остріемъ приподнять верхнюю кожицу, дабы подъ оною осталась воспенная матерія. Чѣмъ легче кожица приподнята, и менѣе окажется крови, тѣмъ воспа вѣрнѣе пристанетъ. Если же глубоко проколоть и коснуться мяса, то текущая или выступившая кровь обмоетъ воспенную матерію, и прививка не можетъ пристать. Ты научись самъ прививать.

Хорошо ты сдѣлалъ, что насадилъ картофелю десятину и на огородахъ; но старайся ввести оный въ яровое поле и уговори всѣхъ крестьянъ въ яровомъ полѣ садить по десятинѣ на тягло. Вы тогда бы всѣ скоро разбогатѣли, потому что съ десятины подъ картофелемъ вы бы получили болѣе прибыли, нежели съ шести десятинъ подъ овсомъ и другимъ зерномъ. Но какъ картофель поспѣваетъ позже хлѣба, то отведите въ яровомъ полѣ особое мѣсто для всѣхъ крестьянъ и совокупно оберегайте картофель вашъ отъ скота.

Отъ картофеля вы будете получать лучшую пищу, нежели отъ хлѣба, и можете кормить скотъ вашъ и откармливать свиней, гусей, индѣекъ, курицъ, и за откормленные получать большія деньги, сверхъ того, что продадите изъ картофеля вашего сосѣдямъ и по городамъ.

Для лучшаго откормленія полезно варить картофель, но и сырой картофель хорошъ для скота въ пищу.

Если садовый хмель лучше лѣснаго, то заводите у себя садовый. Когда же садовыя коренья продаютъ очень дорого, то вы можете купить шишки хмелевыя и, вытеревъ изъ оныхъ сѣмена, посѣять оныя, и такъ разводить у себя коренья для посадки.

Объяви крестьянамъ, что я требую непремѣнно, чтобы они засадили проулки лѣсомъ, но лучше яблонями или хмелемъ; за исполненіемъ сего скажи бурмистру, чтобы онъ строго взыскивалъ.

Для насажденія лучшій лѣсъ есть липа, ибо пчеламъ ихъ дастъ медъ; но и отъ хмелю получатъ доходъ хорошій, также и отъ яблонь, когда ихъ привьютъ хорошимъ родомъ; а прививать немудрено, и всякій хозяинъ научиться можетъ, увидѣвъ разъ, какъ прививаютъ весною черенкомъ, а лѣтомъ почкою. Н. Мордвиновъ.

30 Августа 1816. С. Петербургъ.

7.

Села Пушкина и деревень Нагаевой и Высокой бурмистру Ульяну Саватѣеву.

Я уже далъ вамъ письменное наставленіе, чтобы пьяницъ и буяновъ не пущать на мірскія сходки.

А дабы и на мірскихъ сходкахъ былъ соблюденъ порядокъ и благочиніе, то предписываю: на мірскихъ сходкахъ ставить столъ, за которымъ садиться тебѣ бурмистру и 12 присяжнымъ старикамъ.

Собравшимся на сходку подходить къ столу по одному и говорить по одному, а другимъ слушать.

Говорить дозволяется хозяевамъ семействъ и тѣмъ только, кои не ходятъ въ кабакъ.

Когда всѣ по одиночкѣ переговорятъ, то приговоръ дѣлать тебѣ бурмистру съ 12-ю стариками присяжными, по большинству голосовъ. Когда же голосовъ ровное число, то рѣшить по мнѣнію тѣхъ, съ коими бурмистръ соглашается.

Крестьянъ Кузьму Матвѣева и Устина Ѳедотова, о коихъ ты доносишь, что ведутъ распутную жизнь и возмущаютъ крестьянъ, отдайте не въ зачетъ въ рекруты; а если не годятся въ рекруты, то отдайте мѣсяца на два въ городъ въ смирительный домъ; если же и за симъ не исправятся, то дайте мнѣ знать. Между тѣмъ не допущайте ихъ на мірскія сходки и въ контору на цѣлый годъ, послѣ коего должны они дать двухъ порукъ, что впредь они будутъ поступать трезво и покорно.

Повѣрить уравненіе земли въ поляхъ я согласенъ. Повѣрка должна состоять въ томъ, чтобы каждая десятина была ровная, что́ каждой хозяинъ самъ можетъ сдѣлать; по числу же тяголъ въ каждой деревнѣ легко можно уровнять число десятинъ и оброкъ сбирать съ земли по числу десятинъ, каждою семьею содержимыхъ.

Прилагаю здѣсь списокъ тѣхъ, кои раздѣлились, что́ отъ меня воспрещено было и кои оказались въ буянствѣ, коихъ перевести въ деревню Надежду на Иргизъ. Перевести ихъ такъ, чтобы они могли скорѣе учредить на Иргизѣ свое хозяйство, а потому дать имъ засѣять яровое поле на прежней ихъ землѣ.

Надежинскіе крестьяне жалуются на васъ, что вы обижаете ихъ въ рекрутской раскладкѣ, что́ вамъ строго запрещаю. Вы сихъ переведенныхъ и прежде обижали оброкомъ, собирая съ нихъ ровный оброкъ, когда землею ихъ обижали; по таковой вашей обидѣ я и принужденъ былъ купить для нихъ землю и вывести ихъ отъ васъ. Отъ вывода же ихъ вы получили великія выгоды, а они отъ переселенія много изнуренія получили. Не должно обижать никого, а должно другъ другу помогать; вы же имъ никакой помощи не оказали, а получили они всю помощь отъ меня. Многіе изъ нихъ потеряли лошадей своихъ и болѣе еще обѣдняли. Все сіе должно вамъ уважать и никакъ ихъ не утѣснять.

Какъ Кузьма Матвѣевъ и Устинъ Ѳедотовъ находятся въ спискѣ назначаемыхъ къ переселенію, то объявите имъ, что если они не исправятся на новомъ переселеніи, то съ ними тяжко будетъ поступлено.

Выполняй строго данныя мною предписанія, но поступай со всѣми по совѣсти и правдѣ. Когда же будешь поступать праведно, то всѣ тебя будутъ почитать, и не долженъ ты никого бояться. Н. Мордвиновъ.

24 Маія 1817. С. Петербургъ.

8.

Земскому Якову Сергѣеву.

Я очень радъ, что ты стараешься о разведеніи картофеля и что обѣщаешь нынѣшнею весною засадить цѣлую десятину. Я желалъ бы, чтобы всѣ крестьяне послѣдовали твоему примѣру, и яровое ваше поле было бы покрыто болѣе картофелемъ, нежели овсомъ, гречихою. Одна десятина подъ картофелемъ дастъ вамъ болѣе прибыли, нежели десять десятинъ подъ какимъ бы то ни было хлѣбомъ.

Когда вы научитесь хорошенько какъ обходиться съ картофелемъ, опашкою и содержаніемъ въ чистотѣ, то на десятинѣ должно снимать по 400 четвертей. Тогда, если четверть продадите или на кормъ употребите и получите по два рубли съ полтиною, то десятина дастъ вамъ доходу тысячу рублей.

Когда употребляете на кормъ, то чтобы бо́льшее число скота онымъ откормить, должно давать въ кормъ варенымъ, потому что всякая вареная пища скорѣе откармливаетъ, и въ кормъ класть нѣсколько соли.

Чтобы варка картофеля недорого стоила, дровами и посудою, то должно варить ихъ паромъ, что́ дѣлается симъ образомъ.

Должно взять бочку величиною по количеству корма, употребляемаго въ сутки и которая бы закрывалась плотно, и вмазать въ печурку котелокъ съ плотною крышкою, изъ коей бы выходила трубка для пару, и трубку сію впустить въ ту бочку. Тогда паръ, входя въ бочку, наполненную картофелемъ, въ короткое время сваритъ ихъ лучше, нежели еслибъ они варились въ водѣ.

Чтобы употребленіе корма было еще хозяйственнѣе, то́ скотъ, покупаемый вами для откормленія, долженъ быть избираемъ тотъ, у котораго спина плоская и ребра круглыя. Чѣмъ у всякой скотины и птицы спина и хребетъ площе и ребра круглѣе, тѣмъ таковая скотина менѣе ѣстъ, но скорѣе жирѣетъ; чѣмъ же хребетъ острѣе и ребра прямѣе подъ брюхо, для тѣхъ болѣе корму потребно. Всѣ острокостные и толстокостные бываютъ великіе обжоры и съ трудомъ тучнѣютъ.

Какъ же не всегда можно купить хорошій родъ скота, для прибыльнѣйшаго откормленія ихъ: то я совѣтую тебѣ, когда достанешь борова и свиней съ плоскимъ хребтомъ и круглыми ребрами, оставить у себя для приплоду и имѣть свой заводъ.

Если у тебя будетъ хорошій урожай кортофелю, то я дозволяю тебѣ взять изъ моихъ денегъ тысячу рублей, для покупки скота, на откормленіе онаго, которые ты мнѣ заплатишь по продажѣ скота.

Я полагаю, что у васъ можетъ быть выгодно откармливать индѣекъ, которыя въ продажѣ зимою у васъ дороги.

Индѣекъ должно своихъ завести, и чтобы циплята ихъ не мерли, то должно давать имъ каждый день по одному зерну перцу и не выпущать ихъ на дворъ въ сырую погоду. Отъ сырой погоды они обыкновенно занемогаютъ и умираютъ.

Для завода же индѣекъ избери тѣхъ, у коихъ кости маленькіе и спинки гладенькія. Таковыя скорѣе откармливаются и жирнѣе бываютъ.

О рекрутскихъ квитанціяхъ я не знаю что́ дѣлать. Настаютъ великія затрудненія въ зачетѣ ихъ. Должно прежде зачесть за мою вотчину, той губерніи, гдѣ квитанція куплена, и

потомъ уже передать на деревню мою другой губерніи.

Воспы я къ вамъ пришлю, но присылочная изъ дальныхъ мѣстъ не скоро принимается.

О вносѣ денегъ за недоданныхъ рекрутовъ разрѣшено, если деньги скоро внесены будутъ.

Н. Мордвиновъ.

24 Маія 1817.
С. Петербургъ.

Для откормленія свиней собирай также желудей, которыхъ можешь на зиму высушить въ печи, и потомъ распаривать вмѣстѣ съ картофелемъ или особо. Ими хорошо докармливать скотъ, чтобы жиръ былъ крѣпче.

9.

Села Пушкина бурмистру Ульяну Саватѣеву съ старшинами.

При письмѣ вашемъ отъ 26 Октября получено мною за вторую половину сего года оброчныхъ денегъ девять тысячъ руб., о чемъ васъ увѣдомляю.

Я удивляюсь, что картофель у васъ худо урождается; на вашей землѣ вы должны снимать съ десятины четвертей по 400. Я, будучи въ Пензѣ, снялъ съ десятины 320 четвертей. Если у васъ худо родится, то сіе должно происходить отъ того, что вы или поздно оную садите, или глубоко при посадкѣ зарываете въ землю, не опахиваете какъ должно и не полете дурную траву. Должно садить рано весною, опахивать въ первый разъ, когда она вершка на 3 выдетъ изъ земли, оставя у нея только верха открытыми, и въ началѣ лѣта опахать съ обѣихъ сторонъ раза три, траву же дикую по рядамъ чисто выпалывать.

Опахивать должно сохой, снявъ съ нея палицу, дабы земля на обѣ стороны разваливалась и покрывала въ одно время по обѣимъ сторонамъ рядовъ.

Картофель не требуетъ жирной, навозной земли; она будетъ у васъ родиться на всякой полевой землѣ. Здѣсь на тощей, песчаной землѣ, съ малымъ удобреніемъ обогащаетъ колонистовъ, которые не сѣютъ почти хлѣба, а имѣютъ поля покрытыя картофелемъ; и я знаю одного колониста, который нынѣшнюю осень продалъ съ нѣсколькихъ своихъ десятинъ картофелю на 18 тысячъ рублей.

Н. Мордвиновъ.

20 Ноября 1817
С. Петербургъ.

10.

Села Пушкина бурмистру Алексѣю Степанову и земскому Якову Сергѣеву.

Ктиторъ церковный проситъ объясненія моего, что́ я разумѣю въ словахъ моихъ, что я не мѣшаюсь въ рекрутскую очередную повинность. Я разумѣю то, что она должна быть наблюдаема со всею справедливостью для всѣхъ крестьянъ моихъ вообще, и что сія справедливость можетъ быть соблюдена токмо міромъ; а я, будучи въ отсутствіи, не могу точно ее опредѣлять. Бурмистру же, земскому и старикамъ должно наблюдать, чтобы при мірскихъ сходкахъ никто не былъ обиженъ, и справедливость каждому была оказана.

Я предписываю вамъ наистрожайше, чтобы всѣ бойни изъ дворовъ вынесены были немедленно; а естли у коихъ онѣ еще не вынесены, то печки въ оныхъ изломать и разобрать ихъ тотъ часъ по полученіи сего повелѣнія.

Переулки между домами повторяю еще, чтобы засаждены были; потому что во время пожара деревья сохра-

нить могутъ отъ сообщенія онаго сосѣдямъ.

Земскому Сергѣеву дозволяю вырубить лѣсу въ дачахъ моихъ для постройки бойни.

О успѣхахъ въ прививкѣ оспы увѣдомьте меня. Всѣмъ ли она была счастлива? Впредь же повторяю, чтобы ежегодно всѣмъ новорожденнымъ она безъ упущенія прививаема была. Естли вы любите вашихъ дѣтей, желаете ихъ сохранить, а не быть причиною ихъ смерти, то сіе приказаніе исполняйте въ точности. Отъ прививной оспы рѣдко умираетъ одинъ изо ста; а отъ наносной умираетъ часто болѣе половины, и которые остаются живыми, бываютъ обезображены и часто отъ хворости послѣ умираютъ.

Узнайте между вами, нѣтъ ли охотниковъ переселиться въ Уфинскую губернію, гдѣ я имѣю великое пространство земли, большіе лѣса всякаго роду, много рѣкъ рыбныхъ, земля черноземъ, луговъ много и всякихъ угодьевъ. Всей земли 25 тысячъ десятинъ. Стоитъ только переѣхать, и тамъ скоро крестьянинъ можетъ разбогатѣть. Они возмогутъ тамъ завести кромѣ пашни великое число скота, и кормить себя и дѣтей своихъ во время постовъ самою лучшею рыбою. Постарайтесь уговорить семей хотя двадцать. Домà и все чтò нужно для строенія могутъ избрать какой лѣсъ пожелаютъ: тамъ есть и сосновой, и липовой лѣсъ преогромный. Переселившимся лушче будетъ, нежели въ Пушкинѣ. Стоитъ только труда переѣхать. Но разъ переѣхавши, будутъ они тамъ наслаждаться всѣми выгодами, каковыхъ они не имѣютъ въ Пушкинѣ и Нагаевѣ. Хотя земли у васъ и достаточно, но вы не можете разбогатѣть отъ скотоводства, и рѣкѝ большой рыбной у васъ нѣтъ; а на землѣ же моей въ Уфинской губерніи находятся всѣ угодья въ великомъ изобиліи, все чтò нужно сдѣлать крестьянина богатымъ.

Н. Мордвиновъ.

С. Петербургъ.
20 Апрѣля 1821 года.

11.

Села Пушкина бурмистру Алексѣю Степанову и земскому Якову Сергѣеву.

При письмѣ вашемъ отъ 23 Декабря получено мною оброчныхъ за вторую половину 1821 года девять тысячъ рублей, о чемъ даю вамъ знать.

Переведенные въ Саратовскую губернію Хвалынскаго уѣзда въ деревню Надежду крестьяне по сіе время не приходятъ въ хорошее состояніе, и я не знаю тому причины, отъ собственнаго ли ихъ нерадѣнія въ хозяйствѣ, или отъ невыгоднаго положенія деревни, или отъ недостатка угодьевъ земли. Какая бы то ни была причина, нужно однако оную узнать. Почему предписываю земскому Якову Сергѣеву съѣздить въ ту деревню и войти въ подробное изслѣдованіе и дознаніе причины истинной ихъ неустройства. Между тѣмъ я намѣренъ часть изъ нихъ перевести въ Уфинскую губернію, гдѣ я имѣю болѣе 20 тысячъ десятинъ земли. Земля черноземъ, лѣсовъ множество всякаго роду, чернаго и краснаго; нѣсколько протекаетъ черезъ оную рѣкъ, съ самою лучшею рыбою, стерлядями, осетрами и прочими разными рыбами; земля богатая всякими угодьями, на которой поселяне могли бы скоро разбогатѣть и быть счастливыми. Хотя крестьяне не любятъ переселяться,

но лучше разъ принять сей трудъ и быть на всегда счастливыми, нежели томиться и мучиться въ бѣдности на землѣ бѣдной, безлѣсной. По сему уваженію я рѣшился изъ деревни Надежды нѣсколько семей перевести на ту Уфинскую мою землю. Для чего земскій Сергѣевъ, будучи въ Надеждѣ, долженъ избрать тѣхъ изъ крестьянъ, кои съ лучшею удобностью могутъ быть переведены; но какъ на Уфинской землѣ моей нѣтъ никакого построенія, то прежде переселенія должно послать человѣкъ десять для постройки избъ, посѣва озими и накошенія сѣна, по примѣру какъ я переводилъ изъ Пушкина въ Надежду: не вдругъ, но по маленьку, и по мѣрѣ устроенія жилищъ и приготовленія для переселенцевъ нужнаго на зиму. Сей переводъ я препоручаю земскому Сергѣеву. Десять человѣкъ способныхъ къ постройкѣ домовъ отправить весною съ лошадьми и повозками. Землю же ихъ въ Надеждѣ должно запахать и засѣять міромъ. Земля моя находится въ Бирскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Таныпѣ, близь рѣки Бѣлой. Какъ округа земли моей очень велики, то должно оную хорошенько осмотрѣть и избрать самое лучшее и выгоднѣйшее мѣсто для селенія; пахатной земли, то есть безлѣсной, не такъ много, и должно будетъ начальное поселеніе близь оной помѣстить, дабы скорѣе за пахоту приняться. Я буду ожидать отъ земскаго донесенія, что онъ усмотритъ въ деревнѣ Надеждѣ, и какія мѣры для переселенія почтетъ онъ нужными принять. Для осмотру Надежды теперешнее зимнее время я почитаю удобнѣйшимъ.

Н. Мордвиновъ.

8 Генваря 1822.
С. Петербургъ.

12.

Села Пушкина бурмистру Алексѣю Степанову съ избранными старшинами.

Съ крайнимъ сожалѣніемъ увѣдомился я о случившемся у васъ пожарѣ и сгорѣвшихъ 58 дворахъ. Я даю дозволеніе по сему числу дворовъ вырубить потребное число бревенъ. Дворы ставьте какъ можно далѣе одинъ отъ другаго. Отъ меня предписано вамъ было засадить деревьями пустыя мѣста, которыя остались послѣ выведенныхъ изъ деревни вашей въ Саратовъ. Естли бы были деревья между вашими дворами, то бы не послѣдовало съ вами такого большаго несчастія. Естли погорѣлъ домъ земскаго, который теперь въ отлучкѣ, то міромъ вырубите и для него лѣсу. Пожарнаго инструменту надѣлайте побольше въ каждой изъ трехъ деревень и содержите ихъ въ исправности. Естли на мѣстахъ, съ коихъ выведены были крестьяне, кто застроилъ, то наистрожайше запрещаю возобновлять построеніе, и должны тѣ мѣста быть засажены деревьями.

Деревня Нагаева стоитъ на одномъ ряду, отъ чего можетъ послѣдовать, что если при пожарѣ случится вѣтеръ вдоль деревни, то вся она можетъ сгорѣть; почему нужно поставить сгорѣвшіе дома въ два ряда, а между ими улицу, которая была бы не менѣе тридцати сажень. У васъ земли достаточно, и вы можете расширить деревню вашу. Когда вы разъ сгорѣли, то и впредь можете горѣть; а потому и нужно воспользоваться постигшимъ васъ несчастіемъ и выстроиться такъ, чтобы вы были безопасны одинъ отъ другаго.

Н. Мордвиновъ.

С. Петербургъ. 18 Августа 1823.

13.

Села Пушкина земскому Якову Безпалову.

При письмѣ твоемъ отъ 20 Генваря получено мною четыре тысячи рублей, при другомъ отъ 4-го Февраля получено двѣ тысячи рублей; и того шесть тысячъ рублей.

Очень хорошо сдѣлали, что не прислали сюда двухъ отъ крестьянъ повѣренныхъ, когда тоже самое могли сдѣлать посредствомъ письма.

Я готовъ помогать крестьянамъ моимъ, но и они должны разсуждать, что безъ доходовъ мнѣ жить невозможно, и что съ Пушкинскихъ и двухъ другихъ деревень по покупкѣ я ничего въ оброкѣ не прибавилъ; но напротивъ того купилъ еще въ Саратовѣ землю, бѣдныхъ на оную перевелъ, а землю ихъ отдалъ въ раздѣлъ зажиточнѣйшимъ крестьянамъ. Худые урожаи не вѣкъ свой будутъ; можетъ быть, въ нынѣшнемъ году и будетъ хорошій урожай. По просьбѣ ихъ я уступаю за прошедшій годъ три тысячи рублей; но надѣюсь, что при хорошихъ урожаяхъ они мнѣ за то вознаградятъ. Объяви имъ о сей моей уступкѣ.

Оброкъ долженъ быть раздѣленъ не по душамъ, но по количеству земли, каждымъ семействомъ владѣемой. Если же земли не уровнены, то должно ихъ уровнять между всѣми крестьянами Пушкина, Нагаева и Высокой.

Когда же по числу душъ земли недостаточно, то я дозволяю переселяться на Тапыпскія земли.

Когда ты имѣешь копіи съ крѣпостей на оба владѣнія мои Тапыпскія, то въ тѣхъ крѣпостяхъ обѣимъ частямъ окружныя границы означены обстоятельно.

О планѣ и межевыхъ книгахъ, отосланныхъ въ Московскую Межевую Канцелярію въ 1819 году, я уже писалъ въ Москву; но еще повторю о доставленіи съ нихъ копіи.

Нѣтъ большой обиды крестьянамъ, что они твою полосу уберутъ; но чтобы не было тебѣ изъяну въ хозяйствѣ твоемъ, то я назначаю за твои труды по Оренбургской моей землѣ по три ста рублей въ годъ, которые ты и ставь на мой счетъ изъ денегъ, въ распоряженіе твое отпущаемыхъ.

Н. Мордвиновъ.

С. Петербургъ.
4 Марта 1827.

14.

Села Пушкина бурмистру Ивану Иванову.

Многіе изъ крестьянъ моихъ содержатъ пчельники и получаютъ доходъ отъ меду; но медъ ихъ худаго качества отъ того, что не знаютъ, какъ должно обходиться съ пчелами. Одинъ изъ помѣщиковъ завелъ у себя школу для обученія крестьянъ пчеловодству. Желая, чтобы крестьяне мои воспользовались таковымъ ученіемъ и могли бы потомъ и всѣхъ другихъ крестьянъ научить, какъ получать болѣе меду и воску и какъ собирать медъ самаго лучшаго качества, который продается за дорогую цѣну, я предписываю избрать изъ тѣхъ семействъ, которыя содержатъ пчелъ, молодаго человѣка, смышленнаго и добраго поведеніемъ, и отправить къ помѣщику Петру Ивановичу Прокоповичу, въ село его Митченки, близь мѣстечка Батурина.

За наученіе его, которое продолжается два года, господинъ Прокоповичъ требуетъ 300 рублей, и съ тѣмъ, чтобы всѣ деньги присланы были съ посылаемымъ къ нему человѣкомъ.

Для пользы моихъ крестьянъ я соглашаюсь издержать сіи 300 р. изъ

моихъ собственныхъ доходовъ, которые изъ оброчныхъ моихъ отправь.

Сверхъ денегъ онъ долженъ имѣть полное одѣяніе и обувь, которая должна состоять: изъ 6 рубашекъ, 4 шараваръ, 6 подштанниковъ, 2 паръ сапогъ, 2 паръ товару на головы, шапки, шляпы, пояса, тулупа, полушубка, чекменя, куртки, пары рукавицъ, топора, лопаты, садовый ножъ простой работы, 16 аршинъ толстаго хрящу для тюфяка и одѣяла.

По отправленіи увѣдомить меня, кого вы отправите, изъ какой семьи, сколькихъ онъ лѣтъ и какое число.

Н. Мордвиновъ.

С. Петербургъ.
12 Августа 1828.

Рачительно поступи въ выборѣ назначеннаго въ ученіе мальчика; онъ долженъ быть здоровый, проворный, понятный и прилежный, дабы денегъ за ученіе напрасно не потерять.

По полученному мною письму отъ господина Прокоповича, онъ пишетъ ко мнѣ, чтобы учениковъ прислать къ нему къ 1-му Сентября.

15.

Села Пушкина и деревень Нагаевой и Высокой крестьянамъ моимъ.

Приказъ.

Не будучи на мѣстѣ, я не могу знать, кто правъ и кто виноватъ изъ тѣхъ, которые ко мнѣ пишутъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ просятъ о смѣнѣ бурмистра Ивана Иванова за его безпорядки; другіе его оправдываютъ и увѣдомляютъ меня, что пьяные и горланы не хотятъ имѣть его бурмистромъ.

Дабы удостовѣриться въ истинѣ полученныхъ мною донесеній, предписываю:

1) Сдѣлать не мірскую сходку, на которую приходятъ всѣ крестьяне, но составить оную изъ отцовъ, старшихъ въ семействахъ, по одному изъ каждаго дома.

2) На оной сходкѣ не должны быть никто иной, кромѣ сихъ старшихъ, по одному изъ дома.

3) Бурмистру Ивану Иванову не быть на сходкѣ.

4) Собравшись сіи старшіе семействъ должны: первое, опредѣлить, долженъ ли быть смѣненъ бурмистръ Иванъ Ивановъ; второе, если долженъ быть смѣненъ, то кого на мѣсто его должно бурмистромъ постановить.

5) При разрѣшеніи обоихъ сихъ постановленій, никто не долженъ инаго сказать, какъ только по первому: должно или не должно смѣнять; по второму вопросу, никто инаго не долженъ говорить, какъ только наименовать того изъ крестьянъ, котораго удостоиваетъ въ бурмистры, и за него отвѣчаетъ во всѣхъ его поступкахъ и усердномъ исправленіи должности его.

6) На сей сходкѣ быть старшимъ тому, кто старѣе лѣтами другихъ. Онъ долженъ исполнить въ точности здѣсь предписываемое: каждаго особо спрашивать и отбирать голоса. Ему, старшему лѣтами, должны всѣ прочіе повиноваться.

7) Строго запрещается на сей сходкѣ: не говорить и не кричать, но только отвѣчать на предписанные здѣсь два вопроса.

8) Сію сходку сдѣлать въ воскресный день, по выходѣ изъ церкви, дабы, помолясь Богу, каждый поступилъ по совѣсти и правдѣ.

9) Если по первому вопросу будетъ большинствомъ голосовъ положено смѣнить Ивана Иванова: то кто по второму вопросу получитъ болѣе

голосовъ, того постановить бурмистромъ; о имени его меня увѣдомить и прислать ко мнѣ весь приговоръ.

10) Кто будетъ старшимъ при сей сходкѣ, о имени и лѣтахъ его меня увѣдомить.

11) Земскому записывать голоса каждаго отвѣчающаго на вопросы, которому, по собраніи всѣхъ голосовъ, прочитать въ слухъ, кто что отвѣчалъ.

12) По смѣнѣ бурмистра на той же сходкѣ избрать 12 присяжныхъ старшинъ, для общаго съ бурмистромъ управленія, имена коихъ прислать ко мнѣ.

13) По смѣнѣ Ивана Иванова сосчитать его во всѣхъ приходахъ и расходахъ денегъ.

Для точнаго исполненія написаннаго здѣсь посылаю сей приказъ.

На случай открытія у васъ болѣзни холеры, посылаю наставленіе, какъ отъ оной беречься и какъ себя лечить.

Н. Мордвиновъ.

С. Петербургъ
Августа 1831 года.

16.

Села Пушкина бурмистру Евдокиму Ефимову.

Я увѣдомился, что у васъ между крестьянами происходятъ великіе безпорядки, что пьяницы, горланы и буйные люди вышли изъ повиновенія и завладѣли мірскими сходками. Таковое растройство предписываю тебѣ немедленно остановить; а для того приказываю:

1) На мірскія сходки не допущать тѣхъ изъ крестьянъ, которые ходятъ въ кабакъ.

2) На мірскихъ сходкахъ не начинать совѣщанія, доколѣ не будутъ высланы всѣ тѣ, которые посѣщаютъ кабаки, которые худо вносятъ поземельныя подати и за коими есть недоимки господскаго оброка; также и тѣхъ, которые на сходкахъ кричатъ и бранятся.

3) Крестьянъ, замѣченныхъ въ худыхъ поступкахъ, кои не радѣютъ о семействѣ и хозяйствѣ своемъ, отдавать не въ очередь въ рекруты.

4) Стараться очистить село Пушкино и деревни отъ всѣхъ дурнаго поведенія крестьянъ.

5) Просить Казенную Палату о выводѣ кабака изъ селенія.

6) Объявить крестьянамъ, что естли они не исправятся, то на ихъ счетъ я пришлю къ нимъ управителя.

По исполненіи всего здѣсь предписаннаго, увѣдомь меня, въ какомъ состояніи будутъ находиться крестьяне.

Н. Мордвиновъ.

С. Петербургъ
2-го Апрѣля 1834.

При семъ посылаю 4 ланцета и наставленіе о прививаніи оспы.

17.

Села Пушкина бурмистру Мирону Иванову съ старшинами.

На письмо ваше отъ 13 Ноября отвѣчаю.

Естли въ деревнѣ Высокой погорѣвшіе два двора выстроены по данному мною прежде предписанію, на новыхъ мѣстахъ, въ отдаленности отъ другихъ избъ на 20 сажень: то въ такомъ случаѣ оброкъ за 1830 годъ я прощаю; но естли хозяева тѣхъ сгорѣвшихъ дворовъ построили дома свои на прежнихъ пепелищахъ, то оброкъ весь сполна собрать и разложить оный: треть на хозяевъ тѣхъ домовъ, треть на бывшаго бурмистра, дозволившаго строить на мѣстахъ мною воспрещенныхъ и треть на всѣхъ деревни Высокой крестьянъ, за то что они допустили таковое на старомъ мѣстѣ построеніе, отъ чего при новомъ пожарѣ и вся деревня

подвержена опасности, что̀ ты въ точности долженъ исполнить и увѣдомить меня, гдѣ выстроены вновь погорѣвшіе дома.

Наступаетъ Декабрь мѣсяцъ, а оброкъ я отъ тебя еще не получаю, что̀ означаетъ нерадѣніе твое въ сборѣ оного.

Естли же вы не приведете весь отчетъ въ ясность и не положите на мѣрѣ, какъ очистить всю сію недоимку, то я принужденъ буду прислать отсюда нарочнаго человѣка, на вашъ счетъ, расходъ чего долженъ быть взысканъ половину съ тебя бурмистра и старшинъ, а другую половину съ крестьянъ.

При семъ прилагаю полную выписку изъ приходной моей книги.

Строго тебѣ предписываю, чтобы положенный оброкъ ежегодно предъ истеченіемъ года очищаемъ былъ исправно, за что ты бурмистръ и старшины отвѣчать должны изъ вашихъ имуществъ. Н. Мордвиновъ.

С-Петербургъ Ноября 28 дня. 1834.

АНЕКДОТЪ О ПУШКИНѢ.

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ЯЗЫКОВА [1]).

Явился г. Ульяниновъ [2]) съ маленькою дочкою. Онъ былъ веселъ и разговорчивъ. „Во время холеры (разсказывалъ онъ между прочимъ) мнѣ порученъ былъ надзоръ за всѣми заставами со стороны Пензенской и Симбирской губерній. А. С. Пушкинъ въ это самое время, будучи женихомъ, находился въ помѣстьѣ отца своего, селѣ Болдинѣ“.

„Я отношусь къ нему учтиво̀, предлагая принять самую легкую должность. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, что, не будучи помѣщикомъ здѣшней губерніи, онъ не обязанъ принимать должность. Я опять пишу къ нему и прилагаю министерское распоряженіе, по коему никто не могъ отказываться отъ выполненія должностей. И за тѣмъ онъ не согласился и просилъ меня выдать ему свидѣтельство на проѣздъ въ Москву. Я отвѣчалъ, что, за невыполненіемъ первыхъ моихъ отношеній, свидѣтельства выдать не могу. Онъ отправился такъ, на удалую; но во Владимірской губерніи былъ остановленъ и возвратился назадъ въ Болдино“.

„Между тѣмъ въ Лукояновъ пріѣхалъ министръ [3]) и былъ чрезвычайно доволенъ всѣми моими распоряженіями. „Нѣтъ ли у васъ изъ дворянъ такихъ, кои уклонялись бы отъ должностей?„ — „Всѣ дѣйствовали усердно, за исключеніемъ нашего стихотворца А. С. Пушкина.“—„Какъ онъ смѣлъ это сдѣлать? Покажите мнѣ всю вашу переписку съ нимъ.“ Въ слѣдствіе этого Пушкинъ получилъ строгое предписаніе министра и принялъ должность“.

Г. Ульяниновъ утверждалъ, что Пушкинъ, проѣздомъ черезъ Нижній-Новгородъ, выпустилъ на него стихи съ припѣвомъ: „притѣснитель, губитель, предводитель!“ и прибавилъ: „Позднѣе, въ бытность мою въ Петербургѣ, я познакомился съ Пушкинымъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ онъ подошелъ ко мнѣ, говоря: „Кажется, это вы меня такъ притѣснили во время холеры?“

---

[1]) Сообщено М. П. Погодинымъ, получившимъ эти строки отъ брата автора, недавно умершаго Александра Михайловича Языкова. *П. Б.*

[2]) Бывшій Лукояновской уѣздный предводитель дворянства, умершій за границею въ 1840-мъ году

[3]) Графъ А. А. Закревскій.

УРОКИ ИСТОРІИ *.

II.

МНИМЫЕ ОХРАНИТЕЛИ.

Разнаго рода страхи, навѣваемые на наше общество революціонными движеніями Западной Европы, съ особою наглядностію проявились послѣ событій 1848 и 1849 г. г. Начались усиленныя, чрезвычайныя мѣры предосторожности въ видахъ спасенія существующаго порядка, хотя никакая сколько нибудь серьёзная опасность не угрожала этому порядку. Можно ли, напримѣръ, придавать какое нибудь серьёзное значеніе кружку молодыхъ людей, извѣстному подъ именемъ Петрашевцевъ? Подобные кружки, предоставленные самимъ себѣ, обыкновенно кончались распаденіемъ и приходили къ сознанію своей полной ничтожности. Но, захваченные въ моментъ своей отрицательной, не скажу дѣятельности, а точнѣе болтливости, они съ помощью разныхъ сближеній и преувеличеній получали нѣкоторое значеніе въ глазахъ общества и обыкновенно вызывали чрезвычайныя мѣры. Замѣчательно, что въ подобныхъ призракахъ никогда не было недостатка въ тѣ минуты, когда общество настроивалось на извѣстный ладъ, и по всей вѣроятности они не истощатся до тѣхъ поръ, пока подобное настроеніе будетъ возобновляться. Явленіе это почти періодически повторялось у насъ со второй половины прошлаго столѣтія, т. е. прогрессивное и возвратное направленіе почти періодически смѣняли другъ друга. Даже эпоха, отличавшаяся по преимуществу охранительнымъ характеромъ, имѣла свой возвратный періодъ, наступившій послѣ Февральской революціи въ Парижѣ: до такой степени общество наше было наклонно преувеличивать вліяніе на насъ западно-европейскихъ движеній. Печать и школа служили обыкновенно главнымъ поприщемъ, на которомъ упражнялось возвратное направленіе.

По уставу 1828 года, въ программѣ нашихъ гимназій видное мѣсто получило преподаваніе древнихъ языковъ. Особенно въ теченіе семнадцатилѣтней министерской дѣятельности графа Уварова, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ людей Россіи, программа эта успѣла мало по малу привиться къ нашему общественному воспитанію, и даже начала приносить свои благія послѣдствія, которыя отразились преимущественно въ сферѣ государственной службы, науки и литературы. (Не забудемъ, что въ этотъ именно періодъ получило свое образованіе большинство дѣятелей, съ помощію которыхъ проводились реформы настоящаго царствованія). Наступало время, когда классическій элементъ могъ быть усиленъ въ школахъ, не производя никакихъ потрясеній въ нашей учебной системѣ, какъ вдругъ вмѣсто усиленія онъ подвергся чрезвычайному ослабленію. Съ 1849 г. началось ограниченіе древнихъ языковъ; а вскорѣ потомъ Греческій языкъ былъ почти совсѣмъ исключенъ изъ гимназической программы. И этотъ ударъ, нанесенный классическому элементу, не имѣлъ никакой другой цѣли кромѣ того отдаленнаго соображенія, по которому древніе языки являлись опасными для общественнаго порядка: ибо классическій міръ былъ по преимуществу міръ республиканскій. Выше мы говорили объ отношеніи этого вопроса къ различнымъ Европейскимъ народамъ. Ограниченіе древнихъ языковъ въ системѣ преподаванія не можетъ служить къ достиженію помянутой цѣли уже потому, что знакомство съ классическимъ міромъ давно начало распространяться въ Русскомъ обществѣ при помощи многочисленныхъ переводовъ изъ Греческихъ и Римскихъ писателей и особенно при помощи многихъ иностранныхъ сочиненій, касавшихся древности. Мы говорили о томъ, что главнымъ средствомъ противъ ложныхъ представленій и выводовъ въ этомъ отношеніи должно служить не ограниченіе, а на оборотъ основательное знакомство какъ съ древними языками, такъ и съ античнымъ міромъ вообще. Но въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ

---

* См. выше, стр. 0549.

годовъ Русское общество было далеко отъ сознанія этой истины. Какъ бы то ни было, сильный ударъ былъ нанесенъ нашему среднему образованію, а вмѣстѣ съ нимъ и образованію высшему, для котораго первое должно служить необходимою подготовкою. Прошло уже болѣе 20 лѣтъ съ того времени; а ударъ этотъ произвелъ такое замѣшательство въ Русской учебной системѣ, отъ котораго мы и доселѣ никакъ не можемъ оправиться. Подобное явленіе подтверждаетъ ту истину, что нерѣдко мѣры, принимаемыя въ видахъ охранительныхъ, ведутъ прямо къ противоположнымъ результатамъ. На мѣсто древнихъ языковъ, какъ извѣстно, въ нашихъ школахъ поставлено было естествовѣдѣніе, долженствовавшее служить противоядіемъ тлетворнымъ политическимъ идеямъ. Да, въ теченіе послѣдняго столѣтія Русской исторіи много было принесено жертвъ, чтобы отвратить распространеніе этихъ идей; а между тѣмъ ихъ призракъ, время отъ времени, возникаетъ съ новою силою и будетъ вліять до тѣхъ поръ, пока общество не начнетъ мужественно и прямо смотрѣть ему въ лицо, т. е. пока общественное мнѣніе не перестанетъ предаваться мрачной подозрительности, робости и крайнимъ преувеличеніямъ; пока не научится различать опасности серьёзныя отъ скоропреходящихъ, причины дѣйствующія постоянно отъ явленій, навѣваемыхъ модою и страстью къ подражанію. (Извѣстно, что на идеи и тенденціи также бываетъ временная мода, какъ и на все другое; напрасно крайнія идеи называютъ иногда новымъ ученіемъ: онѣ стары какъ міръ, т. е. какъ человѣческое общество, и послѣднее однако отъ нихъ не разрушается). Противъ всѣхъ подобныхъ золъ главное средство есть солидное образованіе и вообще многостороннее внутреннее развитіе; а между тѣмъ именно это-то средство до сихъ поръ у насъ и не испытано.

Мы сказали, что общество Русское было далеко отъ правильнаго взгляда на значеніе классическаго элемента въ системѣ школьнаго образованія. Слова эти относятся къ общественной массѣ; но въ средѣ ея былъ кружекъ просвѣщенныхъ людей, которые понимали значеніе этого элемента, скорбѣли о его ослабленіи и предвидѣли вредныя послѣдствія. Представителемъ такого кружка явился одинъ изъ профессоровъ Московскаго университета, покойный Т. Н. Грановскій, который и составилъ извѣстную записку о классическомъ элементѣ въ преподаваніи. Эта отрадная личность конечно слишкомъ извѣстна нашему поколѣнію, чтобы о ней распространяться; ограничимся нѣсколькими словами. На чемъ главнымъ образомъ основывалось обаяніе Грановскаго? Онъ былъ чрезвычайно даровитъ, владѣлъ словомъ, былъ преданъ научнымъ и общественнымъ интересамъ. Но встрѣчаются иногда люди, которые въ той или другой степени имѣютъ эти качества и однако не пользуются большимъ моральнымъ вліяніемъ; они даже не всегда возбуждаютъ къ себѣ симпатіи со стороны своихъ современниковъ. Дѣло въ томъ, что съ упомянутыми качествами онъ соединялъ въ высшей степени благородный характеръ. Это одинъ изъ тѣхъ ровныхъ, свѣтлыхъ характеровъ, которые не способны ни къ какимъ превращеніямъ, ни къ какимъ крупнымъ сдѣлкамъ съ своими убѣжденіями, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ высшее Европейское образованіе и Европейская наука сами по себѣ служили цѣлью, а не средствомъ для достиженія какихъ либо постороннихъ цѣлей. Просвѣщенный, гуманный взглядъ на человѣческое общество и на всѣ его явленія обыкновенно становится второю натурою подобныхъ людей. Ихъ отличительная черта—это голубиная кротость въ соединеніи съ непреклонною твердостію относительно основныхъ своихъ убѣжденій. Подобные люди съ прискорбіемъ смотрятъ на явленія ненормальныя; при случаѣ они высказываютъ свое прискорбіе, но безъ желчи и безъ бурныхъ порывовъ негодованія. Такіе люди не способны склоняться передъ скоропреходящимъ духомъ времени и измѣнять своему направленію, своему гуманному, просвѣщенному взгляду: къ этому не въ

состояніи побудить ихъ никакая чечевичная похлёбка (а послѣдняя, какъ извѣстно, можетъ принимать весьма разнообразныя формы). Можно смѣло сказать, что нравственный уровень всякой среды опредѣляется бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ подобныхъ характеровъ. Таланты, знанія, энергія—все это нерѣдко встрѣчается въ нашемъ обществѣ; но характеры, стойкіе характеры, соединенные съ просвѣщеннымъ взглядомъ—вотъ въ чемъ мы особенно нуждаемся.

Извѣстно, что Грановскій не пользовался большимъ сочувствіемъ въ сферахъ вліятельныхъ; мало того, онъ былъ даже предметомъ несовсѣмъ лестнаго вниманія, а особенно въ тотъ ультра-охранительный періодъ, который наступилъ послѣ 1848 года. Его считали едвали не крайнимъ либераломъ, и служебное положеніе его было довольно шаткое; но такова обаятельная сила подобныхъ характеровъ: открытый, ровный, благородный образъ дѣйствія сдерживалъ и самихъ недоброжелателей. Въ виду этихъ отношеній, упомянутая записка о классическомъ элементѣ получаетъ особый интересъ. Человѣкъ, въ которомъ подозрѣвали чуть ли не революціонное направленіе, является въ той запискѣ поборникомъ консервативныхъ началъ, но поборникомъ умѣреннымъ, гуманнымъ и разсудительнымъ. Да инымъ не могъ и быть человѣкъ, горячо преданный исторической наукѣ, углублявшійся въ прошедшее и вникавшій въ событія современныя. Это именно та наука, которая умѣряетъ обѣ крайности: она равно противодѣйствуетъ какъ застою и направленію возвратному, такъ и стремленію революціонному; она научаетъ цѣнить движеніе прогрессивное,но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма постепенное. Вотъ почему обыкновенно ни радикалы, ни реакціонеры не жалуютъ добросовѣстныхъ, серьезныхъ отношеній къ этой наукѣ.

Съ замѣчательной ясностью и послѣдовательностію Грановскій развилъ въ своей запискѣ борьбу между классическимъ и реальнымъ направленіемъ въ западно-европейской школѣ и указалъ всю неосновательность нападокъ на древніе языки. Извѣстно, что ихъ обвиняли въ распространеніи опасныхъ идей о республиканской свободѣ. „Вліяніе античныхъ политическихъ теорій—отвѣчаетъ на это авторъ записки—могло быть опасно при незнакомствѣ съ исторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или по крайней мѣрѣ грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны.“ Онъ указалъ также на односторонность и излишнюю самоувѣренность реальнаго направленія; это направленіе исходило отъ ложно понятаго изрѣченія non scholae, sed vitae discendum (надобно учиться не для школы, а для жизни). Реалисты думали, что школа должна сообщить молодому человѣку какъ можно болѣе разнородныхъ свѣдѣній, имѣющихъ непосредственное приложеніе къ практической дѣятельности; тогда какъ (объясняетъ авторъ) идеалъ средняго заведенія есть приготовленіе воспитанника къ жизни „не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей“. Грановскій возставалъ собственно противъ рѣшительнаго преобладанія естественныхъ наукъ въ воспитаніи: „какъ всякая односторонность, оно вредно и опасно“. Это преобладаніе обыкновенно вело къ матеріальному направленію; тогда какъ „не о единомъ хлѣбѣ сытъ человѣкъ“. „Задача педагогіи состоитъ въ равномѣрномъ (гармоничномъ) развитіи всѣхъ способностей учащагося, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой“. Но—прибавляетъ онъ—„сохрани насъ Богъ отъ намѣренія заподозрѣвать въ дурномъ какую либо науку. Наукъ вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ“. Однако между ними школа должна дѣлать строгій выборъ. Здравая педагогія, „ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію, какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія“. Записку свою, составленную лѣтомъ 1855 года, Грановскій представилъ А. С. Норову, незадолго вступив-

шему въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Послѣдній вообще показалъ много вниманія къ Грановскому и пригласилъ его въ Петербургъ для совѣщанія объ учебныхъ вопросахъ. Означенная записка составлена профессоромъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Она оставалась неизвѣстною публикѣ до 1861 года, когда впервыя была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Тутъ Русское общество наглядно могло убѣдиться въ томъ, что человѣкъ, который во время ультра-охранительнаго періода считался едва не радикаломъ, ратовалъ за истинно-охранительныя начала; а противники его своими внушеніями, направленными противъ классической школы, якобы враждебной существующему порядку, произвели только смуту и потрясенія въ такомъ великомъ дѣлѣ какъ общественное образованіе.

Когда наступила самая блистательная эпоха Русской исторіи, т. е. эпоха нашего внутренняго обновленія, въ числѣ другихъ государственныхъ вопросовъ сталъ на очереди и вопросъ о Европейской общеобразовательной школѣ. Уже въ 1856 г. министерство народнаго просвѣщенія поручило ученому комитету главнаго правленія училищъ пересмотрѣть уставъ 1828 года. Въ 1860 году былъ готовъ проектъ новаго устава и напечатанъ для предварительнаго обсужденія его литературою. За тѣмъ онъ подвергся разнымъ передѣлкамъ. Исторія должна будетъ отдать справедливость лицамъ, стоявшимъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія въ началѣ 60-хъ годовъ: они пошли къ рѣшенію вопроса путемъ его всесторонняго разсмотрѣнія. Проектъ былъ сообщенъ для замѣчаній педагогическимъ совѣтамъ гимназій, совѣтамъ университетовъ и кромѣ того многимъ лицамъ, которые могли быть компетентны въ этомъ вопросѣ. Даже обратились за совѣтами къ иностраннымъ педагогамъ и ученымъ. Памятникомъ дѣятельности по данному вопросу служитъ большая масса матеріала, напечатанная въ особомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: Замѣчанія на проэктъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ изданіи, посреди разнообразныхъ и нерѣдко весьма поверхностныхъ сужденій, разсыпано множество болѣе или менѣе дѣльныхъ замѣчаній почти по всѣмъ отраслямъ учебно-воспитательнаго дѣла. Собранный матеріалъ впрочемъ едвали имѣлъ время подвергнуться тщательной разработкѣ. Новый проектъ устава средне-учебныхъ заведеній былъ утвержденъ въ 1864 году. Уставъ этотъ имѣлъ свои несомнѣнныя достоинства, и представлялъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предыдущею эпохою. Но въ немъ былъ важный недостатокъ, именно недостатокъ руководящей идеи, которая была бы доведена до надлежащей степени ясности и служила бы исходнымъ пунктомъ для всей системы; типы классической и реальной школы не выступали съ достаточной полнотою и опредѣленностію. Впрочемъ составители устава ссылались на то, что они имѣли въ виду избѣжать крайняго направленія въ ту или другую сторону и что время постепенно могло уяснять и исправлять недостатки ихъ системы.

Между тѣмъ нѣкоторая часть Русской печати начала возвышать голосъ въ пользу водворенія Европейской школы, построенной на рѣшительномъ господствѣ древнихъ языковъ. Логика и энергія, съ которыми въ началѣ проводилась эта мысль, обратили на себя общее вниманіе и нашли себѣ не мало сочувствія. Это сочувствіе безспорно должно было потомъ усилиться и распространиться, если бы означенная печать продолжала болѣе и болѣе разъяснять вопросъ и обработывать разныя его стороны, не останавливаясь постоянно на одной и той же формулѣ (на концентраціи и гимнастикѣ ума); а главное, еслибы она не поспѣшила связать учебный вопросъ съ тѣми эфемерными явленіями, о которыхъ мы уже говорили. Безъ сомнѣнія, въ различныхъ выходкахъ молодежи отражался недостатокъ солидной школы; но тутъ еще болѣе вліяло стеченіе разныхъ другихъ обстоятельствъ. Мы уже говорили, что переходъ къ новымъ, болѣе прогресивнымъ порядкамъ (въ особенно-

сти послѣ періода ультра-охранительнаго) нигдѣ не обходится безъ нѣкоторыхъ аномалій, безъ ошибокъ и жертвъ; но все это не существенно и скоропреходяще. Исторія показываетъ намъ, что не слѣдуетъ преувеличивать значеніе подобныхъ явленій и приписывать имъ серьёзную опасность для общественнаго порядка. Поэтому та часть Русской интеллигенціи, которая сочувствовала водворенію классической школы, съ недоумѣніемъ смотрѣла, какъ публицисты, бывшіе дотолѣ поборниками прогресса, въ борьбѣ съ противнымъ (реальнымъ) направленіемъ все болѣе и болѣе уклонялись отъ прямой, основательной разработки вопроса на скользкую дорогу впечатлѣній дня и временныхъ политическихъ интересовъ. Классическая школа не успѣла еще освободиться отъ обвиненій въ своемъ якобы революціонномъ направленіи, какъ поборники этой школы принялись увѣрять, что въ древнихъ языкахъ только и заключается спасеніе отъ всѣхъ опасностей, грозящихъ обществу со стороны тлетворныхъ ученій. Однимъ словомъ, водвореніе этихъ языковъ они пытались связать съ такимъ способомъ дѣйствія, который не имѣетъ ничего общаго съ Европейскою школою; мало по малу они сбились на столь знакомую дорогу, по которой издавна слѣдовали у насъ противники внутренняго прогресса. Съ обычною своею настойчивостью эти публицисты начали дѣйствовать на туже чувствительную струну нашего общества, на которой съ успѣхомъ упражнялись ихъ предшественники въ дѣлѣ запугиванія. Не мы конечно будемъ отрицать обязанность передовыхъ дѣятелей стоять на стражѣ, чтобы охранять общество отъ вліянія вредныхъ ученій. Но для этого, какъ мы уже замѣтили, надобно мужественно и прямо смотрѣть имъ въ лицо, а не создавать разнаго рода призраки. Солидная Европейская школа сама по себѣ есть главное средство для борьбы съ вредными вліяніями. Но возможно ли ея процвѣтаніе основывать на искуственно-возбуждаемой паникѣ, т. е. на томъ же способѣ дѣйствія, который употребляли противники этой школы послѣ 1848 года? Согласно ли было съ требованіями здравой политики и здравой педагогіи придавать ей оттѣнокъ какой-то чрезвычайной, осадной мѣры? Вмѣсто возможно спокойнаго обсужденія и разносторонняго изученія, вопросъ объ этой школѣ сдѣлался предметомъ жгучей и весьма односторонней полемики; при чемъ нетерпѣливый, раздраженный тонъ, сопровождаемый всякаго рода ядовитыми намеками и замѣчаніями, конечно немного способствовалъ уясненію этого вопроса и возбужденію сочувствія со стороны Русской публики. Здѣсь-то и выразилась та разница между защитою Европейской школы въ упомянутой запискѣ историка и образомъ дѣйствія его преемниковъ по этому вопросу.

Означенному тону соотвѣтствовала и самая система доказательствъ. Историкъ утверждалъ, и совершенно справедливо, что наукъ вредныхъ нѣтъ, что вопросъ только заключается въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразнаго научнаго матеріала для школы. А теперь мы узнали, что напротивъ науки раздѣляются на полезныя и вредныя. За тѣмъ чуть ли не всякое современное событіе, внутреннее, или внѣшнее, начало разсматриваться со стороны его отношенія къ древнимъ языкамъ, хотябы оно въ дѣйствительности не имѣло къ нимъ никакого отношенія. Дошло до того, что погромъ Франціи и блистательное торжество надъ нею Германіи объяснялись по преимуществу вліяніемъ древнихъ языковъ, которыми въ послѣднее время Нѣмцы занимались основательнѣе, чѣмъ Французы. А между тѣмъ каждому образованному человѣку должны бы быть извѣстны многоразличныя причины упадка Франціи и возвышенія Германіи, причины, имѣющія мало общаго съ преподаваніемъ древнихъ языковъ. Какимъ образомъ публицисты, претендующіе на объясненіе великихъ событій, не знали того, что поднятію національнаго духа у Нѣмцевъ болѣе всего способствовало именно не классическое, а романтическое направленіе, возобладавшее съ конца XVIII и начала XIX вѣка, т. е. со времени

униженія, претерпѣннаго ими отъ Французовъ? Послѣдовавшая за тѣмъ эпоха въ исторіи Германской образованности ознаменована по преимуществу обращеніемъ къ своей старинѣ и необыкновенно дѣятельнымъ ея изученіемъ. Извѣстно, что Пруссія шестьдесятъ лѣтъ готовилась къ послѣдней борьбѣ и развивала по возможности всѣ стороны своей общественной жизни, всѣ силы (и умственныя, и физическія) своего народа. Она заботилась о широкомъ распространеніи образованія до самыхъ низшихъ его слоевъ, при чемъ давно уже оставила политику колебанія и подозрительности. И въ Пруссіи мы находимъ ультра-консервативную публицистику; но это публицистика традиціонная, представляющая извѣстную партію, т. е. извѣстные интересы; она имѣла свое значеніе въ общей системѣ разнообразныхъ органовъ. Она уже не опасна для послѣдовательнаго, спокойнаго развитія общественной жизни тамъ, гдѣ существуютъ другіе еще болѣе могущественные органы для выраженія разнообразныхъ интересовъ и потребностей государственныхъ. Тамъ уже давно прекратилась возможность основывать свое личное возвышеніе на устрашеніи общества призраками опасныхъ ученій. Пруссіи, и по близкому сосѣдству съ центрами подобныхъ ученій, и по ея политико-экономическому состоянію, уже приходится начинать съ ними дѣятельную борьбу; но ея передовые люди предпочитаютъ вести эту борьбу съ помощію свѣта и широко распространеннаго образованія, а не съ помощію ядовитыхъ внушеній и искусственно-нагоняемой паники *.

Упомянутыя натяжки и искаженія въ пользу классической школы, натяжки, въ которыхъ она совсѣмъ не нуждалась для доказательства своей полезности, а главное, искуственная связь съ возвратнымъ направленіемъ, какъ мы сказали, поставили вопросъ объ этой школѣ въ несовсѣмъ нормальныя отношенія къ общественному мнѣнію и не могли возбудить къ этому вопросу того сочувствія, котораго онъ заслуживалъ и въ которомъ безспорно нуждался для своего удовлетворительнаго разрѣшенія. Публицистика не пропускала ни одного явленія, сколько нибудь касающагося молодежи, чтобы не связать его съ вопросомъ о школѣ, а вмѣстѣ и съ призраками грозящихъ намъ опасностей. Особенно усердно эксплуатировала она нѣкоторые прискорбные случаи, толкуя ихъ чуть не исключительно вліяніемъ школы, хотя подобные случаи передъ нашими глазами совершались и въ странахъ, гдѣ классическое образованіе издавна господствуетъ. Вообще она много вредила вопросу своею неумѣренностію и тѣмъ рвеніемъ, которое не знаетъ терпимости, а слѣдовательно отзывается фанатизмомъ. Дѣло воспитанія и фанатизмъ! Гуманная классическая школа и возвратное движеніе съ проповѣдью репрессивныхъ мѣръ! Педагогія и до крайности раздражительное самолюбіе! Что̀

* По отношенію къ вопросамъ внѣшней политики любопытно между прочимъ отношеніе нашей ультраохранительной публицистики къ той знаменательной борьбѣ, которая возникла между Прусскою государственною сферою съ одной стороны и католическимъ ультрамонтанствомъ съ другой: она неодобрительно смотритъ на эту борьбу. Бываютъ столкновенія, уклоняться отъ которыхъ иногда невозможно безъ ущерба для наиболѣе существенныхъ интересовъ общества. Католицизмъ и папство конечно имѣли свое великое значеніе въ исторіи Европейской цивилизаціи. Но извѣстно также, что духовенство католическое, считающее своимъ непосредственнымъ главою папу, нерѣдко являлось въ исторіи элементомъ враждебнымъ государственному началу. Германія въ своемъ стремленіи къ болѣе полному внутреннему объединенію не можетъ избѣжать борьбы съ ультрамонтанами, и надобно отдать справедливость государственнымъ людямъ Пруссіи, что они повидимому понимаютъ все серьёзное значеніе предпринятой борьбы и всю ея трудность; отсюда ихъ осторожность и постепенность. Вообще это борьба долгая и по всей вѣроятности не разъ будетъ возобновляться, прежде нежели придетъ къ конечнымъ результатамъ. Исторія показываетъ намъ замѣчательную живучесть папства и вообще католицизма; но съ другой стороны государственное начало и идея церковной эманципаціи отъ папскихъ притязаній также работаютъ постоянно. А потому наши quasi-охранительные публицисты могли-бы не безпокоиться за исходъ помянутой борьбы. Интересны вообще ихъ притязанія на Европейское значеніе именно въ то время, когда они уклонились отъ Европейскаго образа дѣйствія и когда органъ ихъ пересталъ быть представителемъ Русской интеллигентной сферы.

можетъ быть неестественнѣе связи этихъ явленій? И къ чему обыкновенно сводилась вся эта бурная агитація? Къ тому, чтобы завоевать нѣсколько лишнихъ часовъ на древніе языки. „Да намъ необходимо еще приготовить учителей,“ возражали сторонники постепенности. „Это ничего не значитъ — отвѣчали противники,—мы ихъ выпишемъ“. И такъ—толковали они — назначимъ самое большое число часовъ, призовемъ учителей изъ Австріи, и у насъ произойдетъ нѣчто въ родѣ Возрожденія наукъ и искусствъ. Помнится, даже назначенъ былъ десятилѣтній срокъ до начала этой эпохи возрожденія. Какое простое и вмѣстѣ легкое отношеніе къ дѣлу! Какое невѣдѣніе историческихъ законовъ развитія, между тѣмъ какъ условія Русскаго общества въ этомъ отношеніи требовали именно осторожности и постепенности. Извѣстно, что на Западѣ классическая школа развилась въ связи съ церковью, орудіемъ которой былъ языкъ Латинскій. Эта школа развилась и укрѣпилась тамъ въ теченіи многихъ столѣтій; она внѣдрилась въ самую жизнь и срослась съ нею, такъ сказать, органически. У насъ не было этого условія. Тѣмъ не менѣе мы нисколько не должны сожалѣть о томъ, что языкъ нашей церкви былъ родственный Славянскій, а не Латинскій или Греческій. Доказательствомъ тому служитъ покойная Рѣчь Посполитая, въ которой Латинскій языкъ былъ языкомъ церкви, господствовалъ въ школахъ и даже былъ разговорнымъ языкомъ шляхты. Это обстоятельство однако не отвратило паденія Польской націи. Интересно, напримѣръ, слѣдить за дипломатическими сношеніями Россіи и Польши въ XVII вѣкѣ. Какими варварами считались тогда наши Московскіе бояре, не имѣвшіе понятія о древнихъ языкахъ, въ сравненіи съ Польскими панами, изящно выражавшимися полатынѣ и побывавшими въ Европейскихъ университетахъ! А между тѣмъ въ вопросахъ государственной важности эти паны нерѣдко оказывались дѣтьми въ сравненіи съ Московскими варварами. Слѣдовательно древніе языки еще не играютъ главной роли въ судьбѣ государствъ и народовъ. Отсюда конечно не слѣдуетъ дѣлать какого либо вывода, неблагопріятнаго для классической школы: если мы желаемъ сдѣлаться вполнѣ Европейцами, то непремѣнно должны усвоить себѣ эту школу. Но исторія не можетъ раздѣлять увлеченій публицистики; она должна напоминать послѣдней, что несоблюденіе мѣры обыкновенно вело не къ искомымъ результатамъ, а на оборотъ иногда ихъ отдаляло.

По отношенію къ нашему обществу вопросъ о языкахъ не такъ простъ, какъ это казалось означенной публицистикѣ. До сихъ поръ Русское общество училось болѣе новымъ языкамъ чѣмъ древнимъ, и при его подражательныхъ отношеніяхъ къ Западу это было совершенно естественно. Но теперь безспорно настало время болѣе самостоятельнаго развитія своей образованности и бо́льшаго сближенія съ самыми источниками Европейской цивилизаціи. Однако можемъ ли мы въ настоящее время уже пренебречь изученіемъ новыхъ языковъ? Не думаю; по крайней мѣрѣ рѣзкій переходъ въ этомъ отношеніи былъ бы опытомъ довольно рискованнымъ. А тамъ есть и другіе предметы, которые тоже предъявляютъ свои неоспоримыя права гражданства въ системѣ общаго образованія. Слѣдовательно, удовлетворительная организація этого образованія требовала тщательнаго и разносторонняго обсужденія. Въ основу его конечно должны быть поставлены древніе языки; но количествомъ часовъ этотъ вопросъ еще далеко не разрѣшается (и тѣмъ болѣе, что публицистика, налегавшая на количество, до сихъ поръ оставляла въ сторонѣ вопросъ о качествѣ). Мы говорили о нашей неподготовленности къ усвоенію классическихъ языковъ. Отъ этой неподготовленности происходитъ конечно и трудность ихъ изученія, а отъ этой трудности и неохота. Но побороть эту неохоту можно только помощью послѣдовательной, твердой и вмѣстѣ гуманной системы, а никакъ не посредствомъ того террора, который означенная публицистика стремилась внести

въ учебное дѣло. Неужели униженіе другихъ предметовъ и другихъ преподавателей сравнительно съ преподавателями древнихъ языковъ, погромъ того или другаго заведенія, наличный составъ котораго заподозрѣнъ въ недостаточномъ уваженіи, не скажу къ классическому элементу, а собственно къ публицистамъ его проповѣдующимъ, и т. п. пріемы суть наилучшія средства къ распространенію классическаго духа въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ? Это по отношенію къ преподавателямъ; а по отношенію къ дѣтямъ, вѣрно ли понято нашими публицистами значеніе концентраціи и гимнастики ума, о которыхъ они такъ много толковали? Въ этомъ отношеніи мы только и слышали реторическія разсужденія, что тутъ не можетъ быть мѣры, что чѣмъ больше тѣмъ лучше, такъ что и отведеннаго новымъ уставомъ времени на эту концентрацію по ихъ мнѣнію все еще мало. Этотъ недостатокъ чувства мѣры, повторяемъ, служилъ однимъ изъ важныхъ препятствій къ тому, чтобы вызвать общественное сочувствіе въ данномъ вопросѣ. Мы не поборники многопредметности и вообще работы не по силамъ. Напротивъ, мы думаемъ, что общественная школа (и не у насъ однихъ) большею частію страдаетъ недостаткомъ осмотрительности при обремененіи работой. Отъ этого происходитъ обыкновенное слѣдующее явленіе. Большинство учениковъ, будучи не въ силахъ побороть трудности, начинаетъ мало по малу отставать и постепенно выбываетъ изъ заведенія еще за долго до окончанія курса. Меньшинство же, т. е. наиболѣе способные и усердные, съ помощью большаго умственнаго напряженія, успѣваютъ одолѣть курсъ и дойти до его окончанія; но это напряженіе не осталось безъ слѣда: оно было сдѣлано на счетъ будущей способности къ работѣ, т. е. на счетъ нервной системы, разстройствомъ которой такъ страдаютъ наши поколѣнія. *

Русскій народъ—а слѣдовательно и Русское юношество—безспорно одинъ изъ самыхъ даровитыхъ въ мірѣ; онъ владѣетъ замѣчательною способностію воспріятія; но оттого никакъ не слѣдуетъ злоупотреблять этою способностію. Сильно ошибаются тѣ педагоги, которые думаютъ, что достаточно учебные пріемы вполнѣ, до мелочей, взять отъ одного народа и перенести на другой, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ. У каждаго народа есть свой типъ, свои условія, которыхъ никакъ нельзя упускать изъ виду. Въ настоящей статьѣ мы только напоминаемъ объ этой сторонѣ педагогическаго дѣла, которая сама по себѣ требуетъ особаго вниманія. Чтó же касается до упомянутой концентраціи учебнаго курса надъ формами древнихъ языковъ, то она не только не можетъ быть безгранична, а на оборотъ, вопросъ главнымъ образомъ заключался въ той степени, до которой она должна простираться при данномъ курсѣ. Конечно счастливыя и богато одаренныя натуры все преодолѣютъ и разовьются, вопреки неблагопріятнымъ условіямъ; но общественные курсы должны быть разсчитаны на средній уровень способностей, т. е. на огромное большинство. По этому другіе учебные предметы, входящіе въ програму классической школы, получаютъ важное значеніе. Гармонія или соразмѣрность въ ихъ распредѣленіи, а также характеръ ихъ преподаванія играютъ весьма видную роль въ умственномъ развитіи молодаго поколѣнія, въ его подготовкѣ и къ жизни, и къ высшему образованію. Все это такія

---

* По этому поводу предлагаемъ обратить вниманіе общественной педагогіи также и на наши женскія учебныя заведенія, гдѣ подобное обстоятельство еще чувствительнѣе: дѣвочки обыкновенно серьезнѣе и прилежнѣе мальчиковъ, а между тѣмъ организмъ ихъ слабѣе. Вообще ощущается потребность въ томъ, чтобы существующіе для того органы дѣйствительно регулировали занятія учениковъ и учеництъ, т. е. наблюдали бы за возможно-цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ работы и сдерживали бы увлеченіе нѣкоторыхъ педагоговъ, въ особенности еще молодыхъ и неопытныхъ. Разумѣется, наблюденіе за такимъ щекотливымъ дѣломъ должно быть деликатное и дружеское; ему долженъ помогать конечно и педагогическій совѣтъ всякаго заведенія.

истины, которыя не должны подлежать и вопросу; а между тѣмъ приходится о нихъ напоминать въ виду той крайности и односторонности, которую публицистика пыталась внести въ наше воспитательное дѣло. По поводу односторонне понимаемой концентраціи и гимнастики ума, для примѣра, укажемъ на господствовавшую доселѣ учебную систему въ нашемъ Еврейскомъ населеніи. Образованіе его сосредоточено на изученіи древнееврейскаго языка и тонкостей Талмуда. Упражняясь надъ этими предметами, Еврейскій умъ достигаетъ замѣчательной гибкости и изворотливости. Мы однако не желали бы для нашего юношества такихъ же результатовъ: доселѣ наше Еврейское населеніе доказало по преимуществу большую способность эксплуататорскую и малую способность къ дѣятельности производительной; очевидно въ его моральномъ развитіи существуютъ значительные пробѣлы. Снова напомнимъ и примѣръ Польской шляхты, умственное развитіе которой, особенно въ Іезуитскихъ школахъ, было сосредоточено надъ языкомъ Латинскимъ; однако результаты также не оказались особенно счастливыми. (Толкованіе нашихъ публицистовъ, что главная сила развитія обусловливается изученіемъ не одного древняго языка, а именно двухъ, и что умственныя способности отъ упражненій надъ формами одного языка отдыхаютъ на формахъ другаго—это толкованіе по меньшей мѣрѣ оригинально).

Не замѣчательное ли, въ самомъ дѣлѣ, явленіе? Люди, которые болѣе всего хлопотали о водвореніи у насъ солидной Европейской школы, они же и постарались придать ей неблаговидный, политическій оттѣнокъ въ глазахъ общества. Они пытались запугать его опасностями отъ т. наз. тлетворныхъ ученій, а въ самомъ дѣлѣ запугивали неумѣренными требованіями и возвратнымъ направленіемъ. Не странно ли: общество, съ покорностію и преданностію встрѣчавшее всесословную воинскую повинность для своихъ дѣтей, съ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ о тѣхъ же дѣтяхъ относилось къ вопросу объ общеевропейской школѣ! И мы не говоримъ о какихъ либо низшихъ слояхъ, которые не въ состояніи оцѣнить пользу Европейскаго образованія. Извѣстно, что нужна была могучая державная воля, чтобы покончить съ этимъ недоумѣніемъ и рѣшить вопросъ въ пользу солидной школы. Исторія отдастъ должную справедливость такой рѣшимости и просвѣщенной заботливости о нашемъ внутреннемъ развитіи; съ этой стороны мы и не могли желать лучшаго оборота дѣлу. Она отдастъ справедливость и тѣмъ государственнымъ людямъ, которые способствовали такому обороту. Въ настоящей замѣткѣ мы желали указать только на тѣ обстоятельства, при которыхъ этотъ вопросъ получилъ свое рѣшеніе, обстоятельства, которыя необходимо имѣть въ виду для оцѣнки дальнѣйшей его судьбы. Повторяемъ, Русское общество совсѣмъ не такъ безтолково, чтобы не могло оцѣнить пользу Европейской школы. Еслибы печать вела это дѣло съ должнымъ тактомъ и благоразуміемъ, то она возбудила бы не только сочувствіе, но и сильное желаніе классическаго образованія. Мы говоримъ тѣмъ съ большею увѣренностію, что время благопріятствовало этому начинанію какъ нельзя лучше. Никогда Русское общество, до самыхъ низшихъ его слоевъ, не ощущало такой потребности просвѣщенія, какъ въ послѣднюю эпоху. Число учебныхъ заведеній, не смотря на постоянное свое возрастаніе, все еще очень далеко отъ возможности удовлетворить этой потребности. Напрасно думаютъ, что всесословная воинская повинность съ ея льготами въ пользу образованія обусловливаетъ столь быстро возрастающій на него запросъ. Это несправедливо и невѣрно хронологически. Сильное стремленіе къ просвѣщенію началось ранѣе, чѣмъ возникъ вопросъ о воинской повинности; оно непосредственно вызвано благими преобразованіями настоящаго царствованія. Можно себѣ представить, какой успѣхъ ожидалъ бы солидную Европейскую школу, еслибы близорукая публицистика не поспѣшила сообщить ей неблаговидный оттѣнокъ. Съ помощью послѣдняго

она также оттолкнула отъ содѣйствія въ этомъ важномъ дѣлѣ значительную часть Русской интеллигенціи.

Будучи сторонниками прогресса послѣдовательнаго, мы и относительно классическаго элемента держались того мнѣнія, что онъ долженъ забирать силу постепенно, дѣйствуя систематически, расчитанно, безъ рѣзкихъ переходовъ и крайностей и подготовляя средства для своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы мы выражали какое либо несочувствіе къ тому объему, въ которомъ онъ осуществился въ настоящее время. Притомъ Боже насъ сохрани относиться безъ должнаго уваженія къ какой либо реформѣ на другой день послѣ ея санкціи. Въ данномъ случаѣ мы можемъ только привѣтствовать ее и желать ей прочнаго успѣха. Но послѣднее желаніе заставляетъ насъ указывать на тѣ внушенія публицистовъ и на ту систему доказательствъ, которымъ никакъ нельзя было сочувствовать. Мы напоминаемъ имъ о необходимости просвѣщеннаго, гуманнаго отношенія къ тому дѣлу, руководить которымъ они претендуютъ. На какихъ законныхъ основаніяхъ возникла эта претензія, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ желали бы ей болѣе Европейскихъ способовъ дѣйствія: ибо отъ послѣднихъ весьма много зависитъ успѣшное выполненіе всякаго благаго начинанія. Можетъ быть нигдѣ личные характеры не оказываютъ такого непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла, какъ въ педагогіи. А потому всякое личное самолюбіе, наклонное къ излишней раздражительности, должно было бы въ такомъ священномъ дѣлѣ себя обуздывать. Далѣе, публицистика, занятая самыми разнообразными и безпрерывно смѣняющимися новостями, живущая интересами и впечатлѣніями дня, обо всемъ разсуждающая и не имѣющая времени изучать что нибудь основательно, вникать, наблюдать, провѣрять, по нашему мнѣнію едвали можетъ быть хорошею руководительницею такой специальной и обширной отрасли, какъ педагогія, которая требуетъ постоянной и всецѣлой сосредоточенности. Чтобы хорошо направлять подобную отрасль общественной жизни, мало одной діалектической способности и ловкости по части устрашенія ложными идеями. Послѣдній пріемъ является обоюдуострымъ, и налегать на него значило поддерживать дѣло воспитанія на скользкой и несвойственной ему политической почвѣ. Если бы, напримѣръ, по прошествіи десятилѣтняго срока, вмѣсто обѣщаннаго возрожденія наукъ и искусствъ, въ средѣ недоучившейся молодежи повторились какія либо неблаговидныя явленія (что́ весьма возможно, особенно если имъ будетъ придаваться все тоже политическое значеніе), то слѣдовательно классическая школа окажется несостоятельною? Стало быть ее опять надобно разгромить какъ послѣ 48 года? Къ сожалѣнію означенная публицистика не разумѣетъ или не желаетъ разумѣть уроковъ исторіи. Пытаясь связать дѣло воспитанія съ своимъ возвратнымъ направленіемъ, она, кажется, совсѣмъ упустила изъ виду, что нашъ авторитетъ не простирается на будущія поколѣнія, и что мы должны дѣйствовать обдуманно и разсудительно, не поддаваясь временному настроенію, если желаемъ прочности своимъ начинаніямъ. Дай Богъ, чтобы впослѣдствіи, когда насъ не будетъ, не пришлось кому нибудь повторить извѣстныя слова: „въ Западной Европѣ все мѣняется, даже самая форма правленія; только школа остается на незыблемыхъ основаніяхъ; а у насъ..." и т. д.

Но что́ говорить о будущихъ поколѣніяхъ. Та именно публицистика, которая изъявляла претензію на руководство въ дѣлѣ воспитанія, въ это же самое время какъ бы сама не признавала священнымъ высшаго авторитета, и легкомысленно пыталась колебать довѣріе къ нему дѣятельною агитаціей противъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе благихъ, наиболѣе свѣтлыхъ дѣяній этого авторитета. И какой нехитрый пріемъ употребляла она доселѣ для этой агитаціи! Она указывала разныя неудачныя стороны нашего быта и отыскивала разные печальные случаи; тогда какъ, при старыхъ, до-реформаціонныхъ, порядкахъ, этихъ

сторонъ и этихъ случаевъ было несравненно болѣе, только онѝ проходились молчаніемъ. Да и вообще, какъ будто человѣческія учрежденія могутъ быть совершенны и въ нихъ нельзя отыскать недостатковъ? Публицисты очевидно не разумѣютъ того, что вся сумма государственныхъ учрежденій имѣетъ для народа гораздо болѣе воспитательное значеніе, чѣмъ школа въ тѣсномъ смыслѣ; но развѣ возможно на основаніи нѣсколькихъ лѣтъ судить о результатахъ этого воспитанія для цѣлаго народа? Если брать въ разсчетъ отдѣльные случаи (которые доказываютъ только необходимость лучшаго надзора и болѣе дѣятельной поддержки), то придется отрицать и пользу желѣзныхъ путей; извѣстны частыя жалобы на нашу желѣзнодорожную неурядицу; поэтому не воротиться ли намъ къ прежнимъ способамъ передвиженія?

Публицистика, предпринявшая подкопы подъ наши улучшенныя учрежденія, усвоила себѣ привычку подъискивать для своихъ доказательствъ, соотвѣтствующіе ея цѣли примѣры изъ быта западноевропейскихъ народовъ, причемъ она проводила иногда параллели совершенно невѣрныя и прибѣгала къ натяжкамъ вопіющимъ. Между прочимъ она обнаружила претензію считать свое направленіе истинно охранительнымъ и ссылаться на примѣръ Англіи. По поводу новыхъ парламентскихъ выборовъ, она увѣряла, будто бы въ Англіи консерваторы „не заботятся охранять безопасность жизни и собственности, а берегутъ и защищаютъ отъ нападокъ учрежденія государственныя“. Во первыхъ, какимъ образомъ вопросъ о безопасности можно отдѣлять отъ государственныхъ учрежденій, когда первѣйшая задача послѣднихъ состоитъ именно въ огражденіи личной и имущественной безопасности, безъ которой невозможенъ нетолько какой либо прогрессъ, но и простой общественный порядокъ? Во вторыхъ, что́ можетъ быть общаго между Торійскою реакціею въ Англіи и нашимъ возвратнымъ направленіемъ? Тори и Виги, т. е. консервативная и прогрессивная партіи, эти два начала присущи жизни всякаго историческаго народа; мало того, вѣчная борьба между этими двумя великими началами и составляетъ его внутреннюю исторію. Еслибы одна партія возобладала исключительно и борьба прекратилась, тогда общество неизбѣжно впало бы въ крайность: оно или подвергнется мертвенному застою, или предастся опасной страсти къ перемѣнамъ. Поэтому-то правительство, которое стоитъ выше всѣхъ партій и представляетъ свой народъ въ совокупности, имѣетъ неоспоримый интересъ поддерживать эти два начала въ равновѣсіи. Каждому образованному человѣку должно быть извѣстно, что Англійскій государственный механизмъ въ этомъ отношеніи уже давно достигъ замѣчательной степени развитія и служитъ образцомъ для государствъ континентальныхъ, часто страдающихъ неровностью своего историческаго движенія. (Выше было замѣчено, что островное положеніе болѣе всего способствовало нормальному развитію Англійскаго общественнаго быта). Мало того, Англія, какъ мы сказали, едвали не близка къ самой границѣ возможнаго въ этомъ отношеніи развитія. Всякая законодательная мѣра, сколько нибудь имѣющая государственную важность, должна проходить тамъ сквозь цѣлую массу согласій и одобреній, прежде нежели получить окончательную санкцію. Тамъ со стороны гражданскихъ правъ едвали что остается желать, и никакая перемѣна министерства въ настоящее время не можетъ угрожать Англійскому Habeas Corpus. Не только какое либо возвратное политическое движеніе, тамъ сдѣлалось затруднительнымъ осуществленіе и такихъ мѣръ, которыя полезны для обновленія экономическихъ условій. Для примѣра напомнимъ хотя вопросъ о хлѣбныхъ законахъ: даже и такая мѣра какъ сбавка пошлины на привозный хлѣбъ, необходимая для бѣдныхъ классовъ, встрѣтила столь сильное сопротивленіе со стороны богатыхъ, что разрѣшеніе этого вопроса сопровождалось волненіемъ, уже грозившимъ спокойствію государства. Печать, разсуждающая о консервативныхъ началахъ, поняла ли хорошо смыслъ послѣдней Торійской реакціи въ Англіи? Передавая газетные толки о разныхъ обстоятель-

ствахъ и вопросахъ, сопровождавшихъ паденіе министерства Виговъ, она въ этихъ-то вопросахъ и видитъ причину самаго паденія. А между тѣмъ настоящее недовольство Вигами, мы думаемъ, коренится глубже. Оно находится въ связи съ послѣдними великими событіями на континентѣ. Англичане продолжаютъ еще увѣрять и себя и другихъ въ своемъ могуществѣ и своей первенствующей роли на земномъ шарѣ. Но инстинктивно они чувствуютъ, что въ этомъ отношеніи совершается переворотъ; что обаяніе ихъ могущества сильно поколеблено; что роль, которую они играли въ послѣднихъ событіяхъ, не особенно почетна; что матеріальные интересы, представителемъ которыхъ служитъ по преимуществу Вигійская партія, слишкомъ возобладали надъ интересами моральными, и что такое преобладаніе осуждаетъ ихъ на своего рода политическій застой. И такъ, по отношенію къ консервативнымъ началамъ въ Англіи различіе между Торіями и Вигами до того ничтожно, что въ настоящее время оно представляетъ только нѣкоторые оттѣнки; въ сущности обѣ эти партіи консервативны и, если что́ угрожаетъ будущему этого народа, то никакъ не Вигійская политика, а скорѣе застой его общественнаго механизма, обусловленный преобладаніемъ частныхъ и меркантильныхъ интересовъ надъ интересами государственными, и въ особенности никакимъ высшимъ авторитетомъ неумѣряемый эгоизмъ плутократіи. Повторяемъ, чтоже можетъ быть общаго между Англійскими Торіями и нашими публицистами, проповѣдующими уже не остановку реформъ, обновившихъ Русскую общественную жизнь и двинувшихъ ее на путь всесторонняго развитія, а ихъ отмѣну и возвращеніе къ порядкамъ прежняго времени?

Публицисты эти очевидно не подозрѣваютъ, что отношенія ихъ къ консервативнымъ началамъ уже измѣнились. Въ послѣднее время истинныхъ консерваторовъ конечно представляетъ у насъ та часть интеллигенціи, которая исполнена признательности къ авторитету, даровавшему намъ улучшенныя учрежденія, которая дорожитъ ихъ сохраненіемъ и желаетъ имъ полнаго примѣненія къ Русской жизни. Эта часть сознаетъ конечно, что многое требуетъ дополненія и исправленія въ подробностяхъ, согласно съ указаніями опыта; но возставать противъ самыхъ началъ, положенныхъ въ основу этихъ учрежденій и требовать коренной ихъ передѣлки—такой способъ дѣйствія, надѣемся, никоимъ образомъ не означаетъ консервативнаго направленія, въ лучшемъ, благородномъ значеніи этого слова. Колебать довѣріе къ высшему авторитету—это не есть охранительное начало. Увы, состояніе нашей цивилизаціи отразилось на публицистикѣ еще нагляднѣе, нежели на чемъ либо другомъ. Въ обществахъ болѣе развитыхъ каждое направленіе имѣетъ свой твердый, опредѣленный органъ печати; разнообразіе ихъ мнѣній, ихъ взаимная борьба поддерживаютъ равновѣсіе этихъ направленій, столь необходимое для основательнаго обсужденія и разъясненія общественныхъ интересовъ. Но гдѣ же (а тѣмъ болѣе въ Англіи) возможно такое явленіе, чтобы одна и таже публицистика такъ быстро и непослѣдовательно мѣняла свои взгляды? Сегодня она гласитъ о необыкновенномъ подъемѣ народнаго духа, а завтра вѣщаетъ, что этотъ народъ находится въ періодѣ чрезвычайнаго моральнаго растлѣнія. Сегодня она находитъ искомое учрежденіе прекраснымъ; а завтра, когда оно осуществится, становится къ нему во враждебныя отношенія. Сегодня заботится о единеніи сословій, а завтра сѣетъ сѣмена разъединенія. То подвизается она за расширеніе гласности, то обнаруживаетъ нетерпимость мнѣній и хлопочетъ о закрытіи гласнаго обсужденія по какому либо общественному вопросу. То изобличаетъ мнимо-охранительныя тенденціи отжившихъ дѣятелей, то идетъ по ихъ слѣдамъ, и т. п.

Относительно борьбы прогрессивныхъ и консервативныхъ стремленій мы имѣемъ любопытные примѣры изъ эпохи императора Александра I. Карамзинъ, какъ извѣстно, явился поборникомъ охранительнаго начала; онъ не сочувствовалъ дѣятельности Сперанскаго. Магницкій, бывшій сотрудникомъ Сперанскаго въ періодъ прогрессивный, впослѣдствіи

перешелъ въ противный лагерь, и сдѣлался также консерваторомъ. Однако какая огромная разница въ консерватизмѣ Карамзина и Магницкаго! Но, какъ бы то ни было, мы сознаемъ себя великимъ историческимъ народомъ, который научился переносить всякія невзгоды. Еще недавно мы пережили эпоху мнимо-либеральныхъ публицистовъ; переживемъ конечно и мнимыхъ охранителей, которые пытаются помѣшать возможно-спокойному, всестороннему развитію и сбить насъ на дорогу колебаній и замѣшательствъ.

Въ предъидущей статьѣ мы говорили, что молодежъ, помимо школьнаго развитія, нуждается въ живыхъ примѣрахъ для подражанія. Къ прискорбію, нельзя сказать, чтобы наша общественная среда, считающая себя передовою, обиловала мужественными, упругими характерами, хорошо развитыми въ гражданскомъ смыслѣ, т. е. готовыми на необходимыя уступки существующимъ условіямъ нашего быта, но неспособными, ради личнаго самолюбія и честолюбія, жертвовать своимъ моральнымъ авторитетомъ. Къ тому же и литературное творчество наше все еще переживаетъ періодъ сильнаго броженія и все еще не можетъ выдти изъ своего обличительнаго характера, слишкомъ въ немъ преобладающаго. Этотъ характеръ, обусловленный неоспоримою временною потребностію, оказалъ обществу свою долю пользы. Но нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время уже чувствуется нѣкоторое пресыщеніе фотографическими снимками съ самыхъ пошлыхъ сторонъ нашего быта и нашихъ мелкихъ обыденныхъ типовъ. Молодое поколѣніе нуждается въ болѣе здоровой духовной пищѣ: ему нужны идеалы. Когда-то Гоголь говорилъ, что литература наша до костей заѣздила хорошаго человѣка. А теперь пришла пора сказать талантливымъ писателямъ: Долго ли еще вы будете питать насъ пошлыми людьми? Дайте намъ хорошаго человѣка!

Д. Иловайскій.

Москва. 19 Февраля 1874.

БЕНИГСЕНЪ.

Списокъ о службѣ генерала отъ кавалеріи графа Бенигсена. Іюля 19-го дня 1816 года.

1773. Королевско-Ганноверской службы изъ подполковниковъ вступилъ въ Россійскую службу преміеръ-маіоромъ съ опредѣленіемъ въ Вятскій мушкатерскій полкъ.

1774. Переведенъ въ Нарвскій мушкатерскій полкъ. Былъ съ онымъ полкомъ въ разныхъ сраженіяхъ противу Турокъ, первоначально въ Малой Валахіи, въ корпусѣ генерала графа Каменскаго, потомъ по ту сторону Дуная въ Булгаріи, наконецъ подъ командою генерала графа Салтыкова въ разныхъ дѣлахъ подъ Рущукомъ и въ передней цѣпи Балканскихъ горъ.

1778. Произведенъ въ подполковники съ опредѣленіемъ въ Кіевскій легко-конный полкъ. Съ Кіевскимъ легко-коннымъ полкомъ командированъ въ корпусъ, долженствовавшій слѣдовать на помощь королю Прусскому Фридриху II.

1783. При занятіи Россійскими войсками полуострова Крымскаго, командированъ съ двумя эскадронами онаго полка изъ Кіева въ Подолію для содержанія кордона по Днѣстру, отъ Каменца-Подольскаго до Могилева.

1787. Произведенъ въ полковники, съ опредѣленіемъ командиромъ Изюмскаго легко-коннаго полка.

1788. Въ открывшуюся въ семъ году противу Турокъ войну, съ командируемымъ мною Изюмскимъ легко-коннымъ полкомъ, слѣдовалъ я въ Бессарабію, гдѣ и былъ при осадѣ крѣпости Очакова.

1790. Когда главнокомандующій князь Потемкинъ-Таврическій съ войсками шелъ къ Киліи и Акерману, оставленъ я былъ съ полкомъ подъ Бендерами для содержанія сообщенія между Бендерами и Акерманомъ.

— Произведенъ въ бригадиры.

1792. Командированъ въ Литву, гдѣ командовалъ летучимъ корпусомъ для прикрытія Бѣлорусскихъ границъ и подкрѣпленія корпусовъ генераловъ Мерлина и Ферзена; потомъ, присоединясь изъ нихъ къ первому, когда слѣдовалъ онъ атаковать непріятеля подъ городомъ Миромъ, гдѣ я, командуя лѣвымъ крыломъ, преслѣдовалъ отдѣлившуюся по дорогѣ къ Слониму непріятельскую кавалерію и, ударивъ на нее въ открытомъ полѣ, не взирая на сильной огонь, обратилъ оную въ бѣгство и гналъ болѣе осьми верстъ. (За этотъ подвигъ получилъ Орденъ Св. Влад. 3-й ст., при грамотѣ отъ 28 Іюня 1792). Послѣ того, находясь въ командѣ генерала Ферзена, былъ при взятіи укрѣпленнаго замка Несвижа и въ дѣлѣ подъ Зельвою, гдѣ, ударивъ на непріятельскую кавалерію, опрокинулъ Польскій легко-конный полкъ принца Виртенберга, сдѣлавъ немалое число плѣнныхъ.

1794. Узнавши, что сильный отрядъ непріятельскій укрѣпился подъ м. Солами, атаковалъ его съ командуемымъ мною отрядомъ и поразивъ его, взялъ множество въ плѣнъ, забравъ притомъ цѣлый его обозъ, за которое дѣло не въ очередь пожалованъ въ генералъ-маіоры.

— Слѣдовавши со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ къ м. Олитѣ и узнавши, что непріятель не въ маломъ числѣ расположился на противномъ берегу, пустился ночнымъ временемъ съ конницею вплавь, посадивъ верхомъ цѣлый баталіонъ егерей, внезапно напалъ на онаго, истребилъ его; за которое дѣло удостоился я получить золотую шпагу, алмазами украшенную, съ надписью: „за храбрость". (24 Сент. 1794).

— Въ дѣлѣ подъ городомъ Вильною и при овладѣніи укрѣпленіями и самимъ симъ городомъ, съ шестью эскадронами Изюмскаго легкаго коннаго полка, сбивъ непріятеля съ батареи и завладѣвъ оною, ударилъ на центръ ихъ пѣхоты и истребилъ войска, оный составлявшія, при чемъ взято непріятельскихъ семь пушекъ; за сіе дѣло удостоился я получить орденъ Св. Георгія 3-го класса (15 Сент. 1794).

За побѣжденія Польскихъ мятежниковъ, скопившихся при Липнишнахъ и Трабахъ, и труды, понесенные въ теченіе всей кампаніи 1794 г., Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й

степ. большаго креста (2 Окт. 1794) и 1080 душъ Минской губ. въ Слуцкомъ уѣздѣ.

1796. Находясь въ Персіи при взятіи гор. Дербента, командуя правымъ крыломъ, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ Св. Анны 1-го класса (4 Іюня 1796).

1797. По старшинству пожалованъ въ генералъ-лейтенанты.

1801. Всемилостивѣйше произведенъ въ генералы отъ кавалеріи.

1805. Ноября 13 дня слѣдовалъ со ввѣренною мнѣ сѣверною арміею чрезъ восточную Пруссію и Силезію; но, прибывъ въ г. Бреславль, получилъ повелѣніе о возвращеніи съ оною обратно въ Россійскія границы.

1806. Командовалъ корпусомъ на Турецкой границѣ; а Октября 23, по Высочайшему повелѣнію, принялъ корпусъ войскъ, командированныхъ на помощь королю Прусскому. Декабря 13 и 14, бывъ атакованъ превосходнымъ числомъ Французскихъ войскъ подъ предводительствомъ Бонапарта при г. Пултускѣ, неоднократно отражалъ сильныя его атаки на мои фланги; а наконецъ, устроивъ самъ атаку на непріятельскій лѣвый флангъ, поразилъ его и опрокинулъ съ большимъ урономъ, за что Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Георгія 2-го класса большаго креста (24 Дек. 1806) и 5000 червонцевъ.

1807. Января 17 дня Высочайше назначенъ главнокомандующимъ арміею, противъ Французовъ дѣйствовавшею.

— Января 22 подъ Янковымъ, 23 подъ Фрауенштадтомъ, 24 подъ Ландсбергомъ, отражалъ непріятельскія нападенія.

— Января 25 и 26, бывъ атакованъ непріятельскою арміею, сдѣлалъ такое супротивленіе, что всѣ его намѣренія остались вовсе уничтоженными; за сіе дѣло удостоился я получить орденъ Св. Андрея Первозваннаго (9 Февр. 1807), и опредѣленныя мнѣ столовыя деньги по 12,000 р. въ годъ Высочайше обращены мнѣ въ пожизненный пенсіонъ.

— Мая 24 дня атаковалъ Французскія войска, подъ командою маршала Нея, около Гутштадта расположенныя; разбилъ его совершенно, положилъ на мѣстѣ до 3,000 и взялъ въ плѣнъ до 2,500 человѣкъ, въ томъ числѣ одного генерала, множество штабъ и оберъ-офицеровъ и весь корпусный обозъ, въ томъ числѣ и маршала Нея.

— Мая 27 дня, бывъ атакованъ въ укрѣпленной позиціи при Гельсбергѣ самимъ Бонапартомъ съ превосходнѣйшимъ числомъ войскъ, дѣлалъ ему сильнѣйшій отпоръ и, сражавшись цѣлый день, принудилъ его къ отступленію на всѣхъ пунктахъ съ значительнымъ урономъ. Сіи дѣла повсемѣстно извѣстны, и произведенная ретирада послѣ неудачнаго Фридляндскаго сраженія побудили Бонапарта не только принять предложенное ему перемиріе, но и съ своей стороны предложить миръ, по которому Россія пріобрѣла Бѣлостокскую область.

1812. Іюня „ “ дня, по случаю составленія арміи противъ вторгнувшихся къ Россійскія границы Французскихъ войскъ, опредѣленъ при Высоч. Особѣ Его Имп. Вели-ва со Всемилост. позволеніемъ ношенія на эполетѣ шифра Его Императорскаго Величества.

— Августа 26 дня, за дѣйствія въ одержанной побѣдѣ надъ непріятельскими силами на поляхъ Бородинскихъ, удостоился получить орденъ Св. Владиміра 1-й степени большаго креста (16 Окт. 1812).

— Октября 6, атаковавъ Французскія войска при Тарутинѣ, подъ командою короля Неаполитанскаго расположившіяся, принудилъ ихъ обратиться въ бѣгство съ потерею убитыхъ до 2,500 человѣкъ и оставленныхъ на мѣстѣ 1 почетнаго штандарта кирасирскаго полка, 38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ, весь обозъ, между коимъ и находился обозъ короля Неаполитанскаго; за что́ Всемил. награжденъ знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго алмазами украшенными (16 Окт. 1812) и единовременно 100,000 рублей.

1813. Октября 1, собравшихся подъ городомъ Донау Французскихъ войскъ подъ командою маршала Сенъ-Сира прогнавъ съ чувствительнымъ для него урономъ, принудилъ его искать своего спасенія въ самомъ гор. Дрезденѣ.

— Октября 6 дня, съ Польскою арміею и двумя Австрійскими корпусами, командовалъ я правымъ крыломъ союзной арміи. Распоряженія мои удостоены Высочайшаго одобренія, въ знакъ коего Его Императорское Величество Всемилостивѣйше благоволилъ пожаловать графское достоинство (29 Дек. 1813).

1813. Октября 7 дня, съ частію командуемой мною Польской арміи, атаковалъ я Лейпцигской форштатъ Гримъ, который по нѣкоторомъ отпорѣ занявъ штурмомъ вошелъ въ городъ Лейпцигъ.

— Декабря мѣсяца блокировалъ гор. Гамбургъ, защищаемый Французскими войсками подъ командою маршала Давуста, до самого окончанія кампаніи.

За всю сію послѣднюю кампанію и одержанныя надъ непріятелемъ побѣды, Всемилостив. пожаловалъ орденомъ Св. Георгія 1-го класса большаго креста (22 Іюня 1814).

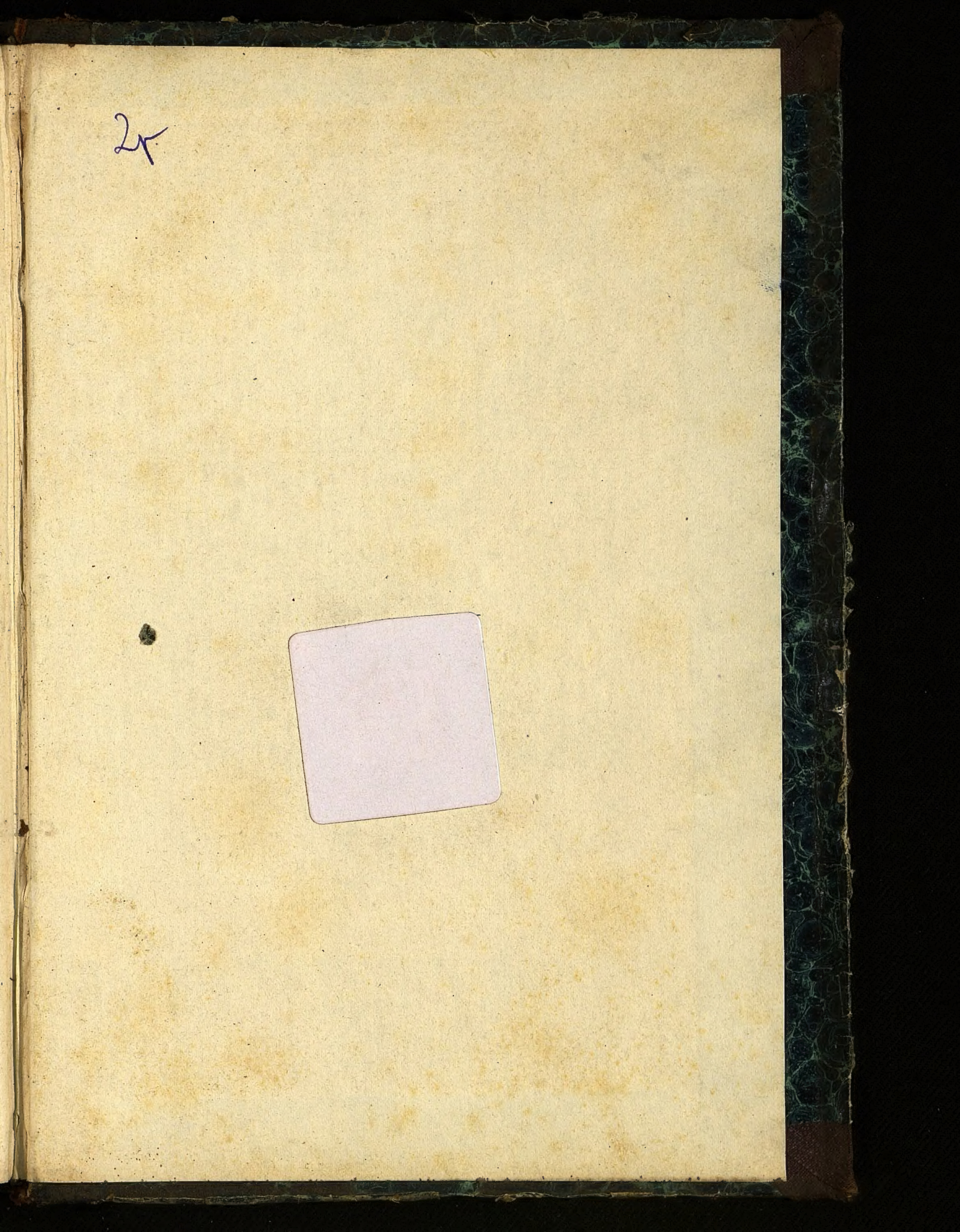
(Подписалъ) генералъ графъ Бенигсенъ.

(Выписано изъ дѣлъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената и сообщено К. А. Б. Л. Р.

РАЗГАДКА ШАРАДЫ.

(См. выше, стр. 490)

СУМА-РОКОВЪ.

2r.

